

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Журнал рецензий № 1(14)/2018

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Члены редакционной коллегии

АКСЕНОВ Владислав Бэнович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, к.и.н., доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ, заместитель директора ИФИ РГГУ по методической работе и историческому образованию (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтлин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам.директора Института славяноведения РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год
ISSN 2409-6105

Издатель

ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
тел. (499) 270 73 00
Заказ № 1346

Дата подписания в печать 30.04.2018

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

9 Я. АССМАНН

Глобализация, универсализм и эрозия культурной памяти. Перевод: Assmann J. Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory // Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories. Edited by Aleida Assmann and Sebastian Conrad. Houndsmills, Basingstoke, UK; New York, NY: Palgrave Macmillan, 2010. P. 121–137.

28

«Россия и Польша в последние годы во многом похожи в своей исторической политике»

Национальная память

41 Е. А. РОСТОВЦЕВ,
Д. А. СОСНИЦКИЙ

Средневековые герои и события отечественной истории в сетевых ресурсах

РАЗМНОЖЕНИЕ ДЕЛЕНИЕМ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРКИ «РОССИЯ МОЯ – ИСТОРИЯ»

59 А. А. СЕЛИН

О выставках в историческом парке «Россия – моя история» в Санкт-Петербурге

78 А. Б. СУСЛОВ

Исторический парк «Россия – моя история» в Перми

82 А. Г. МОСИН

«Моя история» или «Моя мифология»?

93 А. А. ПРОКОПЬЕВ

Другой взгляд на экспозицию в Екатеринбурге. «Россия – моя история»: не так страшен парк, как его малюют

Актуальные проблемы национальной памяти зарубежных стран

103

«Еще в XIX в. польская идентичность была более разнообразной». Интервью с Р. Панковским (Польша)

115

«Почти никто не мыслит эту страну вне интегрированного европейского цивилизационного пространства». Интервью с Я. Шимовым

Хроника исторической политики

131 А. Б. СУСЛОВ

Акценты политиков как вызов для историков. Заметки на полях одного интервью (ФСБ расставляет акценты // Российская газета – Федеральный выпуск № 7454 (288). 20 декабря 2017 г.)

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

137 А.А. РЫБАЛКА

Формулярный список А. И. Сулакадзева. Новые подробности биографии известного библиофила

**РОССИЯ — УКРАИНА: ВОЗМОЖЕН ЛИ
ДИАЛОГ ИСТОРИКОВ ДВУХ СТРАН И ЧТО
ЕМУ МЕШАЕТ?**

156

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обобщающие исследования

174 В.Ю. ДАШЕВСКИЙ

Рец.: Шнирельман В. А. Колено Даново. Эсхатология и антисемитизм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2017, XIV + 617 с.

186 М.В. МЕДОВАРОВ

Большой нарратив истории патриотизма и национализма в России: достижения и проблемы. Рец.: Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). Коллективная монография / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.

196 В.А. СОЛОНАРЬ

Рец.: Jörg Baberowski. Scorched Earth: Stalin's Reign of Terror / translated from the German by Steven Gilbert, Ivo Kompljen, and Samantha Jeanne Taber. New Haven and London: Yale University Press, 2016. 500 p. James Harris. The Great Fear: Stalin's Terror of the 1930s. New York: Oxford University Press, 2016. 205 p.

Мир

207 А.В. СВЕШНИКОВ

Рецепция, диалог культур или «сатанинское евролибидо». Рец.: Булантин Д. М. Жанна Д'Арк в России. Исторический образ между литературой и пропагандой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. 720 с.

Российская империя

212 К.А. ТАРАСОВ

Рец.: Бусырева Е. П. Петропавловская крепость в дни революции 1917 года. СПб.: ГМИ СПб, 2017. 164 с.

219 В.В. МАКСАКОВ

Заметки о новой книге по теории феодализма в русской историографии

233 Т.В. МЕДВЕДЕВА

Записки о путешествующих. Рец.: Батшев М. В. Рейнские земли глазами русских путешественников в конце XVIII – первой половине XIX века. Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2016. 132 с.

СССР

- 238 **А. С. ГЛАДЫШЕВА** *Новый взгляд на советско-польское экономическое сотрудничество в 1944–1957 гг. Рец.: А. М. Орехов. Очерки истории экономических отношений СССР и ПНР (1944–1957 гг.). М.: Индрик, 2017*
- 247 **Д. И. ИВАНОВ** *Рец.: Политические репрессии и сопротивление тоталитарному режиму в Петрозаводе-Ленинграде. 1917–1991: Справочник / авт.-сост. А. Д. Марголис. СПб.: Серебряный век, 2016. 475 с.*

ОСТОРОЖНО: ХАЛТУРА!

- 253 **И. А. ПРОНИНА** *Рец.: Дронов И. Е. Александр III и его эпоха. М.: Академический проект, 2016.*

КАЗУС МЕДИНСКОГО

- 266 **П. Ю. УВАРОВ** *Конец «Страны Советов», или о репутационных механизмах и нетерпимости к халтуре*
- 288 *«Такого историка, как Владимир Мединский, нет». Интервью с К. Ю. Ерусалимским*
- 303 *«Плевали власти на мнение общества. Все что мы говорим – ерунда для них». Интервью с А. Л. Юргановым*
- 310 **В. В. ВЕДЕРНИКОВ** *Недорисованный портрет (Круглый стол в Европейском университете 24 ноября 2016 года)*
- 320 **Л. Р. ХУТ** *Казус Мединского в зеркале прессы*

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 337 *«Моя основная тема – это социалистический проект во всей его полноте, от утопий до футурологической перспективы». Интервью с А. В. Шубиным*
- 347 *«У меня стояла тройка по истории КПСС. Но в аспирантуру меня все же взяли». Интервью с Б. А. Успенским*
- 360 *«Не бывает мифов правильных и неправильных, но бывают мифы продуктивные, а бывают – зло-вредные». Интервью с А. Л. Зориным*

- 368 **ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ**

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global Memory

9 J. ASSMANN

Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory. Trans.: Assmann J. Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory // Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories. Edited by Aleida Assmann and Sebastian Conrad. Houndsmills, Basingstoke, UK; New York, NY: Palgrave Macmillan, 2010. P. 121–137.

28

“Russia and Poland in recent years are largely similar in their historical policies”

National memory

41 E. A. ROSTOVTSSEV,
D. A. SOSNITSKY

Medieval heroes and events of national history in network resources

“RUSSIA IS MY HISTORY”: THE NETWORK OF HISTORICAL PARKS

59 A. A. SELIN

About exhibitions in the historical Park “Russia is my history” in St. Petersburg

78 A. B. SUSLOV

Historical Park “Russia is my history” in Perm

82 A. G. MOSIN

“My history” or “my mythology”?

93 A. A. PROKOPEV

Another look at the exposition in Yekaterinburg. “Russia is my history”: the park is not as bad as it is painted

Actual problems of national memory of foreign countries

103

“In the 19th century Polish identity was more diverse”. Interview with R. Pankovsky (Poland)

115

“Almost no one thinks of this country outside the integrated European civilizational space.” Interview with Ya. Shimov

Chronicle of historical policy

131 A. B. SUSLOV

The emphasis of the politicians as a challenge to historians

AS IT ACTUALLY WAS

137 A.A. RYBALKA

*The CV of A. I. Sulacadzew.
New details of the biography of the famous bibliophile*

RUSSIA – UKRAINE: IS A DIALOGUE OF HISTORIANS FROM THE TWO COUNTRIES POSSIBLE AND WHAT PREVENTS IT?

156

REVIEWS**Generalizing studies**

174 V.YU. DASHEVSKY

Rev.: Shnirel'man V.A. Koleno Danovo. Eshatologiya i antisemitizm v sovremennoi Rossii. M., Izdatel'stvo BBI, 2017, XIV + 617 s.

186 M.B. МЕДОВАРОВ

The Big Narrative of the History of Patriotism and Nationalism in Russia: Achievements and Problems

196 V.A. SOLONARI

Rev.: Jörg Baberowski, Scorched Earth: Stalin's Reign of Terror translated from German by Steven Gilbert, Ivo Kompljen, and Samantha Jeanne Taber (New Haven and London: Yale University Press, 2016) x, 500 pp. James Harris, The Great Fear: Stalin's Terror of the 1930s (N.Y.: Oxford University Press, 2016) x, 205 pp.

The world

207 A.V. SVESHNIKOV

Reception, dialogue of cultures or "satanic eurolibido". Rev.: Bulanin D.M. Zhanna D'Ark v Rossii. Istoricheskii obraz mezhdru literaturoi i propagandoi. M.; SPb.: "Al'yans-Arheo", 2016. 720 s.

The Russian Empire

212 K.A. TARASOV

Rev.: Busyreva E.P. Petropavlouskaya krepost' v dni revolyutsii 1917 goda. – SPb.: GMI SPb, 2017. 164 s.

219 V.V. MAKSAKOV

Notes on a new book on the theory of feudalism in Russian historiography

233 T.V. MEDVEDEVA

Notes About Travelers. Rev.: Batshev M.V. Reinskie zemli glazami russkikh puteshestvennikov v konce XVIII – pervoi polovine XIX veka. – Frankfurt-na-Maine: Literaturnyi evropeec, 2016. 132 s.

USSR

238 A.S. GLADYSHEVA

A new viewpoint at the Soviet-Polish economic cooperation in 1944-1957. Rev.: Orehov A.M. Ocherki istorii ekonomicheskikh otnoshenii SSSR i PNR (1944–1957 gg.). M.: Indrik, 2017

247 **D. I. IVANOV**

Rev.: Politicheskie repressii i soprotivlenie totalitarnomu rezhimu v Petrograde–Leningrade. 1917–1991: Spravochnik. Avt.-sost. A. D. Margolis. – SPb. : Serebryanyy vek, 2016. 475 s., 300 ekz.

ATTENTION: TRASH!

253 **I. A. PRONINA**

Rev.: Dronov I.E. Aleksandr III i ego epoha. M. : Akademicheskii proekt, 2016.

CASUS OF MEDINSKY

266 **P. Yu. UVAROV**

The end of the “Soviet country”, or about the reputational mechanisms and intolerance to the hack-work

288

“There is no historian Vladimir Medinsky”. Interview with K. Yu. Erusalimsky

303

“The authorities spat on the opinion of society. All we say is nonsense for them”. Interview with A.L. Yurganov

310 **V. V. VEDERNIKOV**

Undersized portrait (Round Table at the European University on November 24, 2016)

320 **L. R. HUTH**

HISTORIAN’S TIME

337

“My main theme is a socialist project in its entirety, from utopias to futurological prospects”. Interview with A. V. Shubin

347

“I had a troika on the history of the CPSU. But they did take me to graduate school”. Interview with B. A. Uspensky

360

“There are no right or wrong myths, but there are productive myths, and there are evil myths.” Interview with A. L. Zorin

368

**REQUIREMENTS FOR PUBLICATION
OF ARTICLES AND DOCUMENTS**

Я. Ассманн

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, УНИВЕРСАЛИЗМ И ЭРОЗИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Перевод: *Assmann J. Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory // Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories. Edited by Aleida Assmann and Sebastian Conrad. Houndsmills, Basingstoke, UK; New York, NY: Palgrave Macmillan, 2010. P. 121–137.*

Пер. с англ. С. Е. Эрлих

Ключевые слова: Древний мир, глобализация, универсализм, интернационализм, империализм.

Автор предлагает различать глобализацию и универсализм. Под универсализмом понимаются интеллектуальные и духовные феномены, а к глобализации относятся политические, экономические и цивилизационные процессы, скорее относящиеся к материальной, чем к духовной культуре. Для Древнего Запада характерны две универсалистские формы. С одной стороны, «инклюзивный» («Все боги — это один и тот же Бог») и «эксклюзивный» («Нет богов кроме Всевышнего!») монотеизм. С другой — греческие наука и философия. Обе формы подразумевают важную роль концепта Истины, претендующей на универсальное применение. Две типичных формы политической глобализации Древнего Мира — это интернационализм и империализм.

Вначале хотелось бы дать определения ряда понятий. Вне всяких теоретических претензий, а только ради решения ограниченных задач, поставленных в этой статье, я предлагаю различать глобализацию и универсализм. Под глобализацией я понимаю процесс распро-

странения товаров, технологий, новостей, политического влияния, религиозных идей и т.д. за пределы политических и культурных границ, а также вызванную этим процессом интеграцию различных, прежде изолированных регионов в единую систему, где нации, империи, племена и государства связаны политическими, экономическими и культурными отношениями различного рода.

Под универсализмом я понимаю распространение теорий, идей и верований, претендующих на всеобщую значимость. Этот процесс обычно ассоциируют с концепцией осевого времени (Achszeit) Карла Ясперса¹. Ясперс, его многочисленные предшественники и последователи полагают, что эти универсалистские теории возникли одновременно около 500 г. до Р. Х. в различных частях мира от Китая до Южной Италии. Я предлагаю сохранить «осевой» концепт, но избавить его от «темпоральных» ассоциаций, особенно от привязки к определенному историческому периоду. Неотъемлемым свойством универсалистских идей является способность к «заражению». Поэтому не удивительно, что распространение определенных идей может вызвать общий и даже эпохальный поворот на обширных территориях. Подобное происходило в различные моменты истории в разных регионах в тех или иных сферах интеллектуальной и духовной жизни. Поэтому под универсализмом понимаются интеллектуальные и духовные феномены, а к глобализации относятся политические, экономические и цивилизационные процессы, скорее относящиеся к материальной, чем к духовной культуре². Для Древнего Запада характерны

две универсалистские формы. С одной стороны, это «инклюзивный» («Все боги это один и тот же Бог») и «эксклюзивный» («Нет богов кроме Всевышнего!») монотеизм. С другой — греческие наука и философия. Обе формы подразумевают важную роль концепта Истины, претендующей на универсальное применение. Две типичных формы политической глобализации Древнего Мира — это интернационализм и империализм.

Говоря о памяти, я по очевидным причинам ограничиваюсь культурной памятью. Теория памяти различает индивидуальную и коллективную память. Внутри коллективной памяти мы выделяем три основных разновидности, которые предлагаем именовать коммуникативной, культурной и политической памятью (Assmann 2006: 210–24). Коммуникативная память, наряду с сознанием и языком, лежит в основе социализации и коммуникации. Культурная память является внешним выражением и объективацией индивидуальной и коллективной памяти, находящим воплощение в таких символах, как тексты, изображения, ритуалы, пейзажи и другие lieux de mémoire (места памяти). Политическая память носит такой же направленный вовне символический характер, как и культурная память. Но между ними есть существенные отличия. Политическая память распространяется *сверху вниз* и зависит от характера политической организации общества, который определяет содержание этой

¹ По поводу недавних дискуссий относительно Осевого времени см.: (Arnason et al 2005).

² Различение глобализации и универсализма в общих чертах соотносится с подходом Гарта Фоудена. Он различает «политический универсализм, сокращенное наименование “политического, военного и экономического универсализма”, и культурный универсализм, состоящий из “культурного и особенно религиозного универсализма”. Подразумевается, что религия является определяющей

составляющей широкого понятия культуры» (Fowden 1993: 6f.).

разновидности памяти. Культурная память формируется веками как относительно независимое от современной политической повестки взаимодействие самоорганизующихся *снизу вверх* общественных образований и контролируемых *сверху вниз* общественных институтов.

Память во всех своих аспектах имеет отношение ко времени и идентичности. Каждая форма памяти имеет свой специфический временной диапазон. В случае индивидуальной памяти он равен продолжительности существования индивидуально-го сознания. Коммуникативная память обычно ограничена периодом взаимодействия трех сменяющихся поколений и охватывает 80–100 лет. Политическая память длится столько же, сколько существуют формирующие ее политические институты. Это может быть краткий, как в случае нацистской Германии, двенадцатилетний отрезок времени, либо превосходящий два века, как в случаях Французской Республики и США, период. Типичный временной диапазон культурной памяти составляет 3000 лет. На Западе он простирается до Гомера и библейских авторов, на Востоке — до Ригведы, Будды и других основополагающих явлений культуры³. Мы можем определять память как способность

людей создавать синтез времени и идентичности в форме, которую можно именовать «диахронической идентичностью». Процесс «хроно-синтеза», в котором время участвует в производстве идентичности, является специфической способностью человека. Важной составляющей этого процесса является *автонозис*, т.е. способность осознавать себя в прошлом и проецировать себя в будущее (Tulving 2002).

Различные формы памяти образуют динамическую структуру, между полюсами которой возникает напряжение, а также зоны пересечения и перехода. Это особенно верно в отношении взаимодействия памяти и идентичности. Следует избегать того, что Амартия Сен описал как «иллюзия идентичности» (Sen 2006). Индивид обладает несколькими идентичностями, т.к. одновременно принадлежит к различным группам: социальным, религиозным, политическим и т.д. Каждая из них обладает своей коммуникативной и культурной, т.е. коллективной памятью. Память на всех уровнях является открытой системой. Правда, эта открытость имеет рамки, которые ограничивают память горизонтом времени и идентичности на индивидуальном, поколенческом, политическом и культурном уровнях. Если эти ограничения отсутствуют, то мы скорее имеем дело не с памятью, а со знанием. Память — это знание, указывающее на идентичность⁴, т.е.

³ Гете в «Западно-Восточном диване» отмечает, что 3000 лет — нормальный срок жизни культурной памяти: «Wer nicht von 3000 Jahren / Sich weiss Rechenschaft zu geben / Bleib im Leben unerfahren / Mag von Tag zu Tage leben» (русский перевод: «Кто, осмыслив ход столетий, / Не построил жизнь толково, / Тот живи себе в потемках, / Прожил день — и жди другого»). Цит. по: *Teme И. В.* Западно-восточный диван. Перевод В.В. Левик. М.: Наука, 1988. С. 55).

⁴ Способность идентичности превращать историческое знание в память изумительно сформулирована Гете «sich weiss Rechenschaft zu geben» («давать себе отчет»). Знаменитое определение Хейзинги: «История — это

знание о себе. Наша диахроническая идентичность состоит в том, чтобы осознать свою индивидуальность через принадлежность к семье, поколению, сообществу, нации или культурной и религиозной традиции.

Эти довольно абстрактные определения и рассуждения позволяют предположить, что память и глобализация противоположным образом направлены. Память нацелена на идентичность, которая, при всей расплывчивости, всегда подразумевает идею различия. Глобализация, в свою очередь, ведет к взаимопроникновению, размыванию всех границ и преодолению всех различий. Т.к. глобальная идентичность невозможна, то глобальная память представляется парадоксальным понятием.

Как египтолог я особенно заинтересован в историческом измерении этой оппозиции и выявлении той напряженности, которую она могла порождать в прошлом. Глобализация должна создавать серьезные вызовы для организации культурной памяти. Если это справедливо, то было бы интересно рассмотреть, каким образом отдельные общества прошлого реагировали на тенденции глобализации, преобразуя свои культурные памяти. Далее, я бы хотел кратко и предварительно очертить их динамику в эпоху древности.

интеллектуальная форма, посредством которой общество дает себе отчет о своем прошлом», — использует эту фразу Гете, рассматривая историю через призму памяти (Huyzinga 1936: 9).

В Древнем мире глобализация началась с контактов между супердержавами эпохи поздней бронзы, которые стали возникать во втором тысячелетии до Рождества Христова (Artzi 1969; 1984). Изменения культурных и политических воззрений, ориентации и мышления, происшедшие на этой стадии зарождавшейся глобализации, могут быть отчетливо прослежены на примере Древнего Египта. В эпохи Древнего и Среднего Царств, т.е. с 3000 до 1500 г. до Р.Х., египтяне отождествляли свой мир со всем мирозданием. Египет представлялся им космосом, окруженным хаосом, который населяют кочевые племена. Их следует держать в страхе, но не завоевывать и не интегрировать. В классическом Китае сходный подход нашел символическое выражение в Великой стене, «построенной, чтобы отгородиться от кочевников» (Koch 1990). Только в начале Нового царства внешний египтянам мир стал рассматриваться как часть божьего творения. Они усвоили, что их окружают не только кочевые племена, но и похожие на них империи: Хеттская, Митаннийская, Вавилонская и позже Ассирийская, города-государства Сирии и Палестины, Миноийские и Микенские государства и их колонии, нубийское государство Керма, которое возникло к югу от Египта. Игнорирование этих государств и империй сменилось войнами и дипломатией. Египет вступил в «эпоху интернационализма» и воспринимал себя как часть мировой политической системы того времени. Это изменение политической и ментальной ориентации сопровождалось возникновением первых универса-

листских концепций, прежде всего идеи творца, который создал мир во всем его разнообразии, включая множественность языков и оттенков кожи. Египтяне отождествляли бога-творца с солнцем. В гимне, который датируется семнадцатой династией (около 1600 г. до Р.Х.), т.е. начальной стадией интернационализма, мы читаем:

Слава, тебе, Ра, владыка правды,
сокрытый в своем святилище,
владыка богов, Хепри в своей барке.
Ты рек слово — и воссуществовали
боги.

Атум, творец людей,
которых он разделил по облику их,
давший (им) жизнь
и отличивший одного от другого
по цвету кожи (Pap. Saïto 58038)⁵.

В середине тринадцатого столетия эти представления привели к настоящей религиозной революции — установлению истинно монотеистической религии фараона Эхнатона, которая, правда, просуществовала не более 20 лет.

Амарна, столица Эхнатона, стала местом сенсационных археологических находок, среди которых государственный архив с перепиской между двором Египта и дворами других держав Древнего мира (Moran 1992). Подобные архивы были обнаружены в Анатолии, в Месопотамии и в Сирии/Палестине. Переписка велась на вавилонском языке клинописью. Египетские

писцы были вынуждены изучать вавилонский язык и технологии клинописи на глиняных табличках для того, чтобы правительство могло стать участником интернациональной сети. Вавилонский язык был *lingua franca* поздней бронзы, подобно тому как арамейский язык выполнял эту роль в Персидской империи, греческий — в эпоху эллинизма и поздней античности, а английский — в современном интернациональном мире. Подобный *lingua franca* является одним из важнейших инструментов глобализации. Интернационализм бронзового века отличался плюрализмом. Государства и империи стремились не к гегемонии, а к безопасности и контролю над торговыми путями. Безопасность и контроль достигались либо подчинением, либо союзными отношениями.

Заключение союзнических договоров являлось важнейшим инструментом древнего интернационализма. Создание союзов требовало взаимного признания богов-покровителей. Договоры, которые империи заключали со своими вассалами и между собой, скреплялись торжественными клятвами, обращенными к богам обеих сторон. Подразумевалось, что текст договора должен завершаться перечнем этих богов (Canfora et al. 1990). Боги должны были обладать равными рангами и исполнять те же функции. Межкультурная теология стала частью международного права (Assmann 1996). Техника «сопоставления» богов позволяла преодолеть культурные и политические границы. Геродот демонстрирует общий подход того времени: народы, культуры,

⁵ Русский перевод цит. по: Павлова О.И. Амон Фиванский. Ранняя история культа (V–XVII династии). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. С. 96.

политические системы могут значительно различаться. Так, Древний Египет в его описаниях предстает противоположностью «нормальности» греков. При этом даже самые экзотические народы поклоняются одним и тем же богам. Таким образом, возникала общая почва, на которой можно было создавать договоры и другие формы контактов и сотрудничества. Имена, иконография и ритуалы, т. е. культуры — разные, но боги у всех одни и те же.

Конец бронзового века, пришедший на конец второго тысячелетия до Р.Х., совпал с завершением эпохи интернационализма и началом эпохи империализма. Главными инструментами глобализации стали завоевания и политическая унификация. Ассирия была первой в списке империй нового типа. За ней последовали Вавилон, Персия, Александр Великий и его наследники, за ними — Римская империя. Этот период Эрик Фогелин окрестил «эпохой экуменизма» (*Voegelin 1984*). Я считаю, что в эту эпоху следует включить поздний бронзовый век и выделить в нем две фазы — интернационализма и империализма.

Рассмотрим изменения культурной памяти, вызванные этими процессами. Наиболее разительные перемены произошли в Вавилоне. Я имею в виду т. н. «канонизацию касситов» в вавилонском литературном наследии, которая началась в XVII в. до Р.Х. и приобрела статус классической традиции (*Arnold 2004: 69ff.*). Тогда возникла новая элита писцов, наследники которых уже в первом тысячелетии до Р.Х. пытались проследить свои родословные. Кано-

низация касситов означала далеко идущую реорганизацию культурной памяти в Вавилоне. Различные устные и литературные традиции были приведены в соответствие со стандартными версиями, которые были тщательно защищены от дальнейших изменений. Вся культура стала жестко ориентироваться на образцы прошлого. В Новоассирийской империи ретро-тенденции значительно усилились в IX–VII вв. до Р.Х. при переходе от интернационализма к империализму. Продолжались канонизация, филологическая обработка и интерпретация литературного наследия. Библиотека во дворце Ашшурбанипала в Ниневии стала первой всеобъемлющей библиотекой Древнего мира. Ашшурбанипал хвастался своей филологической компетенцией, в частности тем, что способен был читать «допотопные» надписи (*Maul 2001: 119*). Ассирийская культура отличалась крайним архаизмом. Эпоха Саргонидов XXIII–XXII вв. до Р.Х. была возведена в ранг культурной нормы, Золотого века, образца всего важного и ценного. Месопотамское общество превратилось в «общество раскопок», которое из всех сил старалось придерживаться канонических моделей материальной и текстуальной культуры (*Jonker 1995*). Архаизирующий и антикварный подход содействовал подъему историографии. Прошлое представлялось чрезвычайно важным для тогдашнего общественного сознания. Эти наблюдения применимы к Древнему миру в целом. В начале железного века в разных регионах наблюдаются попытки придать традициям эпохи бронзы статус «нормативного прошлого».

Таковы гомеровский эпос в Греции, традиция Исхода в Израиле, эпос Гильгамеша в Месопотамии и канонизация «Книги мертвых» в Египте.

Возникает вопрос, можно ли рассматривать эти преобразования культурной памяти и общую ориентацию на прошлое в качестве реакции, направленной против империалистической глобализации? Скорее здесь проявляется дух соревнования и культурной гордости, предполагающий существование глобального культурного рынка, на котором важно занимать первое место. Поэтому я усматриваю в этом преобразовании скорее «эпифеномен», чем «контрфеномен» процесса глобализации.

В Египте мы замечаем довольно много подобных культурных изменений, хотя они проявляются на несколько веков позже. Канонизация литературного наследия и концепт «классики» возникают во время династии Рамессидов в XIII–XII вв. до Р.Х. (Assmann 1985/1; 1985/2). Архаизм и подражание древним образцам наиболее очевидным образом проявляются в VIII–VI вв. до Р.Х. (Assmann 1996: Chapter 5). Если возможно связать канонизацию Рамессидов с концептом культурной гордости, то отчетливый архаизм XXV и XXVI династий будет объясняться как страх забыть свое культурное наследие, как реакция на разрушения, вызванные ассирийским завоеванием, как переживание опыта катастрофы и коллективной травмы. Переориентация на прошлое может быть осмыслена как противодействие империалистической глобализации.

Ассирийские завоевания выражались лишь в разрушениях и грабежах без попытки привить другим нормы своей цивилизации и культуры. Эти завоевания не подкреплялись какими-либо универсалистскими идеями. Только греки изменили ситуацию. Эллинизация Древнего мира стартовала задолго до эпохи эллинизма в прямом смысле слова. На Западе она началась с распространения греческих колоний по всему Средиземноморью от Северной Испании до Навкратиса в Египте, на Востоке она была порождена интенсивными связями с Персидской империей. Греки были повсюду. Их мастера работали при персидском дворе в Персеполисе, а интеллектуалы путешествовали по всему Древнему миру (Hartog 1996). В первую очередь эллинизация означала распространение таких цивилизационных достижений, как воспитание в гимназиях и демократические институты, а также таких универсалистских концептов, как наука, математика, логика, метафизика и просветительство. Сочетание политической унификации и интеллектуального универсализма стало отличительной чертой того, что Эрик Фогелин именует «эпохой экуменизма»

Эллинизация имела две стороны. С одной стороны, она была связана с распространением греческого языка, культуры и обычаев по всему Древнему миру. С другой — она привела к конструированию концепта «общей культуры», который способствовал сходным изменениям как в самой Греции, так и в других обществах. Иосиф Флавий говорил не о «греческой», а об «общей культуре»

(*hokoinosbios*) как о цели ассимиляции и реформирования древнееврейского общества эпохи эллинизма. Империализм в Древнем мире не подразумевал ассимиляцию, т.е. перенесения законов и обычаев господствующей цивилизации на подвластные ей общества. Принцип древнего империализма всегда состоял в том, чтобы управлять зависимыми народами согласно их законам и правилам. Для этой цели традиционные обычаи было необходимо кодифицировать, придать им статус законов и принуждать к их исполнению силами местных и имперских властей. Чтобы стать инструментами управления, обычаи должны были получить статус законов⁶. Такова была политика Персии в Египте и в Иудее. Она была продолжена греческими и римскими правителями. Изменения произошли только после принятия христианства в качестве государственной религии. Проблемы возникали только тогда, когда местные обычаи не позволяли подданным демонстрировать свою лояльность путем поклонения статуе императора. Поклонение статуе не означало ассимиляции, оно являлось лишь выражением верноподданности. Ассимиляция не относилась к политике, а была исключительно проблемой культурного выбора. Отказ от предписанных проявлений ло-

⁶ Ханс Киппенберг определяет эту процедуру как общий принцип империалистической политики: «Если колонизаторы хотят превратить завоеванную территорию в империю, они должны сохранять и даже изобретать традиции для подчиненных народов» (Kippenberg 1986: 51), со ссылками на (Gruenmeyer 1981: 16–46; Leclerc 1973). Также см.: (Frei, Koch 1984) и (Kratz 1991: 161ff., 225ff.).

альности мог интерпретироваться как мятеж. Это могло приводить, как впервые случилось при царе из династии Селевкидов Антиохе IV Эпифане, к кровавым репрессиям (Hengel 1988: 532ff.). В этой ситуации такие обычаи, как обрезание, отказ от употребления свинины, почитание субботы, приобрели «status confessionis» (статус принадлежности к конфессии), сторонники этих обычаев не готовы были от них отказаться даже под страхом смерти. Такое положение, не имевшее параллелей в других частях Древнего мира, вело к разделению между культурой и религией. Появилась неведомая прежде культурная граница. Можно ассимилироваться с эллинистической или «общей» культурой, но невозможно ассимилироваться с религией иудаизма. Новизна учения этой религии состояла в том, что ее смысл становился доступным только после «обращения», но «обратиться» могли только те, кто принадлежал к «семени Авраамову». Противоположностью «обращения» стало столь же неизвестное прежде понятие «отступничества». Новая идея религии означала переопределение идентичности и, следовательно, памяти. Несмотря на свою этническую замкнутость, иудаизм (наряду с буддизмом) стал моделью для позднейших мировых религий, носящих трансэтнический и транснациональный характер. Мировые религии — это религии книги, и евреи — это образцовый «народ книги» (Halbertal 1997). Иудейский канон — яркий пример противодействия глобализации в условиях, когда господствующий режим рассматривал соблюдение местных обычаев как мятеж.

Согласно несколько пристрастному свидетельству Первой книги Маккавеев, в годы преследований иудеев древний империализм превратился в разновидность национализма («одна нация — одна культура»), впервые демонстрируя свой геноцидный или, используя термин Пьера Кластра, «этноцидный» характер (Clastres 1977: 9)⁷. Именно в это время была составлена Книга пророка Даниила (165 г. до Р.Х.). В этой книге Библии используются два взгляда на мировую историю как чередование четырех мировых империй — Вавилонской, Мидийской, Персидской и империи Александра Македонского, которая была поделена между его наследниками. Позже, когда ссылки на события в годы правления Антиоха Эпифана стали непонятными, под Четвертой империей начали понимать Рим. Т.к. Даниил предсказывал конец света после крушения Четвертой империи, возникло стремление продлить существование Римской империи как можно дольше. Это привело к тому, что Священная Римская империя германской нации просуществовала до 1806 г. (Assmann 1999; Koch 1997; Delgado et al. 2003). Преследование иудеев в период около 165 г. до Р.Х., описываемое в Первой книге Маккавеев, представляется сомнительным, т.к. противоречит всем политическим принципам и представлениям того времени (Weitzman 2004). Тем не менее знаменательно, что апокалиптические и мученические мотивы еврейской культуры возни-

кают в контексте греческого империализма и совпадают по времени с книгами Даниила и Маккавеев.

Однако была и другая реакция на эллинизм. В случае евреев ее примером выступает Септуагинта — греческий перевод еврейской Библии. Он представляет типичный для Древнего мира культурный тренд в виде реакции на глобализацию со стороны древнееврейского канона. Греческий язык выполнял две различные, может быть даже противоположные функции. С одной стороны, красноречие и привлекательность этого языка превращали его в соблазнительное орудие ассимиляции и тем самым забывания родной культуры. Греческий был не только *lingua franca*, но и являлся носителем универсальных идей и престижного стиля жизни. С другой стороны, в качестве *lingua franca* он скорее играл роль средства общения, чем нес самостоятельное послание (Bowersock 1990). Местные традиции и религии могли выражать себя на нем, используя большие, по сравнению со своими собственными языками, выразительные возможности греческого. Он позволял местным традициям стать видимыми для международного сообщества. Примерно в одно время с созданием Септуагинты халдей Беросс написал Вавилонику, египтянин Манефон — Египтику и финикиец Филон из Библоса — свою Финикийскую Историю. Все эти кодификации культурной и исторической традиции преследовали двойную цель: спасти местные традиции от забвения и сделать их зримыми на международной сцене греко-восточной литературы.

⁷ Под этноцидом Кластр понимает разрушение культурной идентичности, под «геноцидом» — физическое истребление нации, класса, расы. Этой ссылкой я обязан Алейде Ассман.

Подъем этой литературы продолжался в Поздней античности трудами Иосифа Флавия, Гореполлона, Нонноса. Культура поздней античности обязана местным традициям не в меньшей мере, чем греческому наследию. Греческий мир, его язык, мышление, мифология и образность были не столько альтернативой и отрицанием местных традиций, сколько способом предоставить им голос для самовыражения. Эллинизм не только предоставлял общий язык, но также помогал создать общий мир и «космополитическое» сознание. Он требовал или предлагал двойную сопричастность, прежде всего к родной, а потом уже к общей культуре. Это не означало отказа от одной в пользу другой. Общая культура — *hokoinosbios* — питала местные культуры.

Поэтому «эпоха экуменизма» сталкивала две возможности, которые противостояли одна другой. Мы можем назвать их «фундаментализмом» и «синкретизмом». Фундаментализм использовал кодификацию и канонизацию освященной традиции. Мэри Дуглас рассматривает такой выбор в качестве проявления «анклавной культуры» (Douglas 1993). В экуменический век возникли многочисленные культурные анклавы, которые можно охарактеризовать как «текстуальные сообщества», т. к. они использовали тщательно отобранный литературный канон в качестве своего «фундамента» (Stock 1983). Кодификация памяти служила усилению идентичности, которую следовало содержать в «чистоте». Вместо фундаментализма мы можем говорить о пуризме и даже о пуританизме. Несмотря

и даже вопреки процветавшему греко-египетскому синкретизму, мы встречаем в Египте того времени и фундаменталистские тенденции. Согласно Геродоту, который посетил Египет в середине V в. до Р. Х., под властью персов в египетской культуре произошел фундаменталистский поворот: «Эллинские обычаи египтяне избегают заимствовать. Вообще говоря, они не желают перенимать никаких обычаев ни от какого народа»⁸. Храмы стали островками древней египетской религии. Службы в них проводились на мертвом классическом языке, своего рода «церковной латыни». Стены, колонны и двери храмов от пола до потолка были покрыты изображениями древних ритуалов. Целые библиотеки были высечены в камне, чтобы увековечить наследие, вопреки неизбежному концу древней египетской культуры. Это была попытка спасти от забвения не только тексты, но и традиционные ритуалы, обеспечить идентичность, которая основывалась не столько на текстах, сколько на ритуалах, посредством их «кодирования» в камне (Assmann 1992).

Синкретический подход может быть проиллюстрирован греко-египетской богиней Изидой, культ которой стремился включить в себя всех других богинь, не только египетских, но всего Древнего мира. Одиннадцатая книга «Золотого осла? или Метаморфоз», плутовского романа, написанного Апуле-

⁸ Herodotus 2.29 and 91. См.: (Bowersock 1990: 55f.) и (Fowden 1986: 15). Русский перевод цит. по: Геродот. История в девяти книгах. Перевод Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. С. 106.

ем из Мадавры во времена Марка Аврелия, открывается сценой, которая создает яркое впечатление о синкретических тенденциях культа Изиды. Луций, молодой человек, который превратился в осла в результате небрежного отношения к магии, просыпается на берегу Средиземного моря, когда полная луна поднимается над морем. Книги с первой по десятую рассказывают о его испытаниях и неудачах. Латинский текст Апулея, скорее всего, близок к греческому оригиналу. Но в одиннадцатой книге красочный и местами бурлескный стиль плутовского романа приобретает иную тональность. А.Д. Нок охарактеризовал его как «отмеченный благочестием, которое проистекает из мистических религий» (Nock 1933: 138). Новая глава начинается с того, что с восходом луны возникают новые надежды. Луций обращается к ней со следующими словами:

Владычица небес, будь ты Церерою, благодатною матерью злаков, <...> будь ты Венерою небесною, что <...> ныне на Пафосе священном, морем омываемом, почет получаешь; будь сестрою Феба, что <...> ныне в преславном эфесском святилище чтишься; будь Прозерпиною <...>, разные поклонения принимая <...>, каким бы обрядом, в каком бы обличии ни надлежало чтить тебя, — в крайних моих невзгодах ныне приди мне на помощь (XI, 2)⁹.

⁹ Русский перевод цит. по: Апулей. Золотой осел (Превращения). В одиннадцати книгах. Перевод М. Кузмина. Статья и комментарии Адр. Пиотровского. Издание 3-е пересмотренное. Academia, 1931. С. 324.

Луций взывает к безмянной силе, присутствие которой он постоянно ощущает, и именует ее, используя первые пришедшие на ум имена: Церера (Деметра), Венера (Афродита), Диана (Артемида), Прозерпина (Персефона). Сквозь сон он слышит, как Богиня отвечает ему, представляя себя сходным образом:

Вот я пред тобою, Луций, твоими тронутая мольбами, мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшее из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие. Единую владычицу, чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся вселенная. Там фригийцы <...> зовут меня Пессинунтской матерью богов, <...> обитатели Аттики — Минервой Кекропической, здесь кипряне <...> — Пафийской Венерой, критские стрелки — Дианой Диктиннской, трехязычные сицилийцы — Стигийской Прозерпиной, элевсинцы — Церерой <...>, одни — Юноной, другие — Беллоной, те — Гекатой, эти — Рамнузией, а эфиопы <...>, африканцы и богатые древней ученостью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим моим именем — царственной Изидой (XI, 5)¹⁰.

Богиня представляет себя как истинно глобальное божество, которое «сливается со всеми богами

¹⁰ Там же. С. 326–327.

и богинями». Ей принадлежат имена всех богов. Среди бесконечного списка имен существует и «настоящее имя» (*verum nomen*), которым пользуются народы с наиболее древней и истинной традицией: египтяне и их южные соседи. Храм Изиды расположен в Филах на южной границе Египта и, таким образом, является принадлежностью Египта и Нубии или «Эфиопии». Наличие «истинного» имени не означает, что другие имена являются «фальшивыми». Нет противоречия между поклонением Изиде египтян, основанном на «истинном имени», и поклонением других народов, которые используют иные имена для той же богини. Всеобщее поклонение различным воплощениям одного и того же божества, несмотря на очевидные культурные различия, определяется их общим природным или космическим «референтом».

Традиция взывать к Изиде, используя имена, под которыми ей поклонялись различные народы, была широко известна в контексте греко-римской религии Изиды. Существует несколько египетских текстов, в которых к Изиде обращаются подобным образом. Древнейшим является гимн, который Исидор из Нармутиса высек на колоннах храма Термутиса в Мидинет Мади (первый век до Р. Х.)¹¹:

Все смертные, какие живут
на бескрайней земле,
Фракийцы, и эллины, и варвары,
сколько их ни есть,

¹¹ На этом месте, где издавна поклонялись египетской богине Рененутет или (Ф)Ермутис, царь Птолемей Сотер II воздвиг храм Изиды-Фермутис.

Твое прекрасное имя, многотимое
за все [что ты делаешь],
Произносят все на своем языке,
каждый народ — на языке своей
родины.
Сирийцы зовут тебя Астартой,
Артемидой и Нанайей,
Род ликийцев называет
владычицей Лето,
А фракийские мужи зовут Матерью
Богов,
Эллины же — Герой
великопрестольной
или же Афродитой,
И прекрасной Гестией, и Реей,
и Деметрой,
Египтяне же Тиуис (Θιούις)¹² — ибо
ты еси одна все
Те другие богини, которым народы
дают имена¹³.

Другой текст представлен на папирусе из Оксиринха. Он начинается длинным гимном Изиде, с пространным, к сожалению, сильно поврежденным списком имен и мест (*Grenfell, Hunt 1915; van Groningen 1921; Nock 1933: 150ff.*). Там мы читаем:

(Призываю тебя в Афродито)
поле Оне (. . . . в) доме Гефеста (. . . .)хмевнис;
(в. . . .)офис Бубастис (. . . .) называемую;
в Летополе великом единую, (. . . .)иос; в Афродито-поле Просопитском начальницу флота, многообразную Афродиту; к дельте раздавательницу милостей;

¹² «Thiouis», ср.: t3 wct Copt. Tioui — «этот», см.: (*Vogliano 1936: 34*). Ср.: др. евр. «aechad» как божественное имя (*Gordon 1970*).

¹³ (*Vanderlip 1972: 18f; Bernard 1969: 632ff; Totti 1985; Dunand 1973; Drijvers 1962*). Русский перевод цит. по: URL: veris-sacri.livejournal.com/81575.html.

<...> в Нитине Гинекополитском Афродиту; в Пефрине Исиду правительницу, Гестию госпожу всей страны; <...> в Саитском номе победительницу А)фину, <...> в Саисе Геру, правительницу совершенную; в И(сейоне Иси)ду; в Себенните изобретательность, могущество, Геру святую; в Ермополе Афродиту, царицу святую; <...> в Апее мышление; в Левко-Акте Афродиту Мухис Есеремфис; в Фрагурополе (. . . .) фис; в Хоатине победительницу; в (. . . . ис)кусную в писаниях (. . . . ; в Кино)поле Бусиритском Праксиду; в Бусириде судьбу добрую; <...> в Танисе <...> Геру подавательницу и т. д.¹⁴

Длинный список, в котором египетские города соотносятся с различными именами Изиды, продолжается перечнем мест за пределами Египта, таких как Аравия, где Изида носит имя «Великой богини»; в Ликии ее именуют «Лето»; «Мудрость, Свобода» — в Миррах, «Отразительница набегов, Исследовательница» в Книде, «Изида» в Кирене, «Диктиннис» на Крите, «Фемис» в Халкидоне, «Воительница» в Риме, «Троичной природы» в Кикладах, «Юная» на Патмосе, «Чтимая, Божественная, Ласковая» в Пафосе, «Шествующая» в Хиосе, «Наблюдательница» в Саламисе, «Всеблагая» на Кипре и т. д. В списке присутствуют и чужестранные имена: «Атаргатис» в Бамисе, «Майя» у индийцев

и «Астарта» в Сидоне. Список завершается потрясающей формулой: «Прекрасная сущность всех богов» (theônharántontò kalònzdon).

Империализм и интернационализм древней глобализации получили наиболее отчетливое выражение в греко-египетском культе Изиды. Фундаментализм и синкретизм совместно реагировали на ассимиляционные тенденции глобализации путем своего рода перевооружения культурной памяти. Противоречивая динамика глобализации не только приводила к забыванию, но способствовала быстрому росту памяти. Возвращаясь к исходному тезису статьи, необходимо сказать, что память создает идентичность и различия и в этом смысле противоположна глобализации. Фундаментальная и синкретическая формы памяти включают в себя элементы если не глобализации, то универсализма: фундаментализм в форме мировой религии, синкретизм в форме мировой литературы. Кроме «Золотого осла, или Метаморфоз» Апулея существует множество художественных повествований, имеющих отношение к таинствам культа Изиды. Другие религиозные культы также породили обильную литературную продукцию.

Однако победу одержал тот религиозный тип, который мы именуем «мировой религией» и который носит характер «сообщества текста», что подразумевает формирование священного канона. Таков Танах иудаизма, христианская Библия, мусульманский Коран, Палийский канон буддизма, Джайнский канон, Ади Грантх религии сикхов,

¹⁴ Русский перевод цит. по: *Захаров А. А.* Молитвы к Исиде. (К Охуг. Рар. № 1380.) // Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Институт истории. Ученые записки. Том третий. М., 1929. URL: annales.info/egiptet/small/Isis.htm.

даосизм, конфуцианство и т.д. вплоть до Книги мормонов. Нет мировой религии, которая бы не опиралась на канон священного писания. Опора религий нового типа на канонические тексты и комментарии к ним еще раз доказывает, что память и идентичность тесно взаимосвязаны. Литературный канон заменяет традиционные рамки культурной памяти, такие как этнос, родина, политика и ритуал. Переход от определяемых этнической культурой религий Древнего мира к новому типу транскультурных и транснациональных мировых религий означал тотальное преобразование идентичности и культурной памяти¹⁵. Этот канон функционировал как новая трансэтническая и транскультурная общность. Он стал определяющим источником идентичности, который представляет собой специальную освященную форму культурной памяти. Мировые религии сочетают две противоположных тенденции: центристремительную память и центробежный универсализм. В аспекте памяти, основанном на строгих понятиях откровения истины, они выстраивают границы между своими сторонниками. В универсалистском аспекте они, в качестве «мировых религий», стремятся к глобальному признанию и соблюдение своих законов.

¹⁵ Это относится даже к иудаизму, который до сих пор сохраняет этническое («семья Авраамово») содержание. Распространение названия Израиль на Иудейское царство являлось первым шагом в транснациональном направлении. Тот факт, что иудаизм не продвинулся далее, можно объяснить исключительно реакцией на христианство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Arnason et al 2005 – *Arnason J. P., Eisenstadt Sh. N., Wittrock B.* (eds.). *Axial Civilizations and World History*. *Jerusalem Studies in Religion and Culture* 4. Leiden/Cologne: Brill, 2005.

Arnold 2004 – *Arnold B. T.* *Who Were the Babylonians?* Atlanta: Society of Biblical Literature – Archaeology and Biblical Studies 10, 2004.

Artzi 1969 – *Artzi P.* *The Birth of the Middle East* // *Proceedings of the 5th World Congress of Jewish Studies*. Jerusalem: Magnes, 1969. P. 120–4.

Artzi 1984 – *Artzi P.* *Ideas and Practices of International Co-existence in the 3rd mill. BCE* // *Bar Ilan Studies in History* 2. 1984 P. 25–39.

Assmann 1999 – *Assmann A.* *Zeit und Tradition. Kulturelle Strategien der Dauer*. Köln/Wien: Böhlau, 1999.

Assmann A. 2006 – *Assmann A.* *Memory, Individual and Collective* // Robert E. Goodin and Charles Tilly (eds). *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2006

Assmann 1985/1 – *Assmann J.* *Gibt es eine Klassik in der ägyptischen Literaturgeschichte?* // XXII. Deutscher Orientalistentag, Suppl. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1985. P. 35–52.

Assmann 1985/2 – *Assmann J.* *Die Entdeckung der Vergangenheit. Innovation und Restauration in der ägyptischen Literaturgeschichte* // Hans Ulrich Gumbrecht and Ulla Link-Heer (eds). *Epochenschwellen und Epochenstrukturen im Diskurs der Literatur- und Sprachhistorie*. Frankfurt: Suhrkamp, 1985. P. 484–99; reprinted in: *Assmann J. Stein und Zeit. Mensch und Gesellschaft im Alten Ägypten*. München: W. Fink. P. 303–13.

Assmann 1992 – *Assmann J.* *Der Tempel der ägyptischen Spätzeit als Kanonisierung kultureller Identität* // Jürgen Osing

and E. Kolding Nielsen (eds.). *The Heritage of Ancient Egypt*, Studies in Honor of Erik Iversen, The Carsten Niebuhr Institute of Ancient Near Eastern Studies 13. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1992. P. 9–25.

Assmann 1996 — *Assmann J.* Translating Gods. Religion as a Factor of Cultural (In) Translatability // Sanford Budick and Wolfgang Iser (eds). *Translatability of Cultures: Figurations of the Space Between*. Stanford: Stanford University Press, 1996. P. 25–36.

Bernand 1969 — *Bernand E.* Inscriptions métriques de l'Égypte gréco-romaine. Paris: Belles Lettres, no. 175, 1969.

Bowersock 1990 — *Bowersock G. W.* Hellenism in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Canfora et al. 1990 — *Canfora L., Liverani M. and Zaccagnini C.* (eds). *I Trattati nel Mondo Antico: Forma, Ideologia, Funzione*. Rome: L'Erma di Bretschneider, 1990.

Clastres 1977 — *Clastres P.* Archéologie de la violence: La guerre dans les sociétés primitives. Paris: l'Aube, 1977. Engl. trans. Jeanine Herrman, *Archaeology of Violence*. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

Delgado et al. 2003 — *Delgado M., Koch K., Marsch E.* (eds.). *Europa, Tausendjähriges Reich und Neue Welt: Zwei Jahrtausende Geschichte und Utopie in der Rezeption des Danielbuches*. Stuttgart: Kohlhammer, 2003.

Douglas 1993 — *Douglas M.* In the Wilderness: The Doctrine of Defilement in the Book of Numbers // *Journal for the Study of the Old Testament Supplement Series* 158. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1993.

Drijvers 1962 — *Drijvers H. J. W. M.* De hymnen van Medinet Madi en de hellenistische Isisreligie // *Vox Theologica* 32, 1962. P. 139–50.

Dunand 1973 — *Dunand F.* Le syncrétisme isiaque à la fin de l'époque hellénistique // *Françoise Dunand and Pierre Levêque* (eds.). *Les syncrétismes dans les*

religions grecque et romaine, Colloque de Strasbourg, Bibliothèque des Centres d'Études supérieures specializes. Paris: PUF, 1973. P. 79–93.

Fowden 1986 — *Fowden G.* *The Egyptian Hermes: A Historical Approach to the Late Pagan Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Fowden G. 1993 — *Fowden G.* *Empire and Commonwealth: Consequences of Monotheism in Late Antiquity*. Princeton: Princeton University Press, 1993.

Frei, Koch 1984 — *Frei P., Koch K.* *Reichsidee und Reichsorganisation im Perserreich*, OBO 55. Fribourg: Fribourg University Press, 1984.

Gordon 1970 — *Gordon C. H.* His name is "One". *JNES* 29. 1970. P. 198–9.

Grenfell, Hunt 1915 — *Grenfell B. P., Hunt A. S.* *The Oxyrhynchus Papyri XI*. London: Eg. Expl. Soc., 1915. P. 196–202.

Grevemeyer 1981 — *Grevemeyer J. H.* (ed.). *Traditionale Gesellschaften und europäischer Kolonialismus*. Frankfurt: Syndikat, 1981.

Halbatal 1997 — *Halbatal M.* *People of the Book: Canon, Meaning, and Authority*. Cambridge/MA: Harvard University Press, 1997.

Hartog 1996 — *Hartog F.* *Mémoire d'Ulysse. Récits sur la frontière en Grèce ancienne*. Paris: Gallimard, 1996.

Hengel 1988 — *Hengel M.* *Judentum und Hellenismus. Studien ihrer Begegnung unter besonderer Berücksichtigung der Situation Palästinas bis zur Mitte des 2. Jh. v. Chr.* Tübingen: Mohr-Siebeck, 1988.

Huyzinga 1936 — *Huyzinga J.* *A Definition of History* // *Herbert James Paton and Raymond Klubanski* (eds). *History and Philosophy. Essays presented to E. Cassirer*. Oxford: Oxford University Press, 1936. P. 1–10.

Jonker 1995 — *Jonker G.* *The Topography of Remembrance: The Dead, Tradition and Collective Memory in Mesopotamia*. Leiden/New York/Cologne: Brill, 1995.

- Kippenberg* 1986 – *Kippenberg H.G.* Die jüdischen Überlieferungen als patrioti nomoi // Richard Faber and Renate Schlesier (eds). Die Restauration der Götter: Antike Religion und Neo-Paganismus. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1986. P. 45–60.
- Koch* 1997 – *Koch K.* Europa, Rom und der Kaiser vor dem Hintergrund von zwei Jahrtausenden Rezeption des Buches Daniel. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997.
- Koch* 1990 – *Koch R.* Die Erzählung des Sinuhe. // Bibliotheca Aegyptiaca 17. Brussels: Fondation Reine Elisabeth, 1990.
- Kratz* 1991 – *Kratz R.G.* Translatio imperii. Untersuchungen zu den aramäischen Daniel-Erzählungen und ihrem theologisch-geschichtlichen Umfeld. Wissenschaftliche Monographien zum Alten und Neuen Testament 63. Neukirchen/Vluyn: Neukirchener Verlag, 1991.
- Leclerc* 1973 – *Leclerc G.* Anthropologie und Kolonialismus. München: Hanser, 1973. French original: Anthropologie et colonialisme: essai sur l'histoire de l'africanisme. Paris: Fayard, 1972.
- Maul* 2001 – *Maul S.* Altertum in Mesopotamien // Dieter Kuhn and Helga Stahl (eds). Die Gegenwart des Altertums. Formen und Funktionen des Altertumsbezugs in den Hochkulturen der Alten Welt. Heidelberg: Ed. Forum, 2001. P. 117–24.
- Moran* 1992 – *Moran W.* The Amarna Letters. Baltimore/London: Johns Hopkins University Press, 1992.
- Nock* 1933 – *Nock A.D.* Conversion: The Old and the New in Religion from Alexander the Great to Augustine of Hippo. Oxford: Oxford University Press, 1933.
- Pap. Cairo 58038 – Pap. Cairo 58038 // Maria Michela Luiselli (ed.). Der Amunshymnus des P. Boulaq 17 (P. Kairo CG 58038), Wiesbaden, 2004 (Kleine ägyptische Texte 14), 11f., 60–5.
- Sen* 2006 – *Sen A.* Identity and Violence: The Illusion of Destiny. New York: W.W. Norton, 2006.
- Stock* 1983 – *Stock B.* Textual Communities // Brian Stock (ed.). The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 88–240.
- Totti* 1985 – *Totti M.* Ausgewählte Texte der Isis-Serapis-Religion. Subsidia Epigraphica XII. Hildesheim/New York: G. Olms, 1985.
- Tulving* 2002 – *Tulving E.* Episodic Memory: From Mind to Brain // Annual Review of Psychology. 2002. P. 1–25.
- Vanderlip* 1972 – *Vanderlip V.F.* The Four Greek Hymns of Isidorus and the Cult of Isis: American Studies in Papyrology XII. Toronto: A. M. Hakkert, 1972.
- van Groningen* 1921 – *van Groningen B.A.* De papyro Oxyrhynchita 1380. Diss. U Groningen, 1921.
- Voegelin* 1984 – *Voegelin E.* Order and History IV: The Ecumenic Age. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1984.
- Vogliano* 1936 – *Vogliano A.* Primo Rapporto degli scavi condotti dalla Missione archeologica d' Egitto della R. universita di Milano nella zona di Madinet Madi. Milano: Ed. Cisalpino, 1936.
- Weitzman* 2004 – *Weitzman S.* Plotting Antiochus's Persecution // Journal of Biblical Literature 123/2. 2004. P. 219–34.

GLOBALIZATION, UNIVERSALISM, AND THE EROSION OF CULTURAL MEMORY

Assmann Jan – historian, professor, University of Heidelberg (Germany)

Key words: The Ancient World, Globalization, Universalism, Internationalism, Imperialism.

The author distinguishes between globalization and universalism. Universalism suggests an intellectual and spiritual phenomenon, globalization; on the other hand, a political, economic and civilization process (implying material rather than spiritual culture). Two typical universalisms of Western antiquity are monotheism, both in its inclusive (All Gods are One) and exclusive, Biblical form (No other gods!) on the one hand, and Greek science and philosophy on the other, both implying an emphatic concept of Truth with a claim for universal validity. Two typical forms of political globalization of the Ancient World are internationalism and imperialism.

REFERENCES

- Arnason J. P., Eisenstadt Sh.N., Wittrock B. (eds.). *Axial Civilizations and World History. Jerusalem Studies in Religion and Culture* 4. Leiden/Cologne: Brill, 2005.
- Arnold B. T. *Who Were the Babylonians?* Atlanta: Society of Biblical Literature – Archaeology and Biblical Studies 10, 2004.
- Artzi P. The Birth of the Middle East. *Proceedings of the 5th World Congress of Jewish Studies*. Jerusalem: Magnes, 1969. P. 120–4.
- Artzi P. Ideas and Practices of International Co-existence in the 3rd mill. BCE? *Bar Ilan Studies in History* 2. 1984 P. 25–39.
- Assmann A. *Zeit und Tradition. Kulturelle Strategien der Dauer*. Köln/Wien: Böhlau, 1999.
- Assmann A. Memory, Individual and Collective. Robert E. Goodin and Charles Tilly (eds.). *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2006
- Assmann J. Gibt es eine Klassik in der ägyptischen Literaturgeschichte?. XXII. Deutscher Orientalistentag, Suppl. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1985. P. 35–52.
- Assmann J. Die Entdeckung der Vergangenheit. Innovation und Restauration in der ägyptischen Literaturgeschichte. Hans Ulrich Gumbrecht and Ulla Link-Heer (eds.). *Epochenschwellen und Epochenstrukturen im Diskurs der Literatur- und Sprachhistorie*. Frankfurt: Suhrkamp, 1985. P. 484–99; reprinted in: Assmann J. *Stein und Zeit. Mensch und Gesellschaft im Alten Ägypten*. München: W. Fink. P. 303–13.
- Assmann J. Der Tempel der ägyptischen Spätzeit als Kanonisierung kultureller Identität. Jürgen Osing and E. Kolding Nielsen (eds.). *The Heritage of Ancient Egypt, Studies in Honor of Erik Iversen*, The Carsten Niebuhr Institute of Ancient Near Eastern Studies 13. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1992. P. 9–25.
- Assmann J. Translating Gods. Religion as a Factor of Cultural (In) Translatability. Sanford Budick and Wolfgang Iser (eds.). *Translatability of Cultures: Figurations of the Space Between*. Stanford: Stanford University Press, 1996. P. 25–36.
- Bernand E. *Inscriptions métriques de l'Égypte gréco-romaine*. Paris: Belles Lettres, no. 175, 1969.
- Bowersock G. W. *Hellenism in Late Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Canfora L., Liverani M. and Zaccagnini C. (eds.). *I Trattati nel Mondo Antico: Forma, Ideologia, Funzione*. Rome: L'Erma di Bretschneider, 1990.
- Clastres P. *Archéologie de la violence: La guerre dans les sociétés primitives*. Paris: l'Aube, 1977. Engl. trans. Jeanine Herrman, *Archaeology of Violence*. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Delgado M., Koch K., Marsch E. (eds.). *Europa, Tausendjähriges Reich und Neue Welt: Zwei Jahrtausende Geschichte und Utopie in der Rezeption des Danielbuches*. Stuttgart: Kohlhammer, 2003.
- Douglas M. In the Wilderness: The Doctrine of Defilement in the Book of Numbers. *Journal for the Study of the Old Testament*

Supplement Series 158. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1993.

Drijvers H.J.W.M. De hymnen van Medinet Madi en de hellenistische Isisreligie. *Vox Theologica* 32, 1962. P. 139–50.

Dunand F. Le syncrétisme isiaque à la fin de l'époque hellénistique. Françoise Dunand and Pierre LeVêque (eds.). *Les syncrétismes dans les religions grecque et romaine, Colloque de Strasbourg, Bibliothèque des Centres d'Études supérieures specializes*. Paris: PUF, 1973. P. 79–93.

Fowden G. *The Egyptian Hermes: A Historical Approach to the Late Pagan Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Fowden G. *Empire and Commonwealth: Consequences of Monotheism in Late Antiquity*. Princeton: Princeton University Press, 1993.

Frei P., Koch K. *Reichsidee und Reichsorganisation im Perserreich*, OBO 55. Fribourg: Fribourg University Press, 1984.

Gordon C.H. *His name is "One"*. JNES 29. 1970. P. 198–9.

Grenfell B.P., Hunt A.S. *The Oxyrhynchus Papyri XI*. London: Eg. Expl. Soc., 1915. P. 196–202.

Grevemeyer J.H. (ed.). *Traditionale Gesellschaften und europäischer Kolonialismus*. Frankfurt: Syndikat, 1981.

Halbertal M. *People of the Book: Canon, Meaning, and Authority*. Cambridge/MA: Harvard University Press, 1997.

Hartog F. *Mémoire d'Ulysse. Récits sur la frontière en Grèce ancienne*. Paris: Gallimard, 1996.

Hengel M. *Judentum und Hellenismus*. Studien ihrer Begegnung unter besonderer Berücksichtigung der Situation Palästinas bis zur Mitte des 2.Jh. v. Chr. Tübingen: Mohr-Siebeck, 1988.

Huyzinga J. A Definition of History. Herbert James Paton and Raymond Klibanski (eds). *History and Philosophy*. Essays presented to E. Cassirer. Oxford: Oxford University Press, 1936. P. 1–10.

Jonker G. *The Topography of Remembrance: The Dead, Tradition and Collective Memory in Mesopotamia*. Leiden/New York/Cologne: Brill, 1995.

Kippenberg H.G. Die jüdischen Überlieferungen als patrioi nomoi. Richard Faber and Renate Schlesier (eds). *Die Restauration der Götter: Antike Religion und Neopaganismus*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1986. P. 45–60.

Koch K. *Europa, Rom und der Kaiser vor dem Hintergrund von zwei Jahrtausenden Rezeption des Buches Daniel*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997.

Koch R. Die Erzählung des Sinuhe. *Bibliotheca Aegyptiaca 17*. Brussels: Fondation Reine Elisabeth, 1990.

Kratz R.G. Translatio imperii. Untersuchungen zu den aramäischen Daniel-Erzählungen und ihrem theologie-geschichtlichen Umfeld. *Wissenschaftliche Monographien zum Alten und Neuen Testament 63*. Neukirchen/Vluyn: Neukirchener Verlag, 1991.

Leclerc G. *Anthropologie und Kolonialismus*. München: Hanser, 1973. French original: *Anthropologie et colonialisme: essai sur l'histoire de l'africanisme*. Paris: Fayard, 1972.

Maul S. Altertum in Mesopotamien. Dieter Kuhn and Helga Stahl (eds). *Die Gegenwart des Altertums. Formen und Funktionen des Altertumsbezugs in den Hochkulturen der Alten Welt*. Heidelberg: Ed. Forum, 2001. P. 117–24.

Moran W. *The Amarna Letters*. Baltimore/London: Johns Hopkins University Press, 1992.

Nock A.D. *Conversion: The Old and the New in Religion from Alexander the Great to Augustine of Hippo*. Oxford: Oxford University Press, 1933.

Pap. Cairo 58038. Maria Michela Luiselli (ed.). Der Amunshymnus des P. Boulaq 17 (P. Kairo CG 58038), Wiesbaden, 2004 (Kleine ägyptische Texte 14), 11f., 60–5.

- Sen A. *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*. New York: W.W. Norton, 2006.
- Stock B. Textual Communities. Brian Stock (ed.). *The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries*. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 88–240.
- Totti M. Ausgewählte Texte der Isis-Serapis-Religion. *Subsidia Epigraphica XII*. Hildesheim/New York: G. Olms, 1985.
- Tulving E. Episodic Memory: From Mind to Brain. *Annual Review of Psychology*. 2002. P. 1–25.
- Vanderlip V.F. *The Four Greek Hymns of Isidorus and the Cult of Isis: American Studies in Papyrology XII*. Toronto: A.M. Hakkert, 1972.
- van Groningen B.A. *De papyro Oxyrhynchita* 1380. Diss. U Groningen, 1921.
- Voegelin E. *Order and History IV: The Ecu-
menic Age*. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1984.
- Vogliano A. *Primo Rapporto degli scavi con-
dotti dalla Missione archeologica d' Egitto della
R. universita di Milano nella zona di Madinet
Madi*. Milano: Ed. Cisalpino, 1936.
- Weitzman S. Plotting Antiochus's Perse-
cution. *Journal of Biblical Literature* 123/2.
2004. P. 219–34.

«РОССИЯ И ПОЛЬША В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВО МНОГОМ ПОХОЖИ В СВОЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ»

Ключевые слова: Польша, Украина, историческая память, историческая политика, Холокост, Бандера.

Принятые в Польше в последнее время законы в области исторической политики вызвали немалый и неоднозначный международный резонанс. Израиль и еврейские сообщества в других странах выражают опасения в связи с тем, что новое законодательство может блокировать изучение Холокоста. В то же время некоторые круги в Украине восприняли запрет в Польше «бандеровской идеологии» как отрицание права украинцев на собственную государственность и национальное достоинство. «Историческая экспертиза» попросила ряд известных экспертов прокомментировать ситуацию, возникшую с принятием новых законов.

I. КАКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПОЛЬШЕ ИМЕЛИ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ НА ЕЕ ТЕРРИТОРИИ?1

Обе палаты польского парламента (Сейм и Сенат) одобрили закон, налагающий уголовную ответственность за какое-либо упоминание о роли Польши в Холокосте, как и о «вкладе» некоторых поляков в массовое уничтожение евреев на польской территории. Согласно новому закону, Аушвиц и другие концлагеря, находившиеся на территории Польши, категорически запрещается называть «польскими лагерями смерти». За это предусмотрен штраф или лишение свободы на три года. Критики закона, как в Польше, так и за ее пределами, указывают, что вследствие его принятия исторической политикой властей поставлены преграды на пути любых дальнейших исследований, направленных на более

глубокое раскрытие всей правды о Холокосте.

Рафал Панковский: *«Есть международное давление по поводу пересмотра закона, но есть и давление со стороны польских националистов»*

Беседовал С. Е. Эрлих

Рафал Панковский — доктор наук (Dr. habil.) в области социологии культуры, магистр политологии, профессор Collegium Civitas (Варшава). С 1996 года занимает должность заместителя редактора журнала «Nigdy Wiecej» («Никогда больше»). Автор исследований по темам расизма, национализма, ксенофобии и другим вопросам, в том числе книг: *Gdzie kończy się patriotyzm...: z dziejów polskich grup faszystujących 1922–1992* (Bydgoszcz, 1993), *Neofaszyzm w Europie Zachodniej: zarys ideologii* (Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, Warszawa, 1998), *Rasizm a kultura popularna* (Trio, Warszawa, 2006), русский перевод: *Расизм и популярная культура* (Stratum Plus, Кишинев, 2014), *The populist radical right in Poland: the patriots* (Routledge, London, 2010). Руководитель Центра мониторинга расизма в Восточной Европе, созданного Ассоциацией «Никогда больше».

© Историческая Экспертиза, 2018

С.Э. Рафал, я хотел бы с Вами обсудить вопрос о решении польского Сейма внести поправки к закону об Институте национальной памяти. Это решение вызвало реакцию по всему миру: возмущаются в Израиле, в Америке, и Вы тоже, как я видел, сделали заявление... Из прессы идет противоречивая информация об этом, поэтому хотелось бы получить ее из первых рук, поскольку Вы находитесь в Польше и наверняка читали эти поправки. В чем они заключаются? К каким последствиям они могут привести и для историков, и вообще для национальной памяти?

Р.П. Я попробую объяснить. Многие люди считают, что это закон против фразы «польские лагеря смерти». На самом деле это не так. Этот закон, если его прочитать, касается совершенно других дел. «Польские лагеря смерти» в нем даже не упоминаются. Но если бы даже он касался этой фразы (а она, конечно, считается оскорбительной), то надо понимать, что фраза эта связана скорее с географической терминологией. «Польские лагеря смерти» — это лагеря, которые просто находились на территории Польши. Я за всю свою жизнь не встречал ни одного человека, который бы думал, что эти лагеря создали поляки. Эта фраза была, скорее всего, придумана Яном Карским, она взята из его статьи в американском журнале 1943 года. Конечно, Ян Карский — национальный герой в Польше, но эта фраза сейчас считается оскорбительной, неправильной.

Однако если посмотреть на этот закон, мы увидим там совсем дру-

гое: в нем запрещается критика польского государства и польского народа в контексте преступлений нацистов. Более того, закон предусматривает уголовную ответственность за критику действий польского народа и польского государства в связи с любыми преступлениями против человечества, против мира и вообще любыми военными преступлениями в истории. Так что положения закона получаются очень широкими и неопределенными. Любое упоминание о преступлениях поляков или представителей польского государства может быть интерпретировано как критика польского народа и государства. Это криминализация всякой критики польской политики в историческом плане, что, конечно, вообще нереально. Это сложно представить. Там, правда, есть параграф, согласно которому не является преступлением рассказ о преступлениях, если это осуществляется в рамках академической или художественной деятельности. Но очень сложно определить рамки этой деятельности. Если, скажем, историк написал статью в специализированном журнале, то, наверно, он под этот закон не подпадет. Но если тот же историк напечатает статью просто в газете, то он рискует попасть под действие этого закона. Это странно с точки зрения свободы слова, свободы исследования. Это вызывает большой протест.

С.Э. Этот закон направлен против того, чтобы можно было обвинять представителей польского общества в участии в преступлениях Холокоста? Или это касается вообще всех времен?

Р.П. Многие думают, что это только по поводу Холокоста. Но в законе нет никаких хронологических рамок. Если понимать его буквально, то запрещается критика польской ответственности за все преступления во всей истории, что, конечно, даже смешно. В истории всех народов, всех государств были преступления, нереально запрещать критику этих преступлений.

С.Э. То есть если кто-то из русских историков скажет, что поляки в XVII веке захватили Кремль, то это может быть интерпретировано как оскорбление польского народа?

Р.П. Теоретически это возможно. Конечно, мы не представляем, что какой-то суд будет судить зарубежного историка — в России или в Австралии — за то, что он где-то сказал или написал, но возможность эта теоретически существует. Именно поэтому этот закон вызывает сопротивление. Мы, члены ассоциации «Никогда больше», категорически против этого закона. Если честно сказать, мы думаем, что, как страна, мы должны гордиться прогрессом, символизируемым книгами Яна Томаша Гросса («Соседи», «Золотая жатва»), которые касаются самых сложных и болезненных моментов польской истории. Польша смогла пятнадцать лет назад провести по ним дискуссию — открыто, свободно. Я думаю, это большое достижение национального сознания, что можно свободно обсуждать болезненные точки собственной истории. Мы знаем, что другие страны еще не смогли

поднять эти темы. Вот в Литве они сейчас поднимаются...

С.Э. В Литве они поднимаются, а вот в Молдавии, например, еще не очень поднимаются...

Р.П. В Молдавии это еще остается проблемой, в Украине, в Латвии тоже. Но Польша в какой-то степени подала пример того, что проблему эту можно поднять и на историческом уровне, и на политическом уровне. Очень жаль, что этот прогресс нивелируется этим законом. Конечно, всегда есть возможность что-то исправить, пересмотреть, внести поправки в действующее законодательство и т.д. Тем более что на международном уровне дискуссия о законе сейчас очень острая. Но как бы то ни было, в настоящий момент проблема остается.

С.Э. Слово «Холокост», насколько я знаю, вообще не употребляется во внесенных поправках? То есть просто нельзя обвинять польский народ в каких-либо преступлениях. Такая там формулировка?

Р.П. Да, именно так. Я могу точно сказать, что там упоминаются «преступления нацистской Германии или другие преступления против человечества, против мира и военные преступления». Если обвинять польское государство или польскую нацию, народ — это будет считаться преступлением. Наказание, которое там предусматривается, — это штраф или три года лишения свободы. При этом закон претендует на некую глобальность — то есть его действие как

бы распространяется и за пределы Польши. Еще в нем есть такой непонятный момент: если преступление считается преднамеренным, то за него предусматривается три года лишения свободы, а если непреднамеренным — то штраф. Барак Обама, например, использовал фразу — «польские лагеря смерти». Получается, он может тоже быть приговорен к штрафу? Конечно, это смешно. Конечно, это нереально. В этом определенный абсурд этого закона.

С.Э. То есть он предельно размыт, и при желании любого можно обвинить? Четко не оговаривается, что конкретно под него подпадает?

Р.П. Да. Это определенная возможность для властей иметь некое оружие, которое они могут использовать против тех, кто им не нравится, против неугодных им людей.

С.Э. Реакция в мире на этот закон очень широкая. А рядовые польские граждане знают об этом законе? Или он ими не замечен?

Р.П. Нет, он очень широко обсуждается. Если посмотреть новости — то уже несколько дней это новость номер один (интервью было взято в конце января 2018 г. — *Редакция*). Но очень многие поляки все-таки думают, что он направлен именно против фразы «польские лагеря смерти». Если бы это было так, наверно, многие бы это могли понять. Но поскольку закон на самом деле намного шире, то он порождает очень много противоречий, вызы-

вает дискуссии — и в Польше, и в мире. К тому же как-то некрасиво получилось, что его приняли накануне годовщины освобождения Освенцима. Это совпадение тоже повышает градус дискуссии.

С.Э. Это было преднамеренно сделано?

Р.П. Сложно сказать, случайно это или нет, но получилось очень некрасиво.

С.Э. Но словосочетание «польские лагеря» в законе вообще отсутствует?

Р.П. Да, его там вообще нет. Но у правящей партии очень хорошо получилось подать этот закон как, так сказать, закон против этой фразы. Однако сама она там даже не упоминается. Получается контраст между реальным содержанием закона и его пиаром, тем, как он освещается в публичном поле. Да, фраза эта проблематична, она считается оскорбительной, неправильной — многие это понимают. Многие еврейские организации и правительство Израиля выступали против этой фразы. Об этом мы даже не спорим. Но содержание закона в другом: он порождает поддержку националистического видения польской истории, как исключительно истории героизма. Конечно, польская история имеет немало героических моментов, но, как и во всех странах, в ней есть не только героизм. А этот закон поддерживает вот эту, очень тенденциозную версию польской истории. Поэтому, как я сказал, мы тоже, как организация «Никогда больше», против

этого закона и этой националистической версии польской истории. История Польши очень разнообразна, очень интересна, многокультурна, но нельзя эту историю представлять в таком примитивном виде.

С.Э. Каково отношение в СМИ к этому закону?

Р.П. Если посмотреть на государственные СМИ, те, которые считаются подконтрольными правительству, то они его поддерживают. А независимые СМИ, которые в Польше достаточно сильны, в большей степени критически относятся к нему.

С.Э. Опросов на эту тему еще не проводилось?

Р.П. Наверное, еще рано. Я их еще не видел, но, думаю, скоро что-то подобное будет. Наверное, если вопрос поставить так: «Вы против фразы о “польских лагерях смерти”?» — предполагаю, что большинство будет против этой фразы. А если спрашивать детально о том, что написано в этом законе, тогда люди уже могли бы задуматься.

С.Э. Но содержание закона они читали? Он опубликован в прессе?

Р.П. Да, он опубликован. Но многие почему-то верят, что там написано что-то другое. Но содержание в нем несколько другое, чем многие думают.

С.Э. Сейчас есть уже реакция, например, израильского правительства на этот закон, и президент Польши сказал, что будет его вни-

мательно изучать. Есть ли шанс, что, так сказать, «под давлением международной общественности» произойдет его корректировка?

Р.П. Если честно, я не знаю. Сказать трудно. Я, конечно, надеюсь, что какие-то исправления будут (внесенные корректировки в целом не сняли напряженности, возникшей в связи с принятием закона. — *Редакция*). Есть предложения на этот счет. Но сейчас об этом сложно сказать. Мы наблюдаем, например, волну антисемитской реакции в ультраправых или националистических СМИ. Все они считают, что причина протеста Израиля против этого закона в том, что евреи требуют какие-то деньги с поляков. Это связано, прямо скажем, с каким-то стереотипом в отношении евреев, который совершенно несправедлив. Но такое тоже встречается. Последние два дня я много вижу таких новостей. Есть международное давление по поводу пересмотра закона, но есть и давление со стороны польских националистов, которые считают, что эту позицию, в нем представленную, надо держать и не принимать никакой критики. Это тоже опасно. Это может повлиять как-то на развитие конфликта.

С.Э. Лидеры общественного мнения, люди, чье мнение для страны важно, — такие, например, как Адам Михник — выступили с какими-то заявлениями?

Р.П. Да. Как раз Адам Михник опубликовал хорошую статью на первой странице его «Газеты Выборчей». Он тоже категорически против этого закона и тоже считает,

что это проявление национализма со стороны правительства. Я надеюсь, что многие поддерживают эту точку зрения. Адам Михник, кстати, нечасто пишет — только если что-то важное случается. Так что если Адам Михник выступает на первой странице, это считается серьезным.

С.Э. Это говорит о том, что не все потеряно. К сожалению, мы можем наблюдать, что Россия и Польша в последние годы во многом похожи в своей исторической политике. У нас тоже в 2014 году был принят столь же расплывчатый закон, вроде бы направленный против «реабилитации нацизма». Но история продолжается. Хочется пожелать, чтобы здравый смысл и в Польше, и у нас возобладал. Спасибо за квалифицированный комментарий, Рафал. За нашу и вашу свободу!

Примечания

Ян Карский (1914–2000) — участник польского движения Сопротивления, писатель, юрист. В июне 1940 года попал в руки гестапо в Словакии, но в результате операции Союза вооруженной борьбы был освобожден из больницы в Новы-Сонче. Позднее он нелегально пробрался в Польшу и работал в Бюро пропаганды и информации Главного штаба партизанской Армии Крайовой. Во время Второй мировой войны не раз пытался привлечь внимание политиков Европы и США к масштабам Холокоста в Польше. В 1995 году награжден высшей государственной наградой Польши — орденом Белого орла.

Ян Томаш Гросс (род. 1947) — американский историк, социолог и политолог польского происхождения. Занимается исследованиями истории Второй мировой войны и Холокоста в Польше. В этом качестве на достаточно высоком интеллектуальном уровне сделал открытия, потрясшие современное польское общество, которое в коллективной своей памяти до недавнего времени представляло себя только в качестве жертвы последовавших одна за другой немецкой и советской оккупаций. Ян Гросс выявил достоверные исторические факты массового убийства еврейского населения Польши поляками без участия немцев.

Адам Михник (род. 1946) — польский общественный деятель, диссидент, журналист, один из наиболее активных представителей политической оппозиции 1968–1989 годов. Основатель и главный редактор (с 1989 года) «Газеты Выборчей». В 1989 году — участник серии собеседований правительства и оппозиции («Круглого стола») о проведении свободных выборов, в 1989–1991 годах — депутат новоизбранного Сейма.

Комментарии российских экспертов

А. Р. Дюков

К сожалению, в СМИ смысл принятого польским Сеймом постановления излагается, как правило, неадекватно. Вопреки сообщениям СМИ, данным постановлением

Дюков Александр Решидович — научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); a.dyukov@gmail.com

не вводится запрет на упоминание участия поляков в Холокосте — в постановлении говорится о запрете распространять на польский народ вину за массовые убийства евреев. Справедливо ли это? Да, действительно, ни польский народ, ни польское государство не несут вины ни за «окончательное решение еврейского вопроса», ни за массовые убийства евреев. Мне неизвестны хоть какие-нибудь нормативные документы подпольного «Союза вооруженной борьбы» или «Армии Крайовой», предписывавшие уничтожать евреев — тогда как, например, подобные инструкции Организации украинских националистов давно опубликованы. В отличие от Прибалтики, в Польше невозможно представить себе бывших чиновников польского государства, организующих преследование и уничтожение евреев. Разумеется, из всего этого не сле-

дует, что отдельные поляки не убивали евреев, но об ответственности польского народа и польского государства за эти преступления не может быть и речи. Значит ли это, что постановление польского Сейма правильно? У меня есть в этом серьезные сомнения. Грубое администрирование — не лучший способ борьбы с историческими мифами, опыт нашей страны это показывает достаточно наглядно. При желании под «букву» нового закона могут попасть польские историки, исследующие не вполне приятные для национального самосознания темы, такие, например, как Ян Томаш Гросс с его «Золотой жатвой» или Ян Грабовский. Я надеюсь, конечно, что подобного не случится, но общий «историко-политический» климат в регионе довольно тяжел и ожидать можно чего угодно.

Dyukov Alexander R. — research fellow of the Institute of Russian history, RAS (Moscow)

А. И. Миллер

В течение многих лет Польша неизменно остро протестовала против периодически появлявшегося в печати выражения «польские лагеря уничтожения» и заставляла печатные органы извиняться за это. Никакой необходимости принимать специальный закон для борьбы с такими выражениями не было — сегодня они появляют-

ся много реже, чем прежде. Закон также запрещает обвинять поляков как нацию в Холокосте — такое обвинение, когда оно так формулируется, не справедливо. При этом надо иметь в виду, что газета «Хаарец» (старейшая и наиболее влиятельная газета Израиля. — *Редакция*) в своих комментариях передает формальное содержание закона неверно, ведь прямого запрета говорить об участии поляков в Холокосте в нем нет. Но сформулирован закон так, что при желании его можно будет использовать для репрессий в отношении тех, кто упоминает о польском участии

Миллер Алексей Ильич — доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и Центрально-Европейского университета в Будапеште (Санкт-Петербург); millera2006@yandex.ru

в Холокосте. Говоря в общем, принятие этого закона свидетельствует о тяжелой патологии, которая получает все большее распространение и принимает все более уродливые формы в Восточной Европе, когда прошлое становится объ-

ектом «исторической политики» и «войн памяти». В этих конфликтах все меньше диалога и желания достичь взаимопонимания и примирения, все больше взаимной глупоты и воспитания взаимной ненависти.

Miller Aleksei I. — doctor of historical sciences, professor of the European University in St. Petersburg and the Central European University in Budapest (St. Petersburg)

А. Э. Гурьянов

С моей точки зрения, это одно из последствий пагубного влияния нынешнего российского режима на остальной мир, а конкретно процесса «путинизации» Польши. Правящая ныне в Польше консервативная партия с сильным клерикально-националистическим крылом видит, что Россия ввела уголовное наказание за констатацию очевидного исторического факта соучастия Советского Союза в развязывании Гитлером Второй миро-

вой войны, и эта польская партия, воодушевленная российским примером, решает сажать в тюрьму за констатацию доказанных фактов соучастия отдельных, но довольно многочисленных поляков в нацистском злодеянии уничтожения евреев.

(Редакция не разделяет мнение Александра Гурьянова о том, что В. Путин несет ответственность за принятие польскими законодателями данных поправок к Закону об Институте национальной памяти.)

Guryanov Alexander E. — head of the Polish program of “Memorial” (Moscow)

II. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЗАПРЕТ «БАНДЕРОВСКОЙ ИДЕОЛОГИИ» В ПОЛЬШЕ ОТРИЦАНИЕМ ПРАВА УКРАИНЦЕВ НА СОБСТВЕННУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОИНСТВО?

По сообщению украинского информационного агентства *liga.net*, ряд депутатов Верховной Рады Украины в феврале 2018 года подготовили и обнародовали

текст обращения Верховной Рады к президенту, Сейму и Сенату Республики Польша в ответ на принятые польским парламентом изменения в законе об Институте национальной памяти, которые касаются Украины и, в частности, запрещают пропаганду «бандеризма» (украинского национализма). По мнению авторов обращения, речь идет о политическом акте, враждебном Украине и направленном против украинцев, «вредном для добрососедских отношений и выгодном Москве». Как считают

№1 2018
Гурьянов Александр Эдмундович — руководитель польской программы НИПЦ «Мемориал» (Москва); guryanov2009@yandex.ru

эти депутаты, запрет «бандеровской идеологии» — это в принципе отрицание права украинцев на собственную государственность и национальное достоинство, к тому же положения документа якобы «повторяют кремлевские пропагандистские клише о вымышленных преступлениях украинских националистов». Как отмечается далее, внедрение в жизнь подобного законодательства «будет прямым вмешательством во внутренние дела Украины и, по сути, предъявлением территориальных претензий, в части определения территории Галичины как “Восточной Малопольши”. Внедрение этого законопроекта представляет угрозу для украинцев независимо от гражданства». По мнению депутатов, «мнимая победа над украинцами в прошлом станет серьезным поражением для Польши в будущем. Потому что каждый удар в спину Украине всегда заканчивался трагически для самих поляков». Инициаторы обращения призвали президента Польши Анджея Дуду, Сейм и Сенат не допустить введения в действие подобного законодательства.

Как известно, 26 января 2018 года законопроект об Институте национальной памяти Польши, одно из положений которого предусматривает уголовную ответственность за отрицание «преступлений украинских националистов» против поляков, был одобрен Сеймом, а в ночь на 1 февраля документ одобрили и в Сенате. Закон предполагает запрет пропаганды в Польше «бандеризма» — идеологии украинских националистов.

Он ссылается на преступления украинских националистов и украинских формирований, которые сотрудничали с Третьим рейхом, и открывает возможность уголовного преследования лиц, отрицающих совершения этих преступлений.

«Историческая экспертиза» публикует комментарии экспертов.

С.А. Кувалдин

Прежде всего, в такой постановке вопроса содержится ошибка. Изменения в закон об Институте национальной памяти (на момент интервью они еще не вступили в силу. — *Редакция*) в части, касающейся Украины, не затрагивают вопрос идеологии. В случае принятия этих изменений среди сфер деятельности ИНП будут прямо прописаны сбор и обнародование документов и информации о преступлениях украинских националистов и украинских группировок, сотрудничавших с Третьим рейхом. Таким образом, эта деятельность будет прописана наряду с изучением преступлений нацизма и коммунизма в отношении поляков и польских граждан, о которых упомянуто в 1-й статье закона. Строго говоря, изучать этнические чистки и массовое убийство польского гражданского населения, проводимые отрядами ОУН-УПА во время Второй мировой войны на Волыни и в других районах Западной Украины, ИНП мог и до законодательных измене-

Кувалдин Станислав Аркадьевич — кандидат исторических наук, эксперт Российского совета по международным делам (Москва); kuvaldin35@gmail.com

ний, поскольку в той же 1-й статье, помимо коммунистических и нацистских преступлений, упоминаются и «иные преступления, являющиеся преступлениями против мира, человечества, либо военными преступлениями». Руководствуясь в том числе этой записью, ИНП в настоящее время проводит несколько расследований, связанных с актами массового убийства гражданского населения, совершенными ОУН-УПА. Однако после появления записи об «украинских националистах» ИНП сможет подавать иски и возбуждать уголовные дела в случае «публичного» и «вопреки» фактам отрицания преступлений «украинских националистов» (как и за отрицание любых преступлений, упомянутых в статье 1) — с возможным наказанием в виде штрафа либо лишения свободы на срок до трех лет. Кроме того, новые законодательные изменения разрешают подавать иски «в защиту доброго имени Польши» общественным организациям, чья уставная деятельность направлена на подобную защиту (то есть разным патриотическим и националистическим НКО). Еще более любопытно, что закон разрешает подавать такие иски вне зависимости от того, было ли такое отрицание преступлений совершено в Польше либо за ее пределами, а также был ли нарушитель гражданином Польши. Такая всемирная подсудность чисто теоретически может вылиться в поток исков со стороны патриотической общественности по любому поводу, который кажется ей нарушением, в том числе в ответ на высказывания киевских политиков. Что, впрочем, вряд ли приведет к практическому результату.

Между прочим, такое же право подачи исков вне зависимости от места нарушения польские организации получают и в отношении коммунистических преступлений — так что, возможно, некоторые из распространителей «настоящей правды о Катыни» тоже столкнутся с неожиданными последствиями принятия закона. Иными словами, закон не регулирует идеологию — по-видимому, приветствие «Слава Украине» этим законом караться не будет. Тем не менее отрицание Волынской резни может стать наказуемым. При этом новый закон будет заниматься не только событиями Второй мировой войны на Волыни. Согласно определению «преступлений украинских националистов», под него подпадают любые акты террора и «нарушения прав человека» в отношении польских граждан, совершенные украинскими националистами с 1925 по 1950 год в довоенных границах Польши. Иными словами, насильственные акты национально-освободительной борьбы, совершенные националистическими группами до войны, теперь могут трактоваться лишь как преступления, отрицать которые (то есть давать этим актам иную трактовку) запрещается. Это, если исходить из определений закона, может касаться и послевоенной деятельности УПА уже в отношении польских коммунистических властей. Не говоря уже о весьма однозначном подходе к крайне противоречивому вопросу польско-украинской границы, не раз менявшейся. Следует заметить, что текст закона написан очень грубо — по-видимому, с намерением специально задеть

украинскую сторону. Не следует думать, что это желание появилось у польских законодателей на пустом месте. Вопрос об отношении к деятельности ООН-УПА, признании Волынской трагедии и другие вопросы остаются раздражителем в польско-украинских отноше-

ях. И украинская сторона пока явно не готова сделать необходимые шаги навстречу Польше. Как бы то ни было, предложенные изменения в польском законодательстве значительно затруднят поиск взаимоприемлемого подхода в этих вопросах.

Kuvaldin Stanislav A. — candidate of historical sciences, expert of The Russian Council for international Affairs (Moscow)

В. И. Мироненко

Документ, о котором идет речь, мне не удалось обнаружить на официальном сайте высшего законодательного органа Украины, а сообщение информационного агентства «Liga.net», с которым мне довелось познакомиться, представляет собой, на мой взгляд, типичный информационный «полупродукт», весьма поверхностно описывающий суть дела. Что такое, например, «бандеровская идеология»? О каком «украинском государстве» говорят авторы проекта постановления? В чем они видят ущемление достоинства украинцев и каких именно украинцев?

Что касается самого закона, принятого польским парламентом, то, по моему мнению, факт его принятия отражает в первую очередь, а может быть и только, перипетии современной польской внутривластной борьбы накануне больших выборов. Об этом иногда весьма открыто говорят сами польские парламентарии (см., например, электронный ресурс:

Мироненко Виктор Иванович — кандидат исторических наук, руководитель центра украинских исследований Института Европы РАН, главный редактор журнала «Современная Европа» (Москва); victor@mironenko.org

УНИАН. «Политический лагерь в Польше раскололся после одобрения Дудой антибандеровского закона», 6 февраля. URL: www.unian.net/politics/2385903-politicheskiy-lager-v-polshe-raskololsya-posle-podpisaniya-dudoy-antibanderovskogo-zakona.html (дата обращения: 07.02.2018)). С другой стороны, сам факт создания и активной деятельности польского и украинского Институтов национальной памяти является хорошей иллюстрацией того неоднократно подтвержденного историей факта, что для любой сложной проблемы всегда найдется простое, но при этом неправильное решение.

Мне понятны мотивы, которыми руководствовались депутаты парламента Украины, но это как раз тот случай, когда известное правило — *similia similibus curantur* — явно не работает и даже, наоборот, работает на углубление болезни и ее рецидивы. В самом общем виде к проблеме возможны как минимум три подхода: правовой, политический и исторический. В правовом отношении определяющим является то, что ни истцов, ни ответчиков уже нет в живых, то есть судить уже, собственно говоря, некого. Это надо принять как данное. Правосудие,

как выясняется, тоже имеет свой срок годности. Продукты с просроченным сроком годности лучше не употреблять, ими можно отравиться. Что, я уверен, и произойдет со всеми этими упражнениями с исторической памятью — как в Польше, так и в Украине.

В политическом отношении я бы советовал руководствоваться известным правилом, которое англичане довольно точно и остроумно формулируют так: «Don't trouble until trouble troubles you». Кстати, не только англичане, есть ведь много русскоязычных аналогов. Не буди лихо, пока оно тихо. Не вороши беды, коли беда спит. Не ищи беды: беда сама тебя сыщет. И т.д. То есть я в принципе считаю и создание соответствующих институтов, и их повышенную политическую активность, в том числе последние инициативы руководителей и сотрудников польского и украинского институтов, поддержанные некоторыми парламентариями, грубыми политическими ошибками, чреватыми тяжелыми последствиями в первую очередь для самих Польши и Украины. Причины этих ошибок коренятся, с одной стороны, в том, что в польской и украинской политике, как, впрочем, и в российской, все более приживается именно тот политический принцип, который привел к трагедии в прошлом — «цель оправдывает средства». И это главное. А во-вторых, и здесь мы переходим к последнему, третьему

измерению поднятой проблемы — историческому, мы имеем в данном случае дело с тем, что я называю «эффектом Сократа». Порой, прочитав две-три популярные статьи или брошюры на ту или иную тему, тот или иной государственный муж начинает воображать себя знатоком истории. Здесь я позволю себе процитировать настоящего историка — одного из основателей французской исторической школы «Анналов» Марка Блока: «Идет ли речь о нашествии германцев или о завоевании Англии норманнами, к прошлому для объяснения настоящего прибегали так активно лишь с целью убедительно оправдать или осудить настоящее». Блок называет «сатанинским врагом подлинной истории — манию судить» (*Марк Блок. Апология истории, или Ремесло историка. Издание второе, дополненное. М., Наука, 1986. С. 21*).

К предмету нашего разговора имеют отношение и другие высказывания французского историка. Вот они. «У человека, который, сидя за письменным столом, не способен оградить свой мозг от вируса современности, токсины этого вируса, того и гляди, профильтруются даже в комментарии к “Илиаде” или “Рамаяне”». И последнее, сегодня не менее актуальное: «Я еврей, — писал М. Блок, — но не вижу в этом причины ни для гордости, ни для стыда, и отстаиваю свое происхождение лишь в одном случае: перед лицом антисемита».

“RUSSIA AND POLAND IN RECENT YEARS ARE LARGELY SIMILAR IN THEIR HISTORICAL POLICIES”

Key words: Poland, Ukraine, the historical memory, the historical policy, Holocaust, Bandera.

The recently adopted laws in Poland in the field of historical politics have caused a considerable and ambiguous international response. Israel and Jewish communities in other countries are concerned that new legislation could block the Holocaust studies. At the same time, some circles in Ukraine perceived the ban in Poland of the "Bandera ideology" as a denial of the right of Ukrainians to their own statehood and national dignity. "Historical expertise" asked a number of well-known experts to comment on the situation.

Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГЕРОИ И СОБЫТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В СЕТЕВЫХ РЕСУРСАХ*

Ключевые слова: историческая память, средневековая Русь, Вконтакте, Instagram, Википедия, история, РФ, сетевые ресурсы.

Статья посвящена изучению образа русского средневековья в сетевых ресурсах русскоязычного сегмента Интернета. Авторы анализируют особенности конструирования образов наиболее значимых мест памяти из истории России допетровского периода и пытаются выяснить, насколько важным источником формирования исторических представлений о прошлом является современный интерактивный интернет-контент.

Образ русского средневековья — важный пласт исторического сознания российского общества, составляющий особый круг объектов на-

циональной памяти, ограниченный в сознании человека т.н. «нового времени». Целевая установка нашего исследования — многоаспектна. Во-первых, методологическая, связанная с разработкой исследовательского инструментария и способов анализа сетевого контента. Во-вторых, направленная на выявление специфики репрезентации сюжетов средневековой истории в различных типах контента. Наконец, в-третьих, изучающая роль средневековых объектов в картине исторического прошлого, которую создает Интернет.

© Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий, 2018

Ростовцев Евгений Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); e-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

Сосницкий Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, специалист, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); e-mail: d.sosnitskij@spbu.ru

* Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект ««Мобилизованное средневековье»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время», проект № 16-18-10080.

Сетевые ресурсы — значимый источник формирования коллективных

представлений о прошлом. За последние 10–15 лет интернет-пространство претерпело серьезную трансформацию. Стремительный процесс информатизации общества и перевода в «цифру» и всемирную сеть традиционных практик, связанных с формированием представлений об истории (образовательный процесс, художественные тексты, публицистика, фильмы, практики коммемораций, mass media, научная традиция и т. п.), уже фактически привел к тому, что в широком смысле компьютер становится главным источником знаний о прошлом, в особенности для молодого поколения. Однако самое важное изменение информационной среды заключается в том, что из простого места хранения опубликованных в бумажном виде текстов сетевое пространство уже превратилось в поле, где создается историческая информация, активно конструируется прошлое. Прежде всего это обстоятельство обусловлено развитием социальных сетей и сетевых энциклопедий, позволивших любому желающему формировать исторический контент. В рамках данной статьи авторы постараются определить наиболее востребованные в Рунете ресурсы исторической направленности, выявить самых популярных исторических персонажей допетровского периода русской истории у пользователей социальных сетей и проследить тенденции в развитии исторического контента о средневековье в современном русскоязычном Интернете.

В современной мировой историографии проблемы исторической памяти в ее взаимодействии с ин-

тернет-контентом давно исследуются (*Ernst* 2013; *Memory, Conflict and New Media* 2013; *The Ethics of Memory* 2014; *The Twentieth Century* 2017; *Jose van Dijck* 2007; *Sierra* 2008; *Izquierdo* 2006 и др.). Между тем коллективная память российского общества и сетевые ресурсы – не самая востребованная тема в memory studies. Хотя все же можно указать на ряд текстов в современной научной литературе, связанных с этой проблематикой. Так, в 2014 г. вышла в свет статья О. В. Головашиной под названием «Любители истории» и история для любителей: представления о прошлом в социальных сетях» (*Головашина* 2014). В ней автор рассматривает деятельность исторических сообществ в социальной сети «ВКонтакте» и подробно останавливается на содержании группы «Любители истории» как самой многочисленной группы по исторической тематике в данной социальной сети на момент написания статьи. В работе К. А. Жарчинской анализируется коллективный образ славян, славянской культуры в наиболее распространенных в России социальных сетях (*Жарчинская* 2014). Анализ содержания исторических блогов ресурса «Livejournal» («Живой журнал») посвящена статья М. А. Липкина и Д. С. Секиринского (*Липкин, Секиринский* 2015). В недавней коллективной статье «Интернет и мифологизация исторического сознания (ценностно-мировоззренческий аспект)» Интернет рассматривается как пространство бытования исторических мифов (в трактовке авторов статьи – ложных сведений) и приводятся рецепты борьбы с этим явлением, а именно – распростране-

ние «академической информации об исторических событиях» (Емельяненко, Ветошко, Малащенко 2017). Несколько трудов в новейшей литературе посвящено образу Великой Отечественной войны в целом и ветеранов в частности в социальных сетях (см., напр.: (Денисов 2013; Кадыкало 2015)), целый ряд статей рассматривает процесс использования исторического материала социальных сетей в образовательном процессе (Стебурако 2017; Бакарадзе 2017). Однако комплексного исследования, анализирующего образ национального прошлого в социальных сетях, интернет-энциклопедиях и специализированных исторических сайтах, на данный момент не существует.

В качестве фокусных объектов анализа в настоящем исследовании избраны и последовательно охарактеризованы наиболее популярные социальные сети, русскоязычная «Википедия» и государственный портал «История. РФ». Сравнение полученных результатов с данными социологических опросов и имеющейся в нашем распоряжении базой данных по источникам других типов позволило нам выдвинуть доказательные предположения о роли и месте сетевого контента в формировании исторических представлений современного российского общества в области средневековой истории.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

В качестве источников для анализа нами были выбраны две социальные сети: 1) «ВКонтакте» как наиболее популярная в России, в 2016 г. е

ежемесячная аудитория составляла 87 млн человек; 2) «Instagram» как динамично развивающийся в России социальный сервис. За 2016 г. популярность этого приложения выросла в России в пять раз (до 18,5 млн пользователей в месяц) (подробнее о распределении аудитории в социальных сетях см.: (Самые популярные 2016)).

Социальные сети — активно развивающаяся часть Интернета, быстро воспринимающая и вводящая в обиход различные новшества. Одно из них — *хештеги* — условные метки, позволяющие быстро находить и компоновать информацию по той или иной теме. Ввиду популярности этого инструмента, было принято решение использовать его для анализа востребованности того или иного объекта исторической памяти в социальных сетях. Из-за особенностей отображения информации на каждом ресурсе, сравнительную таблицу популярности объектов по выбранным соцсетям сделать не представляется возможным. Однако «Instagram» позволяет отследить общее количество записей с тем или иным хештегом (см. табл. 1).

Приведенные данные наглядно демонстрируют, что в сети «Instagram» упоминания исторических персонажей встречаются значительно чаще отсылок к каким-либо значимым событиям национальной истории. Одно из самых популярных событий русской средневековой истории — Куликовская битва — оказывается за пределами первой десятки наиболее популярных объектов. Занимающая 10-ю строчку в рейтинге героев княгиня

Таблица 1

Рейтинг популярности объектов исторической памяти по количеству хештегов в сети «Instagram» (сост. по: (Instagram 2017))

№	Объекты исторической памяти	Количество записей с хештегом (например, #ИванГрозный)
1.	Владимир Святой	10816
2.	Александр Невский	9368
3.	Князя Петр и Феврония	9195
4.	Рюриковичи	8842
5.	Иван Грозный	7963
6.	Борис Годунов	4374
7.	Дмитрий Донской	3298
8.	Юрий Долгорукий	2179
9.	Ярослав Мудрый	2075
10.	Княгиня Ольга	1770

Таблица 2

Рейтинг популярности объектов исторической памяти по количеству хештегов в сети «ВКонтакте» в период с 1 по 7 сентября 2017 г. (сост. по: (ВКонтакте 2017))

№	Объект исторической памяти	Количество хештегов в период с 1 по 7 сентября 2017 г.*	Количество характеристик		
			положительных	отрицательных	нейтральных
1.	Владимир Святой	24 (28)	3	0	21
2.	Дмитрий Донской	19 (20)	13	0	6
3.	Александр Невский	16 (17)	6	0	10
4.	Сергий Радонежский	14 (14)	8	0	6
5.	Петр и Феврония	10 (10)	10	0	0
6.	Иван Грозный	9 (9)	4	0	5
7.	Андрей Рублев	5 (34)	5	0	0
8.	Степан Разин	3 (15)	0	0	3
9.	Ярослав Мудрый	2 (3)	1	0	1
10.	Татаро-монгольское иго	1	1	0	0

* В скобках указано общее количество записей с указанным именем, без скобок – количество записей, посвященных непосредственно историческому персонажу.

Ольга почти на 700 меток ее опережает – 1770 против 1082¹.

Самая популярная российская сеть «ВКонтакте» не предоставляет статистики по хештегам за весь период

своего существования, поэтому было принято решение проанализировать количество записей о наиболее популярных героях и событиях отечественной истории на протяжении одной недели (см. табл. 2).

¹ Данные по количеству хештегов на 19.09.2017 в сети «Instagram».

Особенностью такой выборки является некоторая погрешность,

**Наиболее многочисленные сообщества «ВКонтакте»
на историческую тематику (сост. по: (ВКонтакте 2017))**

№	Группа	Количество участников
1.	История человечества	2 841 480
2.	История/History	2 739 593
3.	Невероятная история / Исторический журнал	938 406
4.	История в фотографиях	932 853
5.	Назад в прошлое / История России	793 111
6.	Da Vinci – удивительная история и факты	577 416
7.	Через призму времени / История в фотографиях	518 928
8.	История оружия	439 228
9.	Винтаж История в картинках	409 137
10.	История в деталях – Россия и мир	382 626

которая выражается в определенном количестве «лишних» записей. Так, например, в случае с хештегом #АлександрНевский при подсчете не учитывались записи, содержащие информацию об актере Александре Невском, а в случае с хештегом #АндрейРублев – с теннисистом Андреем Рублевым. Данные подсчеты носят относительный характер и не исключают некоторых неточностей. Так, вполне естественно, что в анализируемый период – с 1 по 7 сентября – количество записей с упоминаниями Дмитрия Донского и Сергия Радонежского увеличилось в связи с приближением очередной годовщины Куликовской битвы, состоявшейся, как известно, 8 сентября 1380 г. Однако такой способ позволяет выявить тенденцию в востребованности событий и героев русской средневековой истории в отечественном сетевом пространстве.

Интересным исследовательским полем представляются сообщества, существующие в рамках социальной сети и объединенные по тому или

иному признаку. Нами были проанализированы результаты запроса «история» в поиске сообществ социальной сети «ВКонтакте» (см. табл. 3).

Проанализируем содержание одной из популярных групп. В сообществе «Невероятная история / Исторический журнал» 90 обсуждений, и из них только одно, связанное с былинными богатырями, условно принадлежит истории допетровской Руси. При этом однозначный лидер по популярности – тематика Великой Отечественной войны. Об этом периоде отечественной истории 31 (34,4%) обсуждение из 90. Из тридцати альбомов сообщества ни один не посвящен сюжетам из средневековой русской истории. Подобная ситуация во всех наиболее многочисленных группах «ВКонтакте». В связи с этим нами был составлен рейтинг объектов памяти о средневековом прошлом, имена (или названия) которых упоминаются в названиях сообществ «ВКонтакте» (см. табл. 4).

Как видно из приведенной таблицы, даже самые многочисленные группы

Наиболее востребованные объекты исторической памяти о русском средневековье в сообществах «ВКонтакте» (сост. по: (ВКонтакте, 2017))

№	Герой	Количество сообществ с упоминанием имени героя в названии	Количество участников в самом популярном сообществе	Суммарное количество участников
1.	Александр Невский	330	9861	62 714
2.	Владимир Святой (Красно Солнышко), Князь Владимир	168	11 531	48 587
3.	Иван Грозный	52	11 499	16 451
4.	Сергий Радонежский	14	12 822	16 156
5.	Андрей Рублев	22	7295	14 496
6.	Дмитрий Донской	32	1612	11 023
7.	Степан Разин	90	2630	8663
8.	Княгиня Ольга	15	1192	3297
9.	Петр и Феврония	42	426	2615
10.	Ярослав Мудрый	11	561	1623

из данной выборки не отличаются большим количеством подписчиков. В группе, посвященной Сергию Радонежскому, 12 822 подписчика, в то время как в самом популярном «историческом» сообществе — почти три миллиона, а в наиболее востребованной во всей социальной сети «ВКонтакте» группе — 13,5 млн человек.

Полученные данные позволяют нам сделать некоторые выводы об историческом контенте в социальных сетях. Наше главное наблюдение заключается в том, что для среднестатистического пользователя социальной сети важна персонификация истории. Другими словами, внимание концентрируется прежде всего на личностях, в то время как даже самые востребованные события не могут конкурировать с героями средневековой истории второго ряда. Социальные сети отражают *бесконфликтный и позитивный характер* восприятия в общественном сознании объектов памяти, отно-

сящихся к допетровской истории. Другая отличительная особенность социальных сетей — «популярность» героев отечественной истории «церковного» дискурса. В то время как такие объекты коллективной памяти, как Андрей Рублев, Сергий Радонежский, Петр и Феврония, в художественной литературе, исторической беллетристике, публицистике, кинофильмах востребованы достаточно мало, в социальных сетях они в лидерах по интересу со стороны пользователей.

ВИКИПЕДИЯ — САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ИНТЕРНЕТ-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Русский сегмент Википедии — самой известной в мире универсальной интернет-энциклопедии, был создан 11 мая 2001 г. — через 4 месяца после основания ресурса. На данный момент русская «Википедия» насчитывает почти полтора миллиона статей и занимает по этому

Таблица 5

**Количество просмотров и правок страниц в русскоязычном сегменте
«Википедии» на 18.09.2017 (по тематике русской средневековой
истории) (сост. по: (Русская Википедия 2017))**

№	Объект	Количество просмотров страниц в русскоязычной Википедии с 1.07.2015	Количество версий (с момента создания статьи)
1.	Иван Грозный	3 615 404	4590
2.	Иван III	2 375 008	1414
3.	Владимир Святой	2 195 252	1992
4.	Крещение Руси	2 115 157	2229
5.	Куликовская битва	2 096 034	1986
6.	Александр Невский	1 729 935	2141
7.	Рюрик	1 413 032	1828
8.	Ледовое побоище	1 367 238	1296
9.	Смута	1 311 790	1085
10.	Ярослав Мудрый	1 248 940	1908
11.	Татаро-монгольское иго	1 161 071	1204
12.	Слово о полку Игореве	1 023 695	1207
13.	Княгиня Ольга	964 482	1205
14.	Сергий Радонежский	918 118	2328
15.	Владимир Мономах	898 894	889
16.	Опричнина	896 449	863
17.	Дмитрий Донской	776 423	1077
18.	Андрей Рублев	486 094	595
19.	Петр и Феврония	399 795	193
20.	Минин и Пожарский	280 322	467

количественному показателю 7-е место среди всех языковых разделов (Русская Википедия 2017). Неудивительно, что с таким количеством контента и охватом пользователей русская «Википедия» оказывает серьезное влияние на конструирование образов прошлого. Кроме того, в силу самого устройства ресурса, «Википедия» формирует некий усредненный образ объекта памяти, являющийся результатом консенсуса среди пользователей с различным уровнем знаний и характером представлений о прошлом. Количество просмотров словарной статьи и ее правок (см. табл. 5) в таких условиях является серьезным пока-

зателем востребованности того или иного объекта памяти в Рунете.

Кроме того, важными характеристиками востребованности героя в современном сетевом пространстве являются количество версий статьи на разных языках и объем содержащегося в статье нарратива. Приведем таблицу подсчетов этих показателей с теми же персонажами, которые вошли в топ-10 по количеству хештегов в социальной сети «ВКонтакте» (см. табл. 6).

Эти данные наглядно демонстрируют, что в формате интернет-энциклопедии сохраняется более

Количество языковых версий статей и разделов отдельных страниц в русскоязычном сегменте «Википедии» на 18.09.2017 (по тематике русской средневековой истории) (сост. по: (Русская Википедия 2017))

№	Объект исторической памяти	Количество версий статьи на разных языках	Количество параграфов (разделов) в статье
1.	Иван Грозный	83	51
2.	Александр Невский	58	22
3.	Иван III	56	38
4.	Андрей Рублев	54	7
5.	Рюрик	53	22
6.	Владимир Святой	51	34
7.	Дмитрий Донской	49	18
8.	Ярослав Мудрый	49	29
9.	Княгиня Ольга	46	20
10.	Степан Разин	42	18
11.	Слово о полку Игореве	40	26
12.	Куликовская битва	39	24
13.	Ледовое побоище	37	16
14.	Смута	32	17
15.	Опричина	30	19
16.	Сергий Радонежский	25	98
17.	Минин и Пожарский	24	17
18.	Крещение Руси	22	20
19.	Татаро-монгольское иго	7	14
20.	Петр и Феврония	1	7

привычное (для других групп источников) распределение объектов по значимости – первые позиции традиционно занимают Иван Грозный, Владимир Святой, Дмитрий Донской и др. Характерно, что Петр и Феврония представлены в «Википедии» только на русском языке. Этот недавно изобретенный в рамках государственной политики памяти конструкт пока только приживается в относительно устойчивой системе представлений россиян о прошлом. Его популяризации служит активное продвижение праздника семьи, любви и верности, приуроченного к дню Петра и Февронии и отмечающегося еже-

годно 8 июля с 2008 г.² Как известно он служит своеобразной патриотической альтернативой католического Дня всех влюбленных и воспринимается в рамках «патриотического» дискурса как возвращение к национальным истокам в вопросах традиционных семейных ценностей. Показатель количества параграфов (разделов) в каждой энциклопедической статье напрямую не связан с популярностью объекта памяти. Он демонстрирует то, что даже тщательная проработка словарной статьи, наполнение ее боль-

² 18 января 2008 г. подписано коммюнике об учреждении Всероссийского дня супружеской любви и семейного счастья.

**Рейтинг популярности страниц героев истории России
в русскоязычном сегменте «Википедии»
(сост. по: (Русская Википедия 2017))**

№	Объект исторической памяти	Количество просмотров страниц в русскоязычной Википедии
1.	Путин В. В.	9 223 688
2.	Екатерина II	7 497 465
3.	Сталин И. В.	5 282 525
4.	Петр I	4 946 328
5.	Ленин В. И.	4 823 191
6.	Николай II	3 679 139
7.	Иван Грозный	3 615 404
8.	Александр II	2 531 553
9.	Александр I	2 429 599
10.	Николай I	2 230 161

шим количеством деталей отнюдь не гарантирует резкого взлета популярности героя/события в Сети. Так, лидер по этому показателю (количество разделов статьи) Сергей Радонежский находится по количеству просмотров страницы в «Википедии» на 14-м месте. Эта позиция обусловлена тем, что Сергей Радонежский традиционно оставался героем второго ряда, и принципиально изменить эту ситуацию в краткие сроки посредством интернет-ресурсов не представляется возможным.

Любопытно также проследить еще один количественный показатель — соотношение количества просмотров страниц героев средневековой отечественной истории и истории России более поздних периодов. В качестве «эталоны» воспользуемся показателями популярности Ивана IV и сравним с героями отечественной истории XVIII–XXI вв. (см. табл. 7).

Приведенная таблица наглядно демонстрирует, что самый востребо-

ванный средневековый персонаж не может на равных конкурировать за внимание пользователей с такими героями, как В. И. Ленин, И. В. Сталин, В. В. Путин и т. п.

В силу того, что анализ большого количества статей «Википедии», посвященных отечественной истории средневекового периода, не осуществим в рамках данного исследования, было принято решение оценить содержание статей о Иване Грозном и Владимире Святом как о главной болевой точке и месте консенсуса средневековой истории в национальной памяти соответственно. Обе статьи написаны в безэмоциональной манере и не содержат резких критических оценок. Жизнь обоих правителей описана через главные события их царствования. При этом раздел, посвященный крещению Руси, в статье о Владимире не выделяется в общей схеме повествования. Внимание авторов статьи уделено как церковно-просветительской, так и государственной и военной деятельности

князя. Схожая ситуация и в случае с Иваном Грозным: опричнина, как самое яркое явление его правления, вызывающее основные негативные ассоциации с первым русским царем, является наравне с другими этапами царствования лишь составной частью повествования. Имеют общие черты пункты, в которых характеризуется след правителей в культуре — художественной литературе, исторической живописи, кинематографе, музыке и др. Принципиальное различие этих статей лишь в том, что статья про Ивана IV включает в себя большой раздел, содержащий анализ историографии исследований, посвященных Ивану Грозному. Именно этот раздел, отражающий как негативные, так и положительные оценки личности и деятельности царя, позволяет говорить о том, что и в сетевом пространстве он продолжает оставаться болевой точкой национальной памяти. Рубрика, содержащая оценки личности и вклада героя в историю, присутствует, как правило, только в статьях о наиболее конфликтных объектах национальной памяти — например, Николае II, И.В. Сталине.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПОРТАЛ «ИСТОРИЯ. РФ»

Третий крупный источник исторического контента в Интернете — специализированные исторические сайты. Их множество, но большинство не занимают лидирующих позиций в своем сегменте («Культура», «Образование», «Развлечения»). Принимая во внимание сложность выбора того или иного портала, было принято решение

остановиться на федеральном портале «История. РФ», администрируемом РВИО, позиционирующем себя как «главный исторический портал страны» (История России 2017) и в определенной степени отражающем, таким образом, установки государственной политики памяти в современной России (Указ № 1710 2012). Хотя проект также позиционирует себя как интерактивный и организаторы ресурса привлекают разные группы участников и экспертов, редакционная политика позволяет контролировать как тематику обсуждений, так и основной контент сайта.

Проанализируем содержание ресурса. Внимание привлекает раздел «Личности». На данный момент на сайт загружено всего 43 биографии. Это деятели отечественной истории с древнейших времен до настоящего времени, представители политической, военной, культурной сфер. Среди персонажей допетровской истории России на сайте представлены биографии Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Александра Невского, Сергия Радонежского, Ивана III, Ивана IV Грозного, Ивана Сусанина, Алексея Михайловича, Николая — девять из сорока трех (21%). В разделе «Медиатека» ресурса «История. РФ» размещено 216 документальных фильмов, из них тринадцать (6%) про средневековый период отечественной истории. Единственный исторический деятель, про которого размещено два фильма — Дмитрий Донской. Также представлены документальные ленты о Владимире Мономахе, Александре Невском (в рамках цикла

фильмов о полководцах России), Степане Разине (серия фильмов о бунтовщиках), городах-крепостях России – Выборге, Старой Ладогe, Смоленске, Дербенте; Смуте и Соляном бунте, юбилейный фильм о 1150-летию российской государственности и лента о подводной археологии в Великом Новгороде. Подобный анализ раздела «Лекториум» (лекции по истории России) дает следующие результаты: 26 лекций из 100 посвящены допетровскому периоду российской истории. Этот результат нельзя назвать выдающимся с учетом того, что только двадцатому столетию на ресурсе посвящено 36 лекций. Интересно, что в разделе «Сувениры» сайта «История. РФ» целая коллекция носит имя «Князь Владимир». Сувениры, которые предлагаются потенциальному покупателю, содержат единственное изображение князя – на памятнике, установленном в Москве в 2016 г.

При всей скромности такого внимания к средневековым сюжетам, следует констатировать, что как на самом портале, так и в государственной образовательной политике внимания к средневековью все же больше, чем в обществе в целом. Это обстоятельство, вероятно, связано, с одной стороны, с особенностями образовательного контента, информационный массив которого по своей природе призван давать более целостную систему знаний/представлений о прошлом, нежели контент социальных сетей, отражающий дискретную природу массового исторического сознания. С другой стороны, средневековые объекты в своем абсолютном боль-

шинстве являются местами положительного консенсуса исторической памяти общества и в этом смысле более удобны в качестве инструментария для исторической политики.

СЕТЕВОЙ КОНТЕНТ В РЯДУ ИСТОЧНИКОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Ключевым вопросом настоящей статьи является вопрос о том, насколько чувствительны отличия исторического контента российского Интернета от таких «классических» источников представлений о прошлом, как школьные учебники, художественная литература, публицистика и др.? Прежде всего, можно с уверенностью утверждать, что Интернет принципиально не выделяется в ряду других массовых источников. Подтверждением тому служат, например, данные новейших соцопросов. Так, в апреле 2017 г., отвечая на открытый вопрос: «Назовите, пожалуйста, десять самых выдающихся людей всех времен и народов?» – респонденты крайне редко называли имена героев средневековой русской истории. В итоге ни один из этих персонажей так и не попал в первую двадцатку рейтинга популярности (см. табл. 8).

А при ответе на вопрос: «Какие периоды нашей истории вызывают у вас особый, повышенный интерес?» – респонденты поставили средневековье лишь на третью позицию после Великой Отечественной войны и Петровской эпохи (История России. Опрос). Эти данные схожи с полученными

Рейтинг популярности национальных героев в числе наиболее востребованных объектов памяти по данным сетевых источников и социологических опросов (сост. по: (Выдающиеся люди 2017; Русская Википедия 2017; Вконтакте 2017; Instagram 2017)).

№	«Википедия»	«Вконтакте»	«Instagram»	Социологический опрос (2017)
1.	Путин В. В.	Путин	Путин	Сталин И. В.
2.	Екатерина II	Ленин	Пушкин	Путин В. В.
3.	Сталин И. В.	Достоевский	Есенин	Пушкин А. С.
4.	Петр I	Есенин	Ленин	Ленин В. И.
5.	Ленин В. И.	Сталин	Гагарин	Петр I
6.	Николай II	Пушкин	Лермонтов	Гагарин Ю. А.
7.	Иван Грозный	Лермонтов	Ломоносов	Толстой Л. Н.
8.	Александр II	Булгаков	Сталин	Жуков Г. К.
9.	Александр I	Ельцин	Толстой	Екатерина II
10.	Николай I	Гагарин	Петр I	Лермонтов М. Ю.

в рамках данного исследования результатами анализа исторических групп в соцсетях – Великая Отечественная война и история Российской империи значительно превосходят русское средневековье по числу заинтересованных пользователей.

Сравнительный анализ популярности локальных объектов памяти (т. е. конкретных событий и персонажей) представлен в табл. 9. С одной стороны, он показывает некоторую неоднородность популярности объектов в разных сегментах сетевого контента. С другой стороны, наглядно демонстрирует, что сам круг объектов в целом особых трансформаций не претерпевает.

Можно предположить, что социальные сети отражают в большей степени усилия государства и церкви в популяризации героев, которые в нарративах наиболее популярной художественной

литературы и публицистики периферийны – Петр и Феврония, Юрий Долгорукий, княгиня Ольга, Дмитрий Донской. Неслучайно, как показывают материалы табл. 9, их рейтинг в социальных сетях коррелирует с содержанием «монументальной пропаганды», также по большей части являющейся реализацией церковно-государственной политики. Принципиальной особенностью сетевого исторического контента (прежде всего, в социальных сетях) является интерес к личности, а не к событию. По востребованности в социальных сетях даже такие «культовые» события средневековой истории, как Куликовская битва, Крещение Руси, Ледовое побоище, не могут соперничать с героями второго ряда типа княгини Ольги и Дмитрия Донского. Интересная особенность сетевых источников – популярность героев т. н. «церковного» или «религиозного» дискурса. Андрей Рублев, Сергей Радонежский, Петр и Феврония – персонажи,

Сравнительная таблица популярности локальных объектов исторической памяти о русском средневековье в проанализированных источниках
(сост. по: (Сосницкий 2015: 195; Русская Википедия 2017; Вконтакте 2017; Instagram 2017))

Место в рейтинге	Художественная литература	Публицистическая литература	Монументальная скульптура	«Википедия»	«Вконтакте»	«Instagram»
1.	Иван Грозный	Татаро-монгольское иго	(1) Александр Невский	Иван Грозный	Сергей Радонежский	Владимир Святой
2.	Опричнина	(2–3) Александр Невский	(2) Владимир Святой	Иван III	Владимир Святой (Красно Солнышко), Князь Владимир	Александр Невский
3.	(3–10) Куликовская битва	(2–3) Сергей Радонежский	(3–4) Княгиня Ольга	Владимир Святой	Иван Грозный	Князь Петр и Феврония
4.	(3–10) Смутное время	(4–10) Игорь Новгород-Северский	Дмитрий Донской (4) (3–4)	Крещение Руси	Александр Невский	Рюриковичи
5.	(3–10) Рюрик	(4–10) Евпатий Коловрат	(5) Юрий Долгорукий	Куликовская битва	Андрей Рублев	Иван Грозный
6.	(3–10) Иван III	(4–10) Елифаний Премудрый	(6) Михаил Александрович Тверской	Александр Невский	Степан Разин	Борис Годунов
7.	(3–10) Игорь Новгород-Северский	(4–10) Иосиф Волоцкий	(7–10) Свято-слав	Рюрик	Дмитрий Донской	Дмитрий Донской
8.	(3–10) Александр Невский	(4–10) Иван Грозный	(7–10) Ярослав Мудрый	Ледовое побоище	Княгиня Ольга	Юрий Долгорукий
9.	(3–10) Борис Годунов	(4–10) Смутное время	(7–10) Даниил Московский	Смута	Ярослав Мудрый	Ярослав Мудрый
10.	(3–10) Лжедмитрий	(4–10) Алексей Михайлович	(7–10) Иван Грозный	Ярослав Мудрый	Петр и Феврония	Княгиня Ольга

которые традиционно оставались лишь «культурным фоном» средневековья, становятся значимыми местами памяти. Однако необходимо отметить, что для пользователей, состоящих в сообществах, посвященных этим героям в социальных сетях, принципиально важны их деяния как святых, а не как исторических деятелей. Другой тип популярных героев социальных сетей — «универсальные» герои. Владимир Святой, Александр Невский, Ярослав Мудрый, Дмитрий Донской — это практически идеальные персонажи для «раскрутки» в сетевых источниках, т. к. сочетают в себе все черты перспективного героя — святой, военный, правитель. Можно предположить, что в каком-то смысле это происходит в рамках той политики памяти, которая активно проводится в отношении этих объектов (Ростовцев, Сосницкий 2016; Ростовцев, Сосницкий 2017; Ростовцев, Сосницкий 2018; Филошкин 2017; Сиренов 2016).

Несколько отличается в этом плане от социальных сетей и специализированных исторических сайтов «Википедия». Этот ресурс совмещает энциклопедическое и интерактивное начала, занимает как бы промежуточную позицию между традиционными источниками формирования культурной памяти и социальными сетями. От классической энциклопедии «Википедия» унаследовала раздел источников составления статей, их структуру и в большинстве случаев — претензию на объективность повествования, определенную «квазинаучность», ориентацию на устоявшиеся историко-культурные схемы объяснения прошлого.

От типичных интерактивных сетевых ресурсов «Википедия» принимает доступ анонимных пользователей к созданию статей, отсутствие сведений об ответственности. В этом смысле «Википедия», по нашему мнению, ярко характеризует интересы русскоязычного сегмента с точки зрения состояния культурной памяти общества, устойчивых историко-культурных дискурсов, ценностей и представлений, связанных с прошлым. По востребованности в данной интернет-энциклопедии, как и в большинстве других источников, средневековье находится на вторых ролях, а современному читателю (пользователю) по сути интересен лишь один персонаж — Иван Грозный, первый по времени яркий конфликтный объект исторической памяти (Сосницкий 2015).

Подведем предварительные итоги. Не вызывает сомнения, что сетевой контент ярко отражает как основные особенности того общего информационного фона, на котором формируются представления общества о прошлом, так собственно и ключевые элементы этих представлений, и результаты политики памяти. Допетровская Русь занимает *периферийное* положение в ландшафте памяти россиян, что интерактивный по своему характеру сетевой контент демонстрирует *более ярко, нежели любой другой тип источников*. В то же время он показывает и лишний раз доказывает и другое обстоятельство — эта эпоха в общественном сознании представляется своеобразным «золотым веком». Такая черта восприя-

тия объектов давнего прошлого делает его героев своеобразными *местами консенсуса* современного общества, полного идеологических и политических противоречий, в котором ни государство, ни другие социальные акторы не имеют сколько-нибудь стройного идеала будущего, исходя из которого можно было бы выстраивать картину прошлого. В этих условиях в обращении к не вызывающим ни у кого аллергии давним героям и событиям власть видит залог эффективной политики памяти, что находит отражение как в сетевом контенте, связанным с правительственными структурами, так и в социальных сетях, которые, как показывает наш анализ, в целом находятся под несомненным влиянием государственной информационной политики. Другое дело, что рассмотрение сетевого контента вполне показывает и его ограниченные возможности с точки зрения как значимого изменения рейтинга таких объектов в массовом общественном сознании, так и заданности границ таких изменений рамками культурной памяти общества, которая сама по своей природе мало зависит от текущей медийной конъюнктуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бакарадзе 2017 – *Бакарадзе Т. В.* Социальные сети Интернет универсальный помощник в рамках проектной деятельности на уроках истории // Символ наук. 2017. Т. 3. № 3. С. 86–88.

Вконтакте 2017 – Вконтакте. URL: vk.com/ (дата обращения: 08.09.2017).

Выдающиеся люди 2017 – Выдающиеся люди // Левада-центр. Аналитический

центр Юрия Левады. URL: www.levada.ru/2017/06/26/vydayushhiesya-lyudi/ (дата обращения: 03.10.2017).

История России 2017 – История России // Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL: www.levada.ru/2017/03/22/istoriya-rossii/ (дата обращения: 3.10.2017).

Головашина 2014 – *Головашина О. В.* «Любители истории» и история для любителей: представления о прошлом в социальных сетях // Философские традиции и современность. 2014. № 1. С. 114–123.

Денисов 2013 – *Денисов Ю. П.* Социальные сети русскоязычного Интернета как источник формирования образа Великой Отечественной войны в социальной памяти россиян // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 507–516.

Емельяненко, Ветошко, Малащенко 2017 – *Емельяненко В. Д., Ветошко А. Н., Малащенко И. В.* Интернет и мифологизация исторического сознания (ценностно-мировоззренческий аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 102.

Жарчинская 2014 – *Жарчинская К. А.* Миф и историческая память: образы славянской традиции в социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 4. С. 97–103.

История России. Опрос – История России. URL: histrf.ru/ (дата обращения: 02.10.2017).

Кадыкало 2015 – *Кадыкало А.* Образ ветерана Великой Отечественной войны в российских демотивационных плакатах // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов / отв. ред. А. Ш. Кабирова. Казань, 2015. С. 606–616.

Литкин, Секиринский 2015 – *Литкин М. А., Секиринский Д. С.* История

и киберпространство: расцвет цифровой культуры или «конец истории»? // Электронный научно-образовательный журнал История. 2015. № 5 (38). С. 1.

Ростовцев, Сосницкий 2017 — Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. «Куликовский плен»: Дмитрий Донской в исторической памяти российского общества второй половины XIX — начала XXI в. // Quaestio Rossica. 2017. Т. V. № 4. С. 1149–1163.

Ростовцев, Сосницкий 2018 — Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Владимир Святой как национальный герой // Диалог со временем. 2018. № 64 (в печати).

Ростовцев, Сосницкий 2016 — Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Забытый золотой век: Ярослав Мудрый и Русь Ярослава — переосмысления XIX — начала XXI в. // Русин. 2016. № 4 (46). С. 26–43

Русская Википедия 2017 — Википедия. URL: ru.wikipedia.org/wiki/%D0%D0%83%D0%81%D0%81%D0%B0%D0%8F%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%8F#.D0.9A.D0.BE.D0.BB.D0.B8.D1.87.D0.B5.D1.81.D1.82.D0.B2.D0.B5.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.B5 (дата обращения: 25.09.2017).

Самые популярные 2016 — Самые популярные социальные сети в России 2016 // Про СММ. Просто о Фейсбук и Instagram. URL: www.pro-smm.com/populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-2016/ (дата обращения: 18.09.2017).

Сифенов 2016 — Сифенов А. В. Легитимизация образа святого: о подлинности мощей Александра Невского // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1. С. 100–109.

Сосницкий 2015 — Сосницкий Д. А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX — начала XXI в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

Стебурако 2017 — Стебурако А. Н. Использование потенциала социальных сетей для изучения истории // Актуальные проблемы бизнес-образования. Мате-

риалы XVI Международной научной практической конференции. Минск, 2017. С. 196–198.

Указ № 1710 2012 — Указ № 1710 Президента Российской Федерации «О создании Общероссийской общественно-государственной организации “Российское военно-историческое общество”» от 29.12.2012 // Сайт «Российское военно-историческое общество». URL: rvio.histrf.ru/officially/ukaz-1710 (дата обращения^ 13.11.2017).

Филлошкин 2017 — Филлошкин А. И. Места памяти или память места? Две битвы Александра Невского в исторической памяти // Диалог со временем. 2017. № 60. С. 25–44.

Ernst 2013 — Ernst W. Digital Memory and the Archive / Edited by Jussi Parikka. Minneapolis, 2013.

Instagram 2017 — Instagram. URL: [www.instagram.com/https://www.instagram.com/](http://www.instagram.com/) (дата обращения: 08.09.2017).

Izquierdo 2006 — Izquierdo, F. Investigating, writing and teaching history in the Internet age. Presentation // Hispania-Revista Espanola de Historia. 2006. Vol. 222. P. 11–19.

Jose van Dijck 2007 — Jose van Dijck. Mediated Memories in the Digital Age. Stanford, 2007.

Memory, Conflict and New Media 2013 — Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States. New York, 2013.

Sierra 2008 — Sierra A. Medieval Internet: Research, Knowledge and Play, the new Time Travel // Imago temporis-medium. 2008. Т. 2. P. 261–287.

The Ethics of Memory 2014 — The Ethics of Memory in a Digital Age: Interrogating the Right to be forgotten / edited by Alessia Ghezzi et al. New York, 2014.

The Twentieth Century 2017 — The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception. Leiden; Boston, 2017.

MEDIEVAL HEROES AND EVENTS OF NATIONAL HISTORY IN NETWORK RESOURCES

Rostovtsev Evgeny A. — doctor of historical sciences, associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Sosnitsky Dmitry A. — candidate of historical sciences, specialist, St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Key words: historical memory, medieval Rus, VK, Instagram, Wikipedia, History.RF, network resources.

The article is devoted to the study of the image of the Russian Middle Ages in the network resources of the Russian-speaking Internet segment. The authors analyze the features of designing images of the most important memory spaces from the history of Russia's pre-Peter period and attempt to ascertain the importance of the modern interactive Internet content for forming of the notions about the past.

REFERENCES

Bakaradze T.V. Sotsial'nye seti Internet universal'nyi pomoshchnik v ramkakh proektnoi deiatel'nosti na urokakh istorii. *Simvol nauk*, 2017, vol. 3, no. 3, p. 86–88.

Denisov Iu.P. Sotsial'nye seti russkoiazynchogo Interneta kak istochnik formirovaniia obraza Velikoi Otechestvennoi voiny v sotsial'noi pamiati rossiian. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2013, no. 5, p. 507–516.

Emel'ianenko V.D., Vetoshko A.N., Malashenko I.V. Internet i mifologizatsiia istoricheskogo soznaniia (tsennostno-mirovozzrencheskii aspekt). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 2 (76), p. 102.

Ernst W. *Digital Memory and the Archive*, edited by Jussi Parikka. Minneapolis, 2013.

Filiushkin A.I. Mesta pamiati ili pamiat' mesta? Dve bitvy Aleksandra Nevskogo v istoricheskoi pamiati. *Dialog so vremenem*, 2017, no. 60, p. 25–44.

Golovashina O.V. "Liubiteli istorii" i istoriia dlia liubitelei: predstavleniia o proshlom v sotsial'nykh setiakh. *Filosofskie traditsii i sovremennost'*, 2014, no. 1, p. 114–123.

Instagram. URL: www.instagram.com/ <https://www.instagram.com/> (data obrashcheniia: 08.09.2017).

Istoriia Rossii. Levada-tsentr. Analiticheskie tsentr Iurii Levady. URL: www.levada.ru/2017/03/22/istoriya-rossii/ (data obrashcheniia: 3.10.2017).

Istoriia Rossii. URL: histrf.ru/ (data obrashcheniia: 02.10.2017).

Izquierdo, F. Investigating, writing and teaching history in the Internet age. Presentation. *Hispania-Revista Espanola de Historia*, 2006, vol. 222. P. 11–19.

Jose van Dijck. *Mediated Memories in the Digital Age*. Stanford, 2007.

Kadykalo A. Obraz veterana Velikoi Otechestvennoi voiny v rossiiskikh demotivatsionnykh plakatakh. *Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945 gg. v sud'bakh narodov i regionov* / otv. red. A.Sh. Kabirova. Kazan', 2015, p. 606–616.

Lipkin M.A., Sekirinskii D.S. Istoriia i kiberprostranstvo: rastsvet tsifrovoi kul'tury ili "konets istorii"? *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal Istoriia*, 2015, no. 5 (38), p. 1.

Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States. New York, 2013.

Rostovtsev E. A., Sosnitskii D. A. "Kulikovskii plen": Dmitrii Donskoi v istoricheskoi pamiatii Rossiiskogo obshchestva vtoroi poloviny XIX — nachala XXI v.. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. V, no. 4, p. 1149–1163.

Rostovtsev E. A., Sosnitskii D. A. Vladimir Sviatoi kak natsional'nyi geroi. *Dialog so vremenem*, 2018, no. 64 (v pechati).

Rostovtsev E. A., Sosnitskii D. A. Zabytyi zolotoi vek: Iaroslav Mudryi i Rus' Iaroslava — pereosmysleniia XIX — nachala XXI v.. *Rusin*, 2016, no. 4 (46), p. 26–43

Russkaia Vikipediia. *Vikipediia*. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Russkaia_Vikipediia#.D0.9A.D0.BE.D0.BB.D0.B8.D1.87.D0.B5.D1.81.D1.82.D0.B2.D0.B5.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.B5 (data obrashcheniia: 25.09.2017).

Samye populiarnye sotsial'nye seti v Rossii 2016. *Pro SMM. Prosto o Feisbuk i Instagram*. URL: www.pro-smm.com/populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-2016/ (data obrashcheniia: 18.09.2017).

Sierra A. Medieval Internet: Research, Knowledge and Play, the new Time Travel. *Imago temporis-medium*, 2008, vol. 2, p. 261–287.

Sirenov A. V. Legitimizatsiia obraza sviatogo: o podlinnosti moshchei Aleksandra Nevskogo. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2016, no. 1, p. 100–109.

Sosnitskii D. A. *Istoricheskaiia pamiat' o dopevskoi Rusi v Rossii vtoroi poloviny XIX — na-*

chala XXI v.: dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2015.

Steburako A. N. Ispol'zovanie potentsiala sotsial'nykh setei dlia izucheniia istorii. *Aktual'nye problemy biznes-obrazovaniia. Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi prakticheskoi konferentsii*. Minsk, 2017, p. 196–198.

The Ethics of Memory in a Digital Age: Interrogating the Right to be forgotten, edited by Alesia Ghezzi et al. New York, 2014.

The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception. Leiden; Boston, 2017.

Ukaz № 1710 Prezidenta Rossiiskoi Federatsii "O sozdanii Obshcherossiiskoi obshchestvenno-gosudarstvennoi organizatsii "Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo" ot 29.12.2012. *Sait "Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo"*. URL: rvio.histrf.ru/officially/ukaz-1710 (data obrashcheniia^ 13.11.2017).

Vkontakte. URL: vk.com/ (data obrashcheniia: 08.09.2017).

Vydaiushchiesia liudi. *Levada-tsentr. Analiticheskii tsentr Iuriiia Levady*. URL: www.levada.ru/2017/06/26/vydayushhiesya-lyudi/ (data obrashcheniia: 03.10.2017).

Zharchinskaia K. A. Mif i istoricheskaiia pamiat': obrazy slavianskoi traditsii v sotsial'nykh setiakh. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia*, 2014, no. 4, p. 97–103.

Размножение делением: Исторические парки «Россия — моя история»

Ключевые слова: мультимедийная выставка «Россия — моя история», историческая мифология, история России, идеологическая пропаганда, города России.

Сеть исторических парков «Россия — моя история» в разных городах страны — самый масштабный выставочный проект и экспозиционный комплекс в современной России. Первый парк был основан 12 июня 2017 г. в Уфе, и через полгода после запуска проекта география его площадок охватывает более 15 городов, простираясь от Санкт-Петербурга до Южно-Сахалинска.

«Историческая экспертиза» открывает серию публикаций, в которых профессиональные историки оценивают общую концепцию проекта, его идеологическую составляющую, а также методы экспозиционной практики.

А. А. Селин

О ВЫСТАВКАХ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПАРКЕ «РОССИЯ — МОЯ ИСТОРИЯ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Ключевые слова: «Россия — моя история», историческая политика, Санкт-Петербург.

Статья посвящена одному из вариантов имплементации исторической политики в современной России, в связи с открытием в Санкт-Петербурге «исторического парка» «Россия — моя история». В статье подробно разбирается контент выставочного проекта и делается попытка определить место этого проекта в конструкции исторической политики в России.

В Петербурге, на улице Басейной, 32 (для тех, кто не в курсе,

© Селин А. А., 2018

Селин Адриан Александрович — доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург); aselin@hse.ru

«человек рассеянный» был с другой улицы Басейной, с той, которая теперь носит имя Некрасова), неподалеку от метро «Парк Победы», непосредственно рядом с этим парком открылся еще один парк — т. н.

Рис. 1

«исторический парк» под названием «Россия – моя история» (рис. 1).

Это достаточно большой выставочный комплекс, включающий в себя большое выставочное помещение первого этажа, столовую на втором этаже и небольшое выставочное пространство на третьем. На первом этаже работают выставки «Рюриковичи», «Романовы», «1941–1945», «1945–2017» (они открылись для посетителей в середине декабря 2017 г.); на третьем – «История Санкт-Петербурга» (открыта после новогодних праздников, только для небольших, в 10–12 человек, групп с экскурсоводом, всего четыре группы в день) (рис. 2, 3).

После посещения выставок профессиональный историк выходит с ощущением проигрыша. Несложные технические решения (мультимедийные доски, проекторы, игры-тесты), дополненные весьма существенными капиталовложениями, обращение авторов к максимально широкой аудитории, латентно при-

сутствующая связь предлагаемого контента с Единым госэкзаменом по истории, главное – большое число посетителей, пришедших индивидуально и группами – все это свидетельствует о достигнутом авторами успехе. Несложном. Но уверенном. Что бы мы ни писали, как бы ни опровергали многочисленные фактические ошибки – никто не будет это демонтировать. Никто не будет сокращать рабочие места, открывшиеся в Петербурге и в других полтора десятках городов Российской Федерации. Программы издания популярных книг, публичные лекции – все это настроено совсем на другую аудиторию. Широкий посетитель, несомненно, выберет этот проект.

Подход, использованный авторами, достаточно примитивен. Сквозит дух евразийства, самым дурным образом преподанного. Смущает не обилие цитат из высказываний действующих политиков (хотя я, честно говоря, не думал, что они успели столько глупостей сказать), (рис. 4, 5), но, скорее обилие фраз

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

из Л. Н. Гумилева и Г. В. Вернадского (рис. 6, 7). И выстраиваемая на выставке общая картинка — это совершенно в духе особого пути, осажженной крепости, заговора. Попытки объективизма («Красные» и «Белые», проч.) — явно не удались авторам.

Принцип изложения истории, особенно истории до 1917 г., сродни сувенирной матрешке, где каждый последующий правитель вкладывается в предыдущего. Это не архаическая историография в духе середины XIX в. (вполне востребованная и в сегодняшнем школьном нарративе), а какая-то постархаика, где авторы вроде бы стремятся дополнить «политическую историю» историей

бытовой (объясняют, что такое баня, лапти, проч.), но принципиально отказываются при этом от всех достижений профессионального исторического знания, накопленного за последние 150–170 лет. И это совершенно адекватно запросам посетителя. Вероятно, такую «мою историю», без особенных сомнений и раздумий, гораздо проще воспринимать (и запоминать по царям-князьям-генсекам, тоже, видимо, проще). Хотя профессионала, конечно, умиляют некоторые номера, приставленные киевским и московским князьям (рис. 8).

Лишним «золотым зубом» отсвечивает блок «Аркаим», стилистически выпадающий из экспозиции.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

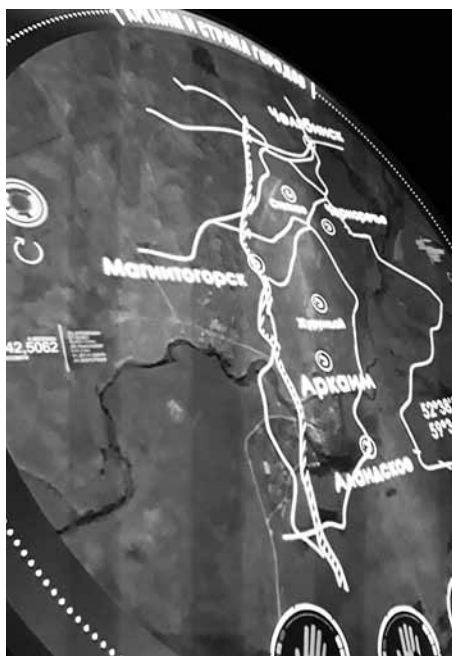

Рис. 9

Видимо, его некуда было пристроить (ну какое отношение Аркаим имеет к древнерусской истории?) и в центре одного из первых по хронологии выставочных пространств воткнули круглую тумбу с электронным табло, на котором – карты Южного Урала и «древнейший город Аркаим» (рис. 9).

Основная хронологическая канва выставок – это дурно понятая политическая история, «кто куда ходил». Стенд с каждым правителем дополнен картами, указывающими на его роль в присоединении/объединении/недопущении «распада державы» (такой «удержательницей» показана, в частности, княгиня Ольга, с подробностями, не снявшимися ни «Степенной книге», ни Вере Пановой) (рис. 10).

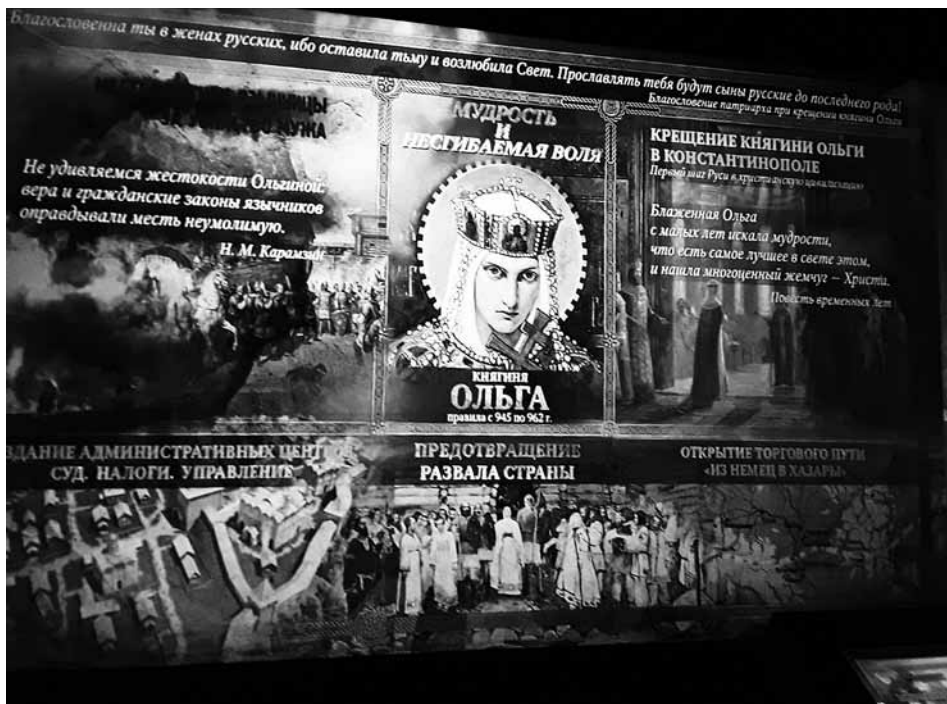

Рис. 10

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

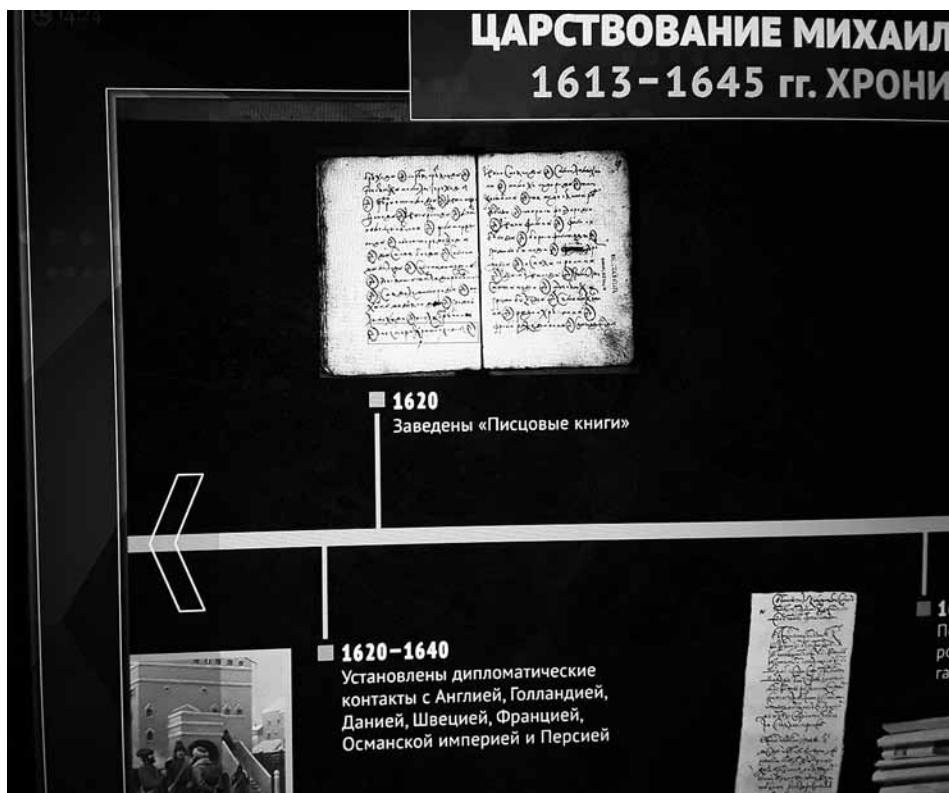

Рис. 11

Количество фактических ошибок зашкаливает, но еще большее впечатление производит очевидная их причина — небрежность подбора фактов, иллюстраций, явные результаты спешного поиска по «Википедии», без должной профессиональной критики. В ряде случаев создатели экспозиции просто не обладают квалификацией для определения явлений, о которых пишут (писцовые книги, «Иноземный приказ», проч.) (рис. 11).

В медиа уже довольно много написано о том, что рефреном сквозь обе «дореволюционные» выставки проходит идея «заговора против России» (и борьбе светлых сил / госу-

дарства против оногo). В самом деле, ряд тематических узлов настораживает, прежде всего, конечно, в описании обстоятельств убийства Павла I и особенно — в деле декабристов (рис. 12). Но этот же мотив встречен мной даже в стенде о XV в., где говорится о будто бы тевтонском шпионе в это время в Москве (рис. 13).

В разделе о петровской эпохе довольно подробно говорится о строительстве Санкт-Петербурга, но ни слова нет про Ниеншанц и Ингерманландию (рис. 14).

Однако в хронологическом перечне событий под статьей «Столбовский мир 1617 г.» — фотография бывшей

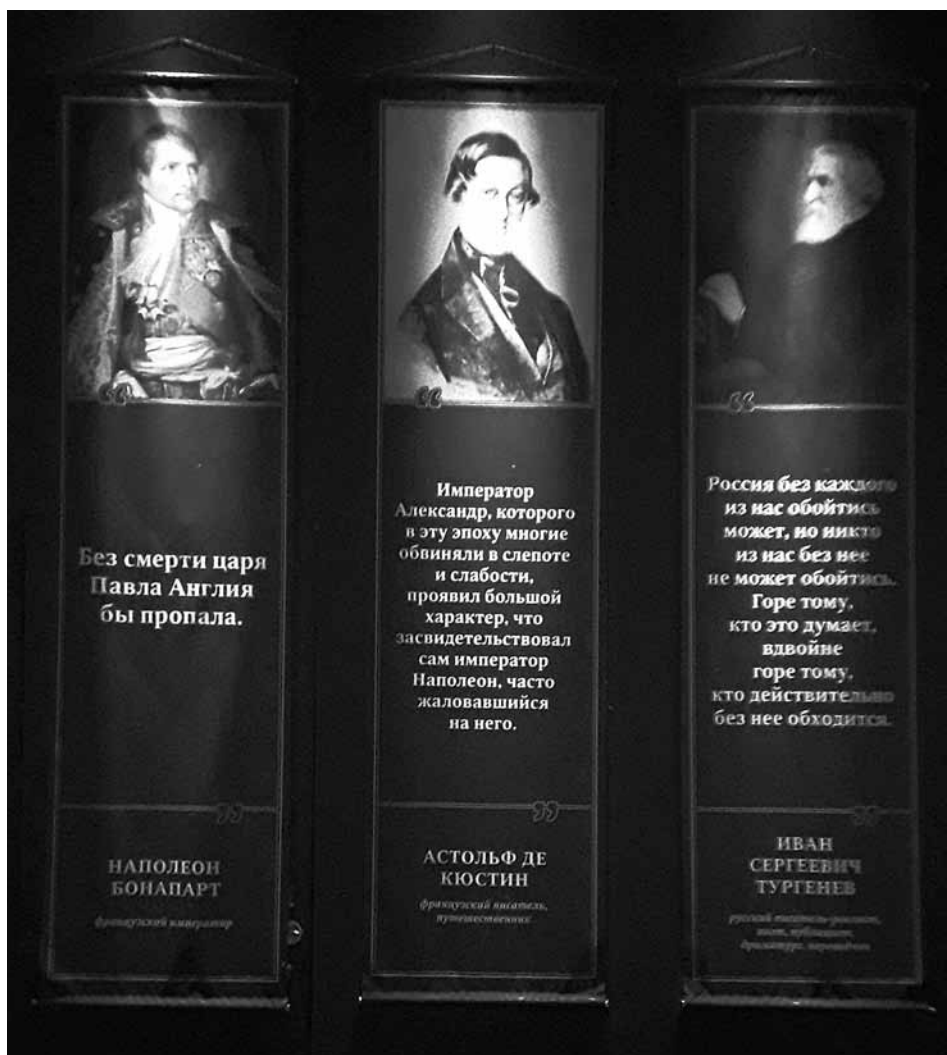

Рис. 12

экспозиции в уничтоженном накануне предполагавшегося, но так и не состоявшегося строительства «Охта-Центра» музейном комплексе «Ниеншанц» (рис. 15).

Несколько слов стоит сказать о выставках, повествующих о событиях в бывшей Российской империи — СССР — Российской Федерации после 1917 г. Здесь изложение,

за рядом исключений, максимально близко к «школьному нарративу», пока не переходит, при описании XXI в., в чистую пропаганду успехов. Видимо, тот пафос создателей «исторического парка», который подтолкнул их к возведению такого же комплекса в Екатеринбурге (в пике «Ельцин-Центру»), распространился на их образ позднейшей истории. Так, события на постсо-

ветском пространстве 2004–2016 гг. преподносятся только в рамках противостояния России и Запада. Комично, что среди т.н. «цветных революций» упоминается «попытка «болотной» революции в России» (рис. 16).

Однако считаю, что подано это умело, и человек политически ответственный, прочитав такой перечень, уйдет вполне убежденным в том, что в 2011–2012 гг. в российских крупных городах творилась революция.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ «ИСТОРИЧЕСКОГО ПАРКА» «РОССИЯ — МОЯ ИСТОРИЯ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Создатели (а точнее, как увидим далее, скорее консультанты) регионального (петербургского, соответственно) компонента т.н. «исторического парка» «Россия — моя

Рис. 13

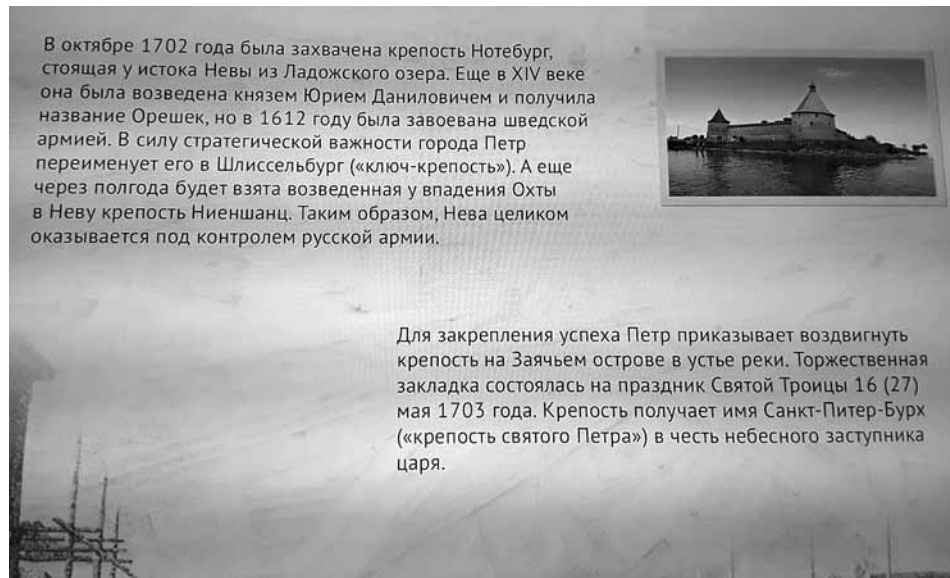

Рис. 14

Рис. 15

история» уверяют, что перед ними не ставились политические цели: их задачей было просто показать региональную историю. Так ли это — судить читателю.

Прежде всего, «петербургскую» выставку, расположенную на третьем этаже вновь построенного здания на Бассейной улице, можно посетить лишь по записи, которая ведется по телефону. Четыре раза в день для групп около 10–12 человек проводятся часовые экскурсии; сама экскурсия длится около получаса, примерно полчаса дается для того, чтобы самостоятельно побродить по выставке.

Встречают посетителя два манекена в костюмах «древнерусского воина» и «шведского воина» (рис. 17).

Рис. 16

Они стоят рядом с горизонтальной панелью, наподобие стола, на которой можно посмотреть «фильм» об истории Невской дельты до возникновения Петербурга (рис. 18).

Рис. 17

Это не фильм, строго говоря, а несколько наборов слайдов, сопровождающихся звуком. На этих слайдах приводится прежде всего военно-политическая история Невской дельты — от Невской битвы до Северной войны. Впечатляет использование фотографий раскопок Ландскроны (рис. 19, 20).

По какой-то причине археологические исследования Ниеншанца не использованы в данном фильме (хотя готовил этот блок собственно автор и тех, и других раскопок).

Рис. 19

Честно говоря, этот блок мог бы дать больше: тексты очень краткие, много серьезных упрощений, граничащих с ошибками (возможно, небольшое количество материала связано с тем, что посетитель на выставке проводит довольно мало времени). Примеры: «Шведский король Карл IX хотел посадить на московский престол своего сына Карла Филиппа» (Карл IX очень скептически относился к идее приглашения на московский стол одного из своих сыновей; посольство новгородцев, отправленное с этой целью в Стокгольм, не застало этого шведского короля в живых). «Шведская армия находилась на территории России как союзник против поляков» (шведский корпус призвали для поддержки Василия Шуйского против Тушинского вора, хотя корпусу

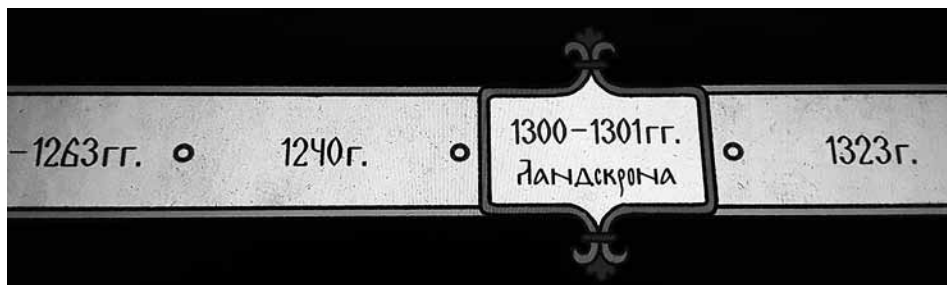

Рис. 18

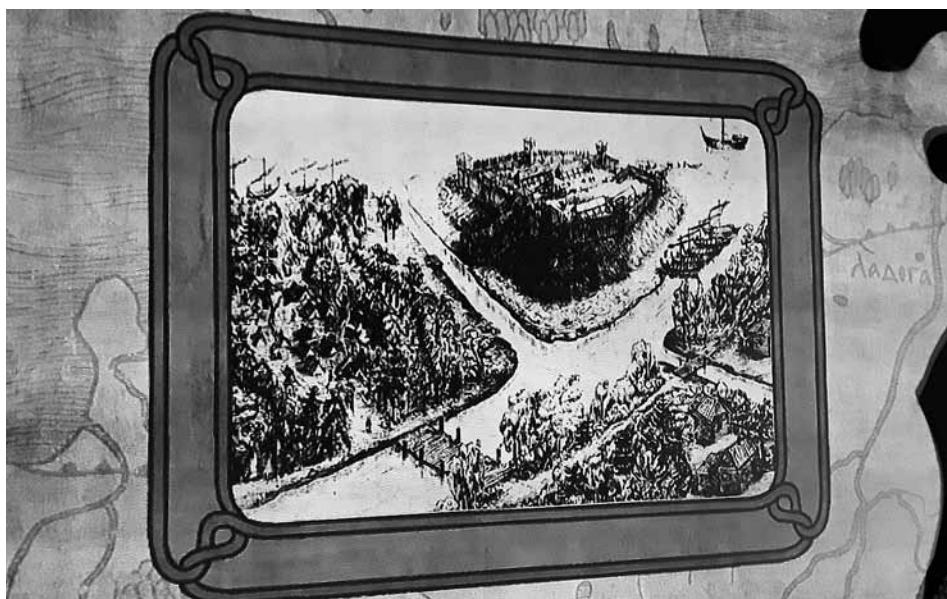

Рис. 20

Рис. 21

пришлось воевать и против войск Речи Посполитой). Город Ниен развивался в XVII в. на основе русского поселения «Невское устье» (очень неточно: русское поселение с таким названием неизвестно; в источниках упоминаются деревни и гостинный двор на Невском устье). «В середине XVII в. царь Алексей Михайлович начал войну за выход к Балтике» (эта война была серьезной ошибкой А.Л. Ордина-Нащокина, переоценившего силы царских войск).

Далее в нескольких залах представлен XVIII в. На мой взгляд — самая лучшая часть всей выставки. Показана стена «домика Петра», откуда, открывая дверь, можно услышать строгий окрик царя (рис. 21).

Представлена круговая панорама Невы и стрелки Васильевского острова с реконструкцией первоначальной застройки (рис. 22).

Рис. 22

Рабочий аннинского времени у печи (рис. 23), подробнейший план Петербурга середины XVIII в., на котором отмечено множество строений. Все это (как и везде на выставке) сопровождается мультимедийными стендами, где на линии времени (почему-то с хронологией справа налево) — блоки с датами и информацией. Почти вся информация — «гражданского» характера, за исключением, пожалуй, событий Северной войны.

Этот принцип — манекены в разных позах и блоки интерактивной информации — характерная черта всей выставки («допетровская» часть стилистически выпадает, и это очень заметно). Пуганые ходы между отдельными помещениями заставляют предположить, что экспозиция приспособляется к неудобному членению помещений,

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

а не помещения приспособлены под экспозицию.

Если XVIII в. составляет некую цельность, то уже XIX состоит из обрывков, фрагментов. Еще одна панорама с Сенатской площадью начала XIX в. (если подпрыгивать в сани, в которые садится два человека, то конь везет вокруг площади). Ни слова о декабристах. На Сенатской площади! Немного о первых, николаевских, железных дорогах. За решеткой ворот стоят полицейский и дворник (рис. 24).

Аккуратные рабочий и работница, изображающие рост города с ростом промышленности (здесь экскурсовод сказала об «уплотнительной застройке», в XIX в.!) (рис. 25).

Небезынтересен интерактивный атлас промышленности на террито-

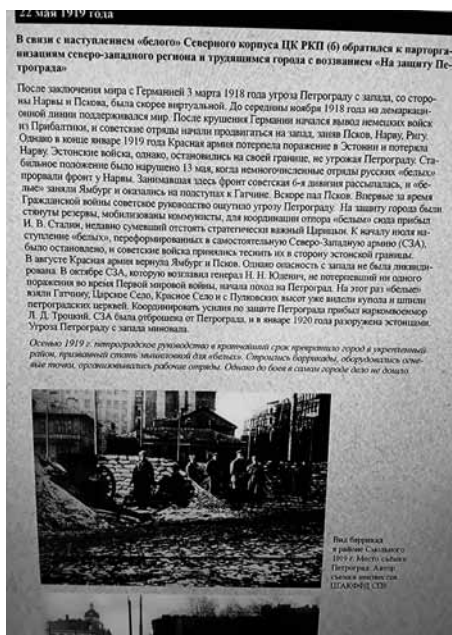

Рис. 26

рии Петербурга. Но это — для вдумчивого осмысления, а сегодняшний формат такого не предполагает, надо все смотреть быстро.

Если XIX в. состоит из каких-то фрагментов, то XX в. вовсе пугает (при этом тоже чрезвычайно фрагментарен). Выделяется общий период 1914–1921 гг. (что вполне допустимо, конечно). Броневик (копия апрельского, 1917 г., у Финляндского вокзала), солдат, матрос. Белых практически нет. Очень вскользь (это уже только в текстах) — про движение 1919 г., про Юденича (рис. 26).

Ни слова про Булак-Балаховича. Кронштадтское восстание обозначено как «последнее проявление насилия» в Петроградской округе). Я не нашел ничего о непризнанной Северо-Ингерманландской республике и о Карельском перешей-

Рис. 27

ке в 1919–1920 гг. (но устроители выставки, очевидно, говорят: мы не про политику, мы только про коммуникации).

Ну, а 1920–1930-е годы — ниже всякой критики. Благолепие полное — как в советском учебнике истории. Пионер-манекен (рис. 27).

На фотографиях — рост промышленности, рост благосостояния. Никакого «философского парохода». Никаких репрессий. Никакой Левашовской пустыни. Одно сплошное строительство. Зато есть информация об открытии в 1936 г. школы УГБ НКВД (рис. 28).

Манекен женщины-милиционера под светофором (рис. 29).

Война представлена очень бледно (и нет Зимней войны вовсе).

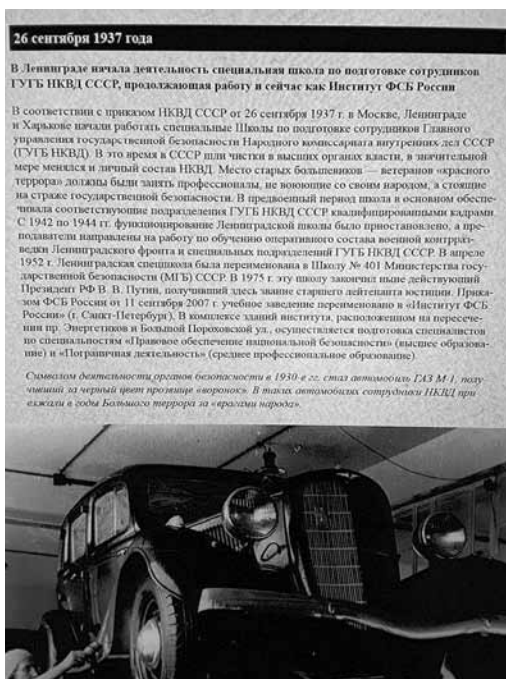

Рис. 28

Особый блокадный зал с «чашей слез» и метрономом, но вовсе без информации (экскурсовод что-то пролепетала о том, что «блокаду можно много где посмотреть»). Из всего XX в. удачей можно назвать, пожалуй, только раздел с восстановлением Ленинграда в 1944–1947 гг. (использованы малоизвестные плакаты, пособия для ленинградцев по ремонту зданий) (рис. 30).

Но нет ничего о «ленинградском деле». Дальше — «мирная жизнь» 1950–1970-х гг. Очень пустые залы. Манекен, изображающий инженера с кульманом (рис. 31).

Два манекена — свадьба морского офицера (здесь барышня-экскурсовод пояснила, что в «хрущевское время» отказались от венчания

Рис. 29

и перешли к светским свадьбам) (рис. 32).

Конца XX в. толком нет: стена с картинками о том, что город все время строится, вплоть до последнего планетария на Обводном канале (рис. 33).

Общая оценка заключается в следующем. Перед консультантами-историками была поставлена задача сделать нечто «региональное, неполитическое». Информация каждого небольшого блока подана неплохо (хотя я и привел существенные огрехи в «допетровском» разделе). Но общее впечатление от этой части выставки: манекены в разных позах, дополненные интерактивными текстами. Многие залы пустые: в углу стоит манекен, а на стене висит интерактивная доска, и все.

Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

Целостной картины истории Петербурга не получается, только какие-то разорванные фрагменты.

Что касается «неполитичности» — то шила в мешке не утаишь. Лакуны

выглядят преднамеренными. Об отсутствии декабристов (они, конечно, есть в выставке «Романовы», причем в полный рост) я упомянул. Вся история XX в. подана как в советском учебнике. Да, консультанты

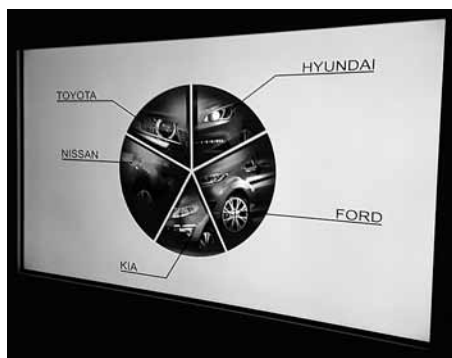

Рис. 33

могут сказать: мы проделали большую, качественную работу, качественно подготовили свои блоки. Верю (хотя про Гражданскую войну тексты явно слабее, чем могли бы быть, их готовил как раз специалист по Булак-Балаховичу). Но не получается без «острых вопросов» цельной картины истории города. Нельзя писать про школу НКВД и не писать про репрессии! Про убийство Кирова — ни слова: это же невозможно! Не может быть истории Петербурга как только лишь истории строительства и инфраструктуры. И потребитель этого, скорее всего, не понимает. Потребитель, конечно, сфотографируется у манекенов и выйдет с ощущением обилия разорванных фрагментов, из которых не складывается даже та благостная картина, которую предполагали создать заказчики.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА

Требуется осмыслить описываемое явление. Полагаю, что функционально появление стационарных «исторических парков» в Российской Федерации сродни появлению специфических государственных

институтов, действующих в ряде стран бывшего СССР и Советского блока: институтов национальной памяти. Прямая задача т.н. «исторических парков» в Российской Федерации — это историческая политика. Способ воздействия крайне прост: с помощью мультимедиа-технологий, без использования каких бы то ни было подлинных предметов прошлого (экспонатов) представить широкой публике (ориентируясь не только на массового одиночного посетителя, но и на группы школьников) свое видение истории. Оно крайне ангажированное; ряд акцентов, сделанных на выставках, кажутся даже маргинальными. Но настрой взят именно на «тираж», на невзыскательного, но алчущего доступной «простой истории» посетителя. Какие-то «спорные вопросы», как формулируется в (печально) знаменитом «историко-культурном стандарте», здесь сняты. А — это А, Б — это Б. Надо заметить, что, при всем заметном объеме капиталовложений, дурной вкус устроителей, их погоня за тиражом, какая-то непонятная спешка привели к использованию довольно простых и примитивных (хотя все еще выигрышных) форм подачи материала. Сравнение технологий, использованных на выставках в т.н. «историческом парке» и, к примеру, на любой современной выставке в Государственном Эрмитаже, просто невозможно: на выставках в «историческом парке» дурно организовано пространство (вновь построенное!). Темные залы, многие из них выглядят полупустыми (особенно в «региональном компоненте»), другие же, напротив — переполненными.

Роль «региональных компонентов» на выставке специфична. Они, с одной стороны, локализуют выставку в том или ином городе, регионе; с другой же — служат своеобразной амальгамой, верифицирующей, утверждающей «федеральные вы-

ставки». В самом деле: в петербургском «компоненте» выставки есть панорама Сенатской площади начала XIX в. Но нет декабристов. Где же декабристы? А они на первом этаже, на выставке «Романовы».

ABOUT EXHIBITIONS IN THE HISTORICAL PARK "RUSSIA IS MY HISTORY" IN ST. PETERSBURG

Selin Adrian A. — doctor of Historical Sciences, Professor, HSE (St. Petersburg)

Key words: "Russia — My History", historical policy, St. Petersburg.

The article is based on one verse of historical policy implementation in contemporary Russia. The main reason for the article is the opening of so called «Historical Park "Russia — My History"» in St. Petersburg. The author analysed the content of the exhibition and also tried to indicate the place of such projects in the construction of historical policy in contemporary Russia.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАРК «РОССИЯ — МОЯ ИСТОРИЯ» В ПЕРМИ

В кратком обзоре излагается взгляд историка на выставку «Россия — моя история» в Перми.

12 декабря 2017 г. в Перми открылись выставки грандиозного по масштабам проекта «Россия — моя история». Использование современных интерактивных средств, возможность познакомиться с множеством интересных деталей и т. п. — это то, чего явно не хватало в историческом просвещении.

Пермский парк отличает наличие значительного и профессионально подготовленного регионального компонента, позволяющего конкретизировать историю и приблизить ее к зрителю. Создателям «местных» экспозиций удалось подобрать огромное количество любопытных фактов региональной истории и богатый иллюстративный материал. В этой истории нашлось место почти всем личностям, оставившим более-менее значимый след в истории Прикамья: Ермак, Строгановы, Дягилев и многие, многие другие.

© Суслов А. Б., 2018

Сулов Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь); absuslov@gmail.com

Например, замечателен по своему исполнению и исторической интерпретации мультимедийный альбом о пермском зверином стиле, одном из наиболее ярких и своеобразных явлений в истории духовной культуры Прикамья. Зритель может почти что потрогать средневековые пластины, пронизки и подвески с изображениями зверей, птиц, человекоколось и т. п. Особо любопытные тут же найдут точно и компактно изложенную информацию об истории этого искусства, происхождении образов, композиционных особенностях и т. д.

Наряду с этим нельзя не отметить, что пермский клон мультимедийного парка сохраняет все или почти все отмеченные историками черты непрофессионального, идеологизированного подхода к истории¹. Бросается в глаза клерикальный уклон выставок, продвижение пригнопамятной формулы «самодержавие — православие — народность», фактическое оправдание любой власти, включая Ивана Грозного

¹ См. заявление Вольного исторического общества: URL: volistob.ru/statements/eshcheraz-o-multimedijnyh-parkah-rossiya-moya-istoriya.

и Сталина, фейки, часто встречающиеся отсылки к литературе вместо источников, отсутствие полифонии в оценке событий.

Вот только один весьма характерный пример. Выставка очевидным образом воспроизводит миф о счастливой жизни советских людей во второй половине 1930-х гг., однозначно положительно оценивается социальная политика этого

времени. Стенд «Жить стало лучше, жить стало веселее» подает этот давно обсмеянный сталинский афоризм без всякой иронии. Более того, авторы экспозиции всячески стараются убедить в этом зрителя. Например, следующим образом. Надпись мультимедийного киоска гласит: «С середины 1930-х годов важные перемены происходят в области потребления. <...> Наполнились прилавки магазинов, семьи стали получать

отдельные квартиры». И это на фоне фотографии большой очереди, стоящей за товарами по талонам (фото взято из фотоочерка «24 часа из жизни Филипповых», 1931 г. Фото: Макс Альперт, С. Тулес, Аркадий Шайхет / МАММ / МДФ / russiainphoto.ru). Т.е. интерпретация фотографии – очевидный фейк. И сразу же хочется задать много вопросов. Например: как много семей в то время получило отдельные квартиры? Известно ли авторам, что в разы больше ютилось в бараках и коммуналках? Известно ли организаторам выставки об ограниченности ассортимента советских магазинов и низкой покупательной способности зарплат советских трудящихся? Авторы экспозиции продолжают: *«Пищевая промышленность получает задание расширить ассортимент выпускаемых изделий, чтобы сделать доступными массовому потребителю товары, считавшиеся предметами роскоши, шоколадные конфеты, шампанское, элитные сорта духов и другое»*. Между тем истории довольно давно и доста-

точно убедительно показали, что массовому потребителю названные товары долго не были доступны². Авторы этого не знают или сознательно вводят зрителя в заблуждение?

Профессионально подготовленный региональный материал «растворяется» в доминирующей общей концепции исторического парка и подчиняется ей. В ряде случаев местный материал гармонично вписывается в генеральную линию: всё, что способствовало христианизации края, его русификации, усилению роли государства, расширению империи, даже милитаризации – подается позитивно.

Заметим, что предметом общественного беспокойства является не наличие в публичном пространстве выставки с авторским подходом к истории России. Хотя, если

² См., например: *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997.

имеется определенное государственное финансирование, есть о чем подискутировать. Главная проблема — в однолинейном представлении исторического прошлого нашей страны школьникам, которых в большом количестве приводят учителя (свидетельствую: мой путь по выставке пересекался

с тремя классами в сопровождении педагогов).

Профессиональному сообществу, возможно, стоит всерьез задуматься, что можно предпринять для ознакомления посетителей выставки, в первую очередь молодых людей, с другими подходами к истории страны.

HISTORICAL PARK "RUSSIA IS MY HISTORY" IN PERM

Suslov Andrey B. — doctor of historical sciences, professor of the Department of new and modern history of Russia, Perm State University of Humanities and education (Perm)

The short review presents the historian's view of the exhibition "Russia is My History" in Perm.

«МОЯ ИСТОРИЯ» ИЛИ «МОЯ МИФОЛОГИЯ»?

Ключевые слова: мультимедийная выставка «Россия — моя история», Екатеринбург, историческая мифология, история России, идеологическая пропаганда.

Знакомство с мультимедийной выставкой «Россия — моя Родина», открывшейся в Екатеринбурге по инициативе Патриаршего совета по культуре во главе с епископом Егорьевским Тихоном (Шевкуновым), оставляет сложное впечатление. Выставка адресована прежде всего молодежи, в ее оформлении широко использованы современные технологии, многое на ней будет интересно юным посетителям. С другой стороны, концепция выставки выглядит вполне архаичной, восходящей к знаменитой триаде «православие — самодержавие — народность», решающая роль в истории страны отводится государству и официальной церкви. Содержание многих материалов выставки и способы подачи информации свидетельствуют о том, что перед нами не столько историко-просветительский, сколько агитационно-пропагандистский проект, цель которого — утвердить в сознании посетителей выставки идею «особого пути» и особой миссии России, на протяжении многих веков противостоявшей враждебному ей Западу. Удивляет полное отсутствие информации о внешней политике СССР в 1939–1941 гг., отчего создается впечатление, что страна вступила во Вторую мировую войну не 17 сентября 1939 г., а 22 июня 1941 г. При этом часть разделов выставки, прежде всего основанных на региональных материалах, лишены налета идеологизации, чем выгодно отличаются от основного ее контента.

Мультимедийная историческая выставка «Россия — моя история», открывшаяся в Екатеринбурге в сентябре 2017 г., занимает два этажа специального музейно-выставочного павильона. Осмотр выставки занял у меня два с половиной часа,

© Мосин А. Г., 2018

Мосин Алексей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России УрФУ, председатель Уральского отделения Археографической комиссии РАН (Екатеринбург); alexg28@yandex.ru

для более обстоятельного знакомства со всеми залами выставки потребовался бы, видимо, целый день. Однако для того, чтобы получить представление о содержательном наполнении выставки и ее идейной направленности, потраченного мною времени оказалось вполне достаточно.

Выставка занимает два этажа здания: на первом этаже — Рюрикови-чи и Романовы (как предупреждают

уже при покупке билетов), на вернем — советский и постсоветский периоды. Периодизация отечественной истории по династиям и правлениям имеет давнюю традицию, которая в наши дни оказалась востребованной. Более того, концепция экспозиции первого этажа выставки вполне определяется сформулированной графом С. С. Уваровым в начале 1830-х гг. триадой «православие — самодержавие — народность».

С первого зала отчетливо звучит лейтмотив экспозиции: Русь (Россия) окружена врагами и недоброжелателями, не упускающими возможности воспользоваться ее слабостью, что порождает восприятие исторического процесса в парадигме «мы — они». По материалам обильно цитируемой «Повести временных лет» (без какого-либо корректирующего, уточняющего комментария историка), в период

Киевской Руси — это варяги, хазары и другие агрессивные соседи, взимавшие дань с Руси. При этом славяне характеризуются словами Н. М. Карамзина («Славяне не знали ни лукавства, ни хитрости...») и Н. Г. Устрялова («Славянское племя вообще имело более склонности к жизни мирной, чем воинственной»), рисующими картину скорее идиллическую, чем реально историческую.

«Правильное» восприятие целых исторических периодов и отдельных личностей, прежде всего правителей и церковных деятелей, задается изображениями и краткими текстами на стенах залов. Подробнее отдельные сюжеты представлены в мультимедиа, там зачастую приводятся более взвешенные, развернутые характеристики, но не каждый посетитель выставки об этом узнает, а во время экскурсий общее зрительное впечатление

от настенных материалов будет в основном дополняться лишь рассказом экскурсовода. Поэтому в «сухом остатке» от поверхностного знакомства с материалами выставки останется то, что Владимир и Ольга – святые (расправа княгини Ольги с древлянами объясняется общей жестокостью нравов дохристианской эпохи), Ярослав – мудрый, а убитый древлянами Игорь – «бесславный правитель», для которого характерны «глупость и алчность». Подобными прямолинейными, упрощенными оценками исторических деятелей пестрят и другие залы выставки.

Значение обретения славянами письменности обосновано словами святителя Николая Сербского: «Свято то, что святые люди создали. Кириллицу создали святые братья Кирилл и Мефодий, от того она и свята». При этом создате-

лей экспозиции не смущает то, что один из солунских братьев, Кирилл, изображен со свитком с кириллической азбукой в руках, хотя на сегодня достоверно установлено, что она была изобретена после смерти Кирилла и ей исторически предшествовала глаголица.

Основные мысли, проводимые разработчиками экспозиции, подкреплены многочисленными цитатами, применительно к дореволюционному периоду – в основном из трудов историков XIX в. Для придания им большей весомости приводятся также высказывания современных политиков и церковных иерархов – например, деятельность Александра Невского характеризуют министр иностранных дел С. В. Лавров («Александр Невский заложил основы многовекторной российской дипломатии») и патриарх Кирилл («Александр Невский олицетворяет

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

истинный патриотизм...»; остается предположить, что его старший брат Андрей, поднявший антиордынское восстание, жестоко подавленное тем же Александром, должен олицетворять ложно понятый патриотизм).

Интересно наблюдать не только за тем, что при характеристике отдельных личностей подчеркивается, но и за тем, о чем умалчивается или говорится вскользь, едва заметно. Среди заслуг Ивана Калиты крупно заявлены его попечение о народе и «дела милосердия», а о жестоком подавлении антиордынского восстания в Твери сказано одной строкой в мультимедиа, куда, опять же, не каждый заглянет. В результате образ этого князя представлен не вполне объективно, однобоко. Это в целом характерно для портретов правителей, исключения

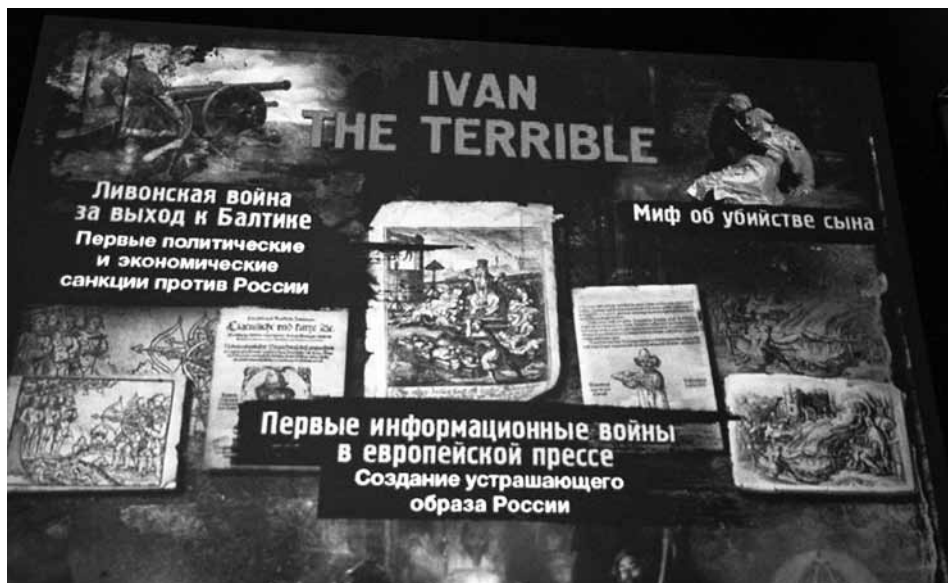
из этого правила немногочисленны и хорошо известны по дореволюционным школьным курсам истории.

В русле господствующей идейной направленности выставки, в панегирических тонах дана оценка идеи старца Филофея «Москва — третий Рим». Явно сочувственно, в стилистике трудов В. Р. Мединского, оценивается личность и роль в истории России Ивана Грозного: число казненных за 51 год его правления оценивается в четыре тысячи, тогда как в Европе и Азии в то же время были «сотни тысяч жертв». Но дело не в отдельных натяжках и неточностях, а в общем пафосе этого раздела экспозиции, суть которого отражена в приводимой ниже пространной цитате: «При Иване Грозном Россия впервые вступила в открытое

противостояние с западным миром, который с нескрываемым страхом наблюдал за стремительным развитием Московии. Западные фобии выразились не только в усилении технологической и экономической блокады Русского государства, но в появлении стойких антироссийских стереотипов. Главной жертвой этой пропаганды стал сам русский царь, превратившийся под пером западных писателей в воплощение тирании и варварства. Позднее нелестные характеристики Ивана Васильевича стали доминировать и в отечественной литературе, вытеснив аутентичный для русской исторической памяти образ “Грозного царя”, страшного для врагов внешних и внутренних и крепко хранящего свою державу». Этот текст принципиально важен для понимания общей концепции выставки, основанной на приоритете государственных интересов и рассмотрении государства как величайшей национальной ценности.

В традиционный «джентльменский набор», сопровождающий образ Ивана Грозного, входят, разумеется, и «миф об убийстве сына», и «присоединение Сибири» (начавшееся на самом деле после его смерти). Зато ничего не сказано о связи его эпохи с событиями Смутного времени, причины и корни которого серьезно не анализируются. Завершающее этот период избрание на царство Михаила Романова представлено в исключительно апологетических тонах.

В отзывах деятелей русской культуры о династии Романовых в целом и об отдельных ее представителях, в полном соответствии с концепцией выставки, господствуют хвалебные и откровенно восторженные мотивы. Вот лишь одна фраза из царелюбивого панегирика Н.В. Гоголя: «Любовь вошла в нашу кровь, и завязалось у нас всех кровное родство с царем». При этом толкование реальных событий порой не вы-

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

держивает никакой критики. Так, на стенде, посвященном императору Павлу I, почетное место занимает пророчество Ксении Петербургской: 47 букв приписываемого ей текста должны были означать, что жизнь государя прервется на 47-м году. Основным вектором раскрытия темы «Николай I и русская культура» служит утверждение, что этот император проводил «политику возрождения национальной культуры». О судьбах П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена, А.И. Полежаева, Т.Г. Шевченко и многих других деятелей отечественной культуры в русле этого «возрождения» или не говорится вовсе, или упоминается походя, они не служат объектом пристального внимания, поскольку не укладываются в представления о «попечительной», просвещенной власти.

Интерпретация вступления России в Первую мировую войну и роли этого глобального события в судьбе страны доверена такому авторитетному эксперту в области «трудных вопросов» отечественной истории, как В.В. Путин. Его оценка заслуживает того, чтобы привести ее целиком: «Накануне Первой мировой войны Россия сделала все, чтобы убедить Европу мирно, бескровно решить конфликт между Сербией и Австро-Венгрией. Но Россия не была услышана, и ей пришлось ответить на вызов, защищая братский славянский народ, ограждая себя, своих граждан от внешней угрозы. Однако победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего отечества, своей страны, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интере-

сы». Это — своего рода камертон, настраивающий на восприятие мировой войны и развивавшихся на ее фоне революционных событий как заговора против России.

События Февральской революции, вопреки сложившейся исследовательской традиции, излагаются как «хроника переворота», их активные участники делятся на «не предавших» (каковых были единицы) и «предавших» царя, в разншерстных рядах которых — князь Г.Е. Львов, А.И. Гучков, П.Н. Милоков, М.В. Родзянко и многие другие видные политические деятели, словесные портреты которых написаны в исключительно мрачных тонах. За их спиной, как выясняется, стояли послы стран Антанты (в состав которой, между прочим, входила и Россия). Основная идея здесь такая: да, кризис в России был, но далеко не всякий кризис приводит к революции. А чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что революция в России была делом рукотворным, начало знакомства посетителей выставки с экспозицией второго этажа сопровождается дикторским текстом, поясняющим, что «переворот» в России был осуществлен элитами при поддержке западных стран, и проводящим параллели с современными «цветными революциями» и «майданами». Это создает необходимый настрой для восприятия представленных на выставке материалов отечественной истории последнего столетия.

Весьма красноречив текст, значащий посетителей выставки с биографией видного деятеля

большевистской партии, а затем советского государства И.В. Сталина. Отмечается, в частности, что во время Гражданской войны он получил «огромный опыт военно-политического руководства крупными массами войск на многих фронтах» (далее перечислены оборона Царицына и Петрограда, действия Красной армии против Деникина, Врангеля, поляков). Подчеркивается, что Сталин «сыграл ключевую роль в достижении победы», но ни слова не сказано о том, какова была его роль в становлении тоталитарного режима в СССР, а об организации массовых репрессий говорится лишь в связи с событиями 1937–1938 гг.

Раздел выставки, посвященный государственному террору в СССР, оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, очень подробно и содержательно представлено все, что касается репрессий против православной церкви,

духовенства и верующих. С другой стороны, непропорционально мало материалов о таких трагических страницах истории страны и ее народа, как раскулачивание, неоднократно организованный советской властью голод, несколько волн массовых политических репрессий, жертвами которых стали миллионы наших соотечественников, принадлежавших к разным слоям общества, национальностям и вероисповеданиям. Вообще ничего не сказано о репрессиях в вооруженных силах, почти полностью уничтоживших командный состав Красной армии накануне Второй мировой войны — наоборот, подчеркивается, что в предвоенные годы укреплялась обороноспособность армии и быстрыми темпами шло ее перевооружение.

На стенде, предвещающем знакомство с периодом 1936–1941 гг., сообщается, в частности, что здесь мож-

но будет узнать, «как развивалась геополитическая ситуация и что делала советская дипломатия», «в каких военных конфликтах и войнах принимал участие СССР до 1941 г.». Но напрасно посетители выставки будут искать в этом зале материалы о пакте «Молотов – Риббентроп», о вступлении СССР во Вторую мировую войну 17 сентября 1939 г. фактически в статусе союзника фашистской Германии, о нападении СССР на Финлян-

дию и последовавшем за этим исключении нашей страны из Лиги Наций как агрессора, о включении в состав СССР прибалтийских республик и последовавших за этим репрессиях против их граждан, о расстрелах пленных польских офицеров – и еще о многом другом.

А в следующем зале изложение событий начинается с 22 июня 1941 г., так что у не очень сведущего в истории

посетителя выставки может сложиться впечатление, что именно в этот день, после вероломного нападения на нашу страну гитлеровской Германии, Советский Союз и вступил во Вторую мировую войну. Такое впечатление косвенно подкрепляется стендами, содержащими информацию о целях и итогах войны для основных ее участников – Германии, Великобритании, Франции, США, СССР и Японии: для СССР все подсчеты проводятся по периоду Великой Отечественной войны, тогда как для всех других стран – по всему периоду Второй мировой войны. Но организаторов выставки такая подмена, по-видимому, не смущает.

При знакомстве с выставкой бросается в глаза не только обилие цитат, но и то, что подбор их не случаен. Цитаты эти далеко не всегда проверены по первоисточникам (такой задачи просто не ставилось), зачастую вырваны из контекста, но они «работают» на достижение цели выставки. Порой это напоминает спор, в котором аргументы предъявляются лишь одной из сторон, а подтверждения достоверности приводимых аргументов не требуется. Выставка, призванная отразить историю страны во всей ее сложности и противоречивости, временем превращается в агитплощадку,

а в качестве спикеров выступают порой такие неоднозначные, мягко говоря, исторические фигуры, как Сталин. Когда организаторы выставки в разделе, посвященном установлению нового миропорядка после завершения Второй мировой войны, приводят слова Сталина о стремлении Запада «заменить господство Гитлеров господством Черчиллей» и оставляют этот текст без каких-либо комментариев, то это воспринимается как согласие с вышеприведенным утверждением. Подобных примеров можно привести многие десятки, все это и составляет идеологическую матрицу экспозиции.

Последние залы выставки, посвященные постсоветскому периоду, содержательному анализу не подлежат, поскольку представленные в них материалы в основном состоят из хорошо знакомых штампов и клише, отражающих совершенно однозначную трактовку тенденций общественного развития: от «развала СССР» и «лихих девяностых» к стабильности в условиях суверенной демократии и сплочению нации под лозунгом «Верим Путину!»

Последнее впечатление – три цитаты о значении культуры, принадлежащие В.В. Путину, Н.А. Нарочницкой и Д.С. Лихачеву. Учитывая то,

что академик Лихачев ушел из жизни до того, как к власти пришел нынешний глава государства, включение его в один контекст с Путиным и Нарочницкой смотрится анахронизмом и звучит явным диссонансом — уместнее во всех отношениях на этом месте смотрелся бы В. Р. Мединский.

Справедливости ради необходимо отметить, что на выставке есть несомненные удачи. Многие тексты подготовлены вполне профессионально, оценки отдельных исторических событий точны и не вызывают возражений. В первых залах наглядно представлен вещный мир Киевской и Московской Руси, живо и интересно рассказано как о времени появления многих предметов, так и о происхождении их названий. Практически безупречно подготовлены региональные разделы дореволюционного периода, материалы которых лишены какой-либо идеологической нагрузки, принцип их подбора и организации в экспозиции — исключительно научная достоверность. Именно здесь история представлена в сложной взаимосвязи процессов и явлений, обусловленных логикой развития общества и государства (многообразие населяющих Урал народов и их культур, вхождение региона в состав Российского государства, крестьянская колонизация, становление и развитие горнозаводской

промышленности, распространение старообрядчества, появление городов, многоукладность хозяйственной жизни и т. д.). Наличие этих разделов позволяет судить о том, как могла бы выглядеть выставка «Россия — моя история», если бы этот принцип был последовательно выдержан на всем ее пространстве и зерна исторических фактов, явлений и процессов были бы отделены от идеологической шелухи.

Подводя итог своим впечатлениям от посещения мультимедийной выставки «Россия — моя история», должен признать, что ее следует рассматривать как проект не столько историко-просветительский, сколько агитационно-пропагандистский. Косвенно сверхзадача этого проекта подтверждается тем, с какой неслыханной скоростью сеть подобных «исторических парков» развертывается по всей стране, не считаясь с огромными затратами и не обращая внимание на громадное количество чисто фактологических ляпов, неизбежных в подобной спешке. Насколько мне известно, предполагается в обязательном порядке организовано пропускать через такие выставки школьников. В этой связи возникает резонный вопрос: а не будет ли с точки зрения развития исторического сознания учащихся от этого больше вреда, чем пользы?

“MY HISTORY” OR “MY MYTHOLOGY”?

Mosin Alexey G. — doctor of historical sciences., professor of the Department of history of Russia, Ural Federal University, Chairman of the Ural branch of the Archeographic Commission of RAS (Ekaterinburg)

Key words: multimedia exhibition “Russia – my history”, Ekaterinburg, historical mythology, Russian history, ideological propaganda.

The examination of the multimedia exhibition “Russia – my history”, that was opened in Ekaterinburg on the initiative of the Patriarchal Council for Culture, with the Bishop Tikhon (Shevkunov) of Egorievsk as the Curator, produces a very contradictory impression. The exhibition is addressed first of all to the youth, the modern technologies are broadly used with the goal to attract the young visitors. But on the other hand, the exhibition’s concept is very archaic, it goes back to the count Uvarov’s formula “Orthodoxy, Autocracy, and Nationality”, so the State and the Church are viewed as the determinants of the Russian history. The content of many exhibited materials as well as the methods of its presentation testify the propagandistic character of this project, which is manifested in the accent of the idea of the “particular way” and the special mission of Russia, resisting to the hostile West for many centuries and in many spheres. The visitor would not get any information about the Soviet foreign policy in 1939-1941, so the impression is formed that the USSR entered in the World War II not on 17 September 1939, but only on 22 June 1941. At the same time, some sections of the exposition, first of all those which are based on the regional materials, are free of any ideological propaganda, differing for the better from the main content of the exhibition.

ДРУГОЙ ВЗГЛЯД НА ЭКСПОЗИЦИЮ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ. «РОССИЯ — МОЯ ИСТОРИЯ»: НЕ ТАК СТРАШЕН ПАРК, КАК ЕГО МАЛЮЮТ

В январе 2018 г. «Историческая экспертиза» опубликовала на своем сайте ряд отзывов на выставочный проект «Россия — моя история», охвативший полтора десятка крупных российских городов, и через соцсети призвала историков и более широкого читателя «на местах» делиться мнением. Журналист из Екатеринбурга Алексей Прокопьев предложил свое видение местной выставки в дополнение к отзыву профессора А. Г. Мосина. «При всем уважении к Алексею Геннадьевичу, — пишет он, — я не согласен с ним по основным моментам. Возможно, моя точка зрения будет для вас (и для читателей) небезынтересной».

В 2017 г. в дюжине крупных городов от Ставрополя до Южно-Сахалинска открылись филиалы исторического парка «Россия — моя история». Появился такой и в Екатеринбурге.

Парк делится на четыре экспозиции — «Рюриковичи», «Романовы», экспозицию под пафосным названием «От великих потрясений к великой победе», посвященную периоду 1914–1945 гг., и «1945–2016». Каждая экспозиция состоит из нескольких залов, в которых посетитель на сенсорных экранах может прочесть о важнейших событиях, процессах и персоналиях россий-

ской истории. Основной контент дополняется короткими видеороликами, играми и цитатами, украшающими стены. Получается этакый интерактивный учебник истории.

Целью проекта было заявлено приобщение широких масс к отечественной истории, чему соответствует и демократичная цена билета (в Екатеринбурге всю выставку можно обойти за 400 рублей, пенсионерам и детям — льготный тариф). Однако в профессиональном сообществе парк вызвал преимущественно негативные оценки и был подвергнут критике за одностороннюю и предвзятую трактовку исторического процесса в духе великодержавности и «особого пути» России, а проще говоря, был

© Прокопьев А. А., 2018

Прокопьев Алексей Александрович — журналист, историк (Екатеринбург); lex.atig@gmail.com

обвинен в идеологической пропаганде. Именно поэтому в своем отзыве я решил особо остановиться на «пропагандистском» аспекте, а уже потом разобрать прочие плюсы и минусы выставки.

В первых же залах экспозиции «Рюриковичи» поиски великодержавной идеологии дают отрицательный результат. Русь отнюдь не представляется мощным, но мирным и самобытно развивающимся государством, со всех сторон осаждаемым врагами. Напротив, посетителю постоянно указывают на широчайшее взаимодействие с другими, зачастую более развитыми государствами, и военным походам внимания уделяется не больше, чем торговле и междинастическим бракам. Демонстрируются обширные культурные заимствования — от религии до гречневой каши. Нет однозначности в личностях князей, даже представленных к лику святых, они не делятся на «хороших» и «плохих». Междоусобные войны справедливо поданы как общая трагедия и одна из причин поражения перед монголами, но не единственная — авторы контента признают военное и политическое превосходство империи Чингисхана. В то же время такое признание не становится поводом ни для разглагольствований на тему «Русь спасла Европу от порабощения», ни для интерпретаций в духе Гумилева об относительном благе монгольского завоевания. Ключевым деятелям (Александр Невский, Иван Калита, Иван III) даются взвешенные и разносторонние характеристики, «некрасивые» моменты их биографий не замалчиваются.

Зал Ивана Грозного — едва ли не самый критикуемый. Однако, если не вырывать отдельные фразы из контекста, «пропагандистский» налет тускнеет. Да, налицо эпизод «Первые информационные войны», но как именно первый в российской истории случай такой формы внешнеполитической борьбы эти факты действительно любопытны и достойны упоминания (хотя, не будучи специалистом по XVI в., не берусь утверждать, что это первый случай), а в дальнейшем, вплоть до холодной войны, ничего подобного найти не получится — никаких «информационных атак Запада при Елизавете» или «вражеской пропаганды при Николае I». Рассказ о политике террора, реализуемой европейскими монархами, конечно, можно воспринимать как оправдание русского царя («рядом со своими современниками Иван IV выглядит вполне кротким правителем»), но зачем тогда было размещать тут же «Миф о невиновности Ивана Грозного», провозглашающий, что «массовым казням без суда и следствия нет оправданий»? А ведь тема жестокости как нормы XVI в. — это еще и полезное напоминание для неискушенного: нельзя оценивать прошлое с позиций современной морали и поведенческой логики. И, кстати, именно в этом зале можно увидеть единственный на всю выставку историографический обзор — противоположные оценки oprичнины историками.

В экспозиции «Романовы» также не заметно общей ангажированности и какой-либо сквозной идеи. Но именно здесь попадаете пер-

вый образчик безусловной пропаганды (искусственность, с которой он вписан в окружающий контент, прямо-таки бросается в глаза) — небольшой опус о белых ленточках как символе коллаборационизма при Наполеоне и Гитлере («ношение белых ленточек стало ассоциироваться в народе с предательством»). Образчик одновременно забавный и удручающий: слишком уж он перекликается с недавними попытками противоположного идеологического «лагеря» представить георгиевскую ленточку символом РОА...

Также в «Романовых» проявляется нездоровый интерес авторов контента к масонам. Тексты о них намекают на «нехорошую» революционность («французская революция проходила под масонскими лозунгами свободы, равенства и братства») и возможность зарубежного влияния, но при этом не содержат подкрепляющих намеки аргументов и даже, напротив, хвалят масонов за вклад в российское просвещение.

В то же время ряд тем, которые было бы очень удобно использовать в идеологических целях, — восстание декабристов, народовольческий террор — не несут никакой внеобразовательной нагрузки. Идею западного влияния можно усмотреть в, казалось бы, обязательном тексте про Общество друзей русской свободы, однако подозрение нивелируется упоминанием малочисленности и бессильности этого общества, распавшегося на фоне сближения России с Англией в преддверии Первой мировой войны.

Экспозиция, посвященная первой половине XX в., казалось бы, не могла обойтись без идеологических акцентов. Но и здесь реальность оказывается лучше ожиданий. Революции 1917 г. и Гражданская война поданы как всенародная трагедия, не имеющая правых и виноватых. Упоминание иностранного «следа» не выходит за рамки перечисления фактов. И даже довольно явная антипатия авторов к большевикам (обусловленная, впрочем, скорее религиозными, чем политическими мотивами) не помешала им уравнивать «Красный террор» «Белым террором» и разместить рядом с экраном, транслирующим «кровавые» цитаты Ленина («диктатура означает никакими законами не стесненную, на насилие опирающуюся власть»), экран, информирующий о социально-экономических успехах большевиков («к 1920 году в Советской России было открыто 5 000 детсадов», «советская система здравоохранения стала примером для многих стран»).

В залах, посвященных сталинскому периоду, стремление к объективному изложению достигает кульминации. В хронологических лентах соседствуют переход к всеобщему начальному образованию и разгром «правой оппозиции», пуск Новокузнецкого комбината и закон о трех колосках, советская атомная бомба и «ленинградское дело», автомобиль «Победа» и послевоенный голод. На экранах — успехи первых пятилеток и семизначные цифры жертв репрессий (приведены «официальные оценки» и более крупные «оценки историков»). На стене рядом висят цитаты писателей Сноу

(«Сталин был куда более образован, чем любой из современных ему государственных деятелей») и Солженицына («Сталин предпочитал сгноить 999 невинных, но не пропустить одного всамделишного шпиона»). Кстати, в целом по цитатам баланс все же нарушен — антисталинских больше, и неким намеком звучит приведенное здесь же изречение самого генералиссимуса: «победителей можно и нужно судить».

И сразу же за этим — зал холодной войны, первый, который действительно можно назвать пропагандистским. Здесь посетитель узнает об идеалистически-мирных планах Советского Союза на послевоенное мироустройство («хотя создание НАТО с самого начала было направлено для противодействия “красной угрозе”, советское руководство некоторое время рассматривало возможность мирного сосуществования»). А подробнейшее описание американских планов ядерных бомбардировок рисует яркий образ не просто коварного, но и чрезвычайно жестокого врага.

К сожалению, в дальнейшем лейтмотивы враждебного Запада и недопустимости любых революций становятся преобладающими. В доперестроечных залах это проявляется эпизодически — в текстах о подавлении «нацистского мятежа» в Венгрии, о культуре времен «застоя» («системная американизация подрывала духовные силы советского народа»), о диссидентском движении («расширение его деятельности при активной пропагандистской и финансовой поддержке Запада»).

Концептуальный подход появляется лишь в последних трех залах. Характерно, что и здесь нет каких-либо искажений и умолчаний, прямую дезинформацию я обнаружил лишь в текстах о внешней политике Горбачева («границы влияния СССР отодвинулись к границам России 1653 года») и о кипрском финансовом кризисе 2013 г. («не вызывала сомнений антироссийская направленность данной акции»). Грамотно расставленных акцентов и оценок, поданных под видом «мнения некоторых ученых» (всегда без фамилий ученых и без упоминания иных мнений), достаточно, чтобы навязывать посетителю «урок истории»: любое выступление против власти способно обернуться национальной катастрофой. Контенты «ельцинского» и «путинского» залов, пестрящие статистикой, четко противопоставляются по принципу упадок — подъем. Поскольку повествование доходит до 2016 г., в нем отражены и присоединение Крыма («вызвало большое воодушевление в российском обществе»), и операция в Сирии («Россия взяла на себя миссию спасения мира»). Справедливости ради замечу, что «неудобных» тем здесь нет: упоминаются и достижения 1990-х гг. («либерализация цен и свобода торговли позволили преодолеть товарный дефицит», «свобода слова явилась одним из главных достижений политики Ельцина»), и трагические моменты двух последних десятилетий (гибель «Курска», теракт в Беслане и др.).

Резюмирую: пропаганда в парке «Россия — моя история» есть, и это плохо. Но ее относительно мало,

и это... не то, чтобы хорошо, но заставляет отказаться от однозначных оценок. Из тридцати девяти (если я не ошибся в счете) залов цельный пропагандистский контент несут лишь четыре — «Холодная война», «Перестройка», «90-е» и «Россия XXI века». Тридцать пять остальных гостей выставки может осматривать с интересом и пользой для себя, не боясь, что ему навяжут предвзятое восприятие истории. При этом даже не имеет значения, осматривать выставку тщательно или поверхностно — заголовки текстов, как и их содержание, в подавляющем большинстве не несут оценок, а «поясняющие» цитаты подобраны совершенно бессистемно, вероятно, по принципу «первое, что попало под руку». Единичные же «выпады» (масоны, белые ленточки) в отсутствие сквозной концепции скорее вызовут у посетителя недоумение (а еще вероятнее — останутся незамеченными), чем запустят его мысль в требуемом направлении.

Почему же тогда авторитетные историки, безусловно, умные люди, называют выставку пропагандистской и видят нарочитость изложения там, где не увидел ее я? На мой взгляд, тому есть три причины.

Первая — недостаток времени для осмотра. Пройти все четыре экспозиции за пару часов — все равно, что прочитать четыре тома «Войны и мира» за пару дней: в принципе возможно, но на полноценное восприятие и удовольствие от процесса рассчитывать не приходится. Даже для того, чтобы ознакомиться со всеми заголовками и ключевы-

ми текстами, а также прокрутить хронологические ленты (иначе как можно быть уверенным, о чем тут сказано, а о чем нет?), требуется посетить музей минимум четырежды — по одному разу на каждую экспозицию.

Вторая — предвзятость, возможно неосознанная. Известно, что выставка «Россия — моя история», открывшаяся в московском Манеже в 2015 г., вызвала возмущенные отзывы. И хотя теперь даже некоторые критики парка признают, что он изменился к лучшему, недобрая слава в научных кругах за ним осталась. Полагаю, многие из тех, кто негативно отозвался о недавно открытых филиалах, уже перед походом на выставку ожидали столкнуться там с пропагандой определенного толка, а истолковать увиденное в ожидаемом ключе так легко... Ведь предвзятым взглядом в тех же самых стенах и тех же самых текстах легко найти и прямо обратное — нападки на величие России и ее правителей, «либеральную пропаганду». Смотрите: вот в первом же зале нас пытаются убедить, что гордым славянам хорошо жилось под иноземным ярмом («хазарское иго было не особенно тяжело и не страшно, лишив внешней независимости, оно доставило им экономические выгоды»). В следующем зале равноапостольная княгиня Ольга изображена натуральной садисткой: вместо короткого «отомстила за мужа» автор смакует казни древлян, создавая у читателей негативный образ. А как вам замашка на Александра Невского — «некоторые исследователи склонны считать, что победы в этих битвах не были эпохальными

или историческими»? С «Романовыми» обошлись не лучше — государи (которые, на минуточку, еще и главы православной церкви), обязанные выглядеть моральным эталоном, порочатся перечислением их любовниц, некоторым из которых даже посвящены отдельные биографии. И ладно бы поминалась всем уже известная Кшесинская — но Монс, Нарышкина, Нелидова, Долгорукова! В третьей экспозиции нам буквально с порога заявляют, что для XX в. характерны пропаганда, концлагеря и террор против инакомыслящих («жертвами узаконенного насилия становились миллионы»). В «брежневском» зале советский народ представлен сборищем алкоголиков («речь шла о национальном вырождении, шестая часть населения страны пребывала в беспробудном пьянстве»). А уж как в настенных цитатах Иосифа Виссарионовича поносят...

Наконец третью причину негативных отзывов о музее можно сформулировать словами Штирлица (представленного, кстати, в зале советской культуры): «в разговоре запоминается последняя фраза». Три последних зала не могут не огорчить историка, и довольно естественно, что человек, прошедший все экспозиции в хронологическом порядке (а тем более наспех), покидает музей с неприятным впечатлением, перебивающим все предыдущие.

Впрочем, идеализировать исторический парк я тоже не собираюсь. Просто четыре упомянутых зала — не главная его проблема. Гораздо хуже, что по всем экспозициям

относительно равномерно распределены слабые тексты, не дающие читателю адекватного представления об описанном событии или процессе. Свою некомпетентность авторы контента пытаются маскировать обилием незначительных деталей и пафосом — эмоциональным, религиозным, а местами и великодержавным, но имеющим явно случайный, а не заказной характер. Дефицит профессиональных авторов — главная проблема «России — моей истории».

В экспозиции «Рюриковичи» дело усугубляется религиозным уклоном. «История новейшая есть история христианства», — внушает со стены «наше все» (кто может быть для русского человека авторитетнее Пушкина?). Огромный и зачастую определяющий вклад православия и православной церкви в российскую историю несомненен, но это не оправдывает подмену фактов преданиями, а биографического изложения агиографическим. А таких примеров немало. В качестве исторических фактов нам подаются чудесные избавления Константинополя от русов в 860 г. и русских земель от Тамерлана в 1395 г. В исключительно религиозной риторике рассказывается о борьбе за киевский престол в начале XI в., о ереси жидовствующих, таковы же и большинство княжеских биографий («причастился Святым тайн и вышел к убийцам, жестокосердые отрубили ему голову», «враги православной веры решили воспользоваться разобщением княжеств»). Радует, что упомянутый подход хотя бы не носит всеобщий характер, и, например, в рассказе о внезапном

повороте князя Владимира к праведной жизни нас предупреждают, что «такие сообщения могли носить дидактический характер и не относиться напрямую к исторической реальности». За пределами «Рюриковичей» религиозная тематика уже почти не «вмешивается» в общеисторическое повествование, оставаясь в пределах истории церкви (например, отдельный небольшой зал посвящен репрессиям против РПЦ, но в теме «Большой террор» религиозного уклона нет).

К «Рюриковичам» в принципе больше всего претензий. В первых залах практически все приведенные цитаты принадлежат дореволюционным историкам (кстати, самый цитируемый в этих стенах человек — вовсе не Путин, как порой можно услышать, а Карамзин). Создается впечатление, что создатели этих залов в принципе не знакомы с советской историографией, и такое впечатление усугубляет практически полное отсутствие описаний социальной жизни Руси. Лишь во второй половине экспозиции начинают мелькать фамилии Рыбакова, Платонова, Скрынникова, Флори (но ими все и ограничивается).

Для лучшего понимания посетителями излагаемых событий и их последовательности полезно было бы уделить пару экранов под родословное древо Рюриковичей и «динамичную» (а хотя бы и статичную) карту княжеств времен раздробленности. Кроме того, «Рюриковичи» — единственная из четырех экспозиций, в которой нет хронологических лент, а здесь они, пожалуй, нужнее всего (совсем здорово

было бы добавить на такую ленту некоторые события мировой истории — большинству людей сложно осознать, что Дмитрий Донской жил во время Столетней войны, а Колумб открыл Америку в тот же год, когда подданные Ивана III ждали конца света).

«Романовы» выполнены уже гораздо лучше, хотя и наследуют от «Рюриковичей» незнание историографии (на стенах зала Петра I цитаты только самого Петра) и пренебрежение «социалкой». И именно здесь мне попалось больше всего мелких фактических ошибок — это и первые писцовые книги в 1620 г., и Орден русских рыцарей как могущественное тайное общество, и Можайский как изобретатель первого в мире самолета.

В экспозициях о XX в. явно не достаёт упоминаний о научных и технических достижениях. Так, в зале 30-х гг. потолок бороздят анимационные самолеты, но нет никаких сведений (даже точки на хроноленте) о рекордных полетах Чкалова, Громова, Леваневского и других советских пилотов. Нет «Челюскина» и папанинской экспедиции. Нет ряда нобелевских лауреатов. Много внимания уделено космической программе (и это радует), но ни слова о запуске станции «Мир» (хотя в ленте XXI в. упомянуто ее затопление).

Досадные промахи проглядываются в описании внешней политики предвоенных лет. В рассказе о советско-финской войне подробно изложено, как СССР готовился к нападению, но началом войны все

заканчивается, ее ход и результат остаются тайной для читателя. Присоединение Прибалтики, напротив, описано от начала до конца и без всяких экивоков («под контролем советских уполномоченных были сформированы “народные правительства” <...> выборы проходили в обстановке массивного давления на избирателей»), но нет ни слова о Бессарабии. В сюжете о пакте Молотова – Риббентропа прямо не упомянуты секретные протоколы, и, пожалуй, это можно было бы счесть намеренным умолчанием, однако в тексте о присоединении Западной Белоруссии и Западной Украины никакого секрета из протоколов не делают... В общем, редакторская работа оставляет желать лучшего.

Особый разговор о биографиях. В экспозиции «Рюриковичи» этот раздел просто ужасен: биографии хронологически перемешаны, отсутствует не только редакторская, но и корректорская обработка (нет пробелов и т.п.), а об их житийном характере я уже говорил выше. В «Романовых» биографии выполнены качественно – портреты, дизайн, приличные тексты, – но их на удивление мало, всего 5–7 на каждый зал, многие важные персоналии остались неохваченными. В экспозиции «1914–1945» такого раздела нет вообще.

Похвалить «Россию – мою историю» тоже можно по целому ряду пунктов. Выставка дает наглядное понятие о неразрывности исторического процесса, посетитель учится воспринимать его как цельный «пазл», а не отдельные «кусочки».

Заслуженное и беспристрастное внимание уделяется темам, которые в традиционной подаче (школьный курс, «исторические» документалки по государственному телеканалам) обычно теряются или искажаются. Литва как центр объединения русских земель, Молодинская битва как одно из важнейших сражений отечественной истории, освоение Сибири, короткое, но яркое правление Петра III – далеко не полный перечень таких «находок».

Откровенно радует зал Великой Отечественной войны. Никакого псевдопатриотизма. Разбираются причины поражений и ошибки командования. Война здесь – часть Второй мировой, в центре внимания – цели всех основных стран-участников, их потери и последствия, которые принесла им Вторая мировая война (то же самое по Первой мировой). Подробно рассказывается о ленд-лизе, приводятся объемы поставок (без подтасовки цифр, свойственной отдельным школьным учебникам), на выбор даются противоположные мнения о значении ленд-лиза для СССР. Объясняется (хотя и неточно), почему День Победы в России отмечают 9 мая, а не 8-го. Гитлеровский режим последовательно называется нацистским, до посетителей доносят, что нацизм и фашизм – разные вещи (это впечатляет, если учесть, что даже во всероссийском тесте по истории Великой Отечественной войны, призванном просвещать молодежь, Германия неизменно «фашистская»).

Гостей выставки последовательно и увлекательно знакомят с культурно-бытовой стороной историческо-

го процесса. В залах «Рюриковичей» и «Романовых» эту функцию выполняют экраны, представляющие вещный мир. В залах XX в. — разделы на «больших» экранах, событийные точки на хронологических лентах и отдельный зал с играми на знание советской культуры и спорта. Полагаю, большинству людей будет интересно узнать, что традицию новогодних елок в России утвердила жена Николая I, комсомолыцы 20-х гг. «звездили» детей, а образование в старших классах при Сталине было платным. В некотором смысле такая информация полезнее датировок войн и правлений.

Особой похвалы заслуживает региональный контент — в каждом зале есть «страничка» уральской истории. Подбор тем столь же всеобъемлющ, как и в федеральном контенте, но качество исполнения не «скачет» от ужасного до профессионального, неизменно оставаясь на высоком уровне. При этом, думаю, даже самые отъявленные противники выставки не смогли бы упрекнуть уральские тексты в ангажированности. Этот «уголок» исторического парка наглядно демонстрирует, каким он мог бы (и должен) быть в целом, и возвращает меня к уже озвученному выводу: авторы — главная проблема этого проекта. В Екатеринбурге выбор был удачен: за местный контент взялись

ученые из УрФУ. Некоторым другим регионам, насколько я знаю, повезло гораздо меньше.

Впрочем, это конкретика. Главных же плюсов у исторического парка два, и они вдвоем перекрывают большую часть его минусов. Во-первых, эта выставка — единственный в своем роде инструмент популяризации истории в нашей стране, и никакие «традиционные» музеи (в которых, скажем прямо, без экскурсовода или предварительной подготовки просветиться весьма затруднительно) с ним не сравнятся. А стране, где лишь один человек из восьми знает, с какого события началась Вторая мировая война (недавний опрос ВЦИОМ), популяризация истории — настоящая, научная популяризация — просто необходима.

Во-вторых, «Россия — моя история» доказала, что готова исправлять ошибки и меняться, а этот плюс в самом буквальном смысле может перечеркнуть имеющиеся у выставки минусы. И ключевым вопросом становится реакция профессионального сообщества — пойдут ученые на конструктивный диалог с парком или же предпочтут не «пачкаться» о «пропаганду» и замкнутся в академическом кружке, тем самым отдав россиянам на откуп настоящей пропаганде и псевдоисторическим публицистам.

ANOTHER LOOK AT THE EXPOSITION IN YEKATERINBURG. "RUSSIA IS MY HISTORY":
THE PARK IS NOT AS BAD AS IT IS PAINTED

In January 2018, the "Historical Expertise" published on its website a number of reviews on the exhibition project "Russia is My History" that covered about fifteen large Russian cities and through social networks called on historians and a wider reader to "share" opinions on the ground. A journalist and historian from Yekaterinburg Alexei Prokopiev offered his vision of a local exhibition in addition to the recall of Professor A. G. Mosin.

"RUSSIA — MY HISTORY": THE NETWORK OF HISTORICAL PARKS

Key words: multimedia exhibition "Russia – my history", historical mythology, Russian history, ideological propaganda, Russian cities.

The network of historical parks "Russia – my history" in different cities of the country is the largest exhibition project and exposition complex in Russia today. The first park was founded on June 12, 2017 in Ufa and six months after the launch of the project the geography of its sites covers more than 15 cities, stretching from St. Petersburg to Yuzhno-Sakhalinsk.

"Historical expertise" opens a series of publications in which professional historians assess the overall concept of the project, its ideological component, as well as methods of exposition practice.

«ЕЩЕ В XIX В. ПОЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЫЛА БОЛЕЕ РАЗНООБРАЗНОЙ»

Интервью с Р. Панковским (Польша)

Беседовал С. Е. Эрлих при участии А. С. Стыкалина

Ключевые слова: Польша, национальная память, исторический опыт, межнациональные споры, советско-германский пакт 1939 г.

Тема беседы с польским социологом Рафалом Панковским — ключевые проблемы польской национальной памяти в свете опыта, пережитого в XX в.

Рафал Панковский, выпускник Варшавского университета, стипендиат Оксфордского университета, докторскую диссертацию защитил в Варшавском университете, профессор Collegium Civitas (Варшава), заместитель главного редактора журнала «Nigdy Więcej» («Никогда больше»). Автор книг: *Gdzie kończy się patriotyzm...: z dziejów polskich grup faszystujących 1922–1992* (Bydgoszcz, 1993), *Neofaszizm w Europie Zachodniej: zarys ideologii* (Instytut Studiów

Politycznych Polskiej Akademii Nauk, Warszawa, 1998), *Rasizm a kultura popularna* (Trio, Warszawa, 2006), русский перевод: *Расизм и популярная культура* (Stratum Plus, Кишинев, 2014), *The populist radical right in Poland: the patriots* (Routledge, London, 2010).

С.Э. Известно, что в Польше еще в эпоху коммунизма, особенно в период правления Гомулки, сложилась блестящая школа социологии, причем не только сугубо прикладной, «ремесленной», но и теоретической, исторической социологии. Почему это стало возможным в условиях коммунистической Польши? И как Вы стали

© Историческая Экспертиза, 2018
Панковский Рафал — профессор Collegium Civitas (Варшава), заместитель главного редактора «Nigdy Więcej» (Польша); nsineaeva@gmail.com

историком и социологом? Кто повлиял на Вас, кто Ваши учителя?

Р.П. По образованию я политолог и социолог культуры. Но история для меня очень важна. Вообще, мне кажется, все эти дисциплины сильно взаимосвязаны, невозможно их разделить. Когда я учился в Оксфорде, программа называлась «Политология, философия, экономика». Все это взаимосвязано.

А по поводу польской исторической социологии — да, в шестидесятых возникло это течение, так называемая варшавская школа истории идей. Там были такие известные люди, как Лешек Колаковский, Зигмунд Бауман, Ежи Едлицкий — по сути, это был междисциплинарный подход. Туда входят и философия, и история, и социология.

А насчет того, как это было возможно в Польше шестидесятых... Ну, видимо, политическая система в Польше была более либеральной, чем в других странах блока, и даже такой немарксистский, неортодоксальный подход к науке был в некоторой степени возможен. В 1968 году все это на какое-то время закончилось.

После антисемитской кампании, которую коммунисты тогда начали проводить, многие люди просто уехали из Польши. Многие были лишены возможности преподавать. Социология тогда, особенно в Варшавском университете, сильно пострадала. Потом это удалось восстановить.

Мои учителя — это, прежде всего, Ежи Едлицкий, он уже пожилой,

очень известный историк. Еще я должен назвать Аддону Явловскую, она занималась изучением культуры, контркультуры, альтернативной культуры, молодежных субкультур. Это интересно для меня, мне кажется, культура — это самый главный предмет исследования, исторического или социологического. Надо также назвать английскую школу — cultural studies — она связывает политику и культуру, это исследование культуры в политическом контексте. Этим я занимался несколько лет — не только относительно расизма в поп-культуре. Все, что показывает эти связи политики и культуры, мне кажется интересным. После книги о расизме («Расизм и популярная культура») я издал книгу на английском — «Радикальные правые в Польше». Национальная идентичность — тоже пример того, как культура влияет на политику и политика влияет на культуру. Как раз сейчас я пишу книгу на тему польской национальной идентичности.

С.Э. Тема идентичности тесно связана с памятью. Рассматриваете ли Вы в своей новой работе формирование польской идентичности с древних времен?

Р.П. Это интересный вопрос. Есть как минимум два подхода, в том числе в Польше. Первый подход более традиционный, он считает, что народ и нация существовали всегда, что в Польше национальная идентичность появляется в 966 году, когда произошла христианизация Польши. Именно тогда начинается история польского государства,

народа, нации. Согласно более современному подходу, все то, что мы сегодня называем национальной идентичностью, — это современный продукт, продукт XIX–XX веков.

Но в то же время есть определенные традиции идентичности, которые намного старше, и они очень важны для формирования современной идентичности. В Польше обычно считается, что поляк — это поляк этнический и, скорее всего, католик. Это некий общий стереотип. Но если посмотреть на раннюю историю Польши, можно увидеть, что это история поликультурного и поликонфессионального народа, поликультурного государства. Не все поляки были этническими поляками, не все были католиками. Стереотип «поляк — католик» — это стереотип достаточно новый.

С.Э. Какая идентичность преобладает в Польше сегодня: этнической нации или гражданской нации?

Р.П. Сегодня, кажется, доминирует этническое, даже этнорелигиозное понимание национальной идентичности. Но это неочевидно, если посмотреть на польскую историю.

С.Э. История часто посрамляет мифологию этнического подхода. У многих культур есть понятие поэт-основоположник, с которым этнические националисты связывают лучшие черты нации. У русских это Пушкин — правнук африканца, у венгров — Петефи, настоящая фамилия которого Петрович, у румын

Эминеску (Эминович). Правда, что у Адама Мицкевича есть еврейские корни?

Р.П. Это хороший пример: Мицкевич как национальный поэт. Он очень важен для польской идентичности, но его самый известный текст начинается со слов «Моя родина — Литва». Это показывает, что еще в XIX веке эта идентичность была более разнообразной. Мицкевич — пример этого. Он считал себя поляком, но и одновременно — литовцем. Это отражается в некоторых его работах. Существует также гипотеза, что у его матери были еврейские корни.

Согласно этой гипотезе, его мать была из секты франкистов. Писала об этом, например, известная исследовательница польского романтизма Мария Янион.

Как политический деятель он пытался создать еврейский и польский регион в составе Османской империи против Российской империи.

С.Э. В последние годы в России усилился интерес к идейному наследию Романа Дмовского, одного из наиболее крупных польских политиков первой половины XX века. Некоторые противопоставляют его Юзефу Пилсудскому как политика, который (в отличие от Пилсудского) связывал главную угрозу национальному существованию Польши с германским вызовом. Но всем сколько-нибудь знакомым с новейшей историей Польши известно, что Дмовский был

последовательным и довольно жестким антисемитом и видел в «евреизации» Польши главную внутреннюю угрозу польскому национальному делу. Кто апеллирует сегодня к его наследию, какие стороны его наследия привлекают основной интерес?

Р.П. Эти люди, Пилсудский и Дмовский, стали символами, но они во многом отличаются друг от друга в подходах к идентичности. У Пилсудского более традиционный подход, можно назвать его гражданским — он пытался пропагандировать традицию поликультурной Польши, или даже создать федерацию Польши, Литвы, Украины и Белоруссии, но это уже было невозможно в XX веке, когда этнический национализм считался доминирующей идеологией.

Кстати, он считал себя, как и Мицкевич, и литовцем, и поляком. Другой такой пример — это поэт и прозаик Чеслав Милош, лауреат Нобелевской премии. А Дмовский был связан с этнонационализмом, он не считал поляками граждан не польского происхождения. Только поляк и католик, как он считал, может называться настоящим поляком и обладать полным набором гражданских прав. Кроме того, он считал, что евреи не должны иметь гражданских прав, он не считал их настоящими поляками и даже отрицал возможность ассимиляции. То есть это антисемитский и расистский подход к идентичности. Дмовский был депутатом российской думы, а Пилсудский был членом антицарского революционного движения. Но сегодня в Польше

есть памятники и Пилсудскому, и Дмовскому — они оба считаются важными для складывания польской идентичности персоналиями. До Второй мировой войны Польша все-таки являлась поликультурной страной, национальные меньшинства составляли в ней до 30 % населения. Дмовский считал, что надо их либо полонизировать, либо как-то избавиться от этой проблемы. Пилсудский же считал, что надо создать гражданскую идентичность. На практике все же дискриминация имела место, причем она возросла после 1935 года, когда умер Пилсудский. Тогда национализм, под влиянием фашизма, стал в Польше намного сильнее. Даже у Пилсудского не получилось достичь компромисса с украинским национализмом, который тогда, и в какой-то мере до сих пор, являлся антипольским движением. Украинские националисты, в том числе Бандера, были против компромисса. Во время войны это выразилось в трагическом конфликте на Волыни, когда украинские националисты убили почти сто тысяч этнических поляков. До сих пор этот конфликт является болезненной точкой в польско-украинских отношениях.

С.Э. Поляки с болью вспоминают о Катыни, где польские офицеры были расстреляны силами НКВД. Также в польском обществе не заживает память о пакте Молотова — Риббентропа, когда Гитлер и Сталин поделили территорию Польши. Хорошо, что в России эти позорные факты, хотя и спустя много лет, признали на государственном уровне. Но помнят

ли поляки о собственных преступлениях, в частности о том, что и они сотрудничали с Гитлером в деле расчленения Чехословакии в 1938 году?

Р.П. Президент Лех Качиньский в 2009 году, за полгода до смерти в авиакатастрофе, публично извинился за участие в разделении Чехословакии, государство официально признало это ошибкой. Мне кажется, этот момент уже не так противоречив, как польско-украинский конфликт. Мне не кажется, что это может быть причиной напряженности между поляками и чехами.

С.Э. **А рассказывается ли об аннексии Тешинской области Чехословакии в 1938 в публикациях СМИ, в учебниках, в произведениях литературы, в кино и т.д.?**

Р.П. Мне кажется, этому не уделяется сейчас много внимания. И Польша, и Чехия, обе находятся в Евросоюзе, и эта граница не кажется такой важной, чтоб ее обсуждать. Есть другие противоречивые темы, которые привлекают внимание, например тема антисемитизма, тема польско-литовских или польско-украинских отношений. К Чехословакии такого интереса нет.

С.Э. **В разделе Польши в 1939 вместе с Германией и СССР также участвовала и Литва. Я не знаю, в какой мере в Литве осудили пакт Молотова — Риббентропа, но Виленский край перешел к Литве в результате сговора Сталина с Гитлером. Вспоминают ли поляки о своих бывших землях?**

Р.П. Есть, конечно, какая-то ностальгия в польской памяти по поводу восточных территорий, которые Польша потеряла и которые в свое время сыграли большую роль в формировании польской идентичности — Вильнюс, Львов. Но эта ностальгия обычно не является политической, ревизионистской. Однако в последние годы появились и крайне правые группы, которые пытаются поднимать этот вопрос в политическом смысле, особенно, кстати, против Украины.

До сих пор, как ни странно, между Польшей и Литвой идет уже много лет дискуссия, возник даже своего рода конфликт по поводу орфографии: как писать польские фамилии в литовских паспортах? Такие темы вызывают разногласия до сих пор.

С.Э. **Прекрасный пример принятия на себя ответственности за преступления прошлого представляет фильм Владислава Пасиковского «Pokłosie». Фильм основан на реальной трагедии Едвабне, где поляки сожгли своих еврейских соседей. Но в Польше многие обвинили автора в клевете на польский народ.**

Р.П. Все правильно. Я тоже считаю, что это очень интересный, хороший фильм, он вызвал большой резонанс. Один мой студент писал магистерскую работу по поводу дискуссии после фильма. Начавшись с книги «Соседи, или История уничтожения еврейского местечка» профессора Принстонского университета Яна Томаша Гросса, эта дискуссия

продолжается в Польше уже пятнадцать лет. При этом она является и исторической, и политической одновременно. Мне кажется, что Польша может гордиться тем, что эта дискуссия идет открыто, это большой прогресс, что широко обсуждается участие польского населения в погромах. Это в политическом смысле был очень важный момент, важный жест. В 2001 году президент А. Квасьневски выступал и сказал, что мы должны знать эти болезненные точки, сложные темы польской истории. Он извинился, как президент Польши, перед еврейским народом за это преступление... Мне кажется, очень важно для демократической страны, чтобы такие дискуссии происходили. К сожалению, в последние два года этот прогресс остановился, и на государственном уровне сложно стало признавать любую ответственность польского населения. Например, министр образования сказала в прошлом году, что поляки не несут ответственности за погром в Едвабне в 1941 году и погром в Кельце в 1946 году. Был большой скандал. Министр образования имеет вес, поэтому это интервью было очень плохо принято, в Польше был большой резонанс. Националистическая правая политика, которая доминирует сегодня, влияет на исторический дискурс, к сожалению. Раньше Польша могла гордиться этим дискурсом. В других странах, таких как Литва, такая дискуссия только начинается.

С.Э. В Польше болезненно относятся к Волынской резне, когда во время войны украинские

националистические формирования УПА истребили тысячи поляков. Существует ли память о послевоенных депортациях украинцев из районов их исторического проживания на запад, на территории, которые Польша приобрела согласно Ялтинским соглашениям в результате настойчивости Сталина?

Р.П. Да, это называлось «Операция Висла» (*Akcja «Wisła»*). Это своего рода этническая чистка. Не так много людей погибло, но цель была именно в изменении этнического состава этой территории. Польский сенат осудил эту акцию в 1990 году, сразу после демократической трансформации. Это был важный момент для польско-украинского согласия. До сих пор много украинцев живет в Западной Польше. Некоторые вернулись в Восточную Польшу, но немногие. Как ни странно, в этом году в первый раз польское правительство отказалось от поддержки проведения церемонии по случаю очередной годовщины операции «Висла», которая каждый год организуется украинским меньшинством в Польше. Это тоже, наверное, свидетельствует о том, что прогресс, о котором я говорю, приостановился. Это не очень хорошо для польско-еврейских, польско-украинских отношений.

С.Э. А какова память о послевоенных депортациях немцев, прежде всего из нынешней Западной Польши?

Р.П. Насколько я знаю, сейчас в Берлине тоже создаются музеи депортации. В свое время в Польше

эта тема не развивалась. Многие поляки до сих пор боятся, что немецкий ревизионизм может угрожать этой территории. Но многие хотят переработать эту тему по-другому, найти какие-то интересные элементы довоенной истории этих мест, следы немецкого культурного наследия — и включить это наследие в общую историю. Это тоже очень сложный процесс. Мне кажется, на сегодня этот процесс успешнее всего развивается, например, во Вроцлаве. Есть примеры и другого подхода к истории — подхода, который не является национальным и он совсем не националистический, а совмещающий польскую, немецкую, чешскую, еврейскую историю во Вроцлаве. Есть интересные книги, например книга Нормана Дэвиса, британского историка (у которого также имеется польское гражданство) — «Микрокосмос. Портрет средневропейского города», которая пытается совместить польскую историю с немецкой и другими. Эта тема, мне кажется, не должна быть политизирована. Если она не политизирована, то она по-другому воспринимается. Прошло то время, когда немецкий ревизионизм считался политической силой в Германии. Сегодня все уже по-другому.

С.Э. Как оценивается сегодня польскими историками и историческим сознанием роль внутреннего еврейского фактора в насаждении коммунизма в Польше?

Р.П. Есть польское слово, которое так же, наверно, звучит по-русски — «жидокоммуна». Это стереотип еврейского коммунизма, он

очень распространен до сих пор в Польше как антисемитский лозунг, который, однако, не имеет основания. Конечно, еврей-коммунисты в Польше были, но их было меньшинство. Коммунистическая партия после Второй мировой войны сильно подчеркивала именно свои национальные, даже националистические черты, национальную символику. Коммунисты очень гордились, что после Второй мировой войны в стране не осталось национальных меньшинств. Даже в учебниках, как я помню, подчеркивалось, что «успех социалистической власти в Польше такой, что после войны нет этнического разнообразия».

Конечно, были периоды, когда антисемитизм являлся практически официальной идеологией, как это было в 1968 году, я уже упоминал 1968 год, тогда была организована так называемая антисионистская кампания, которая на самом деле была антисемитской. Как это ни странно, было много польских националистов и антисемитов, которые коммунистическую власть поддерживали именно из-за этого. Можно привести такой пример: самый главный в довоенной Польше фашист, Болеслав Пясецкий, который был лидером группы «Фаланга», после войны создал организацию «Пакс», которая считалась одновременно патриотической, католической и социалистической. Своей задачей она видела поддержку коммунистической власти в Польше. Она существовала почти как политическая партия: у них была своя газета, было издательство, разные предприятия. У них были

свои депутаты в парламенте во время коммунизма — националисты, причем бывшие фашисты имели даже свою собственную фракцию в парламенте. А Болеслав Пясецкий был членом Государственного совета (который в то время был как бы коллективным «главой государства»). Он умер в 1979 г., будучи известным политиком официального уровня. То есть в стране существовал такой симбиоз национализма и коммунизма.

С. Э. Вы уже упоминали о гонениях на евреев в конце 1960-х годов. Многие ли из них покинули Польшу в те годы?

Р. П. Да, это было достаточно масштабно. Конечно, к этому времени оставалось не так уж много евреев в Польше. Но в 1968-м 20 000 человек уехали из Польши вследствие этой кампании, в том числе преподаватели, научные работники. Сегодня еврейское население в Польше — это всего 10 тысяч человек, это очень маленькая группа, учитывая, что всего в Польше живут почти сорок миллионов человек.

С. Э. Как раны прошлого, пакт Молотова — Риббентропа, Катынь и т. д. влияют на отношение современных поляков к России?

Р. П. Этот вопрос напрямую связан с памятью, касающейся польско-русских отношений. Конечно, существующее состояние исторической памяти показывает, как политика влияет на историю, в последнее время это очень заметно. Вообще, отношение к России и русским в Польше не такое плохое, как

считается. Есть интерес к русской культуре, музыке, литературе — они воспринимаются очень хорошо. Есть даже частный музей Высоцкого в Польше, который создали фанаты, и это лишь один из примеров. На политическом уровне отношения намного сложнее. Жаль, что сейчас они не очень позитивные, в том числе и отношение к каким-то историческим проблемам, таким, как, например, проблема памятников Красной армии, которые уничтожают. Это очень неприятно, но это закон, принятый на государственном уровне. На мой взгляд, его принятие явилось большой ошибкой и, мне кажется, в обществе он большой поддержки не имеет.

В 2010 году казалось, что трагедия с самолетом в Смоленске по пути в Катынь (10 апреля 2010 года) будет иметь позитивные последствия для польско-русских отношений, для взаимопонимания. Спустя месяц после этой аварии многие поляки в первый раз в жизни были на советском кладбище Красной армии в Варшаве, в том числе там было много известных лиц. Это показывало, что есть потенциал и энтузиазм для улучшения взаимоотношений. Но сегодня, спустя семь лет, видно, что этот энтузиазм пропал, в основном по политическим причинам. Есть большое противоречие, продолжается довольно острый спор в Польше — политики друг друга обвиняют, пытаясь понять, кто виноват в этой катастрофе.

Сейчас иногда даже говорят, что Катынь немного подзабыта, ибо

весь интерес сосредоточен на вопросе об ответственности за проблему сбитого самолета. При этом зачастую забывают, с какой целью этот самолет летел и куда. Не знаю, как это обсуждается сегодня в России, но мне было очень грустно в Москве видеть книги, которые отрицали правду о Катюши. Ведь все там давно исследовано, однако попытки остановить этот прогресс встречаются и в Польше, и в России.

С.Э. Как история влияет на сегодняшнее отношение к немцам?

Р.П. Да, есть социологические исследования, которые показывают, что сегодня отношение к немцам в основном хорошее. Конечно, существует память о войне, о концлагерях, оккупации, но отношение к немцам сегодня в Польше в целом хорошее, позитивное. Думаю, не в последнюю очередь из-за того, что немцы «проработали» эту историю, что они не отрицают этой своей ответственности. Конечно, есть тенденции националистические, движения правого толка, которые пытаются развить какую-то вражду, но они не так успешны, как они хотели бы. Я не могу сказать, что нет никаких проблем и противоречий, есть политики, которые с этим заигрывают, спекулируют, но они не так успешны, как можно представить.

С.Э. Нельзя отрицать определенной роли СССР как гаранта тех весьма выгодных и благоприятных границ, которые получила Польша по итогам Второй мировой войны и имеет сегодня.

Осмысливается ли как-то в Польше идея, что советская позиция сыграла в этом свою роль, что «русские дали нам кусок территории»?

Р.П. Я помню очень странный протест крайне правых в Щецине против празднования годовщины освобождения Щецина Красной армией, потому что польские националисты в основном считают, что если Красная армия захватывала город — это плохо, это нельзя праздновать. Хотя этот город сейчас польский именно из-за того, что его освободила Красная армия. Это парадокс, с точки зрения польского национального интереса здесь нет никакой логики, но сегодня есть много людей, которые считают, что Красная армия — это оккупант, который должен оцениваться на том же уровне или даже хуже, чем нацисты. Но мне не кажется, что эта точка зрения разделяется большинством поляков.

С.Э. Есть также точка зрения, что поляки в сущности воевали в годы Второй мировой войны «на два фронта» и их сопротивление Красной армии было столь же сильно, если не сильнее, чем борьба с гитлеровцами. Звучит ли в современном польском историческом сознании тема вынужденного сопротивления «на два фронта» в условиях Второй мировой войны?

Р.П. В Польше была Армия Крайова, это сопротивление против нацистов. Но была отдельная крайне правая организация *Narodowe Siły Zbrojne* (на русский обычно переводится

«Национальные вооруженные силы»). Они считали, что есть два врага — немцы и русские. При этом они считали, что евреи — тоже враги. Сегодня происходит героизация этой крайне правой организации. Мне кажется, что идеология этой организации поддерживается в среде молодежи, но не большинством поляков. Героизация национализма на политическом уровне — это проблема, как существует сегодня и проблема поддержки этой героизации среди молодежи. Но это не тот подход, который характерен для мейнстрима среди историков Польши.

С.Э. В 20–30 годы борьба с украинским национализмом была головной болью польского государства. Каково современное отношение к Украине, к ОУН-УПА, к Бандере?

Р.П. Пилсудский пытался тогда создать и сделать доминирующей в Польше гражданскую идентичность, но украинский национализм уже не был готов этому подчиняться. Петлюра был последним, кто работал с Пилсудским. После этого украинские националисты стали антипольскими, даже были случаи терроризма — например, убили польского министра внутренних дел Б. Перацкого в 1934 году, причем лично Бандера участвовал в этом убийстве. Но были также и репрессии польской армии против украинского населения в 1930-х годах. Поэтому можно сказать, что попытки компромисса хотя и имели место, но они оказались безуспешными. Радикализация украинского национализма — это

в данном случае и причина, и результат.

Был волынский воевода Генрих Юзефский, настроенный очень проукраински. Он пытался наладить отношения, поддерживал украинскую идентичность, был, наверное, одним из самых либеральных политиков в Польше в 1930-е годы. Юзефский ушел со своего поста за год до войны, но интересно, что именно в Волыни, где он много лет старался наладить отношения, произошла эта большая трагедия (польско-украинский конфликт в Волыни). Это грустно, но это показывает, что попытка наладить контакт была безуспешной.

С.Э. А в межвоенный период в Польше все имели равные права, независимо от национальной принадлежности, или были какие-то ограничения для украинцев, для евреев?

Р.П. Формально все имели гражданские права. На практике эти права ограничивались. В 1930-е годы националисты требовали ограничить количество еврейских студентов в польских университетах, и во многих университетах это было сделано после смерти Пилсудского. Во многих университетах существовало так называемое *Getto ławkowe* (рус. «Гетто за партами»), это трудно на русский перевести. Имеется в виду, что евреи должны были сидеть на одной стороне, а поляки на другой. Были преподаватели и студенты, которые не признавали этого, их иногда избивали. История дискриминации внутри университета — это интересная история.

Она тоже очень грустная, ведь университет как раз должен быть открытым пространством, а в 1930-х университеты были некоей зоной национализма.

С.Э. Хочу задать еще несколько внеплановых вопросов. Я сейчас читал книжку исследователя Павла Поляна, который занимается вопросами депортации. Он так охарактеризовал Польский институт национальной памяти: «Это министерство правды», то есть в духе Оруэлла. Как вы оцениваете деятельность этого института?

Р.П. Мне кажется, очень хорошо сказано, я сам использую эту аналогию. Сегодня это большой институт, который имеет государственную поддержку и при этом отстаивает националистическую героизацию Narodowe Siły Zbrojne. Есть много проблематичных моментов в деятельности этого института. Он сегодня имеет влияние, но многие среди польских историков не согласны с позицией этого института.

С.Э. Расскажите о проекте музея глобальной истории Второй мировой войны. Это интересная попытка представить ее не с узкой национальной точки зрения. Что с ним происходит сейчас?

Р.П. Этот музей создавался почти десять лет, им занимался хороший

историк, мой знакомый Павел Махцевич. Это музей глобального уровня, и он представляет собой еще один пример борьбы за историческую нарратацию, которая сейчас происходит в Польше. Недавно Павел Махцевич был отстранен от своего поста: правительство требует, чтобы музей стал более «патриотическим». Но многие считают, что это ошибка, так как сейчас этот музей показывает польскую историю как часть общемировой истории, и это правильный подход. Существует политическое давление на музей, но воспринимается оно очень плохо и в Польше, и в мире.

С.Э. Старшее поколение польской интеллигенции хорошо знает русский язык. Вы представитель уже «постсоветского» поколения. Знают ли молодые польские интеллектуалы русский, или Вы представляете исключение?

Р.П. Скорее я исключение. Я учил в школе русский, но потом все забыл. Благодаря жене немножко вспомнил. В школе русский язык сегодня не так распространен, хотя интерес к нему есть. История Польши и России во многих аспектах общая, есть общий опыт тоталитаризма, общие культурные моменты и существует много тем для исследований.

С.Э. Спасибо за содержательное интервью!

"IN THE 19TH CENTURY POLISH IDENTITY WAS MORE DIVERSE". INTERVIEW WITH R. PANKOWSKI (POLAND)

Pankovsky Rafal— professor of Collegium Civitas (Warsaw), deputy editor-in-chief of "Nigdy Więcej" (Poland)

Key words: Poland, national memory, historical experience, interethnic disputes, the Soviet-German Pact of 1939.

The topic of the conversation with the Polish sociologist Rafal Pankovsky is the key problems of the Polish national memory in the light of the experience of the 20th century.

«ПОЧТИ НИКТО НЕ МЫСЛИТ ЭТУ СТРАНУ ВНЕ ИНТЕГРИРОВАННОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА»

Интервью с Я. Шимовым

Вопросы подготовил А. Стыкалин

Ключевые слова: Чехия, монархия Габсбургов, Масарик, образование Чехословацкого государства, Мюнхенское соглашение, Пражская весна.

Историк и журналист, автор работ по Чехии Ярослав Шимов рассуждает о ключевых событиях и темах чешской истории в свете ряда больших юбилеев, которые предстоит отметить чешской нации в 2018 г.

ШИМОВ Ярослав Владимирович (р. 1973) — историк и журналист, специалист по новой и новейшей истории стран Центральной Европы. Вырос в Белоруссии, учился в Московском университете на факультете журналистики. Затем закончил аспирантуру Института славяноведения РАН, защитил диссертацию по истории политических партий Чехословакии и Чешской республики. Кандидат исторических наук (2003). Основная тема работ Я. Шимова — история монархии Габсбургов. Ей посвящены его книги «Австро-Венгерская империя» (2003, 2-е изд. — 2014), «Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи» (2011, 2-е изд. — 2015; в соавторстве с А. Шарым), сборник статей «Перекресток. Центральная Европа на рубеже тысячелетий» (2002). Кроме того, является автором книги «Меч Христов. Карл I Анжуйский и становление Запада» (2015), ряда научных и научно-популярных статей, посвященных истории стран Центральной Европы. С 1999 года Я. Шимов живет и работает в Праге. Международный обозреватель русской службы Радио Свобода.

А. С. Будущий 2018 год — это год четырех поистине грандиозных юбилеев чешской истории. Во-первых, это год 100-летия со дня провозглашения в октябре

1918 года Чехословацкой республики, то есть возрождения в новой форме полноценной чешской государственности после 300-летнего перерыва. Во-вторых, это год 80-летия мюнхенского соглашения западных лидеров Чемберлена и Даладьё с Гитлером осенью 1938 года, прямым следствием

© Историческая Экспертиза, 2018

Шимов Ярослав Владимирович — кандидат исторических наук, специалист по новейшей истории стран Центральной Европы (Прага)

которого явился крах Первой чехословацкой республики (со школьной скамьи всем нам памятен мюнхенский сговор). В-третьих, это год 70-летия февральского 1948 года коммунистического переворота и установления в Чехословакии коммунистического режима советского типа. И наконец, это год 50-летия Пражской весны 1968 года, одного из наиболее интригующих политических экспериментов второй половины XX века, подавленного, как известно, силой оружия армий пяти стран Организации Варшавского договора. За каждой датой стоит значительное событие национальной истории, независимо от того, с каким знаком — плюс или минус — мы его сегодня оцениваем. Нет сомнений в том, что чешские историки загодя готовятся отметить каждый из этих юбилеев, может быть, есть уже анонсы каких-то будущих масштабных юбилейных проектов (издательских, в том числе вводящих в оборот новые архивные источники; музейно-выставочных; конференций; проектов в области кино и т. д.). Ждать ли нам каких-то кардинальных переоценок этих четырех «больших восьмерок» (1918, 1938, 1948, 1968) в чешской истории XX века?

Я. Ш. Да, «роковые восьмерки» (*osudové osmíčky*) — это частая тема чешской историографии, литературы и публицистики. Безусловно, в 2018 году обо всех перечисленных юбилеях будут вспоминать не раз. Сейчас, наверное, еще рановато говорить о каких-то конкретных мероприятиях, хотя в них наверняка

не будет недостатка. Но я не думаю, что следует ожидать каких-либо кардинальных переоценок исторического значения «восьмерок». Относительно каждой из них в чешской исторической науке и общественном мнении существует в целом устойчивый консенсус. Это не значит, что время от времени не возникают дискуссии по поводу роли и значения тех или иных событий или персоналий, сыгравших свою роль в событиях «роковых восьмерок». Такое случается, например, при обнаружении и публикации тех или иных документов, ранее не доступных научной и более широкой общественности. В то же время, на мой взгляд, процесс определенного смещения акцентов в оценках «роковых восьмерок», имевший место в посткоммунистический период, в целом завершен, сейчас уже могут обсуждаться только детали.

Скажем, почти никто не подвергает сомнению позитивный для национального развития чехов и словаков эффект обретения независимости в 1918 году. Но при этом империя Габсбургов, в результате крушения которой это произошло, уже не рисуется, как когда-то, реакционной «тюрьмой народов», а скорее имевшим свои недостатки, но достаточно либеральным и цивилизованным государством, довольно много давшим за почти 400 лет его существования и своим чешским подданным. Февраль 1948 года оценивается как силовой захват (под формально законным предлогом, в результате кризиса многопартийного правительства) власти Коммунистической партией, которая опиралась на поддержку СССР,

ставшего гегемоном Восточной Европы. Применительно к событиям 1968 года консенсус тоже есть: реформы Пражской весны были благородной и идеалистической, но по сути своей утопической попыткой демократизировать и «очеловечить» коммунистическую систему, которая по своему характеру слабо поддавалась реформированию. Вторжение войск стран Варшавского договора во главе с СССР в августе 1968 года в Чехословакию (так называемая операция «Дунай») однозначно воспринимается чешским обществом как грубый и необоснованный акт агрессии. Отсюда, например, вполне солидарная негативная реакция самых разных политических сил Чехии (включая представителей президента Земана, который считается одним из главных симпатизантов Кремля среди чешских политиков) на показ по российскому телевидению в 2015 году фильма «Варшавский договор. Рассекреченные страницы», де-факто оправдывавшего вторжение.

А.С. Чешские земли, как мы знаем, еще в Средние века интегрировались в Габсбургскую монархию, причем поражение 1620 года у Белой горы поставило под угрозу даже само существование чехов как государственной нации. Тем не менее возрождение чешской национальной идеи в XIX веке в немалой мере происходило под знаком австрославизма, вспомним хотя бы идеи Франтишека Палацкокого о специфике чехов как австрийских славян и о монархии Габсбургов как о «европейской необходимости», позволяющей не только не допустить хаоса

в Средней Европе, но и сохранить малую чешскую нацию, стиснутую между двумя колоссами — российским и немецким. Позже, в начале XX века, в сознании образованных чехов возобладало разочарование в Габсбургах и их империи, в способности ее реформироваться. Я думаю, что после гибели от пули сербского террориста наследного принца Франца Фердинанда, серьезно думавшего о реформации монархии с учетом чешских интересов, чехи мало могли надеяться на то, что габсбургский проект подлежит трансформации, способной устроить чехов. Вся чешская элита в годы Первой мировой войны делает выбор в пользу Антанты. Я помню свою беседу 10-летней давности с одним чешским историком, который заметил: в 1918 году называть себя монархистом и апологетом Габсбургов — это было все равно, что грязно выругаться в приличном обществе. И все-таки в сегодняшней чешской исторической памяти насколько значительное место занимают представления о чешских землях как о неотъемлемой составной части не просто средневропейского, но и габсбургского пространства? Понимание того, что чешскую историю нельзя представить себе без сильного присутствия в ней этой самой выдающейся в мировой истории династии монархов?

Я.Ш. Я бы расставил акценты несколько иначе. Несмотря на напряженные отношения чешской и немецкой этнических общин в землях короны святого Вацлава, составлявших важную часть монархии

Габсбургов, и борьбу чешской политической элиты за большую государственно-политическую автономию, вплоть до начала Первой мировой войны активные сторонники независимости на чешской политической сцене не преобладали. Более того, сторонниками сохранения многонациональной империи были, к примеру, многие чешские социалисты (в частности, Богумир Шмерал, ставший позднее одним из лидеров Компартии Чехословакии). Реформированная, проводящая более активную социальную политику габсбургская монархия представлялась им более приемлемым вариантом развития, нежели «буржуазно-националистическая» республика. В этом интересы социалистов (как чешских, так и австрийских, и югославянских) тактически совпадали с интересами венского двора. Размежевание между чешской политической репрезентацией и Габсбургами произошло уже в годы войны, причем ближе к ее концу: еще в 1916 году Чешский союз, объединявший чешских депутатов рейхсрата — парламента западной части Австро-Венгрии, распущенного после начала войны, — выступал со вполне верноподданническими заявлениями. Перелом произошел уже в правление последнего императора Карла (1916–1918) под влиянием неудач на фронте и обострившегося кризиса в тылу. Поскольку в 1918 году политическое лидерство на чешской сцене все больше переходило в руки антигабсбургской эмиграции во главе с Т. Г. Масариком и Э. Бенешем, имевшей прочные связи с державами Антанты, открытая фронда по отношению к Вене становилась

модной — но это, подчеркну, была ситуация, характерная лишь для последних месяцев войны.

Республиканская идеология подразумевала создание своего исторического мифа, в котором монархии Габсбургов было отведено место «тюрьмы народов», а периоду после битвы на Белой горе — ярлык «эпохи тьмы» (*doba temna*). Пагубность разрушения единого политического (и отчасти экономического) пространства Центральной Европы, каким являлось габсбургское государство, сознавали немногие чешские деятели межвоенной эпохи, в основном представители правой части политического спектра. Например, глава Верховного суда Чехословакии в 1930-е годы Эмиль Гаха, избранный после Мюнхенского соглашения президентом недолговечной Второй Чехо-Словацкой республики (1938–1939), а затем оставшийся президентом созданного нацистскими оккупантами «Протектората Богемия и Моравия» (1939–1945), печально заметил как-то в начале 1940-х: «Ничего этого, видимо, не было бы, не будь разрушена старая Австрия». Однако репутация Гахи и некоторых других деятелей, запятнавших себя сотрудничеством с Третьим рейхом, долгое время не позволяла историкам и общественному мнению увидеть правду, содержащуюся в их ностальгически австрофильских заявлениях. Коммунистам же, пришедшим к власти в 1948 году, и вовсе ни к чему было обелять «реакционную» монархию — хотя их взгляды на «буржуазную» межвоенную республику тоже были весьма критическими.

Сейчас отношение общественности к габсбургской части исторического наследия Чехии заметно изменилось. Стереотип «эпохи тьмы» ушел в прошлое. Общеизвестно, что при Габсбургах чешские земли пережили периоды бурного социально-экономического роста, а ряд реформ, санкционированных монархией, например реформа системы образования в конце XVIII века, при Марии Терезии и Иосифе II, способствовал и развитию чешской национальной культуры и самосознания (хотя понятно, что сознательно такой задачи габсбургские императоры перед собой не ставили). В последние 20–25 лет в Чехии был замечен даже определенный «габсбургский бум»: вышло огромное количество посвященных династии и возглавлявшемуся ею государству научных и популярных работ авторства как здешних, так и зарубежных историков; в прессе и на телевидении появилось множество программ и публикаций о периоде до 1918 года. Особенно ярко это проявилось в мае текущего года, когда отмечалось 300-летие со дня рождения королевы-императрицы Марии Терезии (1717–1780, правила с 1740). Сразу несколько популярных газет и журналов выступили с обширными публикациями об этой исторической фигуре в весьма уважительном духе (еженедельник «Респект» даже озаглавил свою статью *Matka vlasti* — «Мать родины»). В эти же дни открылась посвященная Марии Терезии выставка. Несколько лет назад был восстановлен памятник императору Францу I (1792, в качестве австрийского императора 1804–1835) на одной из пражских набережных.

Возможно, будет восстановлен Марианский столп на Староместской площади — сооружение, считавшееся символом католицизма и «чуждой» габсбургской власти и уничтоженное осенью 1918 года, в момент провозглашения независимости Чехословакии.

В то же время сами события 1918 года по-прежнему остаются в центре чешского исторического сознания как одна из вершин государственного-политического развития этого народа. «Реабилитация» Габсбургов не привела к «очернению» наследия Первой республики и ее лидеров. В современном историческом сознании чехов они мирно уживаются: независимость (день ее провозглашения, 28 октября, остается государственным праздником) трактуется как естественный этап эмансипации чешского народа. Республике воздается должное как более современному по сравнению с монархией воплощению принципов демократии — в новой, национальной «рамке».

А.С. Поколение молодежи, вступавшей в жизнь в 1940-е годы, сформировалось под знаком недоверия к западным демократиям, предавшим в Мюнхене в 1938 году не только чехов, но и идеалы подлинной демократии. Об этом не раз писали в своих мемуарах, говорили в своих интервью З. Млынарж, Ч. Цисарж, другие видные деятели Пражской весны. Без полевления сознания чешской интеллигенции в 1940-е годы, вполне объяснимого разочарованием в западной демократии под влиянием мюнхенского опыта, едва

ли можно объяснить поддержку коммунистов в конце 1940-х годов теми, кто впоследствии посвятил себя поискам путей реализации своего идеала — «социализма с человеческим лицом». А как сегодня оценивается в Чехии Мюнхен-38 и его долгосрочные последствия для Чехословакии?

Я. Ш. В 1990-е и отчасти 2000-е годы шла дискуссия о Мюнхене-1938, начало которой положила вышедшая в 1989 году работа эмигрантского историка Яна Тесаржа «Мюнхенский комплекс, его причины и последствия». Тесарж пытался показать, что события осени 1938 года были следствием не только (и даже не столько) вероломства и предательства западных союзников, бросивших Чехословакию на съедение Гитлеру, сколько конкретных внешнеполитических и военно-стратегических ошибок, совершенных чехословацким руководством в межвоенный период — в частности, просчетов в военном строительстве и чрезмерных надежд, возлагавшихся Прагой, вопреки фактам и логике, на помощь прежде всего Франции. Кроме того, Тесарж обвиняет чехословацких политиков в определенной инфантилизации общества, в распространении необоснованных надежд и культивировании странной смеси несамостоятельности («Запад защитит нас от Германии») и надменности («Чехословакия — самая передовая страна Центральной Европы, восточный форпост демократического Запада»). Результатом этого был глубочайший психологический кризис и надлом чехословацкого общества после Мюнхена, оказавший силь-

ное влияние на состояние чешского исторического сознания и психологии на многие десятилетия вперед.

Оценки Тесаржем событий 1938 года и их влияния на чешскую историю и массовое сознание казались «еретическими» в момент их появления и вызвали серьезную полемику на протяжении ряда последующих лет. Этому способствовали и исторические обстоятельства — падение коммунистического режима и расширение пространства для свободной дискуссии на исторические темы. Однако сейчас «тесаржовская» версия Мюнхена и его последствий в целом стала частью мейнстрима — в том смысле, что просчеты и слабости межвоенной Чехословакии, неоднозначность фигуры президента Бенеша и его политики, психологическая слабость позиции официальной Праги, прежде всего Бенеша, в решающие дни сентября 1938 года признаются в качестве существенных факторов, повлиявших на ход тогдашних событий и оказавших воздействие на чешское (и отчасти словацкое) национальное самосознание в последующем.

В то же время нарратив предательства союзниками — и отчасти собственными властями — «народа, готового воевать» (в качестве примера такой готовности приводится быстро и успешно осуществленная всеобщая мобилизация 23 сентября 1938 года) доминирует в чешском историческом сознании, проявляясь не только в научных публикациях, но и в оценках тогдашних событий современными политиками и СМИ, а также в произведениях массовой культуры. В этой связи можно упомянуть

два недавно вышедших чешских фильма — «Потеряны в Мюнхене» (Ztraceni v Mnichově) (2015) режиссера Петра Зеленки и «Масарик» (2016) режиссера Юлиуса Шевчика. Первый в жанре гротеска (один из персонажей фильма — попугай, якобы принадлежавший в 1938 году французскому премьеру Даладьё и повторяющий некоторые фразы, которые произносились в ходе мюнхенских переговоров), по сути дела, работает с версией тех событий, предложенной Яном Тесаржем. Второй рассказывает о связанном с Мюнхенскими соглашениями драматическом периоде жизни Яна Масарика, сына основателя и первого президента Чехословакии Томаша Г. Масарика, в предвоенные годы — чехословацкого посла в Лондоне, позднее — министра иностранных дел. Тут мы встречаемся с более «классической» интерпретацией событий 1938 года, в целом симпатизирующей Эдварду Бенешу, чье решение принять условия Мюнхена преподносится как вынужденное и крайне болезненное, но верное и по-своему мудрое. Как бы то ни было, оба фильма символизируют тот самый консенсус по поводу Мюнхена, достигнутый в результате дискуссий посткоммунистического периода: Чехословакия в 1938 году — небезупречная, но жертва жестокой игры великих держав. Момент, на который вы обращаете внимание, — левый поворот в чешской политике в 1940-е годы и его связь с Мюнхеном и его последствиями — тоже стал вполне распространенным в историографии и общепризнанным тезисом.

А.С. Чехословацкая республика образца 1918 года была по сути

новым чешским госпроектом, к реализации которого в силу конкретных обстоятельств были подключены (подверстаны) и недавние венгерские подданные — словаки. Нет сомнений в том, что Первая Чехословацкая республика была одним из наиболее удачных, наверно, самым удачным детищем Версальской системы. Но мне вспоминается высказывание выдающегося венгерского политического мыслителя Иштвана Бибо. Венгры в межвоенной Чехословакии, писал он, едва ли могли пожаловаться на дискриминацию. Однако если словаков могло связать с новым чешским госпроектом языковое родство с чехами, а судетских немцев в какой-то мере могла притянуть давняя традиция богемско-моравского земельного патриотизма (мы помним, что граф Тун, не знавший чешского языка, был выдающимся политиком XIX века, движимым идеей богемского земельного патриотизма), совсем иным было положение с венграми. Их никто в масариковской Чехословакии по большому счету не обижал, заметил Бибо. Нелепым был, однако, сам факт пребывания 700 тысяч компактно проживавших венгров в стране чехов и словаков, нашедших друг друга на основе идеалов славянского братства. Нет ли в сегодняшней чешской исторической науке и исторической памяти осознания некоторой структурной ущербности масариковского госпроекта, как и несколько критического отношения к опыту национальной политики в межвоенный период? А также некоторого критицизма

в отношении чехословацкой внешней политики? То есть критики ее главного архитектора Э. Бенеша за недостаточную гибкость, излишний «версальский догматизм»? И насколько сегодня в Чехии велика в исторической памяти ностальгия по временам Первой Чехословацкой республики?

Я. Ш. Отчасти я уже ответил на этот вопрос выше, рассказывая о современном восприятии Мюнхена-1938. Безусловно, оценки исторического наследия «масариковской» Чехословакии, появившиеся в последние пару десятилетий, более критичны — а лучше сказать, объективны, — чем те, что звучали в первые годы после «бархатной революции», когда Первая республика рассматривалась как воплощение исторического идеала чешского народа, передовое и демократическое государство, которое ждал незаслуженный трагический конец. Нынешние оценки более взвешены, и в этом заслуга не только упомянутого мною Яна Тесаржа, но и многих других историков. Среди них — Антонин Клибек с двухтомной монографией «Борьба за Град» (Voj o Hrad), где впервые с привлечением множества документов были показаны теневые стороны политической системы Первой республики, включая ее коррупционную составляющую; Ян Гебхарт и Ян Куклик и их работа о Второй республике, анализирующая причины кризиса конца 1930-х годов и краха Первой ЧСР; Збынек Земан и его политическая биография Эдварда Бенеша (любопытна также переведенная на чешский работа французского историка Антуана Маре, посвященная той же исторической фигуре) и т. д.

Отдельный вопрос — международные отношения в Первой ЧСР. Упомянутая вами проблематика, связанная с венгерским национальным меньшинством, честно говоря, остается на периферии чешских исторических исследований — очевидно, потому, что в первую очередь касается ныне независимой Словакии. Гораздо большее внимание уделяется ситуации с судетскими немцами. Определенные критические мотивы в отношении политики Праги к немецкому меньшинству в Первой ЧСР звучат, но применительно к середине и концу 1930-х годов акценты расставляются вполне однозначно: Судетонемецкая партия (Sudetendeutsche Partei) Конрада Генлайна была пронацистской по своей идеологии, непримиримой к ЧСР и активно использовавшейся Третьим рейхом в качестве орудия разрушения чехословацкого государства. Если говорить о других аспектах национальной политики чехословацких властей межвоенного периода, то можно отметить некоторые исследования, посвященные чехословацко-польским отношениям и Тешинской проблеме — например, «Кислые тешинские яблочки» (Kyselá těšínská jablíčka) Иржи Билека, претендующие на объективное описание этих сложных страниц чешской и польской истории. Достаточно очевидным для современных чешских историков является тот факт, что серия конфликтов, дипломатических ошибок и взаимного непонимания не позволила Чехословакии и Польше создать в межвоенный период военно-политический союз, который был бы способен защитить обе страны от агрессии со стороны Германии —

вне зависимости от позиции западных держав. С чешской стороны, однако, большая часть вины за это возлагается на польских деятелей — таких как прогерманский министр иностранных дел Польши (1932–1939) Юзеф Бек, воспользовавшийся осенью 1938 года критическим положением Чехословакии для разрешения Тешинской проблемы в пользу Польши.

А. С. Читаю архивный документ 1945 года — донесение советских политработников из Чехословакии. «Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами». Аналогичных свидетельств в архивах множество. «Великое переселение народов», охватившее миллионы людей во второй половине 1940-х годов, привело к депортации трех миллионов немцев за пределы Чехословакии. Были проекты выселения венгров, не реализованные в полной мере только потому, что не были поддержаны державами-победительницами, включая Советский Союз. А занимают ли какое-то место в сегодняшней исторической памяти факты острого проявления вражды даже к мирным немцам после окончания Второй мировой войны (напомним при этом, что гитлеровский террор в Чехословакии не достиг таких масштабов, каким он был в некоторых других оккупированных странах)? И нет ли в среде историков некоторого осознания чрезмерности возмездия?

Я. Ш. Не только занимают, но и активно обсуждаются. Это очень болезненная для чешского исторического сознания тема, однако ни в коей мере нельзя сказать, что она каким-то образом замалчивается. Возможно, в этом случае мы имеем дело (конечно, в меньшем размере) с чем-то напоминающим процесс осмысления нацистского прошлого в Германии во второй половине прошлого века. Там о масштабах нацистского насилия и о том, как быть с этой частью исторического пути немецкого народа, как рассчитаться с собственным прошлым, стали более активно говорить в 1970–1980-е годы, когда на сцену вышло послевоенное поколение историков, общественных деятелей и просто граждан, лично не связанных с событиями Второй мировой войны. Нечто подобное, хоть и еще позднее, происходит и в Чехии в отношении истории выселения судетонемецкого меньшинства и сопровождавших его актов насилия. Позднее — с учетом того факта, что до падения коммунистического режима в 1989 году тема насилия в отношении судетских немцев не могла обсуждаться публично, поскольку тогдашние власти полностью разделяли политику правительства ЧСР, осуществившего в 1945–1947 годах депортацию (в конце концов, коммунисты уже тогда были ведущей партией правящей коалиции).

Не первый год существуют общественные объединения вроде группы «Антикомплекс», которая занимается исследованием истории Судет, в том числе событий первых послевоенных лет, проводит совместно с немецкой стороной,

в том числе с Судетонемецким сообществом (Sudetendeutsche Landsmannschaft), «акции примирения», нередко приуроченные к годовщинам тех или иных трагических событий — например, «марша смерти» судетских немцев — жителей Брно в конце мая 1945 года. В 70-ю годовщину этого события в Брно проводились памятные мероприятия с участием представителей судетонемецкой общины, руководство города опубликовало «Декларацию примирения», высоко оцененную австрийской и немецкой печатью. В последние годы представители чешского правительства и некоторых политических партий регулярно участвуют в качестве гостей в съездах Судетонемецкого сообщества (в этом году гостем такого съезда был председатель входящей в нынешнее правительство Чехии Христианско-демократической унии Павел Белобрадек). Со стороны судетских немцев, очевидно, тоже вследствие естественной смены поколений, все реже звучат требования пересмотра декретов Бенеша, в соответствии с которыми осуществлялось выселение немецкого меньшинства. Точнее, отмена декретов сейчас видится большинством судетонемецких политиков как символический акт, который не имел бы конкретных политических и правовых последствий. Тем не менее чешские власти не проявляют готовности к такому шагу, опасаясь возможных исков о возврате имущества, которое было конфисковано у судетских немцев в 1945–1947 годах и, как правило, с тех пор уже неоднократно сменило владельцев. Прага указывает в этой связи на Чешско-немецкую декларацию

1997 года, в которой отмечается, что нанесенные друг другу обиды «принадлежат прошлому», а итоги Второй мировой войны пересмотру не подлежат.

Много лет работает Чешско-немецкая комиссия историков, публикующая сборники документов и исследований, посвященных истории чешско-немецких отношений, в том числе и событиям первых послевоенных лет. Комиссия участвовала в разработке методических рекомендаций для средних и высших школ обеих стран. Эти рекомендации связаны с преподаванием «сложных вопросов» двусторонних отношений. Несколько изданий выдержала своеобразная энциклопедия «Исчезнувшие Судеты» (Zmizelé Sudety / Das verschwundene Sudetenland), где подробнейшим образом описана культурная география региона, откуда осуществлялись депортации, его тогдашнее и нынешнее состояние. Отдельным феноменом последних лет является обширное документальное исследование чешского историка Иржи Падевета «Кровавое лето 1945-го. Послевоенное насилие в чешских землях» (Krvavé léto 1945. Poválečné násilí v českých zemích). Автор с необычайной скрупулезностью собрал документальные свидетельства об актах насилия, совершенных в первые послевоенные месяцы на территории Чехии всеми сторонами — отрядами чехословацкой «революционной гвардии» (на деле нередко превращавшимися в банды убийц и погромщиков), остатками немецких войск, скрывавшимися в лесах, а также военнослужащими Красной армии, чье поведение

в ряде случаев выходило за рамки представления о миссии солдата-освободителя. Основной массив собранных Падеветом свидетельств, однако, касается актов насилия в отношении немецкого меньшинства. Эта же тема в определенной мере нашла отражение и в массовой культуре — можно упомянуть, например, фильм режиссера Юрая Герца (пережившего в детстве нацистский концлагерь) «Мельница Хабермана» (Habermannův mlýn, 2010) совместного чешско-немецко-австрийского производства.

Но я не хотел бы представлять какую-то идеализированную картину чешского массового исторического сознания в части, касающейся трагических событий 1945–1947 годов. В массе своей чехи считают возмездие, которому подверглись судетские немцы после войны, заслуженным и обусловленным поведением этой части граждан ЧСР в предвоенные годы, когда судетские немцы в своем подавляющем большинстве приветствовали отторжение Судет от Чехословакии и установление там нацистской власти. Понимание того, что послевоенная жестокость в отношении гражданского населения была избыточной и позорной, достаточно широко распространено в чешском обществе, однако это не означает, что чехи готовы к восстановлению межвоенного статус-кво — да это уже и невозможно. Националистические и антинемецкие мотивы иногда возникают в чешской политике. Так, «судетскую карту» пытались разыгрывать в ходе предвыборных кампаний в 2000-е годы две партии с противоположных концов поли-

тического спектра: коммунисты и правоконсервативная Гражданская демократическая партия (в тот момент ее лидером был президент Чехии в 2003–2013 годах Вацлав Клаус). В ходе президентских выборов 2013 года противники одного из кандидатов, бывшего министра иностранных дел Карела Шварценберга, в своей агитационной кампании намекали на его «иностранное» происхождение и указывали на тот факт, что супруга Шварценберга, австрийская аристократка, не говорит по-чешски.

Как бы то ни было, в целом чешско-немецкие отношения на сегодняшний день строятся на прагматической основе и не слишком сильно отягощены историческими проблемами. Во всяком случае, на фоне того, что происходит в этом плане, например, в треугольнике Россия — Польша — Украина, их можно считать почти идиллическими.

А.С. Советские войска вышли из Чехословакии в декабре 1945 года (Чехословакия была союзнической страной и не было юридических оснований для их дальнейшего пребывания) и вернулись только в августе 1968 года. Советских войск в Чехословакии не было во время коммунистического путча февраля 1948 года. Это к вопросу о соотношении внешних и внутренних факторов в осуществлении прихода к власти коммунистов. Еще 15–20 лет назад Московский академический институт славяноведения издал массивные сборники архивных документов по этому периоду истории — «Восточная Европа

в документах российских архивов» и «Советский фактор в странах Восточной Европы». Эти документы, на которые не очень охотно ссылаются чешские историки, как раз показывают роль внутреннего фактора — как чехословацкие коммунисты вели закулисную борьбу за власть, пытаясь с помощью Москвы дискредитировать и устранить своих конкурентов. Суд по делу словацких «буржуазных националистов», когда на скамью подсудимых сел среди прочих будущий лидер КПЧ Г. Гусак, состоялся уже в 1954 году, после смерти Сталина. В том же 1954 году в Праге был установлен памятник Сталину, самый большой в Европе. И нет никаких свидетельств о том, что команда давалась из Москвы. А в феврале 1956 года, в кулуарах XX съезда КПСС чехословацкий лидер А. Новотный с обеспокоенностью спросил своего венгерского коллегу М. Ракоши (кстати, еще большего сталиниста, чем он сам): «Что-то вы слишком рано занялись реабилитациями арестованных противников социализма? Разве у вас есть такая необходимость?» Рудольф Сланский, главная жертва сталинизма в Чехословакии, был реабилитирован только в 1963 году, через 8 лет после реабилитации главной жертвы сталинизма в Венгрии, Ласло Райка. Можно ли ждать от чехословацких историков (и шире — носителей исторической памяти) более критического взгляда на роль внутренних факторов в глубокой сталинизации той страны, которая в 1930-е годы входила в число 10 самых экономически развитых стран

мира даже при сохранении в ней отсталых регионов (Восточной Словакии и Закарпатья)?

Я. Ш. Да, насколько я могу судить, определенное смещение акцентов происходит и здесь. Есть некоторые работы, посвященные февральскому кризису 1948 года, равно как и политической истории Чехословакии при двух первых коммунистических президентах — Кlemente Готвальде (1948–1953) и Антонине Запотоцком (1953–1957), репрессиям этого периода, чехословацко-советским отношениям и т.д., выдержанные именно в этом духе. Можно, например, упомянуть биографические очерки о коммунистических президентах Чехословакии «Они нами правили» (Takoví nám vládli) Иржи Пернеса или исследование чешского историка, работающего в США, Игора Лукеша о деле Сланского (Rudolf Slanský: His Trials and Trial; написано на английском языке и полностью на чешский пока не переведено) и его же книгу «Чехословакия над пропастью. Провал американской дипломатии и спецслужб в Праге, 1945–1948» (Československo nad propastí. Selhání amerických diplomatů a tajných služeb v Praze 1945–1948), с неожиданного ракурса представляющую политические события в Чехословакии, предшествовавшие приходу к власти коммунистов. То, что сталинисты в Чехословакии задержались у власти, а реальная «оттепель» в стране началась только в 1960-е годы, для исторически образованной части чешского общества новостью не является. Более того, относительный радикализм перемен Пражской весны 1968 года иногда объясня-

ется аккумулярованием энергии перемен, слишком долго державшейся «под крышкой» консервативным партийным руководством. В то же время трудно отрицать, что по меньшей мере до середины 1950-х годов чехословацкий коммунистический режим был у Москвы «на коротком поводке», и присутствие «советников» из СССР в силовых структурах Чехословакии способствовало усилению репрессивного характера этого режима. Вопрос о том, почему Польша и Венгрия «проснулись» и выступили против сталинизма сразу после XX съезда КПСС, в 1956 году, а Чехословакии для этого потребовались еще годы, требует отдельного исследования. Я лишь предположу, что здесь, в отличие от двух соседних стран, коммунизм был все-таки более «аутентичным» — недаром КПЧ одержала победу на парламентских выборах 1946 года, в целом еще относительно демократических.

А. С. В Праге 1968 года имел хождение анекдот, или, точнее, прибаутка. Вопрос: кто нам русские — друзья или братья? Ответ: наверно, братья, потому что друзей мы выбираем сами. Известно, что в разные периоды новой и новейшей истории в моменты усиления германской угрозы чешские интеллектуалы «вспоминали» вдруг о своем славянстве. Без славянской идеи нельзя представить себе чешского национального возрождения первой половины XIX века. А сегодня осознание своей принадлежности к славянскому миру занимает хоть какое-то место в чешской исторической памяти и национальном сознании?

Я. Ш. В том виде, в каком славянофильство существовало в Чехии сто или сто пятьдесят лет назад, сегодня, конечно, его нет и в помине. В то же время существуют достаточно сильные пророссийские настроения определенной части чешского общества, представленные и на политическом уровне — в частности, президентом Земаном, экс-президентом Клаусом, имеющей третью по величине фракцию в парламенте Коммунистической партией Чехии и Моравии (КПЧМ) и некоторыми националистическими организациями. Трудно судить однозначно, насколько эти настроения обусловлены какими-то историческими реминисценциями, а насколько — актуальной внутри- и внешнеполитической ситуацией. Я бы сказал, что из истории чехи «унаследовали» несколько большее напряжение в отношениях с Германией, нежели с Россией. В то же время психологическая травма, связанная со вторжением 1968 года, остается относительно актуальной для какой-то части населения (хотя, естественно, с течением времени эта актуальность снижается) и в определенной мере экстраполируется этими людьми на современную Россию и русских, воспринимаемых как потенциально агрессивный народ. Иными словами, славянофильство для современной Чехии означает мало, но довольно много означает Россия как политический и в определенной мере культурный фактор. (К примеру, популярность изучения русского языка в стране растет: по некоторым данным, он находится на третьем месте среди изучаемых в Чехии иностранных языков после английского и немецкого.)

А.С. Помню как в мои аспирантские годы известный историк А.И. Пушкаш (закарпатский русин, родившийся в 1923 году гражданином Чехословакии) прочитал мне стихок на чешском языке во славу Т.Г. Масарика, который все дети-младшеклассники читали в классе как молитву перед началом уроков. Пушкаш говорил о том, что даже в условиях демократической системы культ личности Масарика достиг немалых пределов. Но мне приходилось читать и негативные отклики некоторых видных чешских интеллектуалов, даже слушавших лекции Масарика в бытность его профессором Пражского университета еще при Габсбургах. «Нарциссизм, самолюбование, — писали они, — его неотъемлемые черты: слушает только себя, как тетерев на току». Скажу больше, прочтение «Бесед с Масариком» великого писателя Карела Чапека подтверждает это впечатление: некоторые описания Масариком своих подвигов во славу чехословацкой государственности заставляют вспомнить барона Мюнхгаузена. Прошу понять меня правильно: масштабность основателя чехословацкой государственности отрицать невозможно. Вопрос: какое место занимает Масарик в сегодняшней чешской исторической памяти? Идут ли дискуссии о нем? Есть ли глянец на его лице?

Я.Ш. Масарик, как мне кажется, давно «забронзовел». Конечно, его наследие изучают в школах, памятники первому президенту — или по крайней мере улицы и площа-

ди его имени — есть практически во всех чешских городах, но Т.Г. Масарик как личность является скорее предметом сугубо академического интереса. Для массового сознания это умный пожилой профессор, который привел в 1918 году Чехословакию к независимости, благоклонный, но строгий «батюшка» (tatíček), убежденный демократ (что, конечно, противоречит свидетельствам о культе личности ТГМ — это сокращение имени на американский лад прочно закрепилось за Масариком). Некоторые исторические исследования, вроде упоминавшейся мною выше «Борьбы за Град», показывают и теневые стороны Масарика-политика. Во многих посвященных первому президенту биографических работах не обходятся стороной проблематичные моменты его личной жизни. Это и отъезд Масарика в годы Первой мировой в эмиграцию без семьи, оставшейся отданной на милость и немилость австро-венгерских властей, что негативно отразилось на психическом здоровье его жены Шарлотты; и деспотизм, проявлявшийся им в отношениях с детьми — особенно сказалось это на младшем сыне Яне; и скрывавшаяся окружением престарелого главы государства в начале 1930-х годов прогрессирующая деменция, в результате которой Масарик был едва в состоянии произнести слова президентской присяги после своего последнего избрания в 1934 году, и т. д. Тем не менее в целом на «глянцевый» образ ТГМ в чешском историческом сознании эти факты особого влияния не оказывают. Характерно, однако, что в телевизионной анкете «Величайший чех» в 2005 году Масарик занял

второе место, уступив первенство средневековому императору-королю Карлу IV Люксембургу.

А. С. Эдуарду Бенешу иногда приписывают фразу, которую он, по всей вероятности, никогда не произносил: кто хозяин Чехии, тот хозяин Европы. Мы малая нация, следовал вывод из этих слов, но мы великая и исключительная малая нация — мы исключительны среди малых наций по своей срединной роли в европейской политике, велик и наш вклад в мировую культуру. А как сегодня в чешском национальном сознании оценивается место Чехии в Европе и ее вклад в мировую культуру? И есть ли тенденции переоценки роли тех великих чехов (Ян Гус, Ян Амос Коменский и некоторые другие), которые определили величие чешского вклада в европейскую историю и мировую культуру?

Я. Ш. Я бы не сказал, что чехи в большинстве своем страдают мегаломанией и переоценивают свой вклад в мировую историю и культуру. Наоборот, для меня одной из самых симпатичных черт чешского народа является глубоко укоренившееся чувство самоиронии. Эта ирония в отношении разного рода «великих и величайших» воплощена в популярной фигуре Яры Цимрмана — вымышленного «универсального гения», персонажа комических пьес и скетчей Зденека Сверака и Ладислава Смоляка. Характерно, что именно Яра Цимрман получил наибольшее число голосов в анкете «Величайший чех», и только то, что он не был реально существовавшим че-

ловеком, принесло победу Карлу IV. Это, насколько мне известно, уникальный случай в истории такого рода опросов, проводившихся во многих странах, в том числе и в России. Конечно, у чехов есть свой национальный пантеон выдающихся деятелей, но в целом мне не кажется, что они склонны как-либо раздувать их значение. Вам, безусловно, могут рассказать об изобретателе контактных линз Отто Вихтерле или путешественниках и журналистах Мирославе Зикмунде и Иржи Ганзелке, углубившись в историю, не забудут о Карле IV, Яне Гусе и Яне Амосе Коменском, но, на мой взгляд, какие-либо представления о национальной исключительности в Чехии непопулярны. Их последним отзвуком можно считать заявления тогдашнего премьер-министра Вацлава Клауса в начале 1990-х годов о том, что Чехия лучше всех бывших соцстран готова к трансформации в западную рыночную экономику — но и здесь история внесла определенные коррективы.

А. С. **Чувствуются ли в сегодняшней интеллектуальной жизни Чехии последствия того погрома, того уничтожения всего живого и яркого, который был предпринят в социалистической Чехословакии в период «гусаковской нормализации»? Или чехословацкая духовная жизнь, войдя с начала 1990-х годов в европейскую колею, успешно пережила все негативы тех лет? Можно ли говорить, что сегодняшняя интеллектуальная, культурная жизнь Праги дает фору Праге середины 1960-х годов, давшей немало ярких и интересных явлений в разных областях**

культуры? И какие угрозы и вызовы своей национальной идентичности (российский, брюссельский, американский, может быть арабский либо другие вызовы) ощущает сегодня чешская интеллигенция?

Я. Ш. Я бы сказал, что 1960-е годы были в культурном смысле для Чехии периодом такого подъема, который бывает у многих народов, но не повторяется часто. Нынешняя Чехия — довольно благополучная и благоустроенная, но в целом несколько провинциальная страна. В этом есть своя прелесть, есть и свои недостатки. Хотя можно назвать имена довольно ярких современных чешских художников или режиссеров (к примеру, Яна Шванкмайера, Давида Черны или Гелену Тржештикову), за наиболее инте-

ресными культурными явлениями современной Европы, конечно, нужно ехать не в Прагу, а в Лондон или Берлин. Что до национальной идентичности, то чешские дискуссии на эту тему, как и в большинстве стран Центральной Европы, вращаются сейчас вокруг того, какое будущее ждет интеграционный проект Евросоюза, вокруг неоднозначной политики России (одни считают ее угрозой, другие — альтернативой глобальной гегемонии США), миграционного кризиса в Европе и — реальной или мнимой — «исламской угрозы». Как бы то ни было, почти никто не мыслит эту страну вне так или иначе взаимосвязанного и интегрированного европейского цивилизационного пространства, хотя конкретная модель нынешнего ЕС вызывает нарекания у многих чехов.

"ALMOST NO ONE THINKS OF THIS COUNTRY OUTSIDE THE INTEGRATED EUROPEAN CIVILIZATIONAL SPACE"

Interview with Ya. Shimov

Shimov Yaroslav V. — candidate of historical sciences, specialist in Modern History of Central Europe (Prague)

Key words: The Czech, the Habsburg monarchy, T. Masaryk, the formation of the Czechoslovak state, the Munich agreement, the Prague Spring.

The historian and journalist, expert on the Czech problems, Yaroslav Shimov, discusses key events and topics of the Czech history in the light of a number of important anniversaries that the Czech nation will have to celebrate in 2018.

А. Б. Суслов

АКЦЕНТЫ ПОЛИТИКОВ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ИСТОРИКОВ

Заметки на полях одного интервью (ФСБ расставляет акценты // Российская газета — Федеральный выпуск № 7454 (288) . 20 декабря 2017 г.)

Ключевые слова: Сталин, Берия, НКВД, ВЧК, большой террор.

Историк, посвятивший немало лет изучению сталинской эпохи и сталинского террора, комментирует программное интервью главы ФСБ А. В. Бортникова, в котором дается весьма апологетическая версия некоторых страниц советского прошлого, в том числе роли органов госбезопасности в советской истории определенного периода.

Интервью главы ФСБ А. В. Бортникова имеет очевидный общественный контекст. По этому поводу у меня уже была возможность высказаться (Суслов 2017). В относительно узком кругу читателей данного издания хотелось бы поделиться мыслями о том, какие проблемы для профессионального сообщества возникают в связи с этим и подобными высказываниями в публичном пространстве.

На мой взгляд, наиболее значимая проблема — различия в восприятии

исторических событий профессиональным сообществом и обществом в целом. Это касается как понимания современных научных представлений, так и оценки степени достоверности тех или иных утверждений об исторических событиях из уст политиков, журналистов и т. д.

Рассуждая о деятельности ВЧК в первые годы советской власти, А. В. Бортников фактически оправдывает **все** методы чекистов: «*чрезвычайность ситуации диктовала необходимость принятия чрезвычайных мер*». Для обывателя такое утверждение выглядит вполне убедительно. Исследователь же постарается выяснить, какие чрезвычайные

© Суслов А. Б., 2018

Суслов Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь); absuslov@gmail.com.

меры применялись. Современные историки, используя прочную историческую базу, установили и весьма подробно описали такие использованные чекистами методы, как бессудные казни, массовые расстрелы заложников и т. д. (Буддаков 1997; Литвин 2004; Мозохин 2006; Ратковский 2005; Рассказов 1994; и др.). Возникает вопрос: глава ФСБ заявляет о нормальности подобных методов? В таком случае возрастают риски применения произвольного насилия, оправданного маркировкой той или иной ситуации как чрезвычайной, тем более что немало наших сограждан готовы согласиться с подобным подходом.

А вот ответ А. В. Бортникова на вопрос о наличии доказательной базы для репрессий 1930-х гг.: *«Хотя у многих данный период ассоциируется с массовой фабрикацией обвинений, архивные материалы свидетельствуют о наличии объективной стороны в значительной части уголовных дел, в том числе легших в основу известных открытых процессов. Планы сторонников Л. Троцкого по смещению или даже ликвидации И. Сталина и его соратников в руководстве ВКП(б) – отнюдь не выдумка, так же как и связи заговорщиков с инспецслужбами. Кроме того, большое количество фигурантов тех дел – это представители партноменклатуры и руководства правоохранительных органов, погрязшие в коррупции, чинившие произвол и самосуд».*

Открытые московские процессы изучены довольно обстоятельно. Благо в распоряжении историков был значительный и довольно полный комплекс документов. Механизмы фальсификаций детально описаны

в ряде монографий (Хаустов, Самуэльсон 2010; Петров, Яцен 2008; Хлевнюк 1996, 2010; Роговин 1996; Артамонова 2011; Гинцберг 1991; и др.). Анализ рассекреченных документов позволяет исследователям вполне аргументировано утверждать, что «вскрытые» на процессах планы ликвидации Сталина и сведения о работе подсудимых на иностранные разведки опираются на сфабрикованные материалы и самооговоры, ставшие результатом применения физического и психического насилия. Исследователи с опорой на источники разного происхождения установили, что подготовка таких процессов, как точно сформулировали В. Хаустов и Л. Самуэльсон, «это выполнение задания высшего руководства, а не результат оперативных разработок ГУГБ НКВД» (Хаустов, Самуэльсон 2010: 90).

Но если ученые не склонны верить на слово в существование зловещих связей и планов «заговорщиков», то широкие массы готовы принять позавчерашние мифы. Тем более что воспроизводится еще один миф – о направленности террора, в основном против зарвавшихся номенклатурщиков. И это несмотря на то, что мы сегодня в состоянии провести количественный анализ баз данных относительно лиц, арестованных НКВД в годы Большого террора. И мы можем утверждать, что рабочих и крестьян среди них было более 2/3, тогда как доля руководителей высокого ранга была весьма незначительна.

При прочтении следующей цитаты Бортникова закрадывается подозрение, нет ли здесь поло-

жительной оценки деятельности Л. П. Берии: *«Массовые политические репрессии закончились после принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия” от 17 ноября 1938 года. Назначенный на пост наркома внутренних дел Л. Берия восстановил ГУГБ НКВД и провел кадровые “чистки”, изгнав карьеристов предыдущих призывов. Повысились требования к качеству следственной работы, что способствовало краткому сокращению приговоров к высшей мере наказания».*

Конечно, Берия как управленец был сильнее Ежова. И от особо отличившихся заплечных дел мастеров аппарат почистил. Но заявление о закончившихся с приходом Берии массовых политических репрессиях очевидным образом противоречит известным сегодня и неоднократно упоминавшимся в печати многочисленным фактам. В их ряду и депортации народов (более 3,5 млн человек), и развитие системы ГУЛАГа, и продолжившиеся аресты за «контрреволюционные преступления». Только с 1939 по 1952 г., по официальным данным, было осуждено 1 107 024 человека, арестованных органами НКВД-МВД, из них 54 073 человека было расстреляно (посчитано по: (ГУЛАГ 2000: 432–434). Это не массовые политические репрессии? А убийство польских офицеров под Катынью и в других местах (около 22 тыс. человек) не ведомством Берии было организовано? И это не массовые политические репрессии?

количества смертных приговоров. На сегодняшний день можно считать доказанным, что и Ежов, и Берия не были самостоятельными в определении стратегических ориентиров репрессивных кампаний. И это нисколько не противоречит тому, что сталинская «вертикаль» не исключала инициативы наркомов внутренних дел или инициативы на местах. Более того, она предусматривала такую инициативу в определенных пределах.

Еще одна серьезная проблема — ограниченный доступ ученых к документам о деятельности спецслужб в советское время. Следствием этого становится повышенная осторожность в оценках, приводимых в научных трудах. Чем ближе к настоящему времени изучаемая эпоха, тем больше и больше препятствий в доступе к документам возникает у историков. Так, хотелось бы иметь полный комплекс отложившихся документов, характеризующих деятельность «Смерш», которую превозносит А. В. Бортников. Не будем спорить, на счету этой службы были выявленные предатели, обезвреженные шпионы, контрразведывательные операции и т. п. Но наряду с этим имеется немало воспоминаний фронтовиков, которые с ненавистью отзывались об этой организации. Изучение массива следственных дел, которые вели следователи «Смерш», создает впечатление, что большая часть «попавших под колпак» военнослужащих была репрессирована не за переход на сторону врага, а за неосторожные высказывания.

Вот только один пример — выдержка из протокола допроса воентехника

Гранга И.Я. Белозерова следователем 4-го отдела ОКР «Смерш» 53-й армии капитаном Зубиловым, 7 февраля 1945 г.: «...виновным себя признаю в том, что находясь на службе в ААРМ-53, среди рядового и офицерского состава военнослужащих я действительно распространял клеветнические измышления и выражал антисоветские высказывания, которые выражались в восхвалении капиталистического строя Румынии. Я говорил, что «население Румынии живет во много раз лучше, чем наше колхозное крестьянство», при этом доказывал, что здесь крестьяне имеют много продуктов питания, скота и домашней птицы, а наши колхозники ничего не имеют» (Политические репрессии в Прикамье 2004: 370). В результате Белозерцев получил 8 лет лишения свободы за «контрреволюционную агитацию».

Для обывателя будет достаточно описаний успехов в борьбе с врагом. Для профессионального сообщества необходимы доступ к документам, в засекреченности которых на сегодняшний день есть большие сомнения, а также полноценный диалог между историками ведомственными, имеющими допуск, и «гражданскими», как их именуют первые.

Продолжая ту же тему, нельзя не отметить ощущение неловкости, возникающее при чтении рассуждений Бортникова об открытости в деятельности КГБ при Ю.В. Андропове. Нельзя же всерьез называть открытостью выпуск ряда книг и фильмов о советских разведчиках. Документы о деятельности

КГБ всегда были предельно закрытыми и сейчас во многом остаются закрытыми. В частности, очень интересно было бы познакомиться с документами, которые легли в основу упомянутого доклада Андропова для Политбюро «О враждебной деятельности ЦРУ США по разложению советского общества и дезорганизации социалистической экономики через агентуру влияния» 1977 г. Принципиально важное значение для общества будет иметь открытость документов о преследованиях КГБ инакомыслящих, особенно в отношении отправленных на принудительное психиатрическое лечение.

Таким образом, объективно присутствующим массовому сознанию особенностям восприятия информации (таким, как стремление к упрощению, приверженность к мифологическим построениям, отсутствие критичности и т.д.) сопутствуют ограничения в доступе к источникам, снижающие степень доказательности научных построений. В условиях стремления властвующей элиты к политическому использованию прошлого¹ это создает для профессионального сообщества серьезный вызов, препятствующий распространению научных представлений о советской истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Артамонова 2011 — Артамонова Ж.В. Московский открытый процесс 1936 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

¹ Подробнее об этой проблеме см.: (Малинова 2015).

Булдаков 1997 — Булдаков В. П. Красная смута. М., 1997.

Гинцберг 1991 — Гинцберг А. И. Московские процессы 1936–1938 гг. // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 10–23.

ГУЛАГ 2000 — ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000.

Литвин 2004 — Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. URL: litresp.ru/chitat/ru/%D0%9B/litvin-aleksej/krasnij-i-belij-terror-v-rossii-19181922-gg.

Малинова 2015 — Малинова О. Ю. Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

Мозохин 2006 — Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006.

Петров, Янсен 2008 — Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. 2008.

Политические репрессии в Прикамье 2004 — Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: Сборник документов и материалов. Пермь, 2004.

Ратковский 2005 — Ратковский И. С. Всероссийская чрезвычайная комиссия и политика красного террора в Советской России в 1918 г.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

Рассказов 1994 — Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994.

Роговин 1996 — Роговин В. З. 1937. М., 1996.

Суслов 2017 — Суслов А. Избирательная память: о чем не сказал глава ФСБ Александр Бортников. URL: www.rbc.ru/opinions/politics/21/12/2017/5a3b66499a79475258720bac?from=newsfeed (дата обращения: 23.12.2017).

Хаустов, Самуэльсон 2010 — Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010.

Хлевнюк 1996 — Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

Хлевнюк 2010 — Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. 2010.

THE EMPHASIS OF THE POLITICIANS AS A CHALLENGE TO HISTORIANS

Suslov Andrey B. — doctor of historical sciences, professor of the Department of new and modern history of Russia, Perm State University of Humanities and education (Perm)

Key words: Stalin, Beria, NKVD, Cheka, Great Terror.

The historian, who devoted many years to the studies of the Stalin era and Stalin's terror, comments on the program interview of the head of the FSB, A. V. Bortnikov, which gives a very apologetic version of some pages of the Soviet past, including the role of state security in Soviet history for a certain period.

REFERENCES

- Artamonova Zh.V. *Moskovskii otkryti protsess 1936 g.*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2011.
- Buldakov V.P. *Krasnaia smuta*. Moscow, 1997.
- Gintsberg A.I. *Moskovskie protsessy 1936–1938 gg. Novaia i noveishaia istoriia*, 1991, no. 6, p. 10–23.
- GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei. 1918–1960*. Moscow, 2000.
- Khaustov V., Samuel'son L. *Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg.* Moscow, 2010.
- Khlevniuk O. V. *Khoziain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury*. 2010.
- Khlevniuk O.V. *Politbiuro. Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 30-e gody*. Moscow, 1996.
- Litvin A.L. *Krasnyi i belyi terror v Rossii. 1918–1922 gg.* Moscow, 2004. URL: litresp.ru/chitat/ru/L/litvin-aleksej/krasnij-i-belij-terror-v-rossii-19181922-gg.
- Malinova O.Iu. *Simvolicheskaiia politika vlastuiuushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti*. Moscow, 2015.
- Mozokhin O.B. *Pravo na repressii. Vnesudebnye polnomochiia organov gosudarstvennoi bezopasnosti (1918–1953)*. Moscow, 2006.
- Petrov N., Iansen M. *"Stalinskii pitomets" – Nikolai Ezhov*. 2008.
- Politicheskie repressii v Prikam'e. 1918–1980 gg.*: Sbornik dokumentov i materialov. Perm', 2004.
- Rat'kovskii I.S. *Vserossiiskaia chrezvychainaia komissiiia i politika krasnogo terrora v Sovetskoi Rossii v 1918 g.*: dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2005.
- Rasskazov L.P. *Karatel'nye organy v protsesse formirovaniia i funktsionirovaniia administrativno-komandnoi sistemy v sovetskom gosudarstve (1917–1941 gg.)*. Ufa, 1994.
- Rogovin V.Z. *1937*. Moscow, 1996.
- Suslov A. *Izbitatel'naia pamiat': o chem ne skazal glava FSB Aleksandr Bortnikov*. URL: www.rbc.ru/opinions/politics/21/12/2017/5a3b66499a79475258720bac?from=newsfeed (data obrashcheniia: 23.12.2017).

А. А. Рыбалка

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК

А. И. СУЛАКАДЗЕВА.

Новые подробности биографии известного библиофила

Ключевые слова: биография, чин, служба, имение, брак, жалованье, Сулакадзев, Шредер.

Автор исследует выявленный в РГИА формулярный список известного библиофила Александра Сулакадзева и группу связанных с ним архивных документов. Вновь вводимые в научный оборот документы позволяют значительно прояснить и уточнить некоторые обстоятельства жизни и деятельности Сулакадзева, фигура которого и как библиофила, и как фальсификатора продолжает привлекать исследователей и читателей, занимающихся или интересующихся русской книжной культурой времен Александра I. Автор стремится показать, что все ситуации, в которых его герой и близкие к нему лица должны были вступать в формальные отношения с государством, прилежно документированы, и эти документы позволяют получить более детальное представление о служебной карьере и личных отношениях Сулакадзева, чем это было до сего дня.

Библиофил Александр Иванович Сулакадзев, пожалуй, больше известный в качестве «знаменитого фальсификатора», — периферийная, но в то же время характерная

фигура «золотого века» русской культуры. При жизни незаметный, известный главным образом благодаря любопытству, проявленному к одной из его рукописей Гаврилой Державиным, на рубеже XIX-XX вв. он стал приобретать очертания владельца значительного книжного собрания и хронического, хотя и не очень искусного фальсификатора древних рукописей. Разрозненные

© А. А. Рыбалка, 2018

Рыбалка Андрей Александрович — начальник управления внедрения систем и средств обеспечения информационной безопасности, ООО «Научно-производственная фирма «Кристалл» (Пенза); anrike@yandex.ru

сведения об Александре Ивановиче как о человеке и коллекционере, эпизодически появлявшиеся в русской периодике на протяжении столетия, впервые обобщили в 1898 г. А.Н. Пышин и Д.Д. Языков (*Пышин* 1898; *Языков* 1898). Если первый нарисовал образ Сулакадзева — автора различных литературных подделок, констатировав отсутствие биографических сведений о нем, то второй собрал немногочисленные на тот момент сведения, характеризующие Сулакадзева именно как коллекционера и человека, хотя не менее, если не более, чем о самом герое, было сказано о судьбе его библиотеки¹.

Биографические сведения о Сулакадзеве всегда были крайне скупы и, надо сказать, не вполне достоверны (*Рыбалка* 2015). Даже относительно места его службы существовали некоторые разногласия. Евгений Болховитинов указывал, что Сулакадзев служил на таможне, М.И. Семевский называл Министерство финансов. Между тем из собственных заметок Сулакадзева — «Лѣтописца» за 1825–1827 гг. — было известно, что по крайней мере в последние годы жизни Сулакадзев служил в Государственной комиссии погашения долгов (Г.К.П.Д.) (*Герасимова* 1975). Поиски в фонде Г.К.П.Д. в РГИА позволили обнаружить дело о смерти Сулакадзева, содержащее, в числе

¹ Состав библиотеки Сулакадзева, прежде всего его рукописного собрания, по сохранившимся каталогам рассматривался в работах: (*Макаренко* 1928; *Сперанский* 1956). Ныне, благодаря обнаружению в фонде В.Г. Анастасевича копий трех каталогов библиотеки Сулакадзева (ОР РНБ. Ф. 18. Д. 14), появилась возможность более детально исследовать ее состав, см. (*Рыбалка* 2016).

прочего, его формулярный список от 1829 г.² Состав дела показывает, что Г.К.П.Д. была последним и наиболее долговременным местом службы Сулакадзева, и позволяет, помимо прочего, наконец установить точную дату смерти Александра Ивановича.

«Формулярный список о службе тс С-ва³ 1829 г.» находится на листах 11–14 дела и представляет собой таблицу из 12 столбцов. Каждый столбец имеет заголовок, представляющий собой вопрос, и содержание — ответ, откуда следует, что, по сути, этот формулярный список представлял собой анкету. Далее мы приведем отдельно каждый из столбцов таблицы (стб. №) и сопроводим их относящимися к делу комментариями, содержащими дополнительные сведения по вопросам анкеты. Знаком «/» в столбцах показан перевод строки.

(стб. 1) «Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет? / тс Алдръ Иванов сын С-в 56 лет»

По собственным словам Александра Ивановича, он родился 23 октября 1771 г., день в день через девять месяцев после сочетания браком Ивана Сулакатцова и Екатерины Боголеповой 23 января того же года и ровно за месяц до своих име-

² РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Е.х. 2573. «Дело о тс Сулакадзеве, умершем 1.03.1829 и о пособии его вдове тс Соколовой» (sic!).

³ Фамилия «Сулакадзев» практически везде по тексту дела приводится в сокращенной записи, что вызвало ошибочную интерпретацию фамилии его вдовы, вероятно, когда дело было озаглавлено при сдаче в архив.

нин 23 ноября, которые удачным образом пришлись на святого благоверного князя Александра Невского⁴. Указанный возраст свидетельствует, что формулярный список был составлен в самом конце 1827 или в 1828 г. Это подтверждает собственная запись Сулакадзева в «Лѣтописце» от 25 сентября, где он указывает, что предоставил сведения о своем имуществе для записи в формулярный список⁵.

(стб 2) «Из какого звания происходит. / из дворян.»

Сулакадзев на протяжении всей своей жизни был озабочен подтверждением своего дворянского статуса. Александр Иванович писал про своего отца, якобы воспитанника Московского университета, что «родитель его был Грузинского Царства. князь, а служил комиссаром при Дворе», однако, насколько известно, среди грузинских княжеских семейств Сулакадзе никогда не было.

Документы свидетельствуют, что отец Сулакадзева — Иван Григорьевич, рязанский губернский архитектор — обучался в Дворянской гимназии при Московском университете в 1757–1760 гг. (Костышин 2014: 661–662). Совместно с И. Г. Сулакадзевым проходили обучение многие известные позднее люди, но какая-либо связь его с ними на сегодня-

шний день по документам не прослеживается.

За дедом Сулакадзева — Григорием Максимовичем — должность «комиссара» в Главной Дворцовой канцелярии подтверждается с декабря 1757 г. (Костышин 2014: 662). Однако в 1761 г. он занимал должность «Главной Дворцовой канцелярии стряпчаго», полученную им еще в 1751 г. и не дававшую права на классный чин (Межвые книги 1891: 246). В документах Московского дворцового архива сказано, что Г. М. Сулакадзев имеретинский дворянин, состоявший «некоторое немалое время» на службе у царевны Дарьи Арчиловны» (Костышин 2014: 661). Почти двадцатью годами ранее, 12 марта 1740 г. «дома царевны Дарьи Арчиловны служитель ея дворянин Григорий Сулакадзе» продал двор в приходе церкви Вознесения Господня, что на Никитской, доставшийся ему за женой «Аграфеной, Михайловой дочерью» (Переписная книга 1881: 351]. Из этой записи следует, что Сулакадзе были потомственными или служилыми азнаурами семьи имеретинского царя Арчила II (1648–1713) и, видимо, прибыли в Россию не позднее 1699 г., когда Арчил окончательно обосновался в Москве (дочь Дареджан (Дарья) и сыновья жили в России еще с 1684–1685 гг.). В августе 1733 г. Г. М. Сулакадзе получил от царевны Дарьи увольнительное «свободное» письмо и устроился на службу в Московскую контору Главной Дворцовой канцелярии на должность подключника только в августе 1748 г. В декабре 1759 г. он безуспешно просил руководство повысить его рангом за многолетнюю службу (Костышин 2014: 662).

⁴ ОР РГБ. Ф. 96. Д. 14. Л. 18. Во времена императрицы Екатерины фамилия Ивана Григорьевича и его сына Александра в официальных документах писалась «Сулакатцов» либо «Сулакадцев».

⁵ ОР РГБ. Ф. 96. Д. 27. Л. 112 об.

Сулакадзев неизменно подчеркивал и дворянство Боголеповых, но сам же писал про своего деда, С.М. Боголепова, что «деды его были приписаны к монастырю, Богословскому, и Солотчинскому», т. е. были монастырскими послужильцами, а сам Степан Михайлович начинал свою карьеру приказным⁶.

В выписке из Дворянской родословной книги (ДРК) Санкт-Петербургской губернии, касающейся дворянства А.И. Сулакадзева, содержатся, в частности, такие сведения: «Родословная о доказательстве о дворянствѣ рода Сулакадзева. По свидѣтельству данному ему Сулакадзеву изъ Герольдіи 1820го года марта 22го за № 1190м, въ томъ, что родной его отецъ Коллежскій Ассессоръ Иванъ Сулакадзевъ изъ титулярныхъ совѣтниковъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры, со старшинствомъ съ 31го декабря 1801 года. <А.И. Сулакадзев> Внесенъ по опредѣленію Санктпетербургскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія 8го Апрѣля 1820го года, въ третью часть»⁷. Нельзя не обратить внимания на результат рассмотрения дела о дворянстве Сулакадзева в Герольдии. Алек-

сандр Иванович был внесен в III часть ДРК, куда помещались «роды осьмикласнаго дворянства», на основании того, что «все служители российские или чужестранные, которые осми первых рангов ходятъ или действительно были», имели право на потомственное дворянство. Таким образом, несмотря на последовательное подчеркивание Сулакадзевым дворянского достоинства своих предков, фактически он смог сослаться только на факт получения его отцом чина коллежского асессора менее чем за 20 лет до того.

Стремление Сулакадзева всячески подчеркивать дворянский статус своей семьи находило выражение при любом удобном случае. Так, Александр Иванович пишет в своем «Лѣтописце»: «1820. 19 генваря. Жена моя Софья ивановна сулакадзева получила акт на ношение бронзовой дворянской медали, на владимирской ленте в память 1812 <приписка, позже> за подписью спб. Дворянск. Губерн. Предводит. Тайн. Сов. Жеребцова»⁸. По указу от 8 февраля 1816 г. памятную бронзовую медаль на владимирской ленте разрешалось носить, помимо мужчин, также старейшим женщинам в дворянском роде, вдовам отличившихся в 1812 г. офицеров и дамам, ухаживавшим за ранеными⁹. Софья Ивановна не была вдовой офицера и вряд ли ухаживала за ранеными, следовательно, Сулакадзев выхлопотал (женский вариант медали выдавался только по ини-

⁶ ОР РГБ. Ф. 96. Д. 14. Л. 16 об., 17. Подробнее о Степане Боголепове см. (Рыбалка 2017).

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Е.х. 455, Л. 248 об. – 249. В наши дни появление многочисленных описей различных архивов в широкодоступной форме позволило выявить несколько новых документов, дающих возможность уточнить имеющиеся и получить дополнительные сведения о биографии самого Сулакадзева. Такие документы были обнаружены в ЦГИА СПб., РГИА, ГАРО и т. д. За возможность ознакомления с делами ЦГИА СПб. и РГИА я безмерно благодарен Дмитрию Алексею (Санкт-Петербург).

⁸ ОР РГБ. Ф. 96. Д. 87.1. Л. 275.

⁹ ПСЗРИ, собр. 1, т. 33, № 26134 от 8 февраля 1816.

циативе самих соискателей) жене медаль как «старейшей женщине в дворянском роде», поскольку сам права на таковую не имел, ибо его отец, Иван Григорьевич, был еще жив (умер в 1821 г.).

(*стб 3*) «Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою недвижимое имение? / у родителей и у самого у него благоприобретенное / В СПб имеет деревянный дом»

Сулакадзев пишет, что «родился в селе Пехлеце Рязанской губернии Рязской округи... в своей деревне». По окладной книге 4-й ревизии (1782 г.) было «по Рязскому уезду. С. Пехлец. 6 душ за коллежской регистраторшей Акулиной Петровной Боголеповой», бабушкой Сулакадзева¹⁰. От 162 душ, имевшихся в то время в Пехлеце, это составляет всего 3,7 %. Следовательно, использованное Сулакадзевым определение «своей» является некоторым преувеличением. Почти половина душ принадлежала в селе отставному поручику Алексею Федоровичу Левашову, который и рассматривался как основной владелец села. Не ясно, почему души записаны на бабушку Сулакадзева, а не на деда, то ли это связано с запретом приказным иметь крепостных, то ли души действительно были приданы Акулины Петровны.

Ни рано умершая мать Александра Ивановича, ни вторично вскоре женившийся отец никогда ничем в Пехлеце не владели. Однако губернский архитектор Сулакадзев

на пике своей карьеры, вместе с женой, Авдотьей Давыдовной, владел в Рязани большой усадьбой из нескольких смежных участков, рядом с Почтовым двором (ныне Почтовая ул. д. 53–55, на этом месте располагается гостиница Михайлова). В усадьбе Сулакадзевым был выстроен каменный дом¹¹. Характер построек в усадьбе позволяет уточнить описание имущества последующих ее владельцев. Выйдя в отставку (в 1806 г.) и овдовев (в 1807 г.), архитектор продал усадьбу мещанину Ефиму Самойлову, который в 1814 г. перепродал участок «со всем каменным и деревянным строением» мещанке Авдотье Касцовой. В 1818 г. во владении Касцовой и ее мужа Логина Касцова располагался дом с 6 комнатами, занятый постоялым двором. В середине века усадьбой владела купчиха Екатерина Курганская. В ее владении находились два здания: каменный двухэтажный дом с лавкой в нижнем этаже по красной линии улицы и деревянный (вероятно, одноэтажный) флигель во дворе. При Курганской строения пребывали, вероятно, еще в том виде, в котором они и были построены Сулакадзевым.

Расставшись с собственным домовладением, Сулакадзев перебрался на жительство в дом статской советницы Варвары Григорьевны Сазоновой, где его и застала 6-я ревизия. Ревизская сказка, поданная 20 октября 1811 г. от «Губернского Города Рязани коллежского асессора Ивана Григорьева сына Сулакадзева о состоящих мужского пола

¹⁰ ГАРО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 60-1. Л. 14 об.

¹¹ ГАРО. Ф. 4. Оп. 719. Д. 197. Л. 580.

дворовыхъ людяхъ» представляет динамику изменения душевладения Сулакадзева от 5-й (1795 г.) к 6-й (1811 г.) ревизиям, и надо сказать, что если в 1795 г. он распорядился судьбой пяти мужчин, то к 6-й ревизии осталось у него всего одна душа — четырехлетний мальчик (видимо, с мамой или бабушкой)¹². Остальные либо умерли, либо были отпущены на волю, либо проданы.

По окладной книге 5-й ревизии (1795 г.) показаны «по Рязскому уезду. С. Пехлец. Каптенармуса Александр Иванова сына Сулакатцова 5 душ»¹³. Поскольку и дед, и бабушка Сулакадзева были в то время еще живы (Степан Михайлович умер в 1797 г., Акулина Петровна в 1816), остается предположить, что имение в Пехлеце было либо продано, либо подарено внуку, возможно, с целью повышения его социального статуса. Имение Александром Ивановичем приумножено не было, окладная книга 7-й ревизии (1816 г.) показывает «по Рязскому уезду. С. Пехлец. Подпоручика Александр Иванова сына Салакатцева 3 души»¹⁴. Впрочем, складывается впечатление, что результаты 7-й ревизии остались Сулакадзеву неизвестны. В Указе об отставке Сулакадзева от 18 октября 1802 г. за № 24163 приводились сведения 5-й ревизии с неверным местоположением: «По указу Его вел. государя имп. Алдра Павловича... Сулакадзеву, которой **от роду... 30ть лет** из дворян за ним

в Ярославской губернии пять душ...»¹⁵. Эти же сведения Сулакадзев в 1820 г. подает в Герольдию, ища себе потомственного дворянства, хотя к тому моменту прошло еще две ревизии.

Мало того, в дневнике А. И. Сулакадзева за 1827 г. имеется сообщение от 25 сентября: «подписался я что у меня в рязанской губернии 5 душ а за женой в Спб деревянный дом» и далее выражается надежда, что эти сведения будут включены в его формулярный список¹⁶. Судя по тексту формуляра, надежда не оправдалась, делопроизводители Г.К.П.Д., видимо, сочли недостаточной ссылку на результаты 5-й ревизии, с которыми совпадает показанное число душ. Реальная судьба имения Сулакадзева в Пехлеце на 1827 г. неясна.

Уточнение Сулакадзева, что дом принадлежит жене, делопроизводителей не заинтересовало. Деревянный дом в Семенцах был куплен после свадьбы в 1808 г. Хотя Сулакадзев был в то время в отставке, оформление их дома на жену, Софью Ивановну, возможно, связано какими-то гипотетическими «служебными» перспективами Сулакадзева. Дело в том, что в столице среди жен чиновников существовала устойчивая тенденция вкладывать свое приданое в недвижимость, чтобы обеспечить свои семьи в условиях нестабильности и недостаточности служебных окладов супругов при значительной дороговизне столичной жизни и отсут-

¹² ГАРО. Ф. 129. Оп. 17. Д. 64. Л. 34.

¹³ ГАРО. Ф. 129. Оп. 7. Д. 73. Л. 115.

¹⁴ ГАРО. Ф. 129. Оп. 19. Д. 132. Л. 230 об.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 9. Д. 144. Л. 3.

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 96. Д. 26. Л. 112 об.

ствии гарантии получения пенсии при потере кормильца раньше, чем он выслужит стаж, необходимый для начисления пенсии. Тем не менее в «Льтописецъ» Сулакадзева за 1820 г. подшито приглашение к столичному обер-полицмейстеру на собрание домовладельцев для обсуждения рекомендуемых цен на жилье.

(*стб 4/5/6*) «Когда в службу вступил, и в оной какими чинами, в каких должностях и где, происходил, также не было ль каких отличных по службе деяний, и не был ли особенно, кроме чинов чем награжден, и в какое время? / годы / месяцы и числа

В службу вступил л.-г. В Преобр. полк унтер-офицером / 1788 / марта 29

По Выс. приказу от службы уволен прапорщиком / 1797 / октября 17

Определен в провиантский штат / 1799 / апреля 15

По Выс. указу по прошению уволен с чином 13го класса / 1802 / октября 2

Определен в Комиссию о построении Казанской церкви по архитектурной части письмоводителем / 1803 / февраля 5

Из Комиссии по прошению за болезнию уволен / 1803 / декабря 11

Определен в Г.к.п.д. Канцелярским чиновником / 1819 / августа 20

Произведен:

Губернским секретарем / 1821 / октября 14

Коллежским секретарем / 1824 / октября 14

Титулярным советником / 1827 / октября 14

Из Высочайше пожалованных в награждение чиновникам комиссии сумм за усердие в службе получил:

1821 авг. 12 200 р. и 1824го мая 9го 450 р.

Да из сумм, назначенных г. М.ф. 1825 мая 14го 100 р.; 1826 февр. 11го 250 р.; 1827 марта 30го 325 р.; 1828 февр. 23го 225 р. и 1829 генв. 25го 225 р.

Помер / 1829 / марта 1.»

Представленные данные позволяют сделать несколько дополнительных уточнений относительно подробностей биографии Сулакадзева. Итак, Александр Иванович действительно начинал свою карьеру в гвардейском полку, но *офицером* гвардии он никогда не был, вопреки распространенному мнению на этот счет. Сам по себе факт его службы в Преображенском полку, где количество фактически числящихся унтер-офицеров превышало штаты в несколько раз, еще ничего не говорит о действительном содержании его службы¹⁷.

Сулакадзев получил младший офицерский чин – армейского прапор-

¹⁷ На полях последней страницы сборника материалов «О яицком неспокойстве и оренбургской осаде и о бунтовщике Пугачеве. Сочинение. 1773» (ОР БАН. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 20) Сулакадзевым сделана запись «сына (или внука) сего отца Пылая знал в школе Преображенского полку около 1790 года» (Л. 85, см. (Смирнов 1979: 201), указывающая на то, что в 80-х гг. XVIII в. он мог учиться в гарнизонной школе лейб-гвардии Преображенского полка, старейшем заведении подобного рода, основанном еще в 1698 г. Именно в 16 лет (возраст записи Сулакадзева в полк) большинство учеников определялось на службу в армейские полки и гарнизоны, а наиболее способные оставались в школах еще на три года для усовершенствования их подготовки. Дети дворян, офицеров и других «разных чинов» гарнизонными школами не брезговали и, если предположение верно, то Сулакадзев попал в школу вскоре после вторичной женитьбы своего отца.

щика — при увольнении из гвардии, поскольку гвардейцы имели преимущества в два класса над армейскими офицерами, но формально первым классным чином в гвардии был чин сержанта, который Сулакадзев к 1797 г. и должен был иметь. То, что он не оставался младшим унтер-офицером, подтверждает окладная книга 5-й ревизии (1795 г.) по Ряжскому уезду, в которой он показан уже каптенармусом.

Полтора года спустя после отставки Сулакадзев решил вернуться на службу в Провиантский департамент, однако «в русской армии лица, занимавшие большинство административных должностей по обслуживанию и обеспечению вооруженных сил, чья деятельность по своему характеру не отличалась от деятельности служащих в гражданских ведомствах / в комиссариате, Провиантском департаменте, счетной и инспекторской экспедициях, / не носили офицерских чинов и считались не офицерами, а военными чиновниками. Они обычно именовались “классными чинами”... Таким образом, чиновники Провиантского и Комиссариатского департаментов, исключая генералитет и чиновников VI класса, именуемых при сем случае “военными советниками”, т.е. начиная с 7-го класса и ниже, именовались просто по классам. Это касалось гражданских чиновников, служивших в военном ведомстве (в указанных департаментах их было подавляющее большинство). На должности военных чиновников могли назначаться и отставные офицеры, но с обязательным переименованием в гражданские чины, причем

прослужившие в последнем офицерском чине менее 3 лет — в равный по классу гражданский чин, а 3 года и более — на один чин выше» (Валков 1993). Следовательно, А.И. был переименован в чиновника 14 класса и три с лишним года прослужил именно в этом чине. При таком раскладе данный ему по выслуге чин при отставке — 13 класс, выглядит логично: странным был бы уход в отставку гражданским чином после службы офицером¹⁸.

Уволившись из Провиантского штата в октябре 1802 г., Сулакадзев поступил в Комиссию о построении церкви Казанской Богородицы «к производству письменных дел» 5 февраля 1803 г. с годовым окладом в 300 рублей, который и выплачивался ему, по указанию А.К. Воронихина, с 1 января¹⁹. Воронихин характеризует его статус как «писец... находившийся при мне», откуда следует, что Александр Иванович вел переписку самого Воронихина. Тем не менее такая доля не показалась Сулакадзеву завидной, и уже 15 октября того же года он подал прошение об увольнении его от должности «за болезнью». 11 декабря его рассчитали, причем бухгалтер отметил дневное содержание (83 копейки), потраченное

¹⁸ В окладной книге 7-й ревизии (1816 г., ГАРО. Ф. 129. Оп. 19. Д. 132. Л. 230 об.) показаны, впрочем, души «Подпорутчика... Салакатцева», но это явная ошибка, возможно (судя по форме написания фамилии), с самим Сулакадзевым не связанная, скорее всего, ревизор не справился с «XIII классом».

¹⁹ РГИА. Ф. 817. Оп. 1. Д. 171. «Об определении в Комиссию в число канцелярских служителей 13го класса Алдра Иванова Сулакадзева».

«на гошпиталь», откуда следует, что Сулакадзеву действительно были оказаны медицинские услуги за казенный счет.

После увольнения из Комиссии Сулакадзев официально нигде не служил шестнадцать лет, вплоть до августа 1819 г., когда он вновь вернулся на службу, поступив канцелярским чиновником в Г.К.П.Д. Александр Иванович прослужил там почти десять лет, начав в чине XIII класса, а затем, точно в соответствии с законодательством, производился 14 октября 1821, 1824 и 1827 гг. в губернские, коллежские секретари и, наконец, в титулярные советники. В должностном же отношении он, однако, не рос, так и оставшись в канцелярских чиновниках, строго говоря, в должности канцеляриста, с которой он и начинал свою статскую службу тридцать лет назад. В этом смысле Сулакадзеву не удалось повторить ни отцовскую — губернский архитектор, ни дедову — полицмейстер — карьеру.

Тем не менее в последний год жизни Сулакадзев имел годовой оклад в 1000 рублей, что было не так уж плохо по столичным меркам²⁰. Несколько позднее, в штате МВД такой оклад предназначался для старшего помощника столоначальника, что свидетельствует об известных выгодах службы в Г.К.П.Д. Кроме оклада, в 1824–1829 гг. Сулакадзев, наряду со своими коллегами, ежегодно получал дополнительные выплаты от 100 до 450 рублей.

2 марта 1829 г. экзекутор Ю.И. Сребровский рапортовал правлению Г.К.П.Д., что титулярный советник Сулакадзев «по одержимой болезни **сего марта 1го числа** волею Божию помре»²¹. В метрической книге Семеновской полковой церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы во храм, однако, сказано, что титулярный советник Александр Иванович Сулакадзев умер **4 марта 1829 года**, 58 лет, *старостью* и был погребен на кладбище Большой Охты. Исповедал его и приобщил святых тайн лейб-гвардии Семеновского полка протоиерей и кавалер Симеон Наумов²².

Дата отличается от указанной в деле Г.К.П.Д., 4 марта умерший, надо полагать, был отпет и погребен. Трудно сказать, на счет чего можно отнести эту ошибку и можно ли из ее наличия сделать вывод, что Сулакадзев приобщен святых тайн, собственно, и не был, т.е. скончался внезапно, хотя формулировка Сребровского предполагает некоторое развитие болезни. Более того, обычно «по одержимой болезни» указывает на хроническое серьезное заболевание.

В этой связи любопытно обратить внимание, что последняя известная на сегодняшний день запись в бумагах Сулакадзева относится к 25 сентября 1828 г. — в этот день он завершил переписывание одной из своих рукописей. В это же время, сентябрь-октябрь, прекращаются и записи Сулакадзева

²¹ РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Е.х. 2573. Л. 1.

²² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 231. Л. 400.

в «Лѣтописце», при том, что весь год Александр Иванович внимательно следил за военной кампанией против турок. Между тем записи резко прекращаются, последняя тетрадь томика «Лѣтописца» содержит несколько пустых листов.

Бывшая актуальной до сего дня дата смерти А. И. Сулакадзева предложена Н. Е. Макаренко в известной статье, где имеется следующее замечание (№ 9): «В паперах — прохання дружини, С. І. фон Гочь, про видачу пашпорта: "...послѣ смерти 1-го мужа моего титулярного совѣтника Александра Сулакадзева 3 сентября 1830 г. состоявшемся". Але в тому ж самому папері є й така фраза: "...о вторичномъ бракѣ моемъ 25 августа 1830 г. съ подпоручикомъ уланского полка Альбертомъ фонъ-Гочь". Де ж помилка — в першій фразі чи в другій?» (Макаренко 1928: 486).

Из дела Г. К. П. Д. смысл макаренковской «даты смерти» Сулакадзева — 3 сентября 1830 г. — разъясняется. Дата не имеет никакого прямого отношения к самому Сулакадзеву, в этот день Софья получила от священника церкви великомученицы Екатерины, что на Васильевском острове, свидетельство о своем вторичном браке с «Татарского уланского полка отставнымъ подпоручикомъ Прусского подданства Албертомъ Ивановымъ фонъ-гочь». Венчание состоялось 25 августа того же года, таким образом, вдова Софья Ивановна вторично вступила в брак более чем через год после смерти своего первого мужа.

Как явствует из дела о смерти Сулакадзева, хранящегося в фонде Г. К. П. Д. РГИА, в руках Н. Е. Макаренко был черновик отношения Софьи в Управу благочиния или саму Комиссию от первых дней декабря 1846 г. Какие особенности текста этого документа дезориентировали Макаренко, неясно, но его ошибка дала повод усомниться в обстоятельствах смерти Сулакадзева и репутации Софьи.

(стб 7) «В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно? / небыл.»

(стб 8) «Не был ли в штрафах и под судом, и естли был, то за что именно, когда и чем дело кончено? / небыл.»

(стб 9) «К продолжению статской службы способен, и к повышению чина достоин, или нет, и за чем? / написано рукою г. в должности управляющего: аттестовался способен — достойным»

(стб 10) «Не был ли в отпусках и естли был, то когда именно, на сколько времени и являлся ли на срок к должности / небыл.»

Содержание столбцов 7–10 лишний раз подчеркивает «среднестатистический» характер службы Александра Ивановича. Не отличился, не провинился, не пользовался. Служит достойно, но в чинах повышается день в день по Табели о рангах, в должностном же отношении не растет, оставаясь на протяжении всего периода своей службы за пределами адрес-календарей, в которых ежегодно приводился состав чиновников Г. К. П. Д.

(стб 11) «Не был ли в отставке с награждением чина, или без онаго, и когда? / В отставке был с награждением чинами: армии прапорщика с 17 окт. 1797 по 15е апр. 1799 года и 13го класса с 2го окт. 1802 по 5е февр. 1803 года; состоял вне службы с 11 дек. 1803го по 20е авг. 1819 года.»

Как уже было сказано, после увольнения из Комиссии по строительству Казанского собора, Сулакадзева официально нигде не служил вплоть до августа 1819 г. Известно, что в ближайшие за отставкой годы он пытался писать пьесы, познакомился с Державиным, женился. В метрической записи о его браке Александр Иванович назван «уволненным от службы»²³. Между тем уже через полтора года, 20 марта 1809 г., когда молодожены несколько месяцев как обосновались в собственном доме в Семенцах, в метрической записи о присоединении Софьи к православию протоиерей Иоанн Семенов указал, что муж ее — «служащий при министре внутренних дел»²⁴. Министром был тогда не кто иной, как сам князь Алексей Борисович Куракин, так что характеристика отражает известную претензию (особенно если иметь в виду, что и свидетелем при миропомазании был Г.Р. Державин). Однако в формулярном списке Сулакадзева нет никаких намеков на это обстоятельство; формуляр гласит, что Александр Иванович «состоял вне службы с 11 дек. 1803го

по 20е авг. 1819 года»²⁵. Но и в примечаниях на обороте титульного листа копии сулакадзевского «Опыта о истории Валаамского монастыря» переписчик сделал примечание, что Сулакадзев, среди прочего, «служил у Куракина» (*Охотина-Линд* 1996: 12. Прим. 20). Несмотря на известную репутацию «мистификатора», сомнительно, что Александр Иванович решился бы на подобную шутку, чтобы лишний раз пустить пыль в глаза окружающим. Вариантов, полагаем, два: либо Сулакадзев служил у Куракина частным образом, что вполне возможно, ибо именно так, домашним секретарем у князя Алексея Куракина, начинал свою карьеру М. М. Сперанский; либо Сулакадзев служил вне штата и оклада, дожидаясь освобождения места, что, в принципе, тогда практиковалось малочисленными молодыми чиновниками. Первый вариант представляется более вероятным; хотя Сулакадзев и имел незначительный чин, годы его все-таки были уже не те, чтобы служить без содержания. Не ясно, впрочем, сколь длительно было сотрудничество Александра Ивановича с окружением Куракина и в чем оно заключалось; судя по всему, и здесь он, видимо, использовался «для письменных дел».

Об источниках неслужебных доходов Сулакадзевых, особенно в период отставки Александра Ивановича, мы в настоящее время почти ничего не знаем. Души его, судя по всему, каких-то серьезных доходов приносить не могли. Вдова его писала, что покойный муж ее не имел иных доходов, кроме жалованья,

²³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 147. Л. 106 (№ 22).

²⁴ Там же. Д. 152. Л. 94 (№ 34).

²⁵ РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 2573. Л. 14.

но учитывая, что писала она это в прошении о пособии, можно предположить и этикетный характер такого рода деловой переписки.

Из собственных записок Сулакадзева следует, что супруги сдавали часть помещений своего дома под квартиры или комнаты²⁶. В числе жильцов Александр Иванович называет сенатского чиновника коллежского асессора Александровского; вдову мелкого чиновника, крещеную еврейку; вдову действительного статского советника, поповну по происхождению, ставшую потом монахиней и т. п. Скорее всего, комнаты предназначались одиноким людям среднего или небольшого достатка. Общая площадь домовладения Сулакадзевых, по более поздней оценке, составляла $93 \frac{1}{3}$ кв. сажени; собственно дом занимал чуть меньше половины площади, двухэтажный, фасад в четыре окна, примерно 5 на 7 сажений²⁷. Известный

²⁶ ОР РГБ. Ф. 96. № 87.1. Л. 15, 75–78.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 5258. Чертежи дома на участке, принадлежавшем фон Гач, Г. Чаплинской, А. Сахаровой, Ф. С.

доход сдача жилья в наем давала, но неясно, насколько значительный, тем более что Сулакадзев упоминает и людей, пользовавшихся гостеприимством за счет хозяев.

Из тех же записок по косвенным признакам можно сделать вывод, что Александр Иванович, в период своей отставки, выступал в роли ходатая по делам и письмоводителя, возможно, получая за это вознаграждение. Например, он сетует на бывшего первоприсутствующего в Главной контрольной экспедиции при Адмиралтейств-коллегии генерал-лейтенанта А. И. Стурма (1745–1822), для которого составлял прошение о сохранении за ним пенсии пожизненно и, несмотря на то, что прошение, в конце концов, имело успех, не дождался ничего, кроме упреков. Сам факт, что генерал воспользовался услугами Сулакадзева, свидетельствует, что тот имел соответствующую репутацию. Сулакадзев упоминает и других людей, в делах которых принимал участие, он нигде не пишет, что делал это за мзду, но, думаю, такое предположение будет вполне логично.

Ко времени службы Сулакадзева в Г.К.П.Д. относится изображение, которое, возможно, является несколько шаржированным портретом самого Александра Ивановича, внешний облик которого по сей день остается неизвестным. В «Летописце 1826 г.» (см. рисунок) на листике небольшого формата, вставленном в середину одной

Никифорову, А. И. Иванову по Серпуховской ул., 30.

из тетрадей рукописи, имеется профиль мужчины средних лет, с густыми бакенбардами и слегка волнистыми волосами на голове, топорщащимися над верхней губой усами (для изображения подобного рода нарисованными довольно натуралистично), несколько скошенным подбородком, крупным мясистым и вполне «римским» носом и большими выразительными глазами, скорее всего, серыми или карими. Шея у мужчины открыта, а завершает ее перпендикулярная ей штрихованная полоса неясного назначения и довольно странная штриховка у подбородка, которую можно было бы счесть за бороду, если бы бороды подобной формы кто-либо тогда носил, что усиливает шаржированный характер изображения²⁸.

Справа на листике располагается пояснение Сулакадзева: «1826. майя. 11. втф. Рисовалъ сіе Владимиръ Федоровичъ Лазаревъ-Станицевъ спичками обожженными и здѣланными изъ свернутыхъ бумажекъ». 20-летний губернский секретарь В. Ф. Лазарев-Станицев (1806–1863), впоследствии коллежский советник, в ту пору молодой коллега А. И. в Г.К.П.Д., впрочем, в служебном статусе ему не уступавший.

Весьма вероятно, что молодой чиновник изобразил своего старшего коллегу, Александра Ивановича.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 96. № 87.5. Л. 130 об. – 131. Версия о портретном характере изображения является сугубо предположительной. Ряд особенностей изображения допускает различную интерпретацию, вплоть до вариантов, исключающих возможность того, что изображение является портретом Сулакадзева.

В пользу этого предположения можно привести следующие соображения: 1. Присвоить чужое изображение такого рода, по тогдашним отношениям, было не совсем нормативным поведением. 2. Если А. И. такое изображение все-таки презентовали, он обязательно указал бы имя не только автора, но и изображенного лица. 3. По всему, Лазарев-Станицев демонстрировал коллеге технику рисования углем на службе, в присутственном месте, сомнительно, что вокруг них собралась большая толпа чиновников Г.К.П.Д., скорее всего, демонстрация носила приватный характер и А. И. был единственной возможной моделью.

Из того, что подробные объяснения относительно техники и автора изображения не содержат ни намека на изображенное лицо, следует, на наш взгляд, что изображен профиль самого Сулакадзева. Если предположение верно, то надо сказать, что в облике А. И. черты южанина, кавказца, продолжали сохраняться. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что один из недоброжелателей Сулакадзева называл его за глаза «греком»²⁹. Конечно, тут, пожалуй, имелись в виду черты не столько внешности, сколько характера А. И., тем не менее изображенный Лазаревым-Станицевым профиль этой характеристике не противоречит.

(стб 12) «Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет и где они находятся? / женат, детей не имеет.»

²⁹ ОР РГБ. Ф. 96. № 87.1. Л. 78.

Из Указа Санкт-Петербургской духовной Консистории следует, что брак Сулакадзева состоялся в сентябре 1807 г., а не в 1806 г., как обычно считается со ссылкой на паспорт Софьи Шредер³⁰. Брак был совершен в церкви во имя Рождества Иисуса Христа на Песках (освящ. в 1798, разруш. в 1934) на 6-й Рождественской улице, ныне сквер на пересечении ул. 6-й Советской и Красноборского пер. Надо полагать, что на Песках же Сулакадзев в то время и проживал, дом в Семеновском полку был куплен на имя Софьи Шредер уже после брака³¹.

Сулакадзев 10 сентября 1807 г. покорнейше просит митрополита Амвросия (Подобедова): «Имею я желание совокупиться законным первым браком с девицею лютеранского вероисповедания Софиею Вильгельминою Шредер **без пременения ея закона**. Для того Ваше Преосвященство покорнейше прошу о повенчании»³². Следовательно, Софья сочеталась 20 сентября

1807 г. браком в церкви Рождества Христова «что на Песках», оставаясь лютеранкой.

Однако полтора года спустя, когда Сулакадзевы уже жили в своем доме в Семеновском полку, Александр Иванович подает Амвросию 23 февраля 1809 г. прошение о разрешении его жене перейти в православие, и 24 марта 1809 г. Иоанн Семенов, протоиерей церкви Введения во храм пресвятой Богородицы, что лейб-гв. в Семеновском полку, почтеннейше рапортует «о том, что София Вильгельмина сегож 1809 года марта 20 дня чрез святое миропомазание присоединена с тем же именем Софьи; свидетели — д.т.с. и разных орденов кавалер Г.Р. Державин и статская советница Наталья Алексеевна Колтовская»³³.

Из дела о браке Сулакадзева и Софьи Шредер выясняются любопытные биографические сведения о невесте, которые со слов Софии были приведены в прошении о повенчании ее с Сулакадзевым: «от роду ей 24й год, родилась Германского владения в городе Ганovere,

³⁰ ОР РГБ. Ф. 218. № 1286.16. На самом деле запись на обороте паспорта «Помянутая в сем паспорте девица Софья Вильгельмина Шредер по указу консистории обвенчана с 13 класса Александром Ивановым Сулакадзевым. Свидетельствую Рождественский священник Алексей Иванов» не содержит даты.

³¹ Д.С. Алексеев обратил наше внимание, что Пески расположены смежно с районом расквартирования лейб-гвардии Преображенского полка, службе в котором Сулакадзев посвятил много лет.

³² ЦГИА Ф. 19. Оп. 9. Д. 144. «О разрешении на вступление в брак отставному чиновнику 13 класса Александру Сулакадзеву православного вероисповедания с дочерью отставного кавалерийского генерал-майора ганноверской службы Гейнриха Шредера Софией лютеранского вероисповедания».

³³ ЦГИА Ф. 19. Оп. 11. Д. 11. «О переходе жены чиновника 13 класса Александра Сулакадзева (sic!) Софии Шредер из лют. вероисповедания в прв.». Наталья Колтовская (Турчанинова) многолетняя приятельница и протезе Державина, вероятно, привлечена к церемонии самим Гаврилой Романовичем (свидетелем при женщине непременно должна была быть женщина). Факт раннего знакомства Сулакадзева с Державиным некоторым образом объясняет интерес, проявленный в дальнейшем последним к «Боянову гимну». Впрочем, неправильное написание Державиным фамилии Сулакадзева и его ошибочная уверенность в том, что тот «бывший офицер», указывают очевидные границы этого знакомства.

отец ее Гейнрих Шредер, гановерской службы кавалерии генерал-майор в отставке, амать Елизавета Рейнгард, которые вживыхли ныне находятся, она София Вильгельмина занеполучением от них писем, не знает, ачто подлинно она София девица в том прилагает сделанного ей издерптского магистрата пачпорта копию, вьискусстве низшем небыла... К сему обязательству вместо означенной Девицы Софии Шрейдер, занеумением ее грамоте [нрзб] прошение воинской Драгунской Команды Порутчик Фортунат Вербицкий Росписался...»³⁴.

В представленных сведениях интригует, прежде всего, сочетание генеральского статуса невесты с ее неграмотностью и полным отсутствием родственников (при венчании был только один свидетель со стороны Сулакадзева). Грамоте Софья Ивановна так и не обучилась, о чем свидетельствуют ее прошения, составленные уже после смерти Сулакадзева, по ее поручению сослуживцами ее покойного мужа.

Как явствует из дела о смерти Сулакадзева, правление Г.К.П.Д. сразу же после рапорта экзекутора Сребровского предписало, «по уважению недостаточного состояния и рачительной службы покойного», выдать вдове на погребение 200 рублей, что и было осуществлено через того же Сребровского в тот же день, 2 марта³⁵.

На второй день после похорон, 6 марта, вдова обратилась в Г.К.П.Д.

с прошением: «Покойный муж мой не имея инех доходов, кроме жалованья, сделал по нужде несколько долгов, кои с занятыми еще мною на его погребение составляют 1200 рублей и кои для памяти и чести мужа моего обязана я заплатить; а посему и приемлю смелость правление всепокорнейше просить, приняв во внимание беспорочную мужа моего при оной комиссии службу, исходатайствовать мне для расплаты долгов денежное пособие, а для прожития моего снабдить меня видом»³⁶. 8 марта предписано было вдове выдать единовременное пособие в 1000 рублей – в размере оклада мужа за последний год, с февраля 1828 г.³⁷ День спустя ей выдали и вдовье свидетельство № 782 о проживании – вид на жительство, поскольку овдовев Софья снова стала самостоятельной учетной единицей³⁸.

23 июля того же года Софье была назначена и пенсия в 100 рублей. Учитывая, что бездетной вдове полагалась половина пенсии мужа, следует предположить, что Сулакадзев, прослужив в общей сложности 23 года, имел право на пенсию в размере 1/5 своего должностного оклада. Впрочем, и права на пенсию (из имеющихся документов, впрочем, не следует, что она когда-либо ее получала), и вдовьего свидетельства Софья лишилась, вторично выйдя замуж.

Семнадцать с лишним лет спустя Софья вновь обратилась в Г.К.П.Д.

³⁶ Там же. Л. 9.

³⁷ Там же. Л. 10.

³⁸ Там же. Л. 15–17.

³⁴ ЦГИА. Ф. 19. Оп. 9. Д. 144. Л. 2 – 2 об.

³⁵ РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Е.х. 2573. Л. 5.

с просьбой выдать ей повторно копии документов, которые она получила после смерти мужа. При этом она сообщила и некоторые подробности своей дальнейшей жизни. Софья вторично вышла замуж через полтора года после смерти первого мужа, при этом венчавший ее священник, как было установлено правилами, изъял у нее вдове свидетельство Г.К.П.Д., выдав взамен свидетельство о втором браке. Брак, однако, не удался, поскольку Софья представила в Г.К.П.Д. «определение гражданского суда королевского обер-ландерихта в Кенигсберге от 13 января 1835 года о разводе меня с фон Гочем»³⁹. Фон Гочь, как известно, высылался из России в конце 1833 – начале 1834 г., и поскольку судебная тяжба дело долгое, рискнем предположить, что фактически брак распался уже к этому времени⁴⁰.

Любопытно, что если заключен брак был по православному обряду

³⁹ Там же. Л. 20.

⁴⁰ ЦГИАК Украины. Ф. 442. Оп. 1. Т. 1. Д. 1434. 26 л.; Согласно родословной семьи фон Гочь, род известен уже с XVI в. (упоминается как Gosz в 1570 г.), родовое имя — Рутковичи в Мазурах, семья тесно связана с поляками. Альберт был вторым сыном майора жандармерии Ханса Якоба (1764–1832) от второго или третьего брака. Служил младшим лейтенантом во 2-м Вестфальском пехотном полку, потом «лейтенантом» в армии Российской империи. Умер в сентябре 1835 г. в Риге, вскоре после развода. Двое его братьев также умерли молодыми, рискнем предположить, что в семье был туберкулез. Альберт на двадцать лет моложе Софьи — 1803 г.р., и напрашивается вывод, что либо он альфонс, либо брак был фиктивным, хотя неясно, зачем таковой был нужен как жене, так и невесте. По факту выхода замуж за иностранца Софья стала прусской подданной. В родословной фон Гочь брак этот не отмечен (*Janecki* 1892: 161–162).

в России, разводил супругов прусский гражданский суд. Предполагаем, что применительно к России это имело некоторые юридические коллизии, тем не менее Софья ежегодно, в январе, без проблем возобновляла свой вид на жительство в столице в качестве «разведенной жены прусского подданного». Тем не менее в январе 1847 г. она планировала получить не обычный вид на жительство, а паспорт, и ей при сем потребовалось подтвердить статус вдовы Сулакадзева, получив из Г.К.П.Д. копии послужного списка ее умершего мужа и вдовьего свидетельства⁴¹.

В Г.К.П.Д. выполнили просьбу вдовы, передав соответствующие документы в Управу благочиния (возможно, именно тогда формулярный список и оказался в материалах дела), а через пару недель по запросу Управы благочиния Софья передала через Г.К.П.Д. и свидетельства о своем венчании с Сулакадзевым и присоединении к православию. Думаем, что вся эта переписка обусловлена желанием Софьи урегулировать свои имущественные отношения перед выездом из Петербурга, для чего и потребовался паспорт. Дом в Семенцах (составление плана и межевание участка были выполнены еще в августе 1844 г.), в котором Софья прожила почти всю жизнь, перешел в собственность ее соседей Абалиев самое позднее в 1848 г., и это могло произойти только в результате продажи (*Цылов* 1849: 130). Дальнейшая судьба вдовы Сулакадзева в настоящее время неизвестна, но не приходится сомневаться,

⁴¹ РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Е.х. 2573. Л. 25–28.

что библиотека покойного мужа была продана ею ранее расставания с домом.

Таково содержание формулярного списка Сулакадзева и ряда других документов, включенных в состав дела о его смерти. Автор целенаправленно штудировал электронные и бумажные описи различных архивов (ЦГИА СПб., РГИА, ЦГИАМ и т.п.) с целью обнаружения дел, так или иначе касающихся Сулакадзева, его семьи и его библиотеки. На взгляд автора, представленные выше сведения показывают, что эти ожидания оправдались. В РГИА обнаружены дела о дворянстве и служебной карьере Сулакадзева; в ЦГИА СПб. — дела о его семейном и имущественном состоянии, сведения метрических книг позволяют уточнить обстоятельства бракосочетаний и смертей вокруг Сулакадзева. Все ситуации, в которых Александр Иванович и близкие к нему лица должны были вступать в формальные отношения с государством, прилежно документированы, и эти документы позволяют получить более детальное представление о служебной карьере и личных отношениях Сулакадзева, чем это было до сего дня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волков 1993 — *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993.

Герасимова 1975 — *Герасимова Ю. И.* Восстание 14 декабря 1825 г. и современники. (По записным книжкам А. И. Сулакадзева) // Исторические записки. Т. 96. 1975. С. 79–91.

Костышкин 2014 — История Московского университета (вторая половина XVIII — начало XIX века): сб. док. (1754–1804) / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышкин; отв. ред. Е. Е. Рычаловский. Т. 3. М., 2014.

Макаренко 1928 — *Макаренко М.* Молитвенник великого князя Володимира и Сулакадзева // Сб. Отднн рус. яз. и словесности АН СССР. Л., 1928. Т. СІ. № 3. С. 484–491.

Межевые книги 1891 — Межевые книги города Москвы XVIII столетия. М.: Моск. гор. тип., 1891.

Охотина-Линд 1996 — *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. 1996.

Переписная книга 1881 — Переписная книга Города Москвы 1738 и 1742 г. Т. 1 (Переписная книга 1 и 3 команд : Перепись улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе). М.: Тип. М. И. Щепкина, 1881.

Пытин 1898 — *Пытин А. Н.* Подделки рукописей и народных песен // Памятники древней письменности. СПб., 1898. Т. СХХVII. С. 1–17.

Рыбалка 2015 — *Рыбалка А. А.* Александр Сулакадзев на пути к Велесовой книге // Valla. Интегрированный историко-философский журнал европейских исследований. 2015. № 5 (1). С. 41–56.

Рыбалка 2016 — *Рыбалка. А. А.* Книга Авда-зул-сека (Новые сведения о составе библиотеки Сулакадзева) // Valla. Интегрированный историко-философский журнал европейских исследований. 2016. Т. 2. № 1. С. 1–28.

Рыбалка 2017 — *Рыбалка. А. А.* «Разорен и совершенно ограблен»: дело Степана Боголепова // Valla. Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований. 2017. Т. 3. № 3. С. 1–15.

Смирнов 1979 — *Смирнов И. П.* О подделках А. И. Сулакадзевым древнерусских памятников (Место мистификации в истории культуры) // Труды Отдела

древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1979. Т. XXXIV: Куликовская битва и подъем национального самосознания. С. 200–219.

Сперанский 1956 — *Сперанский М.Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 44–101.

Цылов 1849 — *Цылов Н.И.* Атлас тринадцати частей С. Петербурга [С подроб. изображением набережных, улиц, переулков, казен. и обыват. домов]. СПб., 1849.

Языков 1898 — *Д[митрий] Я[зыков]*. Оригинальный русский антиквар // Рус. вестн. 1898. Т. 256. С. 237–242.

Janecki 1892 — *Janecki M.* Handbuch des preussischen Adels. Vol. I. E. S. Mittler, 1892.

THE CV OF A. I. SULACADZEV. NEW DETAILS OF THE BIOGRAPHY OF THE FAMOUS BIBLIOPHILE

Rybalka Andrey A. — head of Department of implementation of systems and means of information security, Scientific and production company “Kristall” (Penza)

Key words: biography, rank, service, estate, marriage, salary, Sulakadzev, Schroeder.

The author examines the formulary list of the famous bibliophile Alexander Sulakadzev and the group of archival documents associated with him. Documents newly introduced into scientific circulation make it possible to clarify and clarify some of the circumstances of Sulakadzev's life and activities, the figure of which, both as a bibliophile and as a falsifier, continues to attract researchers and readers who are interested in Russian book culture of the times of Alexander I. The author seeks to show that all situations, in which his hero and persons close to him, had to enter into formal relations with the state were diligently documented and that these documents allow to receive more A detailed picture of Sulakadzev's career and personal relationships than it was to this day.

REFERENCES

- D[mitrii] Ia[zykov]. Original'nyi russkii antikvar. *Rus. vestn.*, 1898, vol. 256, p. 237–242.
- Gerasimova Iu.I. Vosstanie 14 dekabria 1825 g. i sovremenniki. (Po zapisnym knizhkam A.I. Sulakadzeva). *Istoricheskie zapiski*, vol. 96, 1975, p. 79–91.
- Istoriia Moskovskogo universiteta (vtoraia polovina XVIII – nachalo XIX veka): sb. dok. (1754–1804)*, sost., avt. vstup. st. i primеч. D.N. Kostyshin; отв. ред. E.E. Ryshalovskii. Vol. 3. Moscow, 2014.
- Janecki M.* *Handbuch des preussischen Adels*. Vol. I. E. S. Mittler, 1892.
- Makarenko M.* Molitvennik velikogo kniazia Volodimera i Sulakadzev. *Sb. Otd-niia rus. iaz. i slovesnosti AN SSSR*. Leningrad, 1928. Vol. CI. No. 3. P. 484–491.
- Mezhevyie knigi goroda Moskvy XVIII stoletiiia*. Moscow: Mosk. gor. tip., 1891.
- Okhotina-Lind N.A.* *Skazanie o Valaamskom monastyre*. 1996.
- Perepisnaia kniga Goroda Moskvy 1738 i 1742 g.* Vol. 1 (Perepisnaia kniga 1 i 3 ko-

mand : Perepis' ulits, pereulkov i tupikov v Kremle i Kitai-gorode). Moscow: Tip. M. I. Shchepkina, 1881.

Pypin A. N. Poddelki rukopisei i narodnykh pesen. *Pamiatniki drevnei pis'mennosti*. St. Petersburg, 1898, vol. CXXVII, p. 1–17.

Rybalka A. A. Aleksandr Sulakadzev na puti k Velesovoi knige. *Valla. Integrirovannyi istoriko-filosofskii zhurnal evropeiskikh issledovaniï*, 2015, no. 5 (1), p. 41–56.

Rybalka. A. A. Kniga Avda-zul-seka (Novye svedeniia o sostave biblioteki Sulakadzeva). *Valla. Integrirovannyi istoriko-filosofskii zhurnal evropeiskikh issledovaniï*, 2016, vol. 2, no. 1, p. 1–28.

Rybalka. A. A. "Razoren i sovershenno ograblen': delo Stepana Bogolepova. *Valla. Integrirovannyi istoriko-filologicheskii zhurnal evropeiskikh issledovaniï*, 2017, vol. 3, no. 3, p. 1–15.

Smirnov I. P. O poddelkakh A. I. Sulakadzevym drevnerusskikh pamiatnikov (Mesto mistifikatsii v istorii kul'tury). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom); otv. red. D. S. Likhachev. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1979. Vol. XXXIV: Kulikovskaia bitva i pod'em natsional'nogo samosoznaniia. P. 200–219.

Speranskii M. H. Russkie poddelki rukopisei v nachale XIX veka (Bardin i Sulakadzev). *Problemy istochnikovedeniia*, Moscow, 1956, vyp. V, p. 44–101.

Tsylov N. I. *Atlas trinadtsati chastei S. Peterburga* [S podrob. izobrazheniem naberezhnykh, ulits, pereulkov, kazen. i obyvat. domov]. St. Petersburg, 1849.

Volkov S. V. *Russkii ofitseriskii korpus*. Moscow: Voenizdat, 1993.

С вопросами о возможностях взаимопонимания и перспективах плодотворного диалога и сотрудничества российских и украинских коллег в процессе изучения нашего общего прошлого мы обратились к целому ряду видных российских и одному украинскому историку, к людям, так или иначе посвятившим немало лет жизни исследованию спорных моментов в истории российско-украинских отношений в их разных ипостасях и в различные исторические периоды.

К. А. Кочегаров

1. Возможен ли в принципе сегодня плодотворный диалог историков России и Украины?

Плодотворный диалог в принципе возможен, однако на данный момент в весьма узком формате — в случае личного, индивидуального сотрудничества исследователей, результаты которого могут выразиться в совместных публикациях документов, статей или монографий по частным проблемам общей истории. Несмотря на политическое отчуждение между Киевом и Москвой, объективно сохраняется заинтересованность украинских и российских коллег в совместной разработке отечественных архивных собраний, которые имеют фундаментальное значение для прошлого обеих стран и взаимоотношений населяющих их народов.

2. Каковы наиболее существенные проблемы общего прошлого в отношениях

россиян и украинцев, разделяющие сегодня историков двух стран? По каким из них, по Вашему мнению, можно найти взаимопонимание, а по каким это сделать в обозримом будущем невозможно?

Наиболее существенные проблемы — это те, которые имеют особенно заметное общественное звучание и потому определенным образом политизированы. К ним можно отнести споры по поводу древнерусского наследия, взаимоотношений России и запорожского казачества (включая Переяславскую раду 1654 г., переход гетмана И. С. Мазепы на шведскую сторону в 1708 г., ликвидацию автономии Гетманщины в XVIII в. и др.), генезиса украинского национального движения в Российской империи, противостояния советской власти и украинского национализма в XX в., великого голода 1932–1933 гг., причин и итогов Второй мировой войны и т. п. По каждой из них и в украинском, и в российском научном сообществах существуют сформировавшиеся точки зрения, базирующиеся на разных фундаментальных мето-

© Историческая Экспертиза, 2018
Кочегаров Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); kirill_kochegarov@yahoo.com

дологических подходах и мировоззренческих установках, в первую очередь касательно природы украинской/российской государственности, формы и содержания политики имперских, а затем советских властей по отношению к Украине и украинцам, «национальной» принадлежности отдельных явлений культуры и др. Думается, что при жизни моего поколения какой-то полный консенсус по указанным проблемам вряд ли будет найден, поскольку обе стороны находятся здесь в разных, не пересекающихся системах научных координат, вкладывают разное содержание в одни и те же понятия, выстраивают свои наборы критериев поиска исторической истины. В этом случае любой диалог по вышеуказанным проблемам будет напоминать (и напоминает) разговор слепого с глухим. В самом деле, большинству российских историков трудно согласиться с определением голодомора как спланированного геноцида украинцев при всем негативном отношении к этому трагическому событию или принять точку зрения киевских коллег на исключительно «колониальную» сущность Российской империи. Это, конечно, не исключает наличие по обеим сторонам российско-украинской границы отдельных исследователей, в той или иной мере принимающих и транслирующих «украинскую» точку зрения на какую-либо дискуссионную проблему в России и, наоборот, «российскую» — на Украине.

3. В какой мере положение в российской и украинской исторической науке зависит от того, кто находится у власти в сегодняшней России и Украине? В слу-

чае, если в политике наших стран преобладает более умеренное направление, улучшатся ли тем самым возможности двустороннего диалога?

Я бы не искал прямой зависимости между политическим обликом и идеологией лиц, находящихся у власти, и состоянием дел в исторической науке обеих стран в данный момент. Мне кажется, и российские, и украинские ученые вполне самостоятельны в формировании своих суждений и методологических установок и при желании могут легко полемизировать с теми заявлениями представителей государственной власти, которые они считают политизированными или пропагандистскими, и, наоборот, солидаризироваться с теми, которые они считают правильными и своевременными. Вместе с тем косвенная зависимость, несомненно, присутствует. При улучшении политических отношений возможно потепление отношений научных, поскольку это открывает более широкие возможности, в том числе со стороны государственных организаций (например, архивных ведомств, МИДов, научных фондов) для финансирования более масштабных проектов, нежели точечное индивидуальное сотрудничество. Таких, как, например, проведение конференций и круглых столов, совместных документальных публикаций, исследовательских проектов, с вовлечением специализированных научных институций и т. д.

4. Имеет ли смысл в сегодняшней ситуации инициировать какие-либо общие российско-украинские проекты

в области исторической науки и приглашать украинских исследователей (представляющих мейнстрим) к участию в российских проектах, если дело касается проблем общего прошлого, имеющих определенное политическое звучание?

Мне кажется, что окно для диалога не следует закрывать ни при каких обстоятельствах. Поэтому инициировать и приглашать стоит, создавая по возможности комфортные условия для сотрудничества украинских коллег, которые подразумевали бы строго академическое ведение дискуссии, вынесение за скобки по умолчанию тех фундаментальных разногласий, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть преодолены на данном этапе, отказ российской стороны от установок на излишне политизированные или радикальные оценки и острые дискуссии. Было бы прекрасно, если бы российские научные организации финансировали научные стажировки для граждан Украины, как это делают, например, поляки, но такие планы, конечно, из области фантастики.

5. Учитывая очень большой интерес украинского профессионального сообщества к российским историческим журналам и желание в них публиковаться (могу судить об этом как опытный журнальный редактор), может ли сотрудничество именно на журнальном поле (не исключающее дискуссий, полемических статей и т. д.) эффективным способом продвинуть диалог историков двух стран?

Насколько я знаю, интерес к публикациям в российских журналах отчасти обусловлен соответствующими требованиями украинского ВАК

о необходимости обнародования части результатов диссертационного исследования в зарубежных журналах, принятыми несколько лет назад. И здесь, несмотря на эвентуальное негативное отношение к России в политическом смысле, практический интерес для многих украинских исследователей оказывается важнее, учитывая и то, что подавляющее их большинство свободно владеет русским, тогда как перевод и редактирование текста на английском или, скажем, на польском языке требует, несомненно, более серьезных материальных и интеллектуальных усилий. По моему мнению, сотрудничество на журнальном поле, может быть, один из немногих способов взаимодействия и более широкого взаимного ознакомления с результатами исследований друг друга на данный момент. Его можно только приветствовать и поощрять. Вряд ли оно что-то решит в стратегическом смысле, но, несомненно, может подготовить почву для более результативного сотрудничества в будущем, когда для него сложатся объективные обстоятельства. Вообще, с моей точки зрения, лучший подход в отношениях с украинскими коллегами — тактика мелких шажков, выражающаяся в совместных публикациях статей и документов на конкретные темы, проясняющие отдельные сюжеты русско-украинской истории без выхода на уровень глобального обобщения, которое может спровоцировать острые разногласия. С этой точки зрения сотрудничество на полях журналов представляется наиболее оптимальным.

6. Какова, по Вашему мнению, оптимальная стратегия ученых двух стран

на международных конференциях (в частности, на Западе), когда они видят с другой стороны явный пропагандистский напор и желание поставить историческую науку на службу задачам текущей политики? Следует ли российским и украинским историкам в таких случаях уклоняться от участия в дискуссиях, ведущихся не на строго академическом языке?

Отмалчиваться не следует, оппонировать нужно обязательно, но корректно, строго в рамках ака-

демической научной дискуссии, без радикальных оценок и переходов на личности. Хотя, думается, в конечном итоге все зависит от конкретных обстоятельств. В случае особенно явного пропагандистского напора со стороны коллег или сознательных провокаций, возможно, стоит и не ввязываться в дискуссию, ограничившись комментарием о субъективности высказанного мнения, не имеющего ничего общего с научным пониманием проблемы.

Kochegarov Kirill A. — candidate of historical sciences, senior researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Г. В. Касьянов

1. Возможен ли в принципе сегодня плодотворный диалог историков России и Украины?

Думаю, такой диалог возможен. Его плодотворность зависит от желания и способности не только говорить, но также слушать и слышать. Я уверен, что в обеих странах такие историки найдутся.

2. Каковы наиболее существенные проблемы общего прошлого в отношениях россиян и украинцев, разделяющие сегодня историков двух стран? По каким из них, по Вашему мнению, можно найти взаимопонимание, а по каким это сделать в обозримом будущем невозможно?

Я думаю, если мы говорим о прошлом как таковом, то проблем нет в силу того факта, что они — там, в прошлом. Проблемы возникают в связи с актуализацией прошлого из-за политической конъюнктуры и сложной ситуации в настоящем. Если приводить список исторических событий и явлений, по которым наблюдаются разногласия — не всегда академического характера, — то я бы предположил, что на уровне широких тем это: наследие Киевской Руси (вспомним, недавнюю историю с дележом князя Владимира) и толкование характера и последствий пребывания Украины в составе Российской империи и СССР. Если говорить о более конкретных событиях, именах: переход Войска Запорожского под протекторат русского царя в середине XVII в. («присоединение» или «воссоединение»), ликвидация

² Касьянов Георгий Владимирович — доктор исторических наук, зав. отделом Института истории Национальной Академии наук Украины, профессор Киево-Могилянской академии (Украина); coffee_cup_2007@hotmail.com

Гетманщины и казацких вольностей в XVIII в., украинское национальное движение XIX — начала XX в., революция 1917 г. и большевистский террор, украинская государственность 1918–1920 гг., голод 1932–1933 гг. (Голодомор), националистическое движение 1920–1940-х гг. и Украинская повстанческая армия, принадлежность Крыма и «обычные подозреваемые»: Иван Мазепа, Степан Бандера, Роман Шухевич.

3. В какой мере положение в российской и украинской исторической науке зависит от того, кто находится у власти в сегодняшней России и Украине? В случае, если в политике наших стран обладает более умеренное направление, улучшатся ли тем самым возможности двустороннего диалога?

Мне трудно судить о ситуации в России, поскольку она мне известна только в достаточно общих чертах. Я думаю, что разговоры о тотальном диктате власти над историками в России — это преувеличение, хотя желание власти навязывать нужную ей трактовку истории и памяти не заметить нельзя. Но это сейчас общая тенденция, скорее всего общеевропейская и, возможно, общемировая. Разница заключается в качестве вмешательства власти в научные дела. Из той информации, что мне доступна, я могу предположить, что в России власть интересуется «вопросами истории» достаточно интенсивно, однако результаты этого «интереса» далеко не всегда адекватны намерениям. В Украине также наблюдается усиление внимания власти к способам публичной трактовки и репрезентации

прошлого, активизировался «регулятор», Институт национальной памяти, парламент, президент — все они бросились толковать историю и преподносить уроки историкам. Кроме того, война на востоке страны, аннексия Крыма зовут историков «на фронт», что не может не сказываться на профессиональной историографии. Историкам, претендующим на работу в рамках академических канонов, становится все труднее, особенно когда речь идет о дискуссиях с коллегами из России. Желание профессионального диалога с российскими коллегами может быть истолковано как властью, так и «общественным мнением» как коллаборационизм, сотрудничество с «представителями оккупанта».

4. Имеет ли смысл в сегодняшней ситуации инициировать какие-либо общие российско-украинские проекты в области исторической науки и приглашать украинских исследователей к участию в российских проектах, если дело касается проблем общего прошлого, имеющих определенное политическое звучание?

Смысл есть, но мне кажется, такие проекты должны создаваться при участии «третьей стороны», которая будет выполнять роль своего рода буфера, и желательно — финансировать такие проекты. Чисто двусторонние проекты могут сказаться на общественном репутации украинских коллег (думаю, и российских тоже) по причинам, указанным выше.

5. Учитывая очень большой интерес украинского профессионального сообщества к российским историческим

журналам и желание в них публиковаться, может ли сотрудничество именно на журнальном поле (не исключая дискуссий, полемических статей и т. д.) эффективным способом продвинуть диалог историков двух стран?

Мне неизвестно о «большом интересе», возможно я недостаточно проинформирован. Может быть, он связан с тем, что публикации в российских журналах рассматриваются как заграничные, а публикации за границей сейчас важны для квалификационных работ и карьерного продвижения. Напечататься в российском журнале – самый простой способ иметь заграничную публикацию на «иностранном языке», особенно если не очень дружишь с другими иностранными языками. Если же говорить о более серьезных вещах, то, конечно, дискуссии на страницах журналов – прекрасный способ диалога, и я думаю, в условиях радикального ограничения непосредственных контактов это оптимальный вариант.

6. Какова, по Вашему мнению, оптимальная стратегия ученых двух стран на международных конференциях (в частности, на Западе), когда они видят с другой стороны явный пропагандистский напор и желание поставить историческую науку на службу задачам текущей политики? Следует ли российским и украинским историкам в таких случаях уклоняться от участия в дискуссиях, ведущихся не на строго академическом языке?

Мне кажется, тут нет единого рецепта. Вот недавно прошла буря в стакане воды: историки из разных

стран возмутились по поводу приглашения директора Украинского института национальной памяти в Париж на конференцию по Холокосту. Они заявили, что пропагандисту и фальсификатору не место на пристойном академическом форуме. Думаю, они несколько сгустили краски. Мне было бы интересно послушать пропагандиста именно на академической конференции – в данном случае он/она были бы объектом исследования. Главное, чтобы объект не испортил конференцию и не превратил серьезное мероприятие в скандал. Конечно, если будет конференция вроде «Крым – исконно русская земля», то уважающим себя историкам там делать нечего. Но если речь пойдет даже о крайне политизированной теме голода 1932–1933 гг. – там нормальная дискуссия возможна даже при наличии желающих говорить лозунгами. Ученые могут подавать пример спокойной, взвешенной дискуссии – даже когда они спорят, не соглашаются друг с другом – такой пример в публичном пространстве сейчас очень важен на фоне всеобщей вербальной и невербальной агрессии, общественной паранойи, безответственности политиков и медиа.

7. В наступившем 2017 г., когда одной из магистральных задач российской историографии становится осмысление революции 1917 г., ее предпосылок и исторического значения, не может ли принести свои плоды и активизировать общий диалог историков двух стран объединение усилий историков России и Украины в изучении причин распада Российской империи и утверждения власти большевиков?

В мировой историографии 1917 называют Русской революцией, подразумеваю под этим, что революция произошла в стране под названием Российская империя. В Украине события 1917 г. называют украинской революцией, подразумевая, что в результате этих событий возникло украинское государство и у нас тут была «своя свадьба». Более того, у некоторых политических деятелей возникла идея актуализировать столетие революции нынешней ситуацией — например, проводят-

ся прямые параллели с вторжением большевиков в 1918 г. и войной на Донбассе, предлагается признать нынешнюю Украину правопреемницей Украинской народной республики 1918 г. Исходя из этого факта и нужно, как мне кажется, строить диалог, демонстрировать способность историков не поддаваться действию политического угара. Думаю, он необходим и может оказаться полезен если не для взаимопонимания, то для развития истории как научной дисциплины.

Kasyanov Georgy V. — doctor of historical sciences, Head of the Department of the Institute of history, National Academy of Sciences of Ukraine, professor of Kyiv-Mohyla Academy (NaUKMA) (Ukraine)

А. В. Шубин

1. Возможен ли в принципе сегодня плодотворный диалог историков России и Украины?

В принципе он происходит. Конечно, некоторые историки ушли на «исторический фронт» и воюют там с созданными ими же виртуальными чудовищами. Но есть люди вполне трезвые. Вот, с В. Солдатенко мы даже сейчас готовим совместные публикации. Украинский исторический сайт опубликовал мой ответ критикам нашей «Истории Украины». Так что диалог и сотрудничество продолжают.

2. Каковы наиболее существенные проблемы общего прошлого в отношениях

Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва); shubinav@mtu-net.ru

россиян и украинцев, разделяющие сегодня историков двух стран? По каким из них, по Вашему мнению, можно найти взаимопонимание, а по каким это сделать в обозримом будущем невозможно?

Я бы воздержался от представления, будто историки двух стран выстроились стенка на стенку. По обе стороны границы есть люди, взгляды которых могут быть ближе друг к другу, чем к согражданам. Есть, конечно, распространенные идеологические штампы, от которых их носители вряд ли откажутся. Есть и научные концепции, которые лично мне представляются необоснованными — например, об агрессии России против Украины в 1918 г. или какой-то совершенно самостоятельной Украинской революции, существующей в 1917 г. вне

революции общероссийской. Но, на мой взгляд, в диалоге историков двух стран наиболее интересно обсуждение и уточнение фактов, т. е. вопрос о том, как дело было, а не как это назвать.

3. В какой мере положение в российской и украинской исторической науке зависит от того, кто находится у власти в сегодняшней России и Украине? В случае, если в политике наших стран преобладает более умеренное направление, улучшатся ли тем самым возможности двустороннего диалога?

Конечно, обострение межгосударственных отношений мешает диалогу историков на институциональном уровне. Украинская сторона заморозила работу российско-украинской комиссии историков. Некоторые украинские коллеги опасаются участвовать в мероприятиях на территории России, не все российские могут свободно приехать на Украину. Но есть Интернет. Хотелось бы, чтобы власти своими склоками меньше мешали нам общаться, но, увы, надежды на улучшение политических отношений пока мало.

4. Имеет ли смысл в сегодняшней ситуации инициировать какие-либо общие российско-украинские проекты в области исторической науки и приглашать украинских исследователей к участию в российских проектах, если дело касается проблем общего прошлого, имеющих определенное политическое звучание?

Нужно продолжать делать свое дело: изучать исторические сюжеты, обмениваться результатами исследований, спокойно, без идеологического надрыва дискутировать. Мы,

гуманитарии, можем оказаться той тонкой нитью, которая сохранится в те времена, когда начнется новое сближение России и Украины, преодоление нынешних политических завалов. Некоторые российско-украинские проекты и сейчас продолжают, и это хорошо.

5. Учитывая очень большой интерес украинского профессионального сообщества к российским историческим журналам и желание в них публиковаться, может ли сотрудничество именно на журнальном поле (не исключаящее дискуссий, полемических статей и т. д.) эффективным способом продвинуть диалог историков двух стран?

Когда украинские коллеги готовы предоставлять качественные статьи в российские журналы, это можно только приветствовать.

6. Какова, по Вашему мнению, оптимальная стратегия ученых двух стран на международных конференциях (в частности, на Западе), когда они видят с другой стороны явный пропагандистский напор и желание поставить историческую науку на службу задачам текущей политики? Следует ли российским и украинским историкам в таких случаях уклоняться от участия в дискуссиях, ведущихся не на строго академическом языке?

Такова наша жизнь, что мы все время сталкиваемся с бойцами идеологического фронта на академическом поле. Мы видим засилье пропагандистов в связи с юбилеем революции 1917 г. и по мере сил даем им отпор. Академический язык при наличии подготовленной аудитории в принципе сильнее

пропагандистского — мы же лучше знаем предмет и можем одернуть бойца идеологического фронта, указав ему на неграмотность его суждений. И мне не важно, какое гражданство у пропагандиста-мифотворца.

7. В наступившем 2017 г., когда одной из магистральных задач российской историографии становится осмысление революции 1917 г., ее предпосылок и исторического значения, не может ли принести свои плоды и активизировать общий диалог историков двух стран объединение усилий историков России и Украины в изучении причин распада Российской империи и утверждения власти большевиков?

Shubin Aleksandr V. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow)

В. И. Мироненко

1. Возможен ли в принципе сегодня плодотворный диалог историков России и Украины?

Опыт работы комиссии Чубарьян — Смолий является неоспоримым доказательством того, что такой диалог возможен и необходим, но на строго профессиональной основе.

2. Каковы наиболее существенные проблемы общего прошлого в отношениях россиян и украинцев, разделяющие сегодня историков двух стран? По каким из них, по Вашему мнению, можно

Мироненко Виктор Иванович — кандидат исторических наук, руководитель центра украинских исследований Института Европы РАН, главный редактор журнала «Современная Европа» (Москва); victor@mironenko.org

Если бы не события 2014 г., ответ был бы однозначно положительным. Сегодня скорее нам придется обращаться к этой теме на отдельных друг от друга мероприятиях (хотя привлечение украинских коллег на наши конференции можно только приветствовать). Что касается исследований, то они не привязаны к юбилеям, продолжают перманентно. Мы неплохо знаем позиции друг друга и находимся на стадии уточнения деталей. Что и составляет основное содержание работы историка.

найти взаимопонимание, а по каким это сделать в обозримом будущем невозможно?

Историков двух стран разделяет не столько проблемы общего прошлого, сколько неуместная и бесплодная апелляция к прошлому — общему и раздельному — при выяснении политических разногласий. Я не вижу в событийном поле российской и украинской истории таких вопросов, по которым нельзя достичь «взаимопонимания» при соблюдении известных принципов объективности и историзма, а также при неуклонном следовании «золотому правилу» исторической науки — не судить, а знать и понимать.

3. В какой мере положение в российской и украинской исторической науке зависит от того, кто находится у власти в сегодняшней России и Украине? В случае, если в политике наших стран преобладает более умеренное направление, улучшатся ли тем самым возможности двустороннего диалога?

Историческая наука, как, впрочем, и любая другая, не зависит от того, кто находится у власти. По-видимому, Вы имеете в виду то, что называется сегодня «политикой истории». Это, на мой взгляд, к исторической науке имеет лишь очень косвенное отношение.

4. Имеет ли смысл в сегодняшней ситуации инициировать какие-либо общие российско-украинские проекты в области исторической науки и приглашать украинских исследователей (представляющих мейнстрим, а не пророссийски настроенных маргиналов) к участию в российских проектах, если дело касается проблем общего прошлого, имеющих определенное политическое звучание?

Делиться результатами объективных исторических исследований (что происходило когда-то и как), несомненно, нужно. Историков из Украины нужно обязательно приглашать к совместной работе, как, впрочем, и наоборот. Тех, кто представляет не науку, а «мейнстрим» или «пророссийски настроенных маргиналов», приглашать не нужно. Они в историческом исследовании бесполезны, будут только мешать.

5. Учитывая очень большой интерес украинского профессионального сообщества к российским историческим жур-

налам и желание в них публиковаться, может ли сотрудничество именно на журнальном поле (не исключающее дискуссий, полемических статей и т. д.) эффективным способом продвинуть диалог историков двух стран?

Да, может и должно. Но для этого необходимо изменить государственную политику в отношении не только истории, но и науки вообще. Простите за банальность, но это станет возможным, когда она в обеих странах будет направлена на то, чтобы больше узнавать, а не на то, чтобы подтверждать чьи-то субъективные политические суждения.

6. Какова, по Вашему мнению, оптимальная стратегия ученых двух стран на международных конференциях (в частности, на Западе), когда они видят с другой стороны явный пропагандистский напор и желание поставить историческую науку на службу задачам текущей политики? Следует ли российским и украинским историкам в таких случаях уклоняться от участия в дискуссиях, ведущихся не на строго академическом языке?

Профессиональное сообщество историков обеих стран не так велико и хорошо знает друг друга. По составу участников и формулировке темы дискуссии профессиональный историк легко может определить, на какое мероприятие и с какой целью его приглашают. Если же Вы все же ошиблись и попали на митинг, то не следует пытаться превратить его в научную дискуссию. Как подсказывает мне мой опыт — это практически всегда невозможно сделать.

Mironenko Viktor I. — candidate of historical sciences, Head of Center for Ukrainian studies of Institute of Europe RAS, chief editor of the journal “Contemporary Europe” (Moscow)

А. А. Тесля

1. Возможен ли в принципе сегодня плодотворный диалог историков России и Украины?

Да, разумеется. Понятно, что в нынешней ситуации и в обозримом будущем подобный разговор будет неизменно сложным, сопряженным с массой трудностей, как явных, т. е. тех, которые можно предусмотреть заранее и благополучно обойти, так и неявных, обнаруживаемых внезапно для самих участников диалога. Но тем не менее, если не рассматривать сообщества «историков России» и «историков Украины» как монолитные общности, при этом придерживающиеся взаимоисключающих позиций по всем вопросам, могущим представлять для них взаимный интерес, плодотворный диалог всегда возможен и необходим, другое дело, что для его поддержания необходимы постоянные усилия участников, прежде всего — их добрая воля и презумпция, что собеседник добросовестен и благонамерен.

2. Каковы наиболее существенные проблемы общего прошлого в отношениях россиян и украинцев, разделяющие се-

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

годня историков двух стран? По каким из них, по Вашему мнению, можно найти взаимопонимание, а по каким это сделать в обозримом будущем невозможно?

Прежде всего — это проблемы осмысления имперского и советского прошлого, склонность значительного числа украинских историков толковать прошлое Украины как колониальное, а имперское господство сблизать с «русским», в связи с чем выстраивать имеющую непосредственное политическое звучание историческую непрерывность. В свою очередь некоторой части российской историографии присуще воспроизведение «оптики центра», воспроизводство логики управления — и недостаточный учет местного, которое допускается нередко только как «частный случай» в рамках общего. Понятно, что применительно к советской истории первых десятилетий конфликтных вопросов гораздо больше — так, если в украинской историографии во многом сохраняется и иногда даже усиливается склонность толковать события первых десятилетий XX в. в рамках логики «национального возрождения», прерванного с конца 1920-х гг., то в российской историографии заметно, хотя и в меньшей степени, стремление интерпретировать процессы национального строительства на Украине

в рамках создания «воображаемого сообщества», понимаемого скорее как «вымышленное», делается акцент на «произвольности» этих процессов.

Особую остроту ситуации придает склонность к явному или подспудному морализированию — установлению коллективных субъектов вины, причем эти субъекты оказываются тождественными с действующими в настоящем, т.е. создается и воспроизводится ситуация, когда разговор о прошлом оказывается скрытой формой обсуждения настоящего.

Что касается возможности «достижения взаимопонимания», то этот вопрос, как мне представляется, прямо связан со следующим. Взаимопонимание конкретных исследователей возможно и сейчас, если же говорить о том, насколько возможно взаимопонимание между двумя историографическими мейнстримами, то это зависит от того, насколько на последние в рамках соответствующих государственных сообществ будет продолжаться возлагаться актуальная политическая роль и насколько сами национальные историографии будут склонны или вынуждены принимать таковую на себя.

3. В какой мере положение в российской и украинской исторической науке зависит от того, кто находится у власти в сегодняшней России и Украине? В случае, если в политике наших стран возобладает более умеренное направление, улучшатся ли тем самым возможности двустороннего диалога?

Зависимость от текущей политики весьма значительна — и в то же

время я не был бы склонен ее преувеличивать, ведь острота политических интерпретаций исторических сюжетов хоть и существенно возросла за последние годы, однако по существу покоится на процессах, протекавших в минувшие десятилетия при вполне умеренном, а зачастую и весьма внешне благоприятном направлении политики двух наших стран. Сегодняшняя ситуация, с одной стороны, сделала более острыми старые расхождения, и с другой — сделала гораздо более слышимыми голоса сторонников радикальных интерпретаций — смягчение отношений, соответственно, изменит слышимый баланс голосов, но если не предполагать радикального изменения ситуации в той или другой из стран, то происшедшее размежевание как между российской и украинской историографиями, так и внутри каждой из них останется значимым на долгий срок.

4. Имеет ли смысл в сегодняшней ситуации инициировать какие-либо общие российско-украинские проекты в области исторической науки и приглашать украинских исследователей (представляющих мейнстрим) к участию в российских проектах, если дело касается проблем общего прошлого, имеющих определенное политическое звучание?

На мой взгляд — да, более чем, поскольку именно академическое общение и академическая дискуссия позволяют в значительной степени нейтрализовать влияние актуальных политических разногласий. Если совместные проекты сейчас весьма затруднены, то привлечение отдельных исследователей имеет

в данный момент сравнительно большие перспективы — при этом гораздо менее чувствительно к проблеме взаимности в такого рода инициативах. При научной изоляции проигрывает в первую очередь изоляционист, и нашей задачей, как мне представляется, является не оказаться в подобном положении — здесь нет обязательной симметрии и если вторая сторона склонна, например, к сокращению научных контактов или введению тех или иных ограничений, то это не резон отвечать тем же.

5. *Учитывая очень большой интерес украинского профессионального сообщества к российским историческим журналам и желание в них публиковаться (могу судить об этом как опытный журнальный редактор), может ли сотрудничество именно на журнальном поле (не исключаяе дискуссий, полемических статей и т. д.) эффективным способом продвинуть диалог историков двух стран?*

Мой положительный ответ на данный вопрос вытекает из предыдущего — научная дискуссия и участие в ней по возможности должны регулироваться собственно-научными критериями. И чем острее политические разногласия, тем выше ценность такого рода автономии — позволяющей не отменять или пренебрегать первыми, но обретать возможность поддержания коммуникации поверх или в стороне от них.

Teslya Andrei A. — candidate of philosophical sciences, senior researcher of Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (IKFBU) (Kaliningrad)

6. *Какова, по Вашему мнению, оптимальная стратегия ученых двух стран на международных конференциях (в частности, на Западе), когда они видят с другой стороны явный пропагандистский напор и желание поставить историческую науку на службу задачам текущей политики? Следует ли российским и украинским историкам в таких случаях уклоняться от участия в дискуссиях, ведущихся не на строго академическом языке?*

Выбор здесь исключительно индивидуален — ведь вопрос о том, в какой именно ипостаси говорит или отвечает участник, при условии, что он четко ее обозначает, иными словами, говорит в политическом споре не от лица «российской» или «украинской науки», а от своего собственного или того политического сообщества, той политической общности, к которой он принадлежит или считает себя принадлежащим. На мой частный взгляд, есть масса мест и ситуаций, где возможен политический спор — задачей, напротив, является оберегать возможность продолжения разговора на строго академическом языке, разграничивать пространства говорения. Таким образом именно предложенный в вопросе вариант реакции мне представляется верным: уклонение от такого рода дискуссий, ясное обозначение, что для них существует другое место и время.

Т.Г. Таирова-Яковлева

1. Возможен ли в принципе сегодня плодотворный диалог историков России и Украины?

Возможен, правда не на институциональном, а на личном уровне.

2. Каковы наиболее существенные проблемы общего прошлого в отношениях россиян и украинцев, разделяющие сегодня историков двух стран? По каким из них, по Вашему мнению, можно найти взаимопонимание, а по каким это сделать в обозримом будущем невозможно?

Ну, история Крыма и Донбасса — как наиболее политизированные. И история ОУН-УПА. По всем остальным вопросам между серьезными специалистами принципиальных разногласий нет.

3. В какой мере положение в российской и украинской исторической науке зависит от того, кто находится у власти в сегодняшней России и Украине? В случае, если в политике наших стран преобладает более умеренное направление, улучшатся ли тем самым возможности двустороннего диалога?

НАН Украины запретила своим подразделениям официальные отношения с РФ. В РФ многие организации (и даже частные лица) просто боятся иметь дело с Украиной. Пока не наметится серьезный прорыв или хотя бы серьезные шаги для улучшения политических отноше-

ний, официальный двусторонний диалог вряд ли возможен.

4. Имеет ли смысл в сегодняшней ситуации инициировать какие-либо общие российско-украинские проекты в области исторической науки и приглашать украинских исследователей (представляющих мейнстрим) к участию в российских проектах, если дело касается проблем общего прошлого, имеющих определенное политическое звучание?

Думаю, на уровне конференций, публикаций — такие действия необходимы. Рано или поздно политический климат изменится, и мы не должны к тому времени иметь огромный провал в совместных исследованиях.

5. Учитывая очень большой интерес украинского профессионального сообщества к российским историческим журналам и желание в них публиковаться (могу судить об этом как опытный журнальный редактор), может ли сотрудничество именно на журнальном поле (не исключающее дискуссий, полемических статей и т. д.) эффективным способом продвинуть диалог историков двух стран?

Думаю (на основании собственного опыта), что именно журнальная почва — одна из наиболее перспективных для такого диалога.

6. Какова, по Вашему мнению, оптимальная стратегия ученых двух стран на международных конференциях (в частности, на Западе), когда они видят с другой стороны явный пропагандистский напор и желание поставить историческую науку на службу задачам

Таирова-Яковлева Татьяна Геннадьевна — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); tairovayak@mail.ru

текущей политики? Следует ли российским и украинским историкам в таких случаях уклоняться от участия в дискуссиях, ведущихся не на строго академическом языке?

Лично для себя считаю неприемлемым участие в любых дискуссиях,

имеющих пропагандистский или политизированный характер. Мне кажется, это единственный путь для сохранения взаимного уважения хотя бы в узких академических кругах. Уважения, которое впоследствии может стать базой для нового этапа сотрудничества.

Tairova-Yakovleva Tatiana G. — doctor of historical sciences, professor, St. Petersburg state University (Saint Petersburg)

Е. Ю. Борисенко

1. Возможен ли в принципе сегодня плодотворный диалог историков России и Украины?

После распада СССР начался процесс «национализации» истории и пересмотр принятых в советской историографии положений. Для современной украинской историографии характерны как фундаментальный академический подход, так и подход идеологизированный, нередко сосуществующие вместе: образ России нередко трактуется как образ главного врага национальной государственности, душителя украинской культуры, подчеркивается антиукраинская направленность государственной политики Российской империи и Советского Союза. В современной же российской науке явственно ощущается недостаток серьезных работ по украинской проблематике. В настоящий момент диалог историков России и Украины возможен, однако следует учи-

тывать, что украинская наука чрезвычайно политизирована, и многое будет зависеть от того, сможет ли победить академический подход ангажированные концепции в современной украинской историографии.

2. Каковы наиболее существенные проблемы общего прошлого в отношениях россиян и украинцев, разделяющие сегодня историков двух стран? По каким из них, по Вашему мнению, можно найти взаимопонимание, а по каким это сделать в обозримом будущем невозможно?

Среди узловых проблем, вызывающих дискуссии между российскими и украинскими историками, следует назвать историю древнерусского государства, события середины XVII в., политику Российской империи по национальному вопросу в XIX в., а также историю XX в. — национальную политику большевиков в отношении Украины и украинцев, печальные события голода 1932–1933 гг., деятельность ОУН и УПА и в период Второй мировой войны, и в первые послевоенные годы.

Борисенко Елена Юрьевна — доктор исторических наук, зав. отделом восточного славянства Института славяноведения РАН (Москва); vostslav@yandex.ru

Достижение взаимопонимания по дискуссионным проблемам возможно только после налаживания результативного диалога между российскими и украинскими историками. Для этого необходимо, прежде всего, развивать исследования по украинской проблематике в российской науке.

3. В какой мере положение в российской и украинской исторической науке зависит от того, кто находится у власти в сегодняшней России и Украине? В случае, если в политике наших стран обладает более умеренное направление, улучшатся ли тем самым возможности двустороннего диалога?

Диалог между российскими и украинскими историками во многом зависит от состояния российско-украинских отношений на современном этапе, и с улучшением этих отношений условия для диалога, безусловно, будут более благоприятными.

4. Имеет ли смысл в сегодняшней ситуации инициировать какие-либо общие российско-украинские проекты в области исторической науки и приглашать украинских исследователей (представляющих мейнстрим) к участию в российских проектах, если дело касается проблем общего прошлого, имеющих определенное политическое звучание?

Безусловно, общие российско-украинские проекты в области исторической науки смогут помочь налаживанию диалога между историками двух стран, однако во многом судьба таких проектов будет зави-

сеть от того, смогут ли украинские коллеги отказаться от политизированного подхода к трактовке исторических событий.

5. Учитывая очень большой интерес украинского профессионального сообщества к российским историческим журналам и желание в них публиковаться (могу судить об этом как опытный журнальный редактор), может ли сотрудничество именно на журнальном поле (не исключая дискуссионных, полемических статей и т. д.) эффективным способом продвигать диалог историков двух стран?

Конечно, первым этапом диалога между российскими и украинскими учеными может стать сотрудничество на журнальном поле.

6. Какова, по Вашему мнению, оптимальная стратегия ученых двух стран на международных конференциях (в частности, на Западе), когда они видят с другой стороны явный пропагандистский напор и желание поставить историческую науку на службу задачам текущей политики? Следует ли российским и украинским историкам в таких случаях уклоняться от участия в дискуссиях, ведущихся не на строго академическом языке?

Только серьезные научные разработки помогут преодолеть распространение ангажированных политизированных концепций, которые имеют большой общественный резонанс. Распространение достоверных научных знаний является насущной задачей российского научного сообщества.

А. И. Миллер

1. Возможен ли в принципе сегодня плодотворный диалог историков России и Украины?

Он всегда возможен и идет сегодня. В ближайшее время в издательстве «Нестор-История» выходит книга, которую редактировали российский и украинский историки, и участвовали историки из обеих стран. Есть и много других примеров. (Пока материал готовился к печати, упомянутая книга вышла: Города империи в годы Великой войны и революции : Сборник статей / Ред. А. Миллер, Д. Черный. СПб. : Нестор-История, 2017. 520 с. — Прим. ред.)

2. Каковы наиболее существенные проблемы общего прошлого в отношениях россиян и украинцев, разделяющие сегодня историков двух стран? По каким из них, по Вашему мнению, можно найти взаимопонимание, а по каким это сделать в обозримом будущем невозможно?

Диалог «стенка на стенку» между украинскими и российскими историками не имеет смысла, равно как и все прочие диалоги в таком формате. Разные совместные комиссии историков хороши лишь тем, что у них есть деньги на проведение конференций.

3. В какой мере положение в российской и украинской исторической науке зави-

Миллер Алексей Ильич — доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и Центрально-Европейского университета в Будапеште (Санкт-Петербург); millera2006@yandex.ru

сит от того, кто находится у власти в сегодняшней России и Украине? В случае, если в политике наших стран преобладает более умеренное направление, улучшатся ли тем самым возможности двустороннего диалога?

Умеренность не возобладает.

4. Имеет ли смысл в сегодняшней ситуации инициировать какие-либо общие российско-украинские проекты в области исторической науки и приглашать украинских исследователей (представляющих мейнстрим, а не пророссийски настроенных маргиналов) к участию в российских проектах, если дело касается проблем общего прошлого, имеющих определенное политическое звучание?

Я не знаю, что такое мейнстрим ни применительно к Украине, ни применительно к России. Симпатия к России вовсе не делает человека маргиналом на Украине. Вопрос глупый.

5. Учитывая очень большой интерес украинского профессионального сообщества к российским историческим журналам и желание в них публиковаться, может ли сотрудничество именно на журнальном поле (не исключаящее дискуссий, полемических статей и т. д.) эффективным способом продвинуть диалог историков двух стран?

См. ответ на вопрос 1 и 2. Печатать хорошие статьи надо вне зависимости от того, кем написаны. А печатать слабые статьи только потому, что их написали украинцы, — не нужно.

6. Какова, по Вашему мнению, оптимальная стратегия ученых двух стран на международных конференциях (в частности, на Западе), когда они видят с другой стороны явный пропагандистский напор и желание поставить историческую науку на службу задачам текущей политики? Следует ли российским и украинским историкам в таких случаях уклоняться от участия в дискуссиях, ведущихся не на строго академическом языке?

Они сами разберутся. Нет рецептов. Если заранее понятно, что будет пропаганда и кидание дерьма на вентилятор, то и участвовать не стоит. Например, если в программе стоит Вятрович, то ехать не надо. А если между приличными людьми возникла полемика с переходом в политическую плоскость — то это часто бывает, почему не поспорить. История наука политическая.

Miller Aleksei I. — doctor of historical sciences, professor of the European University in St. Petersburg and the Central European University in Budapest (St. Petersburg)

Подготовил А. С. Стыкалин

RUSSIA — UKRAINE: IS A DIALOGUE OF HISTORIANS FROM THE TWO COUNTRIES POSSIBLE AND WHAT PREVENTS IT?

“Istoricheskaya ekspertiza” is addressed to a number of Russian historians, good experts in the complicated, controversial issues in the Russian-Ukrainian relations in different historical periods and to a prominent Ukrainian historian some questions concerning the possibilities for mutual understanding and the prospects for fruitful dialogue and cooperation between Russian and Ukrainian colleagues in the research of common past of neighbor nations.

В. Ю. Дашевский

Рец.: Шнирельман В.А. Колено Даново. Эсхатология и антисемитизм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2017, XIV + 617 с.

Ключевые слова: религиозный антисемитизм, эсхатологический миф, «Протоколы сионских мудрецов», «политическое православие», «антисемитизм без евреев».

В рецензии показано, в чем актуальность и новизна фундаментального исследования В.А. Шнирельмана о современном «религиозно-мотивированном антисемитизме» в России. Освещены самые важные, по мнению рецензента, аспекты этого исследования: 1. Анализ «антисемитского эсхатологического мифа», история его создания и распространения (сначала на Западе, а затем и в России). 2. Выяснение причин не только антисемитской, но и антизападной направленности этого мифа в настоящее время. 3. Ответ на вопросы о том, что представляет собой современное «политическое православие», с какими общественно-политическими силами в России оно связано и почему стал возможен «антисемитизм без евреев». Анализ всех этих проблем «неизбежно обращается к сфере общественного поведения и даже к вопросам государственной политики», отмечает автор исследования.

В.А. Шнирельман — известный российский ученый-этнолог, автор целого ряда научных трудов о ксенофобии, расизме и антисемитизме в современном мире и России¹.

© Дашевский В. Ю., 2018

Дашевский Виктор Юрьевич — кандидат исторических наук, учитель истории (Москва)

¹ Только в последние годы вышли в свет такие его труды, как «Русское родноверие. Неоязычество и национализм в современной России», М., 2012; «Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки», М., 2012; «Арийский миф в современном мире», т. 1, 2. М., 2015. Как и его последняя работа, эти книги изданы под грифом Института этнологии и антропологии Российской академии наук. Чуть раньше, в 2011 г., под этим же грифом было издано его исследование «Порог толерантности: идеология и практика нового расизма (т. 1, 2).

В названии его новой книги есть, на первый взгляд, нечто загадочное. Ее потенциальные читатели, безусловно, знают, что антисемитизм — это «враждебное отношение к евреям»². А вот о «колене Дановом» и значении термина «эсхатология» знают далеко не все. Между тем в заглавие книги эти слова вынесены не случайно: без того, что за ними стоит, нельзя понять, что представляет собой именно современный антисемитизм и какую роль он играет в общественно-политической жизни России.

² Таково самое краткое определение антисемитизма (см. Толковый словарь).

В «Предисловии» к своей книге автор указывает, что, «судя по последним социологическим данным», в российском обществе сегодня — «относительно невысокий уровень антисемитских настроений», и он «имеет тенденцию к дальнейшему снижению». Поэтому «как власть, так и лидеры еврейских общин также не ощущают тревоги по поводу этого фактора». Однако, пишет далее В. Шнирельман, «как показывают многолетние социологические опросы» (подчеркнуто нами. — В.Д.), общественное мнение столько же неустойчиво, как погода, и способно быстро сменить вектор» (с. X). «Эсхатологические страхи, — отмечает автор, — нарастают в периоды глубоких экономических, социальных и политических кризисов» (с. 554). Рубеж XX–XXI вв. и стал для России таким периодом. Отчасти повторилась ситуация начала XX в. — тогда произошло крушение Российской империи (со всеми известными трагическими событиями того времени). В конце XX в. новый социально-политический кризис привел к распаду и исчезновению Советского Союза. На людей обрушились новые бедствия и невзгоды, хотя и не столь ужасные и кровавые, как столетие назад. Именно в таких исторических обстоятельствах в России в начале XX в. сложился, а на рубеже XX–XXI вв. с новой силой воскрес «современный антисемитский эсхатологический миф». В обществе возникли апокалипсические настроения, сопровождавшиеся в наши дни «вспышками антисемитизма», тогда как в начале XX в. — кровавыми погромами и убийствами евреев (см. с. 25, 124–125, 522).

Хотя В.А. Шнирельман не дает определение термину «эсхатология», но читатель его книги и без словаря поймет, что речь идет о христианском религиозном учении о «конце света»: «последних временах», пришествии антихриста, решающем поединке сил Бога и Сатаны и Страшном суде. В основе этого учения лежат различные богословские толкования «Откровения Иоанна Богослова» («Апокалипсис» — это «Откровение» по-гречески). Следует заметить (и в книге это показано), что в самом тексте «Откровения» (завершающей Библейской книге Нового Завета) никакого антисемитизма нет, да и быть не могло. Текст «Откровения» был создан во второй половине I в. н.э., не позднее 90-х гг. «Именно к этому времени относит создание Откровения Иоанна церковная традиция», — отмечала известный специалист по истории христианства И.С. Свенцицкая (*Свенцицкая* 1987: 197). Напомним: христианство зародилось в Палестине среди евреев и первоначально (в I в. н.э.) было еще одной религиозной группой «в рамках господствующей иудейской религии» (Там же: 65). Иоанн Богослов (он же — апостол Иоанн) сам был иудеем и в Иисусе Христе видел Мессию (спасителя), приход которого был предсказан еще в «Ветхом завете» — Священном писании как для иудеев, так и для христиан. В.А. Шнирельман кратко и точно излагает содержание «Откровения Иоанна» в своей книге (см. с. 43–44). Он констатирует, что «ряд ключевых понятий и символов <...> достались христианской эсхатологии от иудейской традиции» (с. 44).

Однако уже во II в. н.э. христианство отделилось от иудаизма, превратившись в отдельную религию, со временем ставшую одной из мировых религий. С этого времени (II–III вв.) в христианскую эсхатологию проникают «юдофобские настроения» (с. 47). Богослов и епископ Иринея Лионский (135–202) и его ученик Ипполит Римский (ок. 170–235) первыми сформировали «целостное учение об антихристе». К ним и «восходят представления о том, что антихрист будет евреем, связанным своим происхождением с коленом Дана, и что он станет царем, которого евреи признают своим Мессией. Однако затем многим иудеям суждено будет уверовать в Иисуса Христа и тем самым спастись» (с. 48–49).

Напомним: «колено Даново» — это, согласно Ветхому завету, одно из 12 израильских племен, происходивших от 12 сыновей патриарха Иакова. В текстах Ветхого завета «Дан иной раз выглядел далеко не лучшим образом» (с. 52). Иринея Лионский заметил, что в «Откровении Иоанна» «колено Даново» не упомянуто «в списке спасаемых», и предположил, что это — «следствие его тесной связи с антихристом...» (см. об этом подробнее на с. 52–53).

Далеко не все христианские богословы (и в указанное время, и позднее) соглашались с Иринеем Лионским. Ведь в «Откровении» антихрист показан как «зверь с семью головами», и никаких указаний на его связь с «коленом Дановым» в этом тексте нет. Неудивительно, что св. Августин (354–430) «объявил “Откровение Иоанна Богослова” ал-

легорическим произведением <...>. И рассуждения Иринея Лионского были забыты более чем на тысячу лет» (с. 49).

Кажется, тут бы и закончиться истории о «колене Дановом». Но не тут-то было! В 2012 г. в Нижнем Новгороде вышла «Книга о последних временах» — православное издание. В ней «подчеркивалось, что, по мнению как немалого числа священнослужителей, так и верующих», близится конец света. В книге «давался традиционный образ антихриста, причем отмечалось, что им будет еврей из колена Дана, который сядет на трон в Иерусалиме» (с. 171; подчеркнуто нами. — В. Д.). И это только один пример из массы такого рода публикаций! В свете всего этого название книги В. Шнирельмана вполне понятно и звучит актуально. Жив «антисемитский эсхатологический миф»! И, как показывает исследование В. Шнирельмана, в России среди православных верующих (и не только их!) он укрепляет не только антисемитские, но и антизападнические настроения. В США, отмечает В. Шнирельман, также (и даже сильнее, чем в России) распространены эсхатологические взгляды, причем их носители в России и в США «в некоторых существенных моментах приходят к диаметрально противоположным выводам, что оказывает влияние даже на внешнюю политику» (с. XIII). Поэтому книга В. А. Шнирельмана о современной христианской эсхатологии и обо всем, что с ней связано, представляет интерес не только для специалистов (историков, этнологов, политологов), но и для всех, кто хочет

понять современную общественно-политическую жизнь.

«В общей массе антисемитских построений, — отмечает автор, — выделяются <...> три главных мифологических конструкции, представленные мифом об антихристе, а также арийским и хазарским мифами» (с. X–XI). Двум последним, как мы уже знаем, посвящены две предыдущие книги В. Шнирельмана, вышедшие в 2012 и 2015 гг. «Колено Даново», по сути, представляет собой последнюю часть этой трилогии (с. XII). И если в предыдущих книгах В. Шнирельман, как и другие специалисты, исследует «расовые и политические корни антисемитизма», то в последней работе во всех подробностях рассматривается именно «религиозно мотивированный антисемитизм» (с. 14). При этом главное внимание уделяется современному православному антисемитизму, его историческим корням и роли в современной политике (об антисемитизме с неоязыческими корнями В. Шнирельман подробно писал ранее — см. примечание 1).

Заметим, что данная книга вышла в свет в издательстве Библейско-богословского института св. апостола Андрея. Надо отдать должное руководству издательства, сумевшему по достоинству оценить объективность и оригинальность исследования В. Шнирельмана. В издательской аннотации справедливо отмечено, что акцент на расовых и политических формах антисемитизма «оттеснил его религиозные формы на второй план, и сегодня многие специалисты рассматривают их лишь в применении к эпохе сред-

невековья» (с. IV). Но такой подход, в свете реальных событий сегодняшнего дня, неверен! Как пишет сам автор, его интересует, кто и как сегодня «создает религиозные версии истории, как в них представлено будущее человечества, в каком виде эта информация доходит до общественности, какие чувства она там вызывает и как она влияет на социальную мобилизацию. Такого рода исследования, начатые в США в 1980–1990-х гг., в России еще не проводились» (с. 24). Известно, что эсхатологические настроения, представления о «конце света» влияют «на художественную литературу и искусство, кинопродукцию и музыку» (с. 25). Об этом писали и ранее. А вот сведения об эсхатологической тематике в Интернете, пожалуй, впервые приведены в исследовании В. Шнирельмана. Оказалось, что «на конец 2014 г. рубрика “конец света” содержала 3 260 тыс. статей, “последние времена” — 1 200 тыс. статей, “пришествие антихриста” — более 230 тыс. статей. Все это говорит о большом спросе на такую информацию», — отмечает автор (с. 338). «Между тем все это пока не вызывает интереса у тех, кто изучает современные процессы в православном мире... Проблемы, поднятые мною в данной книге, их не волнуют», — констатирует В. Шнирельман, подтверждая свои слова ссылкой на конкретные публикации последних лет. Так, «авторы фундаментального издания, специально посвященного эсхатологии в России, стыдливо обошли (подчеркнуто нами. — В.Д.) вопрос о том, как местные православные мыслители обсуждали роль евреев в контексте Апокалипсиса» (с. 25, 26 — авторы и название указаны).

Надо прямо сказать: в своей работе В. Шнирельман не обходит «острые вопросы». Он исследует православный эсхатологический миф в его историческом развитии, во всех его связях и преломлениях, в «верхах» и «низах» российского общества. Он анализирует взгляды и действия и светских, и церковных властей как в историческом прошлом, так и в наши дни, сравнивает их позиции со взглядами, настроениями и действиями рядовых граждан. Сравнению эсхатологических настроений в современной России и в США посвящена отдельная (и весьма интересная!) глава его книги.

В краткой рецензии мы коснемся только самых важных, по нашему мнению, аспектов исследования В. Шнирельмана. Каковы характерные, отличительные черты «антисемитского эсхатологического мифа» в России? Почему в настоящее время он приобрел не только антисемитскую, но и антизападническую и, прежде всего, антиамериканскую направленность? Что представляет собой современное «политическое православие», с какими общественно-политическими силами в России оно связано? И почему стал возможен «антисемитизм без евреев»? На эти (и не только эти!) вопросы в книге дан четкий и обоснованный ответ.

«Мысль о губительной роли “колена Данова” пришла в Россию из Европы», — отмечает В. Шнирельман. Оттуда же пришел и миф о жидо-масонском заговоре, впервые сформулированный католическими священниками в ответ на Французскую революцию. Однако «вплоть до ру-

бежа XIX–XX вв. идея об участии иудеев в событиях “последних времен” мало привлекала русских богословов» (с. 123). Главными врагами России тогда «изображались турки и поляки». Но в начале XX в. и особенно в годы Первой российской революции (1905–1907) «эсхатологические настроения резко усилились» (с. 123). Накануне революции, в 1903 г., в России появились две публикации, идеи которых легли в основу современного религиозного антисемитизма в его российском православном варианте. Первая из них — это книга иеромонаха Пантелеимона «Начало и конец нашего земного мира». Вторая — ставшая впоследствии всемирно известной фальшивка «Протоколы сионских мудрецов». Ее первым публикатором был П. Крушеван, один из организаторов кишиневского погрома 1903 г., потрясшего тогда «общественное мнение всего мира»³.

В книге Пантелеимона утверждалось, что мир погубит «сын погибели из колена Данова» и при нем «евреи сделают все возможное, чтобы искоренить христианство». Мало того — «евреи якобы с нетерпением ожидали антихриста, чтобы захватить власть над миром», — излагает В. Шнирельман главную мысль автора книги «Начало и конец...». Но и это не все: у евреев, оказывается, есть «верные союзники» — масоны, а также протестанты, которые

³ Цит. по: «История еврейского народа». М.: «Мосты культуры», 2002. С. 438. В. А. Шнирельман подробно пишет об истории появления, содержания и дальнейшей судьбе «Протоколов» в своей работе «Лица ненависти. Антисемиты и расисты на марше». М., 2010. С. 182–202.

якобы «увлекаются Талмудом». И, наконец, «автор приволил убийственный довод — на его взгляд, “англосаксонская и германская расы” могли происходить из десяти колен Израиля». Тем самым, пишет В. Шнирельман, «версия “Апокалипсиса” обогащалась расовой идеей». При этом Пантелеимон «отождествлял “евреев” с “иудеями”, т. е. без расовой идеи и здесь не обошлось». Орудиями евреев автор называл «прессу и капитал, с помощью которых те якобы хотели подорвать государство <...> и установить свое господство» (с. 72–73). Так Пантелеимон соединил средневековые превратные толкования «Апокалипсиса» с расистскими теориями, возникшими в XIX–XX вв. При этом, «вопреки учению отцов церкви о том, что власть антихриста будет всемирной, автор верил, что Великой России удастся избежать этой участи» (с. 74).

Книгу Пантелеимона могли бы забыть, но ее «очень высоко оценил» знаменитый уже тогда церковный и общественный деятель протоиерей Иоанн Кронштадский, который «пользовался большим авторитетом в народе, и к его словам верующие прислушивались» (с. 75). Иоанн Кронштадский (годы жизни 1829–1908), как известно, придерживался монархических и притом крайне правых взглядов. Он верил, что «русскому царю дано <...> сдерживать силы, влекущие наступление Апокалипсиса». Самодержца он называл «удерживающим». Термин этот («катехон» по-гречески) православные богословы позаимствовали «из учения апостола Павла» (с. 64, 74). После революции

1917 г. и гибели царской семьи вера в «удерживающего» приобрела новую форму: оказывается, «таковыми могли стать русский народ, Россия в целом или даже “православная цивилизация”» (с. 588). «Так думал, например, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, считавший “удерживающим” Россию в целом» (с. 584). Этот Иоанн (в миру — Снычев) — наш современник (годы жизни 1927–1995). Он стал духовным последователем Иоанна Кронштадского, сравнительно недавно — в 1990 г. — канонизированного Русской православной церковью и ныне почитаемого как святой. Радикальные публикации митрополита Иоанна (Снычева) попытался в январе 1993 г. запретить тогдашний патриарх Алексей II, но «это вызвало протесты у некоторых иерархов и православной общественности» (с. 23). А вот книга иеромонаха Пантелеимона (которую так высоко ценил Иоанн Кронштадский!) была в 1995 г. переиздана в России, и притом церковным издательством, сообщает В. Шнирельман (с. 72). Подводя итоги этой истории, он пишет: «По русскому эсхатологическому мифу именно Россия призвана спасти мир от антихриста». Россия противостоит Западу, «охваченному разложением <...>. Запад вместе с иудеями (и, разумеется, масонами) всеми силами расчищает путь антихристу. С этой точки зрения конфронтация России с Западом оказывается неизбежной... И если в советское время это объяснялось классовой борьбой», то теперь «речь идет о выполнении Россией миссии “удерживающего”» (с. 558, 589). Радикальные сторонники

таких взглядов призывают к насильственным действиям. Так, согласно наблюдению автора рецензируемой книги, протоиерей В. Чаплин «в августе 2016 г. в своем интервью на радиостанции “Эхо Москвы” заявил о необходимости физически уничтожить “внутренних врагов” и фактически оправдал массовые убийства...» Гуманизм он назвал «антихристианским мировоззрением» (с. 473).

В исследовании В. Шнирельмана показано, как в России эсхатологический миф превращается в «политическое православие», сторонники которого пытаются перейти от слов к делу. Один из таковых, «русский националист, отставной полковник ГРУ В.В. Квачков <...> совершил в 2010 г. неудачную попытку мятежа и был снова арестован» («снова» — потому что еще ранее он обвинялся в покушении на тогдашнего главу РАО «ЕЭС России» А. Чубайса). Квачков был осужден и, «находясь в Лефортовской тюрьме, <...> оформил свои мысли в книгу, где детально описал план ведения “национально-освободительной борьбы” и создания в стране “православного социализма”». Он объявил современную Россию «оккупированной страной», полностью находящейся под контролем «международного масонства», и призывал сбросить «иго» и установить «национальную власть». При этом евреев Квачков представил как «сатанинское племя», а США — как «чудовищного мутанта человеческой цивилизации» (с. 472–476). В своей работе В. Шнирельман дает точные ссылки на соответствующие страницы книги

В. Квачкова, выпущенной в 2013 г. издательством «Алгоритм» под заглавием «Кто правит Россией».

Квачков, возможно, самый радикальный, но далеко не единственный представитель «политического православия». В. Шнирельман скрупулезно анализирует взгляды и действия людей (в основном мирян), которые «живут ожиданием Третьей мировой войны как реализации пророчеств о конце света». В устах некоторых из них (публицистов, журналистов, «гражданских активистов» и т.д.) «политическое православие» оказывается «ядерным православием» (с. 484, 485). «Среди православных фундаменталистов встречаются подлинные самоубийцы, которым не терпится забрать с собой на тот свет как Россию, так вместе с ней и весь остальной мир» (с. 486). В. Шнирельман четко формулирует, в чем заключаются политические устремления православных «национал-патриотов»: в области внутренней политики — это «авторитарный режим, мобилизационная экономика и автаркия»; в области внешней — это «геополитическая экспансия» (с. 485). Дав подробный анализ выступлений на «международной конференции», которую провели в Москве в январе 2002 г. российские «национал-патриоты» (с участием американских антисемитов!), автор резюмирует: «Многие из них (т.е. “русских докладчиков”. — В.Д.) не только не понимали сути происходящего в современном мире и плохо знали историю, но даже не владели азами христианства, к которому они постоянно апеллировали. По сути, они руковод-

ствовались не научным знанием, а мракобесными представлениями» (с. 433).

И здесь самое время вспомнить о «Протоколах сионских мудрецов» — второй из вышеназванных публикаций, заложивших основу современного антисемитского эсхатологического мифа. Известность «Протоколы» получили после своей второй публикации. В 1905 г. (через два года после П. Крушевана) их издал русский писатель-мистик С. Нилус, включив их текст в свою книгу об Антихристе. Об этой фальшивке существует огромная литература. Здесь важно отметить следующее: «“Протоколы сионских мудрецов” вызывают ужас у тех, кто верит в их подлинность. Ведь в них говорится о страшном плане захвата иудеями всего мира и обращении остальных народов Земли в рабство», — пишет В. Шнирельман. «Царь иудейский» (будущий правитель мира) — «это не кто иной, как антихрист». «Протоколы», отмечает исследователь, были сфабрикованы «в христианской среде», и притом «именно в русской консервативной по духу среде», которая была хорошо знакома с богословской трактовкой «Апокалипсиса» и реалиями православной и самодержавной России конца XIX — начала XX в. (с. 81, 82). Так в российскую христианскую эсхатологию вписались черносотенные идеи о всемирном «еврейско-масонском заговоре» (с. 84).

Как известно, впоследствии «Протоколы» широко использовались белогвардейцами в годы Гражданской войны, затем они попали в Германию и стали там «стержнем

нацистской пропаганды» (В. Шнирельман, «Лица ненависти», с. 192). В «Колене Дановом» исследователь показывает, как широко стали издаваться и распространяться «Протоколы» в современной России. За 20 лет (с начала 90-х гг.) на головы читателей обрушились более 150 тыс. экземпляров книги С. Нилуса «Близ есть, при дверех» — с его рассуждениями об Антихристе и полным текстом «Протоколов». В десятках тысяч экземпляров их печатал журнал «Молодая гвардия», их стали выпускать отдельными брошюрами. Само собой, их выложили в Интернет (с. 145–146). Всего не перечислишь! Все это сопровождалось пропагандой их содержания и публикацией измышлений современных российских авторов на тему эсхатологических «пророчеств» и «еврейско-масонского заговора». Стараниями «известного борца с масонами Олега Платонова» и ему подобных «в Россию вернулось богатое эпистолярное наследие авторов-шовинистов и черносотенцев дореволюционного времени» (с. 147, 597). В. Шнирельман тщательно проанализировал творчество всех этих авторов — как покойных, так и ныне здравствующих. «Трудно сказать, чего здесь больше — цинизма или дремучего невежества», — так характеризует исследователь это «творчество» (с. 409).

И хотя данная фраза относится к книге некоего «полковника О.Н. Забегайло, преподавателя истории в Военном университете» (!), она отражает суть той «массовой псевдонаучной литературы», которая сегодня вытеснила «с полок крупных книжных магазинов труды

профессиональных историков» (с. X). Ярким примером такой литературы, пишет В. Шнирельман, являются книги упомянутого О. А. Платонова, создавшего в 2003 г. «Институт русской цивилизации» — издательский центр «для осуществления идей митрополита Иоанна» (Снычева), о котором мы уже упоминали. Платонов, не имея исторического образования, смело брался за решение сложнейших исторических вопросов... «Протоколам сионских мудрецов» «Платонов бесконечно доверял». Чего стоит только его параноидальная вера в то, что «гитлеровское нашествие на нашу страну было попыткой иудейских владык уничтожить главное препятствие на пути к мировому господству»⁴ (с. 399, 401, 405, 407).

В свете всего этого становится понятно, как сложились, откуда взялись те «мракобесные представления», которые бытуют среди сторонников «политического православия» в современной России. Не евангельские тексты и не богословские трактаты, а «Протоколы сионских мудрецов», сочинения черносотенных авторов начала XX в. и их нынешних эпигонов в лице Платонова, Назарова, Воробьевского, Холмогорова, Душенова и прочих — вот что питает и укрепляет эти настроения. В работе В. Шнирельмана это подробно и аргументировано изложено. Отсюда и возникновение такого феномена, как «антисемитизм без евреев». Тем,

⁴ Фразу о «гитлеровском нашествии» В. Шнирельман дословно цитирует по книге О. Платонова «Тайна беззакония: иудаизм и масонство против Христианской цивилизации». Книга была написана в 1995–1998 гг.

кто верил в эсхатологический миф о евреях — пособниках антихриста, кто усвоил и религиозные, и расистские антисемитские «теории», тем реальных евреев не требуется. У таких людей антисемитские чувства и настроения возникают и при их (евреев) отсутствии, «хорошо соответствуя ситуации “антисемитизма без евреев”» (с. 591).

На современном этапе «политическое православие» в России пока не достигло успехов в том, что автор «Колена Данова» назвал «социальной мобилизацией», т. е. обретением массовой поддержки в обществе и способностью организовывать массовые политические акции. Пожалуй, только выступления против «электронного рабства» (введение электронных документов, ИНН, микрочипов и т. д.) были довольно заметными. При этом поддержку «православным фундаменталистам» оказала КПРФ во главе с Г. Зюгановым. В. Шнирельман описывает митинг на Пушкинской площади 16 апреля 2012 г., где рядом с «православными хоругвеносцами» стояли коммунисты, «и в рядах участников православные иконы соседствовали с портретами Сталина, а хоругви перемежались с красными знаменами»; среди призывов был «Дать отпор антихристу» (с. 527). Этот эпизод далеко не случаен, и в работе В. Шнирельмана это показано. Недаром еще в середине 90-х гг. члены комитета «Антихрист в Москве» во главе с протоиереем А. Шаргуновым, которые «объявили себя монархистами и антикоммунистами», вместе с тем призвали своих сторонников «голосовать за лидера коммунистов Г. А. Зюганова

как патриота и государственника» (с. 303). Многих из православных «национал-патриотов» и сторонников Зюганова объединили антисемитизм и сталинизм. Православная газета «Русский вестник» еще в начале 90-х гг. (как раз тогда образовалась КПРФ) оправдывала сталинский Большой террор 30-х гг. (когда были расстреляны многие тысячи священников) тем, что «это был удар по Бунду и сионистам». Зам. редактора газеты В. Земцов увязывал православные ценности с «верой в самодержца». В Сталине он усмотрел «царственное, божественное и национальное» начало (с. 199, 201).

Безусловной заслугой автора «Колена Данова» является то, что он отметил и подчеркнул этот «монархо-сталинизм» как одно из проявлений «политического православия» в России.

Что мешает укреплению позиций «православных фундаменталистов» в России? Опираясь на исследование В. Шнирельмана, можно отметить три обстоятельства. Во-первых, это официальная позиция руководства РПЦ. Церковная иерархия не поддерживает радикалов, разжигающих «апокалипсические настроения и межконфессиональные конфликты». Ей не нужны «массовые движения протеста», критика властей. А вот проявления антисемитизма руководство РПЦ зачастую «не замечает» или даже фактически поддерживает. В. Шнирельман подробно анализирует эти моменты во «Введении» (с. 1–35), главе «Апокалипсис и церковная иерархия» (с. 565–571) и других

главах своего труда. Во-вторых, среди православных фундаменталистов-радикалов нет единства, у них нет харизматического лидера. «Все они упрекают друг друга в непонимании Писания, искажении истории церкви, измене Христу или обслуживании интересов российских или западных спецслужб» (с. 302). В-третьих (и это, пожалуй, главное), в России – невысокая религиозность населения (особенно по сравнению с США). Об этом в книге В. Шнирельмана приведены интереснейшие данные из различных источников, пожалуй, впервые сведенные воедино. «Социологические опросы показывают, – пишет автор, – что за 1989–2010 гг. число православных (в России. – В. Д.) выросло с 30 до 70–75 %. Но число <...> строго соблюдающих обряды оставалось на уровне 5 %. Как выяснили социологи, более половины “православных” не могут считаться истинно верующими. Действительно, едва ли не треть из них вовсе не допускают существование Бога (подчеркнуто нами. – В. Д.). Лишь 3–4 % знают десять заповедей и символ веры. А половина “православных” никогда не держали в руках Евангелие» (с. 604). В «конец света» в России в 2012 г. верили и ожидали его от 9 до 12 % респондентов. «Иными словами, громадное большинство населения, хотя и относит себя к православным, либо вовсе не интересуется библейскими пророчествами, либо скептически к ним относится» (с. 549–550). Поэтому, делает вывод В. Шнирельман, «эсхатологическая пропаганда, ведущаяся православными фундаменталистами, мало эффективна...» (с. 605).

Однако не следует забывать: среди людей, которые верят этой пропаганде, — немало представителей «советского среднего класса, утративших свои позиции в результате революции 1991 г. Ими были, прежде всего, военные и инженеры — первые потеряли прежнее уважение и статус, а вторые — работу на огромных предприятиях военно-промышленного комплекса» (с. 586). Эти люди «тяготели к привычной для них авторитарной власти... В демократии они видели анархию, подрывавшую привычный для них порядок. Зато гарант такого порядка они усматривали в режиме личной власти... А бывшую коммунистическую идеологию им с легкостью заменили религиозные ценности» (с. 587).

Одним из таких людей и был бывший полковник ГРУ В. Квачков, о котором сказано выше. Этот пример показывает: человек может быть квалифицированным и образованным специалистом и в то же время обладать иррациональным мышлением,

придерживаться безумных и общественно опасных взглядов. Антисемитизм в сочетании с антизападничеством может побудить таких людей к насилию, к принятию «суровых мер <...> вплоть до самых кровавых» (с. 601). Действия убежденных фанатиков (особенно если они дорвутся до власти) могут привести к катастрофе. Поэтому рецензию на книгу В. А. Шнирельмана можно закончить словами его коллеги, ученого-этнографа и российского общественного деятеля, профессора М. А. Членова: «Антисемитизм — это огромная опасность не только и не столько для евреев, сколько для общества в целом. Свидетельство тому — 30 миллионов погибших во Второй мировой войне» (Членов 1996: 153)⁵.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Свенцицкая 1987 — *Свенцицкая И. С.* Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1987.

Членов 1996 — *Членов М. А.* Антисемитизм в политике России // Нужен ли Гитлер России. М., 1996.

Rev.: *Shnirel'man V. A.* Koleno Danovo. Eshatologiya i antisemitizm v sovremennoi Rossii. Moscow, Izdatel'stvo BBI, 2017, XIV + 617 p.

Dashevsky Victor Yu. — candidate of historical Sciences, teacher of history (Moscow)

Key words: religious anti-Semitism, eschatological myth, "Protocols of the Elders of Zion", "political Orthodoxy", "anti-Semitism without Jews".

The review shows the relevance and novelty of V. A. Shnirelman's fundamental research on contemporary "religiously motivated anti-Semitism" in Russia. The most important aspects of this research, according to the reviewer, are highlighted: 1. Analysis of the "anti-Semitic eschatological myth", the history

⁵ Эту книгу В. А. Шнирельман упоминает в своей работе (с. 139).

of its creation and dissemination (first in the West and then in Russia); 2. The revealing of the reasons for not only anti-Semitic, but anti-Western trends in this myth at the present time; 3. Answering questions about what the modern "political Orthodoxy" is, what social and political forces in Russia it is connected with, and why "anti-Semitism without Jews" has become possible. An analysis of all these problems "inevitably refers to the sphere of public behavior and even to public policy issues," the author of the study notes.

REFERENCES

Svetsitskaia I.S. *Rannee khristianstvo: stranitsy istorii*. Moscow: Politizdat, 1987.

Chlenov M.A. *Antisemitizm v politike Rossii. Nuzhen li Gitler Rossii*. Moscow, 1996.

М. В. Медоваров

БОЛЬШОЙ НАРРАТИВ ИСТОРИИ ПАТРИОТИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Рец.: Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.). Коллективная монография / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, народничество, славянофильство, либерализм, консерватизм, социал-демократия, большевики, сталинизм, диссиденты.

Рецензия посвящена коллективной монографии одиннадцати историков, представляющей собой одну из первых попыток создания «большого нарратива» истории патриотизма и национализма в России XIX–XX вв. Неопределенность предмета исследования и диаметрально противоположные подходы некоторых авторов книги нанесли ущерб ее целостности. Однако целый ряд глав может рассматриваться как замечательные образцы исследований общественной жизни России в отдельные периоды. Остро полемичный характер носят главы о славянофилах, почвенниках, народниках. Обстоятельно, академично изложены воззрения на проблемы национализма и патриотизма социал-демократов, националистов, кадетов, части консерваторов в период царствования Николая II. Представлена также мысль Русского Зарубежья, но более половины всей книги посвящено проблематике патриотизма и национализма в советский период (1917–1991).

Коллективные обзорные труды по крупным историческим проблемам в наше время появляются нечасто. Поэтому монография «Патриотизм и национализм как факторы

русской истории» уже успела обратить на себя заслуженное внимание историков. Имена известных историков (А. А. Иванов, А. В. Репников, В. В. Шелохаев) среди коллектива авторов, близкий к хронологическому принцип построения труда не могут не заинтересовать и широкие круги читателей. В то же время неизбежно возникает вопрос о предмете рассмотрения в данном увесистом томе. История понятия

© Медоваров М. В., 2018

Медоваров Максим Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород); mmedovarov@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

нации и национального самосознания в России? Или же специфическая область истории собственно национализма? Может быть, история патриотизма – понятия еще более расплывчатого? В современной отечественной историографии уже была попытка написать, к примеру, общую историю русского консерватизма (*Гросул* 2000), отошедшая в тень после выхода десятков новых монографий по более узким темам. Имела место попытка создания единой истории национализма в Российской империи (*Миллер* 2006), неизбежно краткая. Наконец, известны опыты написания истории патриотизма в России с начала XIX в. до наших дней (*Лебедев* 2007; *Платонов* 2014), однако они носят крайне субъективный характер, страдают от недостатка научности и просто фактических ошибок, хотя аналогичной альтернативы этим работам по самой идее широкого временного охвата до сих пор еще не было. Решает ли эти проблемы новая монография?

Как станет ясно из дальнейшего изложения, авторы разных глав сделали различные акценты в своих частях общего труда. Объединить их должно было бы заключение ответственного редактора тома В.В. Журавлева, но оно сводится к краткому пересказу содержания всей книги (с. 765–779) и собственному сжато резюме с отсылками к П.Б. Струве и утверждением об опасности и разрушительности политического национализма для России (с. 779–783). Вряд ли можно с этим спорить, но генезис и этапы развития данного явления В.В. Журавлевым все-таки не очерчены и не

объяснены, а его истолкование патриотизма как способности извлекать уроки из истории и консолидировать расколотое общество достаточно тривиальны.

Не обнаружив ясно очерченного предмета исследования в заключении, обратимся к основной части рецензируемой монографии. Первая глава, объемом более ста страниц, посвящена «формированию основных типов национальной идеологии» с 1760-х (а вовсе не с конца XVIII в., как заявлено в названии книги) по 1870-е гг. Автор главы – одиозный философ Н.П. Ильин, чьи бесцеремонные нападки на классическую русскую философию и явные националистические симпатии не раз становились предметом критики (*Тесля* 2007). Несомненно, первая глава книги – самая психологически и философски фундированная из всех. Н.П. Ильин постоянно обращается к темам национальной психологии и антропологического поворота (с. 15), последовательно противопоставляет «прогрессивный» буржуазный национализм «застывшему» консерватизму (с. 21). Вкусы автора весьма избирательны: программа декабриста Муравьева по национальному вопросу ему представляется слишком мягкой, Пестеля – слишком жесткой, а вот программа Николая I – в самый раз (с. 25–40). Очень интересны авторские оценки деятельности С.С. Уварова и идеологов его эпохи (В.С. Межевича, П.А. Плетнева, Н.И. Надеждина, М.П. Погодина, С.П. Шевырева). В.Г. Белинского автор главы обвиняет вовсе не в западничестве, как можно было бы подумать, а в натуралистическом

и идеалистическом национализме одновременно: сама попытка найти связь между национальным и универсальным уже представляется Н. П. Ильину непростительной ересью (с. 45–49). Читателей, незнакомых с предшествующими книгами Ильина, может шокировать большой параграф о западниках и славянофилах. Начав его с краткой брани в адрес П. Я. Чаадаева, взгляды которого автор вовсе не удостоил разбора по существу, он переходит к резким нападкам на славянофилов, у которых, по его мнению, понятие народности вовсе отсутствует, будучи заменено мечтами о всечеловеческом значении России. За исключением единственного труда рано умершего Д. А. Валуева (с. 55) и одной статьи И. В. Киреевского (с. 56–59), Н. И. Ильин отказывает славянофилам в целом в праве претендовать на хотя бы какую-то причастность к русскому национальному самосознанию (вопрос о патриотизме при этом он обходит стороной). Достается от него и западнику К. Д. Кавелину, но в основном за солидарность со славянофилами в культе общинного, коллективного начала. Следующее поколение славянофилов Н. П. Ильин и вовсе обвиняет в протобольшевизме и защите сословного деления, несовместимого с «единством нации». Это не фигура речи: автор всерьез выводит большевизм из учения А. С. Хомякова и его соратников (с. 69, 77), противопоставляя им «адекватное выражение» истинного национализма в лице все тех же Николая I и Уварова. «Принеся личность в жертву народности, славянофилы возложили и народность на алтарь человечества», — сурово заключает Н. П. Ильин (с. 77).

Несравненно больше он благоволит почвенникам 1860-х гг. А. А. Григорьев и Н. Н. Страхов для него — образцы «правильного», просвещенного, индивидуалистического русского национализма. Относя эту оценку и к Ф. М. Достоевскому начала 60-х гг., автор, однако, жестко порицает великого писателя конца 60-х — 70-х гг., обвиняя его в отступничестве от национализма к идеалам всечеловечества и мессианства (с. 76–83). К Н. Я. Данилевскому Ильин относится скорее положительно, упрекая его лишь в «неверии» в способность русского народа без всяких федераций с зарубежными славянами создать собственную цивилизацию (с. 99–108). После всего сказанного нетрудно предвидеть общий вывод Н. П. Ильина, выделившего четыре направления в русском национальном самосознании XIX в.: национальный нигилизм, мессианизм, панславизм и собственно аутентичный национализм. Чтобы оспорить эту оценку, потребуется представить альтернативную классификацию. А ее пока в законченном виде нет, хотя применительно к середине — второй половине XIX в. такие типологические очерки уже предприняты в последние годы (Тесля 2014; Котов 2016).

Вторая глава, посвященная «народничеству», принадлежит перу В. В. Зверева и разочаровывает еще больше, чем глава Н. П. Ильина. Во-первых, неясно, на каком основании автор относит А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского к народникам в собственном смысле слова. Во-вторых, на десятках страниц В. В. Зверев зачем-то излагает об-

щие взгляды Герцена, Чернышевского, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева, Н. К. Михайловского, П. П. Червинского на социализм, крестьянство, общину, революцию, прогресс, капитализм, проблему «Россия и Запад» и т. д., ни разу не упомянув ни патриотизм, ни национализм. А ведь у перечисленных авторов действительно можно найти высказывания по данным темам. Другое дело, что их позиции по вопросу о русском патриотизме будут смотреться совсем неприглядно, если подвергнуть их тщательному анализу в контексте данной монографии. Вместо этого В. В. Зверев попросту ушел в сторону от рассмотрения темы, лишь в самом конце своей главы коснувшись самого оригинального и талантливого из поздних народников — И. И. Каблица. Но и в этом случае лишь пять страниц (с. 198–203) оказались действительно уделены его воззрениям на национальный вопрос. Причем В. В. Звереву не понравилась именно оригинальность и глубина мысли Каблица (Юзова): современный историк обвинил своего героя в «ревизии» основ народничества, отступлении от чистоты генеральной линии 60–70-х гг. на космополитизм и уступках «великодержавному национализму». Достаточно сравнить позицию В. В. Зверева с проникновенными строками, которые посвящали поздним народникам А. Валицкий и особенно М. М. Карпович (Валицкий 2013; Карпович 2012), чтобы почувствовать разницу. Несмотря на то, что очевидно ультралевые взгляды автора второй главы находятся в противоречии с убеждениями автора первой главы монографии, оба они равно далеки

от идеала научной беспристрастности историка.

Этот недостаток становится еще более явным на фоне замечательной, но слишком короткой третьей главы «Патриотическая идея в оценках российской революционной интеллигенции XIX в.», принадлежащей А. Ю. Кожевникову (с. 207–225). В ней действительно представлены мнения и декабристов, и Герцена, и народников, и Г. В. Плеханова о национализме и патриотизме — все то, чего так недоставало второй главе. Причем красноречивые цитаты Ткачева и Лаврова, категорически отрицавших любой намек на национализм или просто национальное чувство (с. 224), сами по себе достаточны для отвержения самой концепции В. В. Зверева.

Высокой оценки, безусловно, заслуживает пятая глава о социал-демократах, написанная П. Ю. Савельевым. В ней основательно рассмотрены воззрения Плеханова и позднейших меньшевиков на национальный вопрос и российский патриотизм вплоть до 1916 г. (с. 228–247). Ее прямым продолжением выступает маленькая шестая глава А. Ю. Кожевникова об отношении большевиков и особенно В. И. Ленина до 1917 г. к национальному вопросу (с. 248–258).

После детального рассмотрения позиций народников (правда, без рассмотрения развития их программ у эсеров начала XX в.) и социал-демократов было бы логично ожидать систематического рассмотрения национальной и патриотической идей у либералов, консерваторов

и собственно националистов. Однако консерваторы не представлены отдельно, как таковые, ни в одной главе. В первую очередь удивляет отсутствие исследований позиции М. Н. Каткова и его последователей, которая стала определяющей для формирования новой парадигмы и национализма, и патриотизма в пореформенной России (Котов 2016). Вместо этого в монографию включена добротная глава А. А. Иванова об истории восприятия, интерпретации и споров вокруг лозунга «Россия для русских» (с. 259–282), представляющая собой сжатое резюме его недавнего большого труда (Иванов 2016). В ней действительно показан глубокий раскол в понимании национального вопроса между различными течениями консерваторов и националистов, в основном эпохи Николая II. Однако лакуна относительно мыслителей второй половины XIX в. при этом сохраняется.

Седьмая глава «Имперский и национальный принцип в конце XIX — начале XX в.» (с. 283–322), принадлежащая А. В. Репникову, довольно необычна. Она представляет собою законченное самостоятельное исследование, отнюдь не повторяющее соответствующие разделы из классической монографии автора (Репников 2007). В центре внимания автора оказываются малоизвестные речи и статьи М. О. Меньшикова, В. В. Шульгина, И. А. Сикорского, П. И. Ковалевского и других националистов, к которым добавлены имена совсем уж забытых сегодня Н. Г. Дебольского, А. А. Еленкина, К. С. Мережковского, В. Строганова, Н. О. Куплеваского. В меньшей степени затрагива-

ются воззрения классических православных консерваторов, поздних славянофилов, черносотенцев — всех тех, кого новая (расовая и биологическая) постановка вопросов русскими националистами отталкивала и пугала.

Восьмая глава, написанная Н. И. Канищевой и В. В. Шелохаевым, посвящена взглядам российских либералов на национализм и патриотизм. В ней рассмотрены взгляды П. Б. Струве, П. Н. Милюкова, позиция кадетской партии по национальному вопросу во время революции 1905 г., в период третьеиюньской монархии. Особенно подробно проанализированы дискуссии среди кадетов в годы Первой мировой войны по украинскому, польскому, армянскому, литовскому вопросам (с. 338–348). Отмечено наличие среди кадетов правого и левого крыла, намечены общие контуры их позиции по национальным вопросам в 1917–1919 гг. (с. 349–354) Вполне аргументирован вывод авторов: «Российские либералы в своей основной массе являлись подлинными патриотами, видели дальнейшую перспективу динамичного развития России на пути свободы и демократии, на пути единения всех национальностей, населяющих страну» (с. 354). Тем не менее глава производит впечатление недосказанности. В ней не представлены взгляды В. А. Маклакова, недостаточно конкретизирована борьба между правыми и левыми кадетами по национальному вопросу. Характеристика учения Струве о патриотизме и национализме ограничена парой страниц. Совершенно выпа-

ли из поля зрения авторов октябристы и прогрессисты, хотя их прессу в недостатке патриотизма и национализма заподозрить попросту невозможно. В будущем хотелось бы увидеть более развернутые очерки русского либерализма 1907–1920 гг. как феномена патриотического, а подчас и националистического.

Последующие главы книги посвящены периоду после 1917 г., и львиная их доля принадлежит А. Ю. Кожевникову. Он посвятил около сотни страниц изучению идей советского патриотизма и русского национализма в период 1918 – 1920-х гг., столько же – 1930-м гг., полсотни страниц – военной и послевоенной эпохе (1941–1953 гг.), и еще более полсотни – эпохе с 1960-х по 1980-е гг. По сути, внутри рецензируемой монографии содержится отдельный труд А. Ю. Кожевникова, беспрецедентный в историографии и по объему, и по ширине охвата фактического материала, и по выдающимся усилиям построить связный нарратив истории национального самосознания в советское время. Причем эта история вовсе не односторонняя: наряду с мероприятиями власти, с действиями «сверху» автор постоянно рассматривает и мощные импульсы «снизу», которые то вступали в противоречие, то согласовывались с позицией властей предрержащих. Хотя о 20-х гг. ранее уже писал М. Агурский, о сталинской эпохе – Д. Л. Бранденбергер, а о послесталинской – Н. А. Митрохин с либеральных позиций и С. В. Лебедев с патриотических (Агурский 2003; Бранденбергер 2009; Митрохин 2003; Лебедев 2007), даже на их фоне до-

стижения Кожевникова смотрятся впечатляюще.

Представительный подбор сведений об использовании большевиками патриотической пропаганды в годы Гражданской войны и о мотивах сотрудничества царских генералов и офицеров с РККА; детальнейшее рассмотрение споров, связанных с образованием СССР и планами «автономизации» (с. 388–407), включая персональную роль Ленина; позиция сменовеховцев и других «возвращенцев» – таковы сюжеты, разработанные автором в девятой главе. К ним добавляется изучение политики Советской власти в сфере культуры и искусства, преследования за «национальные» мотивы отдельных писателей, поэтов, драматургов, художников, прежде всего «крестьянских». Сказано и о катастрофических последствиях хозяйничанья «школы Покровского» в исторической науке (с. 427–433) – впрочем, со ссылкой на известный труд А. Л. Юрганова (Юрганов 2011). Завершает второй параграф девятой главы краткое обращение к церковной теме (с. 439–443) и к проблеме политики Коминтерна в международной обстановке 20-х гг. Делая собственные выводы, автор приходит к заключению о том, что уже в 1924–1927 гг. объективно созрели предпосылки для поддержки властью курса на поощрение русского национального самосознания (с. 449–452).

Огромный третий параграф девятой главы включает в себя выделение А. Ю. Кожевниковым этапов формирования новой национальной и патриотической идеологии

И.В. Сталиным в 30-е гг. На первом этапе (1930–1931 гг.) им был нанесен ряд болезненных ударов по отдельным представителям воинствующего интернационализма и космополитизма (с. 452–467). В 1933–1934 гг. была радикально пересмотрена политика государства в области преподавания и изучения истории (с. 468–479). В 1935–1936 гг. акцент делался на советском патриотизме, укреплении семьи, реабилитации казачества, окончательном разгроме «школы Покровского» (с. 489–495, 509–513, 525–529), «проработке» Н.И. Бухарина и Д. Бедного. Значительное внимание уделено идеологической подготовке принятия Конституции СССР 1936 г. (с. 503–507), пушкинскому юбилею 1937 г. (с. 513–516), переоценке и возвеличиванию фигур Петра I и Александра Невского (с. 519–525, 533–539). При этом не скрываются ни проблемы, связанные с русификацией национальных меньшинств, ни негативное отношение «старых коммунистов» к новому сталинскому патриотическому курсу (с. 544–550).

А.Ю. Кожевниковым уделено внимание также просоветским настроениям в Русском Зарубежье конца 30-х гг. Однако в основном эта тема оказалась в фокусе внимания Н.В. Антоненко в другой, десятой главе монографии. В ней рассмотрены воззрения на патриотизм и национализм И.А. Ильина (с. 563–574), П.Б. Струве (с. 574–585), Н.Е. Маркова (с. 586–588), Н.Д. Тальберга (с. 589–596), Т.В. Локотя (с. 596–598), И.Л. Солоневича (с. 598–610). Исследователем сделан обстоятельный вывод об осо-

бенностях националистической идеологии и патриотического мировоззрения в русской межвоенной эмиграции, выдвинут тезис об их «гибкости, пластичности, подвижности, способности к идейно-теоретической трансформации» (с. 614). В то же время за пределами данной главы и всей монографии по непонятой причине остались позиции целого ряда эмигрантских идейных и общественных движений: евразийцев, младороссов, национал-большевиков (о специфике «русских фашистов» вкратце упомянуто ранее, в главе, написанной А.В. Репниковым, с. 297).

Одиннадцатая глава авторства А.Ю. Кожевникова логично продолжает девятую, обрисовывая особенности советской патриотической агитации и пропаганды в годы Великой Отечественной войны, приводившей в итоге к серьезным изменениям в идеологии и общественной атмосфере страны. Концептуально важнейшим моментом главы представляется анализ борьбы между группой историков во главе с А.М. Панкратовой и их патриотически настроенными оппонентами в 1944 г., когда дискуссия фактически завершилась принятием ЦК ВКП(б) промежуточного решения о борьбе с обеими «ересями»: школой Покровского и «великодержавием» (с. 651–658).

Послевоенный период вплоть до середины 1960-х гг. оказался выпущен из рецензируемой монографии. Несомненно, это досадная лакуна в работе А.Ю. Кожевникова, который в двенадцатой главе фактически ограничивается рассмотрением

истории «позднесоветского консерватизма и русского национального патриотизма» с конца 60-х до начала 80-х гг. В главе затронута история таких сюжетов, как «Молодая гвардия», «Наш современник», ВО-ОПиК, противостояние М. А. Сулова «русской партии», характеристики ее лидеров вроде А. В. Никонова и С. Н. Семанова — исторические сюжеты, к которым сегодня все чаще обращаются исследователи. Очень большое место уделено полемике А. Н. Яковлева с молодогвардейцами в 1972 г. (с. 680–698), а также репрессиям против писателей-патриотов в 1980–1982 гг., приведшим к их организационному разгрому (с. 706–717). В то же время целые пласты правого и национально-ориентированного движения брежневской эпохи от дела «Веча» и ВСХСОН до важнейшего с точки зрения теорий национализма сборника «Из-под глыб» в двенадцатой главе, к сожалению, отсутствуют.

Заключительная, тринадцатая глава о «крахе советского патриотизма» в 1985–1991 гг. принадлежит Л. Н. Доброхотову. Вначале автор представляет вниманию читателей политическую хронику межнациональных столкновений в СССР в 1986–1989 гг. (с. 729–752), а затем кратко касается проблемы провозглашения суверенитета РСФСР и двух различных планов переустройства Союза республик: А. И. Солженицына и Г. Х. Попова. Глава завершается констатацией неспособности русских в 1991 г. ни осознать разрушительные процессы, ни противостоять им. Заключительные слова основной части монографии пессимистичны: «К

одной из главных и наиболее общих причин гибели “империи” следует отнести идеологическое, духовно-нравственное и демографическое ослабление русской нации, утратившей на момент государственного кризиса свою державность, державообразующую и державоохранную суть. Потребовались годы для того, чтобы на развалинах “советского патриотизма” появились ростки нового патриотизма многонациональной общности современной России» (с. 764). К недостаткам данной главы следует отнести отказ от рассмотрения позиций общественных движений, партий, литературных кругов в 1985–1991 гг., что позволило бы продолжить тематику предшествующей главы.

В заключение подчеркнем, что написание больших обзорных трудов по истории и патриотизма в России, и русского национализма, и русского консерватизма — задачи для историков, безусловно, важные, наравне со сложнейшей задачей беспристрастного описания и объяснения процессов внутри советского общества. Однако все это — разные задачи. Попытка их смешения в одном томе, составленном из работ дюжины авторов с различными взглядами и неоднородными сферами историографических интересов, не может быть признана вполне удачной в концептуальном плане, хотя она и подарила отечественной историографии ряд блестящих очерков, подчас в форме почти законченных исследований, об отдельных периодах и сюжетах извилистой истории Российской империи и Советского Союза.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Тесля 2007 – Тесля А. А., Тесля Е. А. Несколько замечаний на статью Н. П. Ильина «Каждому – свое. О немецкой философии в период национал-социализма». Хабаровск, 2007 // Хронос. URL: www.hrono.info/statii/2007/nazism.html (дата обращения: 15.01.2018).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агурский 2003 – Агурский М. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.

Бранденбергер 2009 – Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб: Академический проект; Издательство ДНК, 2009.

Валицкий 2013 – Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: «Канон +» РОИИ «Реабилитация», 2013.

Гросул 2000 – Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А., Шацкило К. Ф., Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Иванов 2016 – Иванов А. А. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016.

Карпович 2012 – Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории России. М.: Русский путь, 2012.

Котов 2016 – Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х гг. СПб.: Владимир Даль, 2016.

Лебедев 2007 – Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М.: Институт русской цивилизации, 2007.

Миллер 2006 – Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Митрохин 2003 – Митрохин Н. А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР в 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Платонов 2014 – Платонов О. А. Война с внутренним врагом. М.: «Родная страна», 2014.

Репников 2007 – Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007.

Тесля 2014 – Тесля А. А. Первый русский национализм... и другие. М.: Издательство «Европа», 2014.

Юрганов 2011 – Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.

THE BIG NARRATIVE OF THE HISTORY OF PATRIOTISM AND NATIONALISM IN RUSSIA: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS

Rev.: Patriotism and Nationalism as Factors of Russia's History (from the late 18th century to 1991). Collective monography / responsible editor V. V. Zhuravlev. Moscow: Politicheskaya Entsiklopedia, 2015. 783 p.

Medovarov Maxim Viktorovich – candidate of historical sciences, associate professor, Department of information technologies in the Humanity research, Nizhny Novgorod State N. I. Lobachevsky University (Nizhny Novgorod)

Key words: patriotism, nationalism, populism, Slavophilism, liberalism, conservatism, social democracy, Bolsheviks, Stalinism, dissidents.

The review is devoted to the collective monograph by eleven historians that is one of the first attempts of creating a “big narrative” of history of patriotism and nationalism in Russia in the 19th – 20th centuries. Uncertainty of the subject of investigation and diametrically opposite approaches of some authors damaged the integrity of the book. Nevertheless some of its chapters could be considered as outstanding examples of study of the Russian social life during certain periods. Acutely polemical in nature are the chapters on the Slavophiles, Pochvenniks, Populists. There are set forth academically and thoroughly the views on the problems of nationalism and patriotism of the Social Democrats, Nationalists, Constitutional Democrats and partly of the Conservatives under Nicholas II. The thought of the Russian Diaspora is also presented, but more than half of the entire book is devoted to the problems of patriotism and nationalism in the Soviet period (from 1917 to 1991).

REFERENCES

- Agurskii M. *Ideologiya natsional-bol'shevizma*. Moscow: Algoritm, 2003.
- Brandenberger D.L. *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaia massovaia kul'tura i formirovaniye russkogo natsional'nogo samosoznaniya. 1931–1956*. St. Petersburg: Akademicheskii proekt; Izdatel'stvo DNK, 2009.
- Grosul V.Ia., Itenberg G.S., Tvardovskaia V.A., Shatsillo K.F., Eimontova R.G. *Russkii konservatizm XIX stoletiya: ideologiya i praktika*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000.
- Iurganov A.L. *Russkoe natsional'noe gosudarstvo: Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma*. Moscow: RSUH, 2011.
- Ivanov A.A. *Vyzov natsionalizma: Lozung "Rossiya dlia russkikh" v dorevoliutsionnoi obshchestvennoi mysli*. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2016.
- Karpovich M.M. *Leksii po intellektual'noi istorii Rossii*. Moscow: Russkii put', 2012.
- Kotov A.E. *"Tsarskii put'" Mikhaila Katkova: ideologiya biurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoi publitsistike 1860-kh – 1890-kh gg*. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2016.
- Lebedev S.V. *Slovo i delo natsional'noi Rossii. Ocherki istorii russkogo patrioticheskogo dvizheniya*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2007.
- Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.
- Mitrokhin N.A. *Russkaia partiya. Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR v 1953-1985 gody*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003.
- Platonov O.A. *Voyna s vnutrennim vragom*. Moscow: "Rodnaia strana", 2014.
- Repnikov A.V. *Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii*. M.: Academia, 2007.
- Teslia A.A. *Pervyi russkii natsionalizm... i drugie*. Moscow: izdatel'stvo "Evropa", 2014.
- Walicki A. *Istoriya russkoi mysli ot prosveshcheniya do marksizma*. Moscow: "Kanon +" ROII "Reabilitatsiya", 2013.

В. А. Солонарь

Рец.: *Jörg Baberowski*. *Scorched Earth: Stalin's Reign of Terror* / translated from the German by Steven Gilbert, Ivo Kompljen, and Samantha Jeanne Taber. New Haven and London: Yale University Press, 2016. 500 p.

James Harris. *The Great Fear: Stalin's Terror of the 1930s*. New York: Oxford University Press, 2016. 205 p.

Книги немецкого историка Йорга Баберовского и американского историка Джеймса Харриса посвящены истории сталинизма. Настоящая рецензия концентрируется на во многом различных объяснениях истоков Большого террора, предложенных этими авторами.

Рецензируемые книги посвящены схожей проблематике — сталинскому террору, — но они предлагают весьма различные трактовки его происхождения. Следует сразу оговориться, что книга Джеймса Харриса существенно меньше и ее фокус уже. Харрис не стремится описать все ужасы террора, его различные формы и последствия. Его интересует именно происхождение террора, и он весьма недвусмысленно определяет свое место в современной англоязычной историографии, а именно: какие трактовки своих коллег он разделяет и с какими он полностью или частично не согласен. Книга Йорга Баберовского, похоже, обращена к более широкой аудитории, чем книга Харриса. Хотя она и написана в строгом соответствии с академическими стандартами — каждое утверждение подкреплено ссылками на источники, как опубликованные, так и архивные, — и хотя

Баберовски также разъясняет свои методологические предпочтения, книга посвящена не только происхождению сталинского террора, но и другим трагическим аспектам его истории. Она также выходит за рамки 1930-х гг., гораздо более подробно, чем это делает Харрис, освещая предреволюционный террор царского правительства, 1920-е гг., а также прослеживая историю террора в годы Второй мировой войны и последние годы жизни Сталина и даже освещая хрущевскую десталинизацию. В настоящей рецензии я сосредоточусь на проблемах происхождения террора, вернее на том, как оба автора объясняют его. Я убежден, что речь идет о центральной проблеме истории советской эпохи в целом и сталинизма в особенности. Она является также стержневой для обеих книг.

В предисловии к своей книге Баберовски, профессор восточноевропейской истории Университета им. Александра Хумбольдта в Берлине, разъясняет (р. vii-x), что когда в 2009 г. ему предложили издать на английском языке его книгу

© Солонарь В. А., 2018

Солонарь Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, профессор Университета Центральной Флориды (Орландо, США); Vladimir.Solonari@ucf.edu

2003 г. о красном терроре и он дал на это согласие, он не вполне осознавал, насколько к тому времени его взгляды на природу сталинизма изменились (Baberowski 2003). Если в начале нулевых Баберовски считал, что сталинизм был формой «высокого модерна», который характеризовался верой в возможности государства, располагающего новыми и несравненно более мощными, чем в прошлом, инструментами и технологиями контроля над населением, направленными на коренное преобразование общества, то начиная с 2006 г. он стал все больше сомневаться в адекватности такого подхода¹. С 2006 г. Баберовски стал развивать альтернативный взгляд, а именно: что сталинизм был обусловлен и являлся формой проявления отсталости, архаичности социальных структур, политических институтов и политической культуры Советского Союза, и в особенности большевистской партии. Результатом работы, проделанной на основе этих представлений, явилась рецензируемая монография, впервые опубликованная на немецком языке в 2012 г. (Baberowski 2012).

Следует отдать должное Баберовскому: книга вполне последовательно развивает это трактовку. Интерпретация Баберовского может быть сведена к следующему. Российская империя была страной с отсталой политической культурой и тради-

циями государственного насилия как «нормального» метода управления. Эти традиции были унаследованы и радикализированы большевистским режимом. Ленин, которого Баберовски называет «злым диванным преступником» (р. 49) — весьма удачное, на мой взгляд, определение, — был не только готов применять насилие по каждому поводу, но и требовал такого же подхода от других членов партии, высмеивая сомневающихся как мягкотелых либералов и, значит, не-вполне-большевиков. Ожесточенные условиями полицейского террора, который они испытали на себе в предреволюционную эпоху, руководители партии еще больше ожесточились в эпоху Гражданской войны. Тем не менее для сталинского террора был необходим Сталин — человек определенно неевропейской формации. Выросший в еще более отсталой, чем Россия, Грузии с ее клановостью, традициями кровной мести, обычаями беспрекословного подчинения главе группировки, на какой бы основе она ни была образована — криминальной, племенной, политической, — Сталин перенес эти обычаи и нормы на большевистскую партию и советское государство и общество. Ко всему прочему, Сталин оказался еще и параноиком — в последнем Баберовски убежден и повторяет этот тезис снова и снова. Он был еще и садистом, который упивался своей властью над людьми и испытывал наслаждение от уничтожения тех, кого считал своими врагами. Сталин был не в состоянии жить без врагов, которых его больное воображение поставляло ему в неограниченном количестве. Сталинский террор

¹ Баберовски назвал английского социолога Зигмунта Баумана в качестве наиболее влиятельного концептуализатора парадигмы «высокого модерна». В американской исследовательской литературе в этом контексте часто ссылаются на работы Джеймса Скотта (см. (Scott 1998)).

был, таким образом и в первую очередь, следствием концентрации огромной власти в руках одного очень плохого и в сущности психически глубоко больного человека. Ни марксизм сам по себе, ни «высокий модерн» не породили сталинский террор. Его породил Сталин и его подручные, которые частично разделяли его взгляды о вездесущности врагов, частично следовали за ним из страха за свою жизнь — если они откажутся поставить свои подписи на расстрельном списке, утвержденном Сталиным, они сами вскоре последуют на плаху.

Пожалуй, наиболее запоминающаяся формула, употребленная в этой книге, следующая: «[И]деи не убивают» (р. IX); «Сталинское насилие не было продуктом текстов и идей» (р. 4). Таким образом, коммунистическая идеология не может сама по себе объяснить сталинского террора: в конце концов, говорит Баберовски, ведь не все коммунистические режимы были террористическими (Ibid). Тем не менее, хотя Баберовски не считает правильным ни подчеркивание роли идеологии, ни парадигму «высокого модерна» для объяснения происхождения террора, он все же не ограничивается упором на роль Сталина и его подручных. Он также выносит на первый план проблему отсталости советского государства, примитивности и неэффективности его институтов. «Грандиозность большевистского видения будущего резко контрастировала с неловкостью, с которой их пре-модерновая система правления пыталась реализовать это видение. При таком положении единственная возможность для

режима обеспечить подчинение своих чиновников заключалась в угрозе применить насилие по отношению к ним» (р. 9). Автор также подчеркивает, что насилие имело свою логику и что его систематическое применение ограничивало возможность альтернативных методов управления настолько долго, насколько язык и практики насилия продолжали господствовать в публичном пространстве. Другими словами, интерпретация Баберовского — поли-, а не монофакторная, и она не сводится к личностным характеристикам Сталина, принимая во внимание другие обстоятельства и процессы.

И все же мне кажется, что большинство читателей вынесет из этой книги то же впечатление, которое сложилось у меня: Баберовски считает, что именно Сталин был архитектором и ключевой причиной террора. Такое заключение с особой ясностью вытекает из последней главы книги, в которой автор излагает причины и в особенности последствия десталинизации. В частности, Баберовски подчеркивает глубокое позитивное значение реформ первого послесталинского десятилетия, которые он называет ни много ни мало «культурной революцией» и «цивилизационным достижением» (р. 429). «Никогда снова люди не будут подвергаться гонению и депортироваться как представители той или иной воображаемой коллективности (Баберовски имеет в виду классы и национальности. — В. С.). Жизнь в Советском Союзе стала значительно легче, и улучшение условий было ощутимо для всех. <...> Хрущев <...>

мечтал о мире цветущих пейзажей и жизни в богатстве. И он связал свое собственное политическое будущее с обещанием, что никто впредь в Советском Союзе не будет голодать и не превратится в раба»; и далее в том же духе (р. 431). Соглашаясь с такими оценками по существу, вместе с тем неизбежно сталкиваешься с вопросом: как можно объяснить, что такое «цивилизационное достижение» последовало немедленно после смерти Сталина, если только не допустить, что власть Сталина была необходимой и достаточной причиной «сталинизма» как системы контроля и государственного террора? Все остальные факторы, к которым отсылает Баберовски — политическая, социальная и культурная отсталость, слабость государственных институтов, динамика насилия, — оказываются лишь условиями, сделавшими сталинские беззакония возможными, но ни в коем случае не неизбежными. Они также никак не воспрепятствовали «цивилизационным достижениям» хрущевской эпохи.

Здесь я должен пояснить, что я не являюсь противником того, что американские историки считают «традиционной политической историей», которую часто подозревают в тенденции преувеличивать роль личности в ущерб роли больших групп людей, как, например, классы, в изучении которых в первую очередь заинтересованы сторонники социальной истории. Нет никаких сомнений, что роль правителей в высокоцентрализованных системах власти огромна. Баберовски прав, подчеркивая роль Сталина как главного архитектора совет-

ского социализма и организатора террора. Однако я считаю, что его трактовка личности Сталина, его мотиваций и эволюции (в т. ч. и под влиянием опыта осуществления тотального контроля, в условиях всеобщей лести и страха за судьбу режима, которому он был предан) недостаточно продумана и недостаточна глубока, чтобы предложить убедительный ответ на целый ряд центральных вопросов советской истории. Это относится, например, к проблеме происхождения и окончания Большого террора 1936–1938 гг. Трактовка Баберовски сводится к тому, что Сталин сознательно решил использовать убийство Кирова для чистки партии и страны от всех тех, кого он считал опасными для своей власти и для своего режима. Соответственно, Сталин остановил террор, когда счел, что его задачи были выполнены. «Никто никогда точно не узнает, почему Сталин в конце концов остановил [массовые] убийства, — рассуждает немецкий историк. — Возможно ли, что он и его подручные решили, что они наконец достигли своей заветной цели, т. е. очищения мира от врагов? Это кажется маловероятным... Намного более убедительным является предположение, что Сталин просто достиг иной заветной цели: он очистил Советский Союз от всех, кто мог бы осмелиться противоречить ему. Его функционеры дрожали от страха, и те, кто поднялись по служебной лестнице до больших высот, подчинялись, потому что они знали, что они достигли всего в результате насильственного удаления предыдущих элит» (р. 303). Здесь напрашивается вопрос: ведь такое объяснение

предполагает, что до Большого террора у Сталина не было всей полноты власти и что некоторые функционеры сопротивлялись ему. Странно, что Баберовски не привел сведений, подтверждающих такое предположение. Похоже, он либо не осознает, либо игнорирует необходимость более подробного разбора логических следствий, вытекающих из своего тезиса о том, что Сталин преследовал некие рациональные (с его собственной точки зрения) цели, организуя Большой террор. Такое упущение, вероятно, не случайно, поскольку более подробный анализ потребовал бы пересмотра — по крайней мере частично — утверждения о том, что Сталин убивал, потому что он был садистом и ему нравилось убивать. Если Сталину нравилось убивать не всегда и не в одинаковой мере, то как такие смены в его политике можно объяснить? И как его конкретные садистские наклонности — безусловно, важная черта его психики — сочетались в нем со способностью к логическому целеполаганию и оценке ситуации? Баберовски, по сути, отказывается обсуждать эти вопросы.

Сказанное объясняет, почему я склонен довольно критически относиться к этой книге. Написанная хорошо и страстно, демонстрирующая безукоризненное владение огромным материалом, как первоисточниками, так и историографией, а также знакомство с концептуальными новшествами в смежных дисциплинах, таких как политология и социология, книга лишена логической строгости, которая необходима, чтобы обеспечить ей статус

историографического прорыва. Хотя я и восхищаюсь изысканностью стиля и историографической смелостью, которая проявляется, например, в последней главе, посвященной хрущевским реформам, где автор бросает вызов привычным «полосатым» оценкам хрущевской эпохи — «было хорошее, но было и плохое», — я все же испытываю чувство неудовлетворенности и сомнения, правильно ли я распорядился своим временем, прочитав этот том.

Книга Харриса написана в совсем ином ключе. В отличие от Баберовски, Харрис не колеблется в своем методологическом выборе, причисляя себя к ревизионистскому направлению в американской историографии сталинского террора. Это направление восходит к монографии Арча Гетти «Происхождение великих чисток» 1985 г., которая подвергла сомнению общепринятую до того времени трактовку Роберта Конквеста, гласившую, что Сталин инициировал и полностью, вплоть до деталей, контролировал Большой террор, с помощью которого он стремился консолидировать свою неограниченную власть (Getty 1985). Поскольку в то время, когда Гетти готовил свою книгу, советские архивы были закрыты, американский историк вынужден был опираться на опубликованные советские источники, а также на весьма неполную коллекцию из архива смоленского обкома ВКП(б), которую нацисты вывезли в 1943 г. из Советского Союза, а американские власти вернули в СССР, предварительно сделав копии с ее материалов. В то же время Гетти отка-

зался принимать на веру сообщения перебежчиков из советских «органов» на Запад, многие из которых были основаны на слухах и других сомнительных, по его мнению, источниках. В результате он выдвинул предположение, что сталинский террор был хаотическим процессом, результатом борьбы за власть разных группировок в партии, давления партийных низов, не доверявших местным лидерам, а также самовольничания НКВД, стремившегося доказать свою нужность, но плохо разбиравшегося в ситуации. Равно как и результатом других факторов. Роль Сталина при этом, по его мнению, состояла в санкционировании массовых арестов, а не в подготовке и направлении террора на всех его этапах.

Харрис считает книгу Гетти поворотной, открывшей новые перспективы для исследования и понимания рассматриваемой проблематики. Более того, он утверждает, что открытие советских архивов после падения коммунизма открыло доступ к материалам, которые в целом подтвердили вывод Гетти о «слабом» советском государстве, действовавшем как бы в потемках и частенько «боровшемся со своими собственными тенями» (Harris 2016: 3) Честно говоря, когда я прочитал это утверждение в первый раз, я оторопел. До тех пор я пребывал в убеждении, что открытие архивов развенчало тезис Гетти о том, что террор не контролировался Сталиным сверху. Обнаружение квотной системы арестов и казней, которые утверждались Сталиным и Ежовым, казалось бы, навсегда покончило с представлениями о терроре как

некоем хаотическом процессе, результате взаимодействия разнородных сил, действовавших в обстановке всеобщего страха и неопределенности. Мне также казалось, что и сам Гетти молчаливо отказался от многих из своих первоначальных идей, сосредоточившись на изучении роли Сталина и Ежова, тем самым как бы признав централизованный характер террора (Getty, Naumov 2008). Даже когда в своей последней книге Гетти попытался отыскать происхождение террора в столкновении Сталина с региональными кланами партийно-государственных начальников, диктатор все же оказался в самом центре машины террора, а не на его периферии, каким он представлен в книге 1985 г. (Getty 2013). С другой же стороны, когда некоторые другие сторонники ревизионистской школы обратились к изучению общественного мнения в эпоху террора и, в частности, того, как массовая истерия и доноительство помогали раскручивать его маховик, они подчас грешили недоучетом того, как сама обстановка истерии и страха были созданы непредсказуемыми и неподдающимися объяснению действиями властей, вдруг объявивших войну тем самым партийным и государственным бюрократам, которые еще до недавнего времени этой власти служили и ее олицетворяли (Rittersporn 1991, Goldman 2011). В конечном счете «сталиноцентристское» понимание террора, глубоко и убедительно разработанное в многочисленных работах выдающегося российского историка Олега Хлевнюка, представлялось мне наиболее убедительным (см., например: (Хлевнюк 2015)).

Тем не менее чтение книги Харриса привело меня к выводу, что я недооценил потенциала ревизионистской школы и что, наряду с некоторыми очевидными заблуждениями, ее сторонники сумели выявить такие аспекты истории сталинского террора, которые позволяют существенно пересмотреть парадигму этого террора как полностью контролируемого из центра процесса, преследовавшего своей целью укрепление личной власти Сталина. Опираясь на работы своих коллег, синтезируя их наблюдения со своими собственными выводами, основанными на многолетних архивных изысканиях в центральных и областных советских архивах, Харрис предложил убедительную и многостороннюю трактовку происхождения и динамики террора, которая заслуживает самого внимательного и серьезного изучения академическим сообществом; она может быть также с интересом прочитана и неспециалистами.

Трактовка Харриса отличается простотой и элегантностью, и ее можно свести к ряду взаимосвязанных тезисов. В ее центре находится Сталин, но не как безумный диктатор, заинтересованный исключительно в консолидации личной власти, а как революционер, беззаветно преданный ленинской версии марксизма, которая для него свелась к проекту построения социализма в СССР. Решение этой задачи в «мелкобуржуазной среде» и в обстановке «капиталистического окружения» требовало постоянной бдительности, ибо враги были в буквальном смысле повсюду, как внутри, так и вне страны. К тому

же, считали Сталин и другие большевики, враги внешние устанавливали связи с врагами внутренними, с которыми у них были одни и те же цели — подорвать усилия по строительству социализма, не допустить его торжества. Сталин считал эти установки самой собой разумеющимися, и именно они легли в основу его понимания внутренних и внешних процессов. Важнейшими источниками информации для Сталина были сводки ОГПУ-НКВД. Этот источник был, однако, ущербен, поскольку чекисты были заинтересованы преувеличивать угрозы, тем самым доказывая свою нужность режиму. Еще хуже было то, что Сталин не верил в возможность добросовестной ошибки. Начиная с 1930-х гг. он все больше был склонен видеть в любом недостатке, любом провале проявление работы вражеских сил. Некоторые чекисты, в обход своего наркома Генриха Ягоды, подавали свои разработки на стол Сталину, который подчас давал указание начать расследование «вредительской деятельности»; таково было, например, происхождение «шахтинского дела» 1930 г. В период индустриализации положение особенно обострилось, поскольку провалов было очень много, в основном из-за чудовищно нереалистичных плановых контрольных цифр и всеобщего хаоса, царившего в советской экономике. Сталин, однако, упорно отказывался распознавать корень проблем в собственной нереалистичной стратегии и упорно искал врагов повсюду, в особенности среди «буржуазных» специалистов. Расправа с кулаками была из той же серии — их обвиня-

ли в организации крестьянского сопротивления коллективизации, хотя колхозы были отвратительны для всего крестьянства, не только кулаков, и таким образом проблема состояла в самой избранной цели — коллективизации, а не в сопротивлении «кулачества».

Так возникла ситуация, при которой Сталин был склонен верить лишь информации, поступавшей к нему из ОГПУ-НКВД, которая подтверждала его уже сложившиеся выводы, и отвергать ту, которая им противоречила. Когда применение «физических мер воздействия» по отношению к арестованным стало массовым явлением «в органах», положение стало еще хуже, поскольку Сталин попросту отказывался верить, что вырванные под пыткой показания не заслуживают доверия. В том случае, если они подтверждали его страхи и опасения, он считал их правильными. Если же такие показания противоречили его уже сложившемуся мнению, он требовал новых пыток, пока арестованный не подписывал того, что Сталин от него ждал.

Большой террор начался тогда, когда Николай Ежов, на тот момент секретарь ЦК и председатель комиссии партийного контроля, убедил Сталина, что нарком внутренних дел Генрих Ягода покрывает замаскировавшихся врагов. Именно вследствие недостаточной бдительности и двурушничества Ягоды, как настаивал Ежов, стало возможным и убийство Кирова, и проникновение «врагов» в администрацию Кремля. Когда в сентябре 1936 г. Сталин настоял на назначении

Ежова на пост наркома, он уже был полон решимости развернуть гигантскую чистку по всей стране, которая «освободила» бы ее от врагов раз и навсегда. Ухудшавшаяся международная обстановка еще больше укрепила Сталина в этом его выборе.

Во время террора Ежов выполнял ту самую работу, назначения на которую он настойчиво добивался в течение многих месяцев — уничтожить максимальное количество врагов. Харрис, похоже, считает, что Ежов сам верил тем ужасам, которые рисовало ему воображение, — шпионы и враги повсюду. Что еще важнее, Харрис не сомневается, что именно так думали Сталин и другие большевики из его окружения. В эпоху террора простое сомнение в правильности сталинской политики — а разве можно было никогда не сомневаться? — и недостаточное рвение в проведении ее в жизнь подчас воспринимались как доказательство враждебности и даже вражеской деятельности. Снова и снова Харрис подчеркивает, что нет никаких оснований считать, что Сталин действовал в сугубо личных интересах, только лишь для укрепления личной власти. По мнению автора, нет также оснований полагать, что он считал невиновными тех, кого подвергал репрессиям. Весьма вероятно, что он просто был не в состоянии различать оттенки: оппортунизм от слепой преданности, сиюминутные колебания от перехода на сторону врага. Сохранение и укрепление его личной власти и консолидация большевистского режима стали для него одним и тем же.

Согласно Харрису, во время ежовщины Сталин не столько вел Ежова, сколько был ведом им. В частности, фатальные последствия для региональной партийной элиты имела замена Ежовым кадров Ягоды на этом уровне своими ставленниками. Областные элиты предшествующего периода пережили потрясения первого пятилетнего плана и коллективизации, когда ОГПУ-НКВД контролировался партийными комитетами, волей-неволей играя по правилам первых секретарей обкомов, которые были заинтересованы в сохранении своих выдвиженцев на ключевых постах в областях и частенько покрывали их провалы в выполнении нереалистичных планов. Само собой разумеется, что в сталинской системе координат такого рода покровительство-укрывательство воспринималось как свидетельство двурушничества и измены. Такая практика, однако, была очень распространена, поскольку только она позволяла обеспечить некоторую стабильность и предсказуемость на среднем уровне управления в начале 1930-х гг. К ужасу областных партийных руководителей, ежовские назначенцы не принадлежали к их кругу и были заинтересованы в разоблачении врагов в их среде в большей степени, чем в их укрывательстве. Поток негативной информации из областей в центр вызвал в 1937 г. санкционирование террора против партийной элиты, который фактически уничтожил ее средний слой. Ежов также инициировал массовые операции (приказ НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г.) и национальные операции против немцев, поляков, корейцев, и других национальностей (р. 176–180).

Поскольку враги, с которыми боролся Ежов, были во многом химерами, порожденными его воображением, террор против них должен был продолжаться без перерыва, говорит Харрис. По самой логике террора — аресты, допросы, признание, наветы на следующие жертвы — конца ему не предвиделось. Тем не менее даже Сталин стал замечать, что террор дезорганизовывал одну сферу управления за другой. Когда в январе 1938 г. пленум ЦК ВКП(б) подверг критике НКВД за «перегибы бдительности», чекисты получили первый сигнал, что их активность могла обернуться против них и что Сталин стремился ограничить террор. Однако террор, замедлившись в некоторых сферах, как, например, армия, продолжался в других, таких, как областные партийные элиты (р. 181–182). Наконец, одно событие положило конец карьере Ежова. Когда в июне 1938 г. начальник дальневосточного бюро НКВД выдвиженец Ежова Генрих Люшков пересек границу с Манчжурией и перешел на сторону японцев, Сталин стал подозревать самого Ежова в двурушничестве. В августе того же года он назначил Лаврентия Берия его заместителем, а в ноябре провел постановление Политбюро о прекращении репрессий и снял Ежова с должности наркома внутренних дел. Ежовщина закончилась.

Харрис настойчиво утверждает, что нет оснований считать Сталина психически больным человеком и что все его решения поддаются рациональному истолкованию в контексте большевистского мировоззрения. Мне представляется, что в этом вопросе американский

историк слишком усердствует. Едва ли возможно считать рациональным применение массового террора для искоренения крамолы раз и навсегда, хотя бы потому что у каждого из репрессированных были родственники и друзья, которых расправа над ним неминуемо превращала во врагов режима, если даже — до поры до времени — не в активных, а в затаившихся. Массовые репрессии также подрывали экономический и военный потенциал страны, который Сталин хотел укрепить. Непонятно также, как можно считать «рациональной» саму идею уничтожения колеблющихся, ибо колебания, сомнения свойственны самой природе человека. Если следовать этой идее до конца, то Сталину следовало уничтожить всех вокруг себя. На проверку оказывается, что объяснить Большой террор без учета вероятного ухудшения сталинской психики невозможно по той простой причине, что эта трагедия, даже если она и имела свои корни в большевистском мировоззрении в целом, очевидным образом вышла за рамки рациональности, сколько бы широко мы рациональность ни понимали. Столь много в этой трагедии представляется загадочным именно потому, что разум не в состоянии охватить того безумия, которое определяло советскую действительность эпохи Большого террора.

Однако не обязательно соглашаться с каждым тезисом книги, чтобы ее высоко оценить. Мне кажется, что Харрис разработал наиболее убедительную из имеющихся на сегодняшний день в историографии трактовку происхождения Боль-

шого террора и его динамики. Террор был порожден не лишь одним, а многими факторами. Хотя Сталин был ключевой фигурой этой катастрофы, предпосылки террора вытекали из структурной слабости и хаотичного характера партиигосударства, из постоянно нараставшего страха внешней угрозы и внутренних заговоров, страхов, которые Сталин разделял с большинством советских лидеров. Сыграли свою роль дисфункциональность отношений между НКВД и политбюро, неспособность Сталина и других лидеров оценить ненадежность «сведений», добытых путем пыток, как и прочие факторы. Книга Харриса — не «окончательный» ответ на вопрос, как и почему Большой террор возник и почему он был свернут, но она является большим шагом вперед в деле осмысления этой чудовищной трагедии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Хлевнюк* 2015 — *Хлевнюк О.* Сталин: Жизнь одного вождя. М.: Корпус, 2015.
- Baberowski* 2003 — *Baberowski J.* Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003.
- Baberowski* 2012 — *Baberowski J.* Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt. München: C./Y/ Beck, 2012.
- Getty* 1985 — *Getty J. A.* Origins of the Great Purges: The Soviet Communist party Reconsidered, 1933–1938. New York: Cambridge University Press, 1985.
- Getty* 2013 — *Getty J. A.* Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven : Yale University Press, 2013.
- Getty, Naumov* 2008 — *Getty J. A., Naumov O. V. Yezhov: The Rise of Stalin's "Iron Fist" with the assistance of Nadezhda V.*

Muraveva. New Haven: Yale University Press, 2008.

Goldman 2011 — Goldman W.Z. *Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia*. New York: Cambridge University Press, 2011.

Harris 2016 —Harris J. *The Great Fear: Stalin's Terror of the 1930s*. New York: Oxford University Press, 2016. 205 p.

Rittersporn 1991 —Rittersporn G.T. *Stalinist simplifications and Soviet complications: social tensions and political conflicts in the USSR, 1933–1953*. New York: Harwood Academic Publishers, 1991.

Scott 1998 — Scott J.C. *Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven and London: Yale University Press, 1998.

Rev.: Jörg Baberowski, *Scorched Earth: Stalin's Reign of Terror* translated from the German by Steven Gilbert, Ivo Kompjien, and Samantha Jeanne Taber. New Haven and London: Yale University Press, 2016. 500 p.

James Harris, *The Great Fear: Stalin's Terror of the 1930s*. N. Y.: Oxford University Press, 2016. 205 p.

Solonari Vladimir A. — PhD, Professor of the University of Central Florida (Orlando, USA)

The books by German historian Jörg Baberowski and American historian James Harris are devoted to the history of Stalinism. This review compares largely different interpretation of the origins of Stalinist Great Terror, offered by two authors.

REFERENCES

Baberowski J. *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003.

Baberowski J. *Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt*. München: C/Y/ Beck, 2012.

Getty J.A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist party Reconsidered, 1933–1938*. New York: Cambridge University Press, 1985.

Getty J.A. *Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition*. New Haven: Yale University Press, 2013.

Getty J.A., Naumov O.V. Yezhov: *The Rise of Stalin's "Iron Fist" with the assistance of Nadezhda V. Muraveva*. New Haven: Yale University Press, 2008.

Goldman W.Z. *Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia*. New York: Cambridge University Press, 2011.

Harris J. *The Great Fear: Stalin's Terror of the 1930s*. New York: Oxford University Press, 2016. 205 p.

Khlevniuk O. *Stalin: Zhizn' odnogo vozhdia*. Moscow: Korpus, 2015.

Rittersporn G.T. *Stalinist simplifications and Soviet complications: social tensions and political conflicts in the USSR, 1933–1953*. New York: Harwood Academic Publishers, 1991.

Scott J.C. *Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven and London: Yale University Press, 1998.

А. В. Свешников

РЕЦЕПЦИЯ, ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ «САТАНИНСКОЕ ЕВРОЛИБИДО»*

Рец.: Буланин Д. М. Жанна Д'Арк в России. Исторический образ между литературой и пропагандой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. 720 с.

Ключевые слова: Д. М. Буланин, Жанна д'Арк, рецепция, места памяти, образ, секуляризация, национальная культура, историческая культура.

В рецензии представлен анализ монографии Д. М. Буланина «Жанна Д'Арк в России. Исторический образ между литературой и пропагандой». В рецензии отмечается, что при всем богатстве привлеченного автор монографии материала, теоретико-методологические основания исследования вызывают определенные вопросы.

Опубликованное в 2016 г. объемное исследование специалиста по истории древнерусской литературы, доктора филологической наук, ведущего научного сотрудника Института русской литературы РАН Дмитрия Михайловича Буланина (впрочем, большинству неспециалистов он известен в первую очередь благодаря носившему его имя издательству гуманитарной научной литературы) дает, как нам кажется,

возможность поговорить сразу о нескольких представляющихся значимыми моментах.

Во-первых, эта работа, очевидно, укладывается в рамки весьма актуальной для современной историографии проблематики изучения процесса конструирования т.н. мест памяти. В этом плане очень показательным, что практически одновременно с ней увидела свет блестящая монография О. И. Тогоевой (*Тогоева* 2016), посвященная истории конструирования образа Жанны как святой во французской культуре XV–XIX вв. При всем различии теоретико-методологических установок авторов, применяемых ими

© Свешников А. В., 2018

Свешников Антон Вадимович — доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории Омского государственного университета (Омск); richollik@rambler.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-00021.

конкретных приемов анализа текстов источников, да и самого материала, у них есть одно совпадение. Авторы изучают не столько «реальную» Жанну как исторический персонаж, сколько именно историю ее образа в различных культурных практиках, обращая при этом внимание в первую очередь не столько на то, как эти образы коррелируют с «исторической реальностью», сколько на их содержание, значимые культурные и исторические контексты. Это исследование не столько про саму Жанну, сколько про те культуры, для которых ее образ оказался, в силу различных причин, актуальным. И если присутствие Жанны в исторической памяти Франции вполне понятно — она очевидное «место памяти» (Винок 1999), — то попытка изучить судьбу этого образа в русской культуре представляется вполне новаторской. В данной связи получается, что рецензируемая работа встраивается в еще один историографический тренд, связанный с анализом процессов историко-культурной рецепции тех или иных значимых образов исторической памяти (общий анализ основных тенденций в рамках этого направления см.: (Чиглинцев 2009: 7–26; Ашаева, Чиглинцев 2012)).

Во-вторых, книга Д. М. Буланина представляется объемной не только по количеству страниц, но и по охвату материала. Структурированная как последовательность логически и хронологически взаимосвязанных очерков (всего таких очерков-глав насчитывается 85) книга подробно реконструирует историю рецепции образа Жанны Д'Арк в российской

и советской культуре со второй половины XVIII в. (автор начинает рассмотрение с первых «опытов переложения прославленной поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» (с. 12)) до 70-х гг. XX в. Очерки разнообразны по характеру. Одни посвящены рассмотрению конкретных текстов или казусов, другие рассматривают трансформацию образа Жанны в творчестве отдельных авторов или художественных направлений, третьи, более масштабные по охвату, направлены на выявление, часто «широкими мазками», общих тенденций. В поле внимание автора попадают научно-популярная и художественная литература, театральные постановки, публицистические тексты, кинофильмы. Героями книги Д. М. Буланина оказываются А. С. Пушкин и П. И. Чайковский, Н. С. Лесков и М. Н. Ермолова, В. В. Розанов и И. С. Тургенев, А. И. Куприн и М. И. Цветаева, Г. П. Федотов и О. Э. Мандельштам, С. М. Эйзенштейн и Е. А. Евтушенко, а также сотни других представителей отечественной культуры. Порой автор буквально виртуозно эксплицирует содержание не просто произведения непосредственно (титально) посвященного французской героине, но даже малейший намек на нее в тексте казался бы очень отдаленной тематики. За каждым очерком стоит многолетняя, кропотливая, в хорошем смысле слова педантичная подготовительная и аналитическая научная работа.

При этом работа, в-третьих, не распадается на совокупность слабо связанных между собой конкретных очерков. За рассмотрением большого количества конкретных истори-

ко-культурных казусов легко просматривается совершенно логичная, безусловно, оригинальная концептуальная позиция. В общих чертах она заключается в следующем. Образ Жанны Д'Арк во французской секуляризованной культуре нового времени после Великой Французской революции оказался в первую очередь связан с репрезентацией идей патриотизма и даже шовинизма. «Именно от столетия, логическим выводом из которого стала революция, берет свое начало новая религия — религия стяжательства, пришедшая на смену христианству и, как всякая религия, требовавшая от своих адептов признания новых кумиров» (с. 91). Сама эта культура на протяжении последних двух столетий своего существования неизменно шла по пути деградации по направлению к массовой культуре и «обществу потребления», которое автор описывает со ссылками на Ж. Бодрийяра, что усилило и негативное, по мнению Д. М. Буланина, содержание образа. Русская культура — принципиально иная. Она представлена автором как более традиционная, сохранившая религиозные основы. И в силу этого образ Жанны с французским, даже общеевропейским наполнением оказывается чуждым русской культуре. Он здесь плохо приживается. «Вся наша работа построена на контрасте двух типов культур применительно к тому отражению, какое он получил в судьбе отдельно взятого элемента, Образа Орлеанской Девы» (с. 679). Но в русской обществу есть определенная прослойка, страдающая комплексом влечения к Западу, «сатанинским евролибидо», реализация которого (теперь

уже со ссылкой на А. Зиновьева), становившаяся все более заметной с середины XX в., ведет к размыванию основ русской культуры в целом и превращению конструируемого этой культурой образа Жанны из символа в бессодержательный по сути декоративный элемент. И в силу этого изучение дальнейшей истории образа Жанны представляется «совершенно бесперспективным занятием» (с. 674). Возможно, я упустил какие-то оттенки и нюансы концептуальной позиции автора, но основная его интенция выглядит именно так.

Понятно, что подобная позиция вызывает целый ряд серьезных вопросов. Например, безусловно, теоретического обоснования требует идея холизма (системной целостности) национальной культуры, вводимая автором как очевидное априорное допущение. Откуда он берется и за счет чего поддерживается? Иначе не совсем понятно, откуда взялась евролибидная тенденция и, самое главное, почему она оказалась успешно реализована. Неочевидным представляется и вытекающая из холизма субстанциональность культуры, поскольку с ней плохо логически стыкуется та вариативность образа Жанны в русской культуре, рассмотрению которой посвящена большая часть книги.

Возникают сомнения и в соотношении интерпретации автора с историческими реалиями. По крайней мере, как показывает в своем исследовании О.И. Тогоева (*Тогоева* 2016: 441–517), вряд ли уверенно можно говорить об однозначной

секуляризации образа Жанны Д'Арк во французской культуре XIX в. В 1920 г. состоялась ее канонизация католической церковью, и явно, что этот процесс был не случайным.

Но главное даже не в этом.

Безусловно, что теоретико-методологическое основание работы Д.М. Буланина является отражением определенных процессов, протекающих в современном научном сообществе, и дает основание для их диагностирования. Очевидно, что сообщество оказывается внутренне неоднородным. И эта неоднородность дает возможность для появления написанных вполне себе остепененными авторами исследовательских работ, концептуальные основания которых конструируются при помощи таких «историософских» понятий, как «генетический культурный код» или даже «пассионарность». Понятий в контексте современной мировой историографии, мягко говоря, мифологических.

Хочу быть понятым правильно. А вовсе не выступаю за обязательное единообразие языка и способов интерпретации, методологии и имплицитной идеологической позиции или строгое следование интеллектуальной моде. Множество подходов и языков описания — это нормальное состояние науки. Наверное. Но возникает вопрос — насколько результаты такого рода работ оказываются конвертируемыми при всем том, что автор добросовестно следует всем формальным принципам методики современного научного исследования (рабо-

тает непосредственно с источниками, которые являются вполне репрезентативными, учитывает актуальный историографический контекст и т.д.), в работы авторов с иными методологическим и идеологическим взглядами? Возможна ли адаптация результатов такого исследования? В данном конкретном случае, приходится признать, что не очень. Впрочем, кажется, и сам автор к этому не очень стремится. В этом плане показательным, что для обоснования своей концепции он выбрал не язык Reception Study (Ашаева, Чиглинцев 2012) или рецептивную эстетику Х.Р. Яуса, а псевдофрейдистскую риторику публицистических работ А.А. Зиновьева. В силу этого вытекающие из общей концепции автора приемы и язык анализа конкретных текстов оказываются чересчур идеологически нагруженными и оценочными по интенциям. Дело не в том, что позиция автора «консервативна» и «религиозная», а в том, что с этим религиозным консерватизмом невозможен продуктивный диалог. И получается, что или мы берем из этого фундаментального по замыслу и количеству вложенных усилий труда только «голую фактографию» и библиографию, или он проходит мимо нас. А жаль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ашаева, Чиглинцев 2012 — Ашаева А.В., Чиглинцев Е.А. Рецепция античности: актуальные исследовательские тенденции в современном зарубежном антиковедении (опыт историографического обзора) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Книга 3. С. 162–171.

Буланин 2016 — Буланин Д. М. Жанна Д'Арк в России. Исторический образ между литературой и пропагандой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. 702 с.

Винок 1999 — Винок М. Жанна Д'Арк // Нора П., Озуф М., Пюимеж де Ж., Винок М. Франция — Память. СПб.: Изд-во СПб. университета, 1999. С. 225–295.

Тогоева 2016 — Тогоева О. И. Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны Д'Арк. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 576 с.

Чиглинцев 2009 — Чиглинцев Е. А. Рецепция античности в культуре конца XIX — начала XXI в. Казань: Изд-во Казанского университета, 2009. 290 с.

RECEPTION, DIALOGUE OF CULTURES OR "SATANIC EUROLIBIDO".

Rev.: Bulanin D. M. Zhanna D'Ark v Rossii. Istoricheskii obraz mezhdru literaturoi i propagandoi. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arheo, 2016. 720 p.

Sveshnikov Anton V. — doctor of historical sciences, professor, Department of universal history, Omsk State University (Omsk)

Key words: D. M. Bulanin, Joan of Arc, reception, places of memory, image, secularization, national culture, historical culture.

The review presents an analysis of the monograph by D. M. Bulanin's "Jeanne d'Arc in Russia: A Historical Image Between Literature and Propaganda." In the review it is noted that for all the wealth of the material attracted by the author, the theoretical and methodological grounds for the study raise certain questions.

REFERENCES

Ashaeva A. V., Chiglintsev E. A. Retseptsiiia antichnosti: aktual'nye issledovatel'skie tendentsii v sovremennom zarubezhnom antikovedenii (opyt istoriograficheskogo obzora). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2012, vol. 154, kniga 3, p. 162–171.

Bulanin D. M. *Zhanna D'Ark v Rossii. Istoricheskii obraz mezhdru literaturoi i propagandoi*. Moscow; St. Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2016. 702 p.

Chiglintsev E. A. *Retseptsiiia antichnosti v kul'ture kontsa XIX – nachala XXI v.* Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2009. 290 p.

Togoeva O. I. *Eretichka, stavshaia sviatoi. Dve zhizni Zhanny D'Ark*. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 576 p.

Vinok M. Zhanna D'Ark. Nora P., Ozuf M., Piuimezh de Zh., Vinok M. *Frantsiia – Pamiat'*. St. Petersburg: Izd-vo SPb. universiteta, 1999, p. 225–295.

К. А. Тарасов

Рец.: Бусырева Е. П. Петропавловская крепость в дни революции 1917 года. СПб.: ГМИ СПб, 2017. 164 с.

Ключевые слова: Революция 1917 г. в России, Петроград, Петропавловская крепость.

Рецензируется новое исследование, посвященное роли Петропавловской крепости в Петрограде в революционных событиях 1917 г.

Издательство Государственного музея истории Санкт-Петербурга к 100-летию революции выпустило труд о жизни Петропавловской крепости в 1917 г., подготовленный еще к полувековому юбилею. Справедливо задать вопрос, насколько это актуально — публиковать исследование, написанное в советский период? Насколько оно устарело по прошествии пяти десятков лет? Нужно ответить на эти вопросы однозначно: добросовестно проведенные исследования не устаревают.

Автором книги является Екатерина Петровна Бусырева (1928–1990), выпускник исторического факультета ЛГУ, старший научный сотрудник Государственного музея истории Ленинграда (Санкт-Петербур-

© Тарасов К. А., 2018

Тарасов Константин Андреевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург); senderkeeper@mail.ru

га), в котором проработала с 1954 г. до своей смерти. Это не первое исследование своего бывшего сотрудника, которое выпускает музей. В 2008 г. уже выходила книга, посвященная одному из крупнейших советских архитекторов Л. А. Ильину (Бусырева 2008). Эта работа представляет Е. П. Бусыреву глубоким исследователем истории архитектуры 20–30-х гг.

В основу «новой» книги были положены научно-исторические справки, написанные Е. П. Бусыревой к 1967 г. Подобные справки — это особый жанр музейной работы. Их подготовка являлась начальным этапом создания экспозиции, организации выставки или новой экскурсии. Они составлялись в том случае, если та или иная тема была недостаточно разработана в историографии. Некоторые подобные справки являлись первыми научными исследованиями определенных вопросов, а отдельные из них и до сих пор остаются единственными.

Научные справки Е. П. Бусыревой, вошедшие в книгу, были использованы для подготовки тематической выставки к 50-летию юбилею Октябрьской революции, на их основе сделана методическая разработка экскурсии, проведены занятия с научными сотрудниками и экскурсоводами для освоения нового материала. Экземпляр научной справки поступил в научный архив музея, где и хранился до настоящего времени.

Знание этих подробностей приводит к удивлению от того, каков был уровень подготовки экспозиций в советский период. Автор научной справки использовал материалы из четырех ленинградских и трех московских архивов. Е. П. Бусырева установила связи с оставшимися в живых бывшими солдатами гарнизона Петропавловской крепости, чьи воспоминания теперь хранятся в архиве музея. Нужно также принять во внимание, что текст готовился в те годы, когда еще не существовало ставших теперь классическими работ о Революции 1917 г. Э. Н. Бурджалова, И. И. Минца, В. И. Старцева, Е. Ф. Ерыкалова, коллективной монографии «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде» и др. Е. П. Бусырева провела действительно масштабное исследование, которое смотрится не хуже трудов маститых историков. Ее книга в некоторых аспектах может быть использована и сейчас. Специфика жанра научно-исторической справки приводит к тому, что перед нами насыщенное подробностями микроисследование, в котором как в капле воды отражается история всего Петроградского гарнизона

и армии периода революции в целом.

Сразу необходимо указать на недостаток в подготовке данной публикации: в ней совсем нет комментариев. При публикации текстов полувекковой давности обычно полезно иметь сведения о том, где выводы автора оказались неточны, где они противоречат новейшей литературе. Впрочем, нельзя сказать, что в книге есть какие-то серьезные ошибки, которые бы не соответствовали сегодняшнему знанию проблемы. Более того, тот факт, что работа никогда не публиковалась, позволяет нам увидеть достоинства советской историографии, без ее главного недостатка — цензурных изъятий.

Книга «Петропавловская крепость в дни революции 1917 года» в основном посвящена местному гарнизону. К сожалению, вне поля зрения Е. П. Бусыревой оказалась интереснейшая проблема положения заключенных тюрьмы Трупецкого бастиона. О них упоминается лишь вскользь. Эта тема, однако, получила развитие в статье Н. С. Тихоновой, использовавшей рукопись Бусыревой из научного архива (Тихонова 1997). Вместе с тем в книге детально разобрана повседневная жизнь солдат периода революции. Само по себе обращение к солдатской тематике в советской историографии было незначительным по сравнению с изучением рабочего движения.

Особенно следует отметить внимание автора к биографиям некоторых военнослужащих гарнизона

Петропавловской крепости. Такие краткие справки дают более объемную картину, показывая жизненный путь отдельных солдат до и после революции. В научный оборот вводятся большие выдержки из их ценнейших воспоминаний.

В первой главе сведены вместе данные о гарнизоне крепости: его структура, численность (почти 4 тыс.), вооружение (в основном устаревшее) и даже происхождение военнослужащих и жизненный путь некоторых из них (*Бусырева* 2017: 5–17). В гарнизон в то время входили: управление и канцелярия коменданта крепости, крепостное инженерное управление, солдаты Петроградской крепостной артиллерии, в т.ч. батальон воздушной обороны Петрограда, команда Петроградского артиллерийского склада (Кронверкского арсенала), Петроградская местная команда, Наблюдательная команда, эшелон запасного батальона 3-го стрелкового гвардейского полка. Эти уникальные данные позволяют понять значение Петропавловской крепости, которое ей отводилось в периоды политических кризисов 1917 г. (Там же: 6).

Меньше по размеру и слабее по содержанию глава о революционном движении в крепости накануне революции и в особенности о влиянии большевиков. Сам автор признается, что «сведения, которые удалось собрать по этому вопросу, чрезвычайно скудны» (Там же: 18). Для советской историографии заявление не очень удобное. Однако сейчас мы знаем, что, действительно, накануне Февраля 1917 г. агита-

ция большевиков в столице была осложнена многочисленными арестами, что свело их деятельность среди солдат к минимуму.

Особенный интерес вызывает глава, посвященная участию гарнизона в Февральском восстании. Вопрос о том, при каких обстоятельствах Петропавловская крепость перешла на сторону революции, в современной историографии относится к дискуссионным. Е. П. Бусырева характеризует поведение солдат крепости в период 24–27 февраля как молчаливое сопротивление своему начальству. Это утверждение ближе к истине, чем распространенное мнение об энтузиазме военнослужащих в эти дни или их полной апатии к происходящему. По данным, которые приводит Е. П. Бусырева, выступление началось с команды Петроградского артиллерийского склада. Вечером 27 февраля она оказалась подчиняться своему офицеру, из-за чего с помощью солдат 3-го стрелкового полка была заблокирована в своих казармах (Там же: 33). Утром 28 февраля в крепость прибыл представитель Временного комитета Государственной думы В. В. Шульгин. Ему удалось достигнуть соглашения с комендантом крепости о признании власти Государственной думы (Там же: 37–38). Однако после его отъезда в 10–11 утра, как пишет Е. П. Бусырева, при помощи солдат крепости были открыты ворота, и на ее территорию вошло большое количество демонстрантов. Лишь после этого были освобождены арестованные 26 февраля 19 солдат-павловцев, переведенных из тюрьмы Трубецкого бастиона на гауптвахту. Только то-

гда в Таврический дворец поступило сообщение о том, что крепость капитулировала «на условии неприкосновенности офицерского состава» (Там же: 39–40). Около 12 часов дня по требованию демонстрантов и восставших солдат был открыт Кронверкский арсенал и восставшие стали разбирать оружие (Там же: 47–49).

В следующих главах подробно рассказывается о составе и деятельности солдатского самоуправления крепости – гарнизонного комитета (Там же: 54–65). Эта тема до сих пор слабо изучена, несмотря на некоторые значительные работы советских и зарубежных авторов. На микроуровне Е. П. Бусырева описывает распространение большевистской агитации в Петропавловской крепости. Особое влияние на этот процесс оказала близость штаба партии – дворца Кшесинской, где располагалась Военная организация. Большевикам удалось добиться значительных успехов среди части солдат, однако их влияние не было всеобъемлющим (Там же: 66–82). Подобное заявление для 1967 г. было очень смелым. Для современной историографии, на фоне почти полного отсутствия серьезных работ о деятельности партии большевиков в 1917 г., подробное описание взаимодействия партии и социальной группы имеет свою ценность.

Ощутимым недостатком публикации является отсутствие главы, посвященной событиям 3–5 июля в Петрограде. Такой серьезный недочет бросается в глаза даже при простом ознакомлении с оглавлени-

ем: после главы о марте – июне сразу идет август – сентябрь. Вместе с тем этот эпизод является ключевым в истории Революции 1917 г., а роль Петропавловской крепости в нем значительна. Когда 3 июля 1917 г. на улицы выступили солдаты 1-го пулеметного полка, одна из его рот в первую очередь заняла крепость для усиления караула и охраны складов оружия (*Знаменский* 1964: 65; *Рабинович* 1992: 178). Это был важный шаг, по-видимому, продиктованный Военной организацией большевиков, для того чтобы оружие не досталось потенциальным противникам. На следующий день к охране штаба большевиков и Петропавловской крепости добавилось два броневика, блокировавшие входы в крепость. В ночь на 5 июля здесь также разместились матросы, прибывшие из Кронштадта для участия в уличных демонстрациях (*Рабинович* 1992: 213).

Утром 5 июля, когда движение пошло на спад и от имени партии большевиков было сообщено о прекращении демонстраций, по договоренности с лидерами Петроградского Совета, солдаты и матросы должны были сдать Петропавловскую крепость (Там же: 230). Однако кронштадтцы и пулеметчики отказались сдать. Когда распространились известия, что Временное правительство приступило к ликвидации беспорядков, гарнизон крепости принял решение поддержать большевиков. Утром 6 июля, готовясь оказать сопротивление, остатки сил партии перешли в крепость. Однако после переговоров при посредничестве Сталина, в связи с протестами

солдат 3-го стрелкового полка, матросы вынуждены были сложить оружие и сдать крепость правительственным войскам (Там же: 232).

Почему эти важнейшие события не попали в книгу? Судя по ссылкам, Е.П. Бусырева активно работала с материалами Следственной комиссии по расследованию вооруженного выступления солдат Петроградского гарнизона 3–5 июля, находившимися в советское время на особом хранении. Быть может, цензура или самоцензура все-таки имела место? Вероятно, однако, ответом на этот вопрос может быть фраза в предисловии, что «текст публикуется в том виде, в каком его завершил автор к 1967 г.» (*Бусырева* 2017: 4). В фондах Научного архива хранится папка «Материалы к научной справке часть IV “Петропавловская крепость в июле 1917 года”». Это машинописный текст с авторскими правками, где подробно описаны события 3 и 4 июля, множество выписок из документов. Можно предположить, что закончить главу об июльских событиях Е.П. Бусырева не успела либо предполагала доработать. Во всяком случае, итоговый вариант этой главы на момент публикации не был обнаружен в архиве.

Значительное место в книге уделено участию Петропавловской крепости в Октябрьском перевороте. Из историографии мы знаем, насколько было важно для Военно-революционного комитета овладеть этим пунктом. До последнего момента настроение гарнизона было колеблющимся. В книге Е.П. Бусыревой подробно рассказано о том,

какое влияние оказало появление комиссаров ВРК М.К. Тер-Арутюнянца и Г.И. Благодрава на солдат. Вновь на микроуровне можно увидеть, как строилась работа представителей новой военной власти с воинскими частями. Комиссарам удалось добиться подчинения благодаря апелляции к гарнизонному собранию и тем самым сломить сопротивление гарнизонного комитета и офицеров (Там же: 104–116). Подробно рассказывается и о митинге 24 октября в цирке «Модерн» для солдат самокатного батальона, введенных в крепость после Июльских дней и остававшихся верными правительству. Это ключевое событие очень часто упускалось из виду в советской историографии, поскольку в нем большую роль сыграл ораторский талант Л.Д. Троцкого. В книге Бусыревой среди выступавших на митинге упомянут и этот «крамольный» революционер (Там же: 118–122).

Как известно, Петропавловская крепость стала вспомогательным штабом действий против Зимнего дворца. Вероятно, этот эпизод из жизни крепости является наиболее изученным. Однако в данном случае книга Е.П. Бусыревой дополняет давно устоявшуюся картину одной немаловажной подробностью. Хорошо известна история о том, что в распоряжении комиссаров ВРК в крепости оказались лишь устаревшие образцы артиллерии, которые к тому же были неисправны. Однако автором было установлено, что в крепости находились более новые образцы. О них не знал комиссар Г.И. Благодрав, а команда Петроградской крепост-

ной артиллерии не поставила его в известность. Е. П. Бусырева сделала вывод, что имел место саботаж действий комиссара со стороны офицерства (Там же: 126–127).

Наконец, на основе воспоминаний солдат крепости в книге объясняется, почему между предъявлением ультиматума Временному правительству и началом стрельбы со стен крепости прошло более 4 часов, хотя на раздумье давался гораздо более короткий срок. Ответа на этот вопрос в историографии до сих пор не было. Согласно приведенным Е. П. Бусыревой свидетельствам, после того, как был предъявлен ультиматум и войска ВРК заняли штаб Петроградского военного округа на Дворцовой площади, около 8 часов вечера комиссар В. А. Антонов-Овсеенко составил второй ультиматум, который был передан в Зимний дворец. Лишь когда на него не поступило ответа, после 9 часов вечера с крепости был дан сигнал к штурму и начат обстрел из пулеметов, а в 11 часов вечера штурм был поддержан стрельбой из орудий (Там же: 134–136).

Исследование Е. П. Бусыревой, конечно, не может радикально изменить наше представление о революционных событиях 1917 г. Мы уже довольно много узнали за прошед-

шие 50 лет с момента написания научной справки. Однако эта работа не останется лишь феноменом историографии. В определенных аспектах она дополняет общую картину, добавляет к ней нюансы. В ситуации, когда изучение солдатского движения и партии большевиков в 1917 г. перестало пользоваться популярностью, крайне важно появление подобных работ, сделанных на самом высоком уровне. В любом случае следует поддержать Государственный музей истории Санкт-Петербурга в этом начинании. Благодаря этой деятельности уникальные исследования смогут, наконец, стать известны широкому кругу заинтересованных читателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бусырева 2008 — Бусырева Е. П. Лев Ильин. СПб.: ГМИ СПб., 2008. 256 с.

Бусырева 2017 — Бусырева Е. П. Петропавловская крепость в дни революции 1917 года. СПб.: ГМИ СПб., 2017. 164 с.

Знаменский 1964 — Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. М.; Л.: Наука, 1964. 272 с.

Рабинович 1992 — Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М.: Республика, 1992. 270 с.

Тихонова 1997 — Тихонова Н. Узники двух революций в Петропавловской крепости // Новый журнал. 1997. № 1. С. 80–99.

Rev.: Busyreva E. P. Petropavlovskaya krepost' v dni revolyutsii 1917 goda. St. Petersburg: GMI SPb, 2017. 164 p.

Key words: the Russian revolution of 1917, Petrograd, Peter and Paul Fortress.

A new study devoted to the role of the Peter and Paul Fortress in Petrograd in the revolutionary events of 1917 is reviewed.

REFERENCES

Busyreva E. P. *Lev II'in*. St. Petersburg: GMI SPb., 2008. 256 p.

Busyreva E. P. *Petropavlovskaja krepost' v dni revoliutsii 1917 goda*. St. Petersburg: GMI SPb., 2017. 164 p.

Rabinovich A. *Krovavye dni. Iiul'skoe vosstanie 1917 goda v Petrograde*. Moscow: Respublika, 1992. 270 p.

Tikhonova N. Uzniki dvukh revoliutsii v Petropavlovskoi kreposti. *Novyi zhurnal*, 1997, no. 1, p. 80–99.

Znamenskii O. N. *Iiul'skii krizis 1917 goda*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964. 272 p.

ЗАМЕТКИ О НОВОЙ КНИГЕ ПО ТЕОРИИ ФЕОДАЛИЗМА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Ключевые слова: историография, историческая наука, история идей, русский феодализм, феодальное общество, вотчина, удел, иммунитет, В. А. Муравьев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев

Эти заметки посвящены историографии теорий феодализма в русской и советской исторической науке, исследуется их бытование в контексте исторических школ и отношений историков, их профессиональной идентификации. С позиции истории понятий предпринята попытка показать многосложность русского феодализма, оказавшегося одной из центральных тем для исторических исследований XX в., относительно которой историками определялся путь исторического развития России.

В издательстве «Квадрига» в серии «Исторические исследования» вышла в свет книга «Теории феодализма в России в русской историографии». Это издание — публикация кандидатской диссертации историка Виктора Александровича Муравьева (1941–2009), в известной мере может служить историографическим памятником эпохи оттепели в исторической науке. Не говоря уже о том, что сама тема этого исследования относилась к числу «вечных» сюжетов советской историографии.¹

© Максаков В. В., 2018

Максаков Владимир Валерьевич — старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания в начальной школе Института детства МП ГУ (Москва); Houston1836@gmail.com

* Эту скромную работу я бы хотел посвятить светлой памяти Елены Викторовны

В рамках «феодализма» как направления исследований советские историки создавали целые научные школы, соглашались или спорили друг с другом, а главное — определяли свою позицию по отношению ко всей предшествующей историографии. Практически каждый советский историк должен был так или иначе высказаться о русском феодализме просто потому, что тот, согласно марксистско-ленинской теории истории, закончился только в середине XIX в. Как писал в свое время М. Ф. Владимирский-Буданов, «для действия феодальных

Чистяковой (1921–2005), которая впервые познакомила меня с удивительным миром древней русской истории. Приношу искреннюю благодарность моему учителю и другу Юрию Львовичу Троицкому, уточнившему многие положения этой статьи.

порядков отводится около 700 лет (т. е. 2/3 исторической жизни России) — время, достаточное для проявления столь важной и столь выпуклой черты политического и социального быта» (*Владимирский-Буданов* 2005: 337).

Таким образом, В. А. Муравьев работал с темой и ответственной, и обязывающей, находившейся в центре острых методологических дискуссий, а вместе с тем и предоставлявшей автору всю возможную по меркам той эпохи свободу в исторической науке.

Думается, едва ли не главной целью в работе об историографии русского феодализма становилось установление его периодизации, что в принципе выводило на проблему непрерывности и разрывов в истории. Предметом изучения становились и частные теории феодализма, встроенные в общие монументальные труды Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Перед исследователями неизбежно вставал и вопрос о переходе от феодализма к капитализму — это был поистине камень преткновения для российской и советской историографии. С этой точки зрения В. А. Муравьев выделял два ключевых направления русской исторической мысли.

Первое, разработанное близкими к славянофилам историками, не признавало существования «феодализма» в России, исходя из его чуждости как исторического явления, а во главу угла ставило — пусть и в зачаточном состоянии — метод историзма. При этом, как отметил

В. А. Муравьев, эти историки проделали важную работу, показывая неприемлемость механистического сращивания историографического термина «феодализм» с материалом русской истории, справедливо указывая на невозможность простой замены исторических реалий Европы на их русские аналоги.

С высоты сегодняшнего дня велик соблазн найти в этих взглядах «далековатое сближение» с теоретическими построениями Марка Блока, считавшего феодализм «преимущественно, если не исключительно, западноевропейским феноменом» (*Блок* 2003: 434). Из русских историков первым обратил внимание на это Н. М. Карамзин: «система <...>, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как государи в своих уделах» (*Карамзин* 1989: 95). Интересно отметить прозорливость этого сравнения нашего «последнего летописца»: «германские народы» под его пером не противопоставлены романским, о которых преимущественно писал Марк Блок, а норманны-варяги, также родственные германцам, включают и начало российской истории в орбиту Европы. Б. И. Сыромятников, один из героев диссертации В. А. Муравьева, считал одной из причин упадка Киевской Руси «перенесение торговых путей из Скандинавии и Европы на Запад, которое потрясло экономический базис русского общества» (*Муравьев*

2017: 278) и критиковал «целый ряд “шаблонных” для историографии XVIII в. сравнений, где на одну доску ставились великий князь Ярослав и византийский император Феодосий, Святополк и Калигула, Иван Грозный и Людовик XI, Петр I и Карл Великий, Алексей Михайлович и Франциск I», что косвенным образом было направлено против господствовавшей марксистско-ленинской точки зрения на «единство исторического процесса» (Там же: 35). В свою очередь, Н. П. Павлов-Сильванский, чье наследие В. А. Муравьев изучил детально, в германском и франкском иммунитетах «нашел как сходства, так и отличия, и пошел по пути анализа неясных сторон иммунитета» (Там же: 185); как отметил один из его рецензентов: «Отдельные институты, аналогичные феодальным, возникали у нас в иной последовательности и связи, и, благодаря этому, русский удельный строй содержал в себе много черт и учреждений, которые могут быть подведены под понятия феодализма в широком его смысле, и все же очень далек от того феодализма, который развился в Западной Европе» (Там же: 206).

В. А. Муравьев впервые в советской историографии феодализма по достоинству оценил это стремление к «спецификации» русской истории, оказавшееся в итоге весьма плодотворным. Впрочем, здесь советскому историку грозила методологическая ловушка: отрицание феодализма в истории России или разрушало классическую марксистско-ленинскую теорию истории России, или же приводило к признанию особого «русского пути» («ази-

атский способ производства в России»), против которого выступала официальная историческая наука. Само наличие эпохального рубежа между феодализмом и капитализмом обозначало разрыв в исторической традиции, за преемственность которой выступали консервативно настроенные историки. В своем пределе эта установка на непрерывность исторического развития России могла бросить вызов ленинским взглядам на историю: стоило с достаточной убедительностью показать неразвитость капитализма в России на фоне господствующих (квази)феодальных структур, как под удар ставилась и возможность перехода к социализму, а пролетарский характер революции уступал место крестьянскому. В. А. Муравьев позволил себе максимальную по тем временам объективность в отношении консервативного направления дореволюционной историографии.

Историки, примыкавшие к западникам, находили общее в историческом пути России и Европы, противостоя взглядам на русскую «особность» и руководствуясь при этом сравнительно-историческим методом. Казалось бы, их периодизация должна была вполне устраивать идеологов советской исторической науки, если бы не два «но», также отмеченные В. А. Муравьевым. Во-первых, признававшие русский феодализм историки пришли к своим выводам не только независимо от классиков марксизма-ленинизма, но и за несколько десятилетий до них (в связи с этим В. А. Муравьев вынужден был писать о некоторых «элементах» марксистско-ленинской теории, присутствовавших

в работах русских историков XIX в.), а официальная советская наука лишь «подправляла» и «уточняла» их взгляды. Во-вторых — и это главное, — нельзя было игнорировать тот очевидный факт, что множество реалий Древнерусского государства выламывалось из классической схемы. Эту ситуацию констатировал уже М. Ф. Владимирский-Буданов: «Вся теория является делом будущего, а пока прочим исследователям отечественной старины приходится только ждать, имея перед собой громадное количество исторических фактов, не согласных с этой теорией, или по крайней мере еще не примиренных с нею» (*Владимирский-Буданов* 2005: 343). Позже, в советской исторической науке, на это обращал внимание И. Я. Фроянов, делая поправку на субъективный характер историографии: «Желание историка видеть древнерусский город похожим на западноевропейский обернулось мертвой схемой...» (*Фроянов* 1995: 17). (Ad marginem сравнительно-исторического и национального подходов в теории феодализма находится интересная, но спорная гипотеза о заимствовании институциональных феодальных форм одним государством у другого). В свою очередь, изменение понятий в теории феодализма приводило к разрушению всего стройного здания теории. Обе исторические концепции — «славянофильская» и «западническая» — диктовались, в частности, историческим презентизмом (т. е. стремлением выразить через историю современные идеологические представления) и опирались во многом на идеологемы русской общественной мысли, что отмечали

еще историки конца XIX — начала XX в.: «И славянофилы, и западники в постройке исторических теорий прошлого руководились политическими соображениями о целесообразном устройстве будущего» (*Тараповский* 1902: 45).

Советская теория феодализма даже в работах, вышедших после известных споров 1969 г. о генезисе капитализма (назовем хотя бы обобщающие труды А. Н. Неусыхина, Л. В. Черепнина, И. Я. Фроянова²), не смогла разрешить коренное противоречие самоидентификации: несмотря на признание русского феодализма и его важной роли³, советские историки были обречены на «спрямление» сложного пути исторического развития России, а главное — так и не смогли соединить общетеоретические построения с национальной историей. Рискуя обобщить, напомним, что в целом марксистско-ленинская историография была если и не телеологической, то «финалистической», т. е. подразумевавшей в качестве единственного и закономерного итога предшествующего исторического развития нынешнее положение вещей, в частности диктатуру пролетариата. Таков был историографический контекст кандидатской диссертации, посвященной

² Кстати, одно из ярких положений теории последнего об изначальном рабстве в Древней Руси было сформулировано еще Б. И. Сыромятниковым: «Феодальная эпоха освободила рабов и закрепила свободных...» (*Муравьев* 2017: 276).

³ Примыкая тем самым к условному «либеральному» и противостоя «консервативному» направлению дореволюционной исторической мысли.

теориям русского феодализма конца XIX – начала XX в.

В.А. Муравьев первым в советской историографии отметил два важнейших следствия из этого методологического парадокса, выходящих далеко за рамки злободневных споров в советской исторической науке: он вернулся к вопросу о терминологии феодализма и привнесенных извне категориях языка истории. К примеру, можно ли говорить о ключевой социальной группе феодализма, сервах, применительно к Киевской Руси (считающейся «классическим» феодальным периодом русской истории) при том, что даже «Русская правда» различает холопов и смердов – другое дело, что мы не можем со всей точностью установить это различие? Преодолеет это разделение между европейским «феодализмом» и русским «удельным периодом» Н.П. Павлов-Сильванский: «Трудность сравнения в этой области состояла прежде всего в том, что никто из русских историков не решался всерьез проводить какие бы то ни было аналогии между “полурабским” серважем во Франции и русским “свободным” крестьянином» (Муравьев 2017: 183). Отметим, что сам язык историописания и сравнительно-исторических исследований был взят из реалий западноевропейского феодализма, что априори ограничивало представления историков о древнерусском обществе, а Павлов-Сильванский «нигде не ставит вопроса, как относится его теория к установленным ныне воззрениям на историю русского государственного порядка» (Владимирский-Буданов 2005: 338), т. е. избегает спора о феодальном государстве.

В.А. Муравьев подчеркивал, что уже И.Н. Болтин работал, по сути, с такими устоявшимися понятиями, как «феодальное правление» и «феодальное право», перенося их на область национальной истории. Другим важным следствием, отмеченным В.А. Муравьевым, была проблема синхронии феодализма: совпадали ли во времени европейский и русский «феодализмы» или наш развивался с некоторым опозданием? И не является ли в таком случае русский феодализм не столько собственно историческим периодом, сколько отрезком во времени с размытыми границами и неточными характеристиками? Первым в русской историографии обратил на это внимание Н.М. Карамзин в предисловии к «Истории государства российского», когда связал воедино хронологию и «характер» эпохи: «Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на Древнейшую от Рюрика до Иоанна III, на Среднюю от Иоанна до Петра, и Новую от Петра до Александра. Система уделов была характером первой эпохи, единовластие – второй, изменение гражданских обычаев – третьей» (Карамзин 1989: 21).

Вновь трудно не отметить пересечение мысли В.А. Муравьева и Марка Блока: «Привычка, укоренившаяся даже у историков, стремится смешать самым досадным образом два выражения: “феодальная система” и “сеньориальная система”. Это целиком произвольное уподобление комплекса отношений, характерных для господства военной аристократии, типу зависимости крестьян, который полностью

отличается по своей природе и, вдобавок, сложился намного раньше, продолжался дольше и был гораздо более распространен во всем мире» (Блок 1986: 97.). В России одним из первых писал об этом еще М. Ф. Владимирский-Буданов, призывая не путать «феодализм, знакомый нам по истории средневековой Западной Европы, <...> и всемирно-историческое явление смещения государственных и частных начал права».

Методологии исторического исследования отводится, пожалуй, главное место в работе В. А. Муравьева, справедливо указывающего на разницу между отчасти умозрительными построениями конца XVIII – начала XIX в. и «глубинным источниковедением» историков, писавших через сто лет. И только Н. П. Павлов-Сильванский «проанализировал сходство “спектральных линий” западноевропейского феодализма и русских политико-юридических порядков, придя к таким обобщениям и обнаружив такие закономерности в источниках, которые не потеряли значения и до сих пор для установления внешней картины феодальных порядков» (Муравьев 2017: 190). Любопытно, что В. А. Муравьев для сравнения с феодализмом использует здесь понятие «политико-юридические порядки», вновь акцентируя внимание на терминологическом аспекте историографии (и трудно не увидеть его предшественников в представителях юридической школы).

Для большинства теорий русского феодализма XIX в. характерна схема параболы, иллюстрирующая дви-

жение государственного строя (или формации) не только вперед, но и вниз. В этом смысле феодализм виделся как еще одно «среднее» время между двумя периодами монархического правления (а с точки зрения марксизма – еще и как эпоха закрепощения крестьян): «Раздробление власти и переход ее к помещикам принято называть феодализмом» (Владимирский-Буданов 2005: 342). Раздробленность на Руси могла быть «удельно-феодальной» прежде всего в силу своего положения между едиными, целостными государствами – Киевской и Московской (или, в некоторых вариациях, Северо-Восточной) Русью. Н. М. Карамзин, к примеру, считал удельной и в то же время феодальной древнейшую Русь («вместе с верховною княжескою властью утвердилась в России, кажется, и система феодальная, поместная, или удельная»), призывавшую варягов, в частности, для того, чтобы положить конец междоусобицам, характерным для периода раздробленности.

В этой историографической ситуации становится понятным обращение В. А. Муравьева к двум ярким, но не самым известным фигурам в российской исторической науке: Н. П. Павлову-Сильванскому и Б. И. Сыромятникову. Оба эти историка, как доказывает В. А. Муравьев, имели мужество – каждый в свое время – пойти вразрез с господствующей исторической теорией. Но для советской исторической науки важнее было другое: и Павлов-Сильванский, и Сыромятников «по праву» оказывались среди предшественников марксистско-ленинской историографии феода-

лизма: «Вместо отступивших “националистических предрассудков” появилось понятие европейской цивилизации, общепринятой стала периодизация мировой истории на древний мир, средние века, новую историю» (Муравьев 2017: 232).

Как же это происходило с точки зрения В.А. Муравьева? По его мнению, изначальный «социально-экономический базис» их исследований (предвосхищавший – *mutatis mutandis* – некоторые открытия школы «Анналов») уходил от попыток реконструкции древнерусского способа производства, свойственных историкам, утверждавшим самобытный характер «удельного периода» русской истории, и принимал во внимание совокупность, множественность факторов политической, социальной и экономической истории. Таким образом, согласно концепции В.А. Муравьева, Павлов-Сильванский и Сыромятников становились непосредственными предшественниками советской историографии. Еще одним основанием для их исторической «легитимации» для советской науки служила их методология – историзм с элементами сравнительно-исторического исследования. Признание или непризнание феодализма в России становилось ответом на вопрос о «нормальности» российского исторического пути в сравнении с европейским, и обращение к соответствующему методу здесь напрашивалось само собой.

Сейчас остается только удивляться этой аберрации, когда надо было «узаконивать» не «потомков», а «отцов-основателей», но переход

от «буржуазно-либеральной» к советской историографии был еще одной важной темой В.А. Муравьева в «Теориях феодализма в России». «Народничество, перейдя в терроризм, отказалось от социализма. Марксизм, перейдя в большевизм, отказался от социализма» (Там же: 235), – эта «наскоро набросанная мысль на клочке бумаги», принадлежавшая Б.И. Сыромятникову, могла быть, как нам кажется, процитирована исключительно во времена оттепели, т.к. говорила многое не только о мировоззрении автора, но и о его методологии: будучи противником марксистов на политической арене, он спорил с ними и в исторической науке. В.А. Муравьев всецело отстаивал принципы учительства и преемства (будучи учеником учеников тех, о ком писал), не разделяя радикальный взгляд на «отказ от наследства».

В известной в свое время полемике между Б.И. Сыромятниковым и Б.Д. Грековым (сам по себе крайне интересный историографический сюжет) В.А. Муравьев, как нам думается, должен был встать на сторону первого: в его книге практически нет упоминаний о грековской «Киевской Руси». Возможно, чтобы избежать конфликта интерпретаций между устоявшимся после историографических споров советским пониманием «русского феодализма» и теми смыслами, которые вкладывала в это понятие дореволюционная историческая наука, В.А. Муравьев при этом и сам избегает точного определения феодализма (если не считать таковым обязательную ссылку на классиков марксизма-ленинизма).

В.А. Муравьев впервые за долгое время вернулся к историографии как к «историям историков», а не как к обезличенной схеме направлений и течений. Этим объясняется его пристальное внимание к биографическим контекстам работы Павлова-Сильванского и Сыромятникова, а за ними также М.Н. Покровского и М.С. Ольминского. «Времен связующая нить» оказывается не прерванной в руках ее хранителей — историков, и в храме их науки, Историко-архивном институте (85-летию которого и посвящено издание кандидатской диссертации В.А. Муравьева).

Особое положение в концепции русской историографии феодализма, предложенной В.А. Муравьевым, занимает Н.П. Павлов-Сильванский. Вписывая его научное творчество в контекст эпохи первой русской революции, ученый, по сути, включается в полемику о непрерывности и разрывах в российской истории. Одним из последних — и самых глубоких — и была революция 1905–1907 гг., после которой и стала возможной теория Павлова-Сильванского об уже прошедшем феодализме, не отзывающемся в сегодняшнем дне никакими «пережитками»: будучи «едва ли не единственным буржуазным историком в начале XX в., отстаивавшим наличие феодальных отношений» в Древней Руси, он продолжал настаивать на «завершенности» феодализма.

Сегодня очевидно, что В.А. Муравьев сказал о Н.П. Павлове-Сильванском больше, чем хотел. Как уже отмечалось, этот историк вплотную подошел ко многим основополагаю-

щим тезисам школы «Анналов». Сочетая методологию «социологического экономизма» и исследования по темам «долгого исторического времени», он умел «тонко чувствовать и находить параллели, систематизировать факты одновременно в различных направлениях и неожиданно переходить к глубоким обобщениям», в его работах проявилось «умение найти твердые грани предмета в его общеисторическом и национально-историческом проявлениях» (Муравьев 2017: 133).

В.А. Муравьев справедливо указывал на то, что «долгий» феодализм был продолжительнее, к примеру, периода удельной раздробленности или собирания земель. В трудах Павлова-Сильванского есть остроумное доказательство этой точки зрения: отмечая, «как близко совпадали система поместной службы, установленная Иоанном Грозным, с порядками службы бенефициальной при Карле Великом», историк говорит фактически о том, что если эпохе Карла Великого в русской истории соответствовало время Ивана Грозного, то развитие русского феодализма пришлось на XVII и XVIII вв., что вполне укладывалось в марксистско-ленинскую теорию. Термин «собирание земель», получивший современное толкование в те же 1940-е гг., также крайне интересен: речь идет о собирании не княжеств, но именно земель, хотя «княжое право» оставалось в то время в силе и не совсем понятно, какие «земли» имеются в виду (ведь не форма же владения землей, в самом деле?).

Феодализм как историческое понятие обязывал к определенной мето-

дологии и системе взглядов. Стоило ученому использовать этот термин в научном словоупотреблении, как он сразу же расписывался в своей научной ангажированности, что придавало высокий градус полемики между Н.П. Павловым-Сильванским и его оппонентами. По этому поводу М.Ф. Владимирский-Буданов вынужден был заметить, что «мысль о существовании на Руси феодализма, прежде признаваемая некоторыми (Павлов-Сильванский говорит главным образом о С. М. Соловьеве), впоследствии подверглась незаслуженному остракизму, так что между серьезными учеными “не принято” упоминать о ней» (*Владимирский-Буданов* 2005: 337).

Частичное же «признание» Павлова-Сильванского одним из проводников материалистического воззрения на феодализм позволяло Муравьеву по достоинству оценить его место в российской историографии. Но «смычкой» (хоть и неполной) с марксизмом научные достижения Н.П. Павлова-Сильванского далеко не исчерпывались. Раз он был «буржуазным» ученым, который смог перерасти свою «ограниченность», то его путь выгодно отличался от научных траекторий других историков. На этом фоне интересно одно «умолчание» В.А. Муравьева, не включившего в библиографию произведений Н.П. Павлова-Сильванского его итоговый этюд о феодализме в сборнике «История Европы по эпохам и странам в Средние века» (СПб., 1907). Разумеется, это не случайность: в уже цитировавшейся статье М.Ф. Владимирского-Буданова, с которой Муравьев был знаком, эта «новая работа» упоминается и рецензент «при-

носит извинения» за то, что не успел с ней ознакомиться. Можно только предположить, что это итоговое слово выдающегося русского историка, предлагавшее новую периодизацию русского феодализма, слишком противоречило марксистско-ленинской концепции, чтобы быть представленным в кандидатской диссертации — напомним, что В.А. Муравьев стремился показать преемственность советской историографии и, таким образом, «вернуть» Павлова-Сильванского в историческую науку. Иллюстрируя «исторический презентизм» Н.П. Павлова-Сильванского (как и многих других его современников), В.А. Муравьев избегал традиционной для советской историографии ловушки, объяснявшей взгляды историков на прошлое комплексом политико-социально-экономических причин. Под его пером историографическая картина не просто усложняется, но во многом получает и другое измерение: так, специалист по феодализму Н.П. Павлов-Сильванский, при всем своем недовольстве современностью, искал и находил надежду на будущее прежде всего в историческом «былом» и «годах минувшего» (не случайно, что этим обращением к истории были названы лучшие интеллигентские журналы эпохи).

Подытожим сказанное. Во время оттепели советская историческая наука оказалась в на редкость благоприятных условиях. Остались в прошлом две самые идеологически ангажированные дискуссии — о Киевской Руси и об образовании русского централизованного государства, но во многом не был преодолен методологический тупик историографии:

«признание» феодализма, необходимое в рамках марксистско-ленинской теории, шло в ущерб требовавшемуся от историков признанию «национального характера» русской истории (что, по словам «космополита» Б. И. Сыромятникова, привело к «национальному отчуждению и незнакомству с путями развития чужеземной культуры» (Муравьев 2017: 232)). Самые яркие представители советской историографии не хотели «встраивать» русский феодализм в абстрактную схему (и в этом напоминали дореволюционных ученых), но были вынуждены делать это в поисках «исторических законов». Эта смысловая нагрузка могла появиться только в формационном подходе — русский феодализм в советской исторической науке имел право на существование исключительно в прокрустовом ложе марксистско-ленинской теории, во всех остальных случаях русская история отличалась самобытностью необычайной. Виктор Александрович Муравьев был одним из первых историков, сумевших пройти между Сциллой «социально-экономической формации» и Харибдой «национального характера» в своей поистине драматической по теме диссертации, напомнив о великой исторической науке, существовавшей в России до 1917 г. и вплотную приблизившейся к пониманию русской истории.

ЭКСКУРС. К ИСТОРИЧЕСКОМУ СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ «ФЕОДАЛИЗМ»

В качестве подтверждения относительности самого термина «феодализм» можно привести разницу

в европейском и древнерусском вассалитете. Если для классического феодализма Англии и Франции определяющим был принцип «вассал моего вассала — не мой вассал» (историки-просветители, в частности Дэвид Юм, выводили из него право дворян на личную неприкосновенность), то «княжое право» в Древней Руси распространялось как на бояр, так и на всех членов дружины — все они и зависимые от них люди были вассалами князя, а дружинники еще к тому же и не имели земли. Об этом свидетельствует, к примеру, исключительное верховенство княжеского суда в Русской правде, хотя мы и не можем со всей точностью определить область правоприменения первого русского свода законов. Только в «Московской монархии», по мнению Б. И. Сыромятникова, «княжое управление» не распространялось на «беломестцев, бояр, которые ушли “князьками” и творили суд в своих владениях» (Муравьев 2017: 276). Все это согласуется и с представлением о «долгом времени» феодализма, историческая «цель» которого состояла в создании централизованного государства с сильной властью — а оно, в свою очередь, должно было положить конец господству феодальных отношений (М. Ф. Владимирский-Буданов писал: «самодержавие и феодализм — два понятия несовместимых. Из них надо выбрать какое-нибудь одно» (Владимирский-Буданов 2005: 339)). Как же в таком случае объяснить «продолжение» феодализма даже в XIX в.? Очевидно, что советская историография должна была прибегать к «издержкам» и «перехиткам».

Исторической параллелью для понимания феодализма как определенного периода в истории служит полюдь, когда князь в качестве «сеньора» фактически нарушал право «вассала» на иммунитет. Великий князь был старшим в роде Рюриковичей, и только посмертное титулование Ярослава Мудрого «великим» означало, что он владел также и всеми волостями Руси, то есть имел своего рода верховную собственность на землю.

Положение изменилось только в контексте монголо-татарского ига: «между Русью до и после XIII в. целая пропасть, которую наполнить можно было чем-нибудь внешним, не лежавшим в органическом развитии нашего древнейшего быта», — цитировал С. М. Соловьев К. Д. Кавелина (отметим, что метафора «пропасти» также указывает на вершину параболы, традиционной схемы в истории русского государства, «естественным» образом развивающегося из «древнейшего быта»). Таким образом, «великие князья показывают ясно, что они добиваются не старшинства, но силы», и прежний авторитет великого князя как старшего в роду уступает место ярлыку на великое княжение, дававшемуся самому могущественному князю на Руси. Развивая свою мысль, С. М. Соловьев пишет: «Каждый князь, получив область Владимирскую, старается увеличить свою собственность на счет других княжеств» (Соловьев 1988, 2: 186). Тем самым великое княжество Владимирское перестает отождествляться с единой Русской землей, а ему на смену приходит бывшее удельное княжество Московское, которому суждено «вырасти» до размеров Руси.

Это изменение, судя по всему, тесно связано как с появлением служилых князей, «дополнявших» великих и удельных не только родственными связями, но и отношениями службы, так и с попыткой собрать в своих руках землю — возможно, именно в это время правители удельных княжеств впервые осознают важность собственности на личное земельное владение (за это наблюдение приношу глубокую благодарность М. П. Одесскому). Получив удел, князья руководствуются желанием сохранить его не в рамках рода, а в границах семьи: «Когда эта мысль, конечно бессознательно, наконец укрепилась и созрела, территориальные, владельческие интересы должны были одержать верх над личными, т. е., по-тогдашнему, кровными и родственными...» (Соловьев 1988, 1: 650). В свою очередь, это приводит к крайне скупой раздаче княжеских столов в реалиях Московской Руси. Служилый князь, посаженный владельческим и обладавший иммунитетом для смесного суда, управлял своим столом как уделом, а не вотчиной. В то время как князь становился «собственником» земли, только и обретал смысл иммунитет, гарантировавший от княжеского вмешательства уделы членов семьи великого князя и монастырские владения. Как писал Б. И. Сыромятников: «Феодальная эпоха — это эпоха господства “власти земли”», при этом он связывал иммунитет «с обработкой боярской земли холопами» (Муравьев 2017: 270). Это интересно сравнить с тем, что Н. П. Павлов-Сильванский называл «окняженьем» земли в противоположность «обоярению», имевшему место в Европе.

Возможно, иммунитет подменялся традиционными правами неприкосновенности земли — даже в XII в. князья боролись друг с другом не столько за земельное владение, сколько за более или менее ценные столы, причем в силу господства всего рода великий князь был просто «старшим» по отношению к «младшим» (кажется, на таком образом понимаемое «княжое право» ссылался Олег Гориславич в своем заочном споре с Владимиром Мономахом). Только служилый князь, сам некогда бывший владельцем, а ныне подчиненный великому по вассальной иерархии и не связанный с ним при этом родственными отношениями, находил свое место в теории русского феодализма, т. к. его положение объяснялось уже не логикой рода. Вне ступеней вассалитета нет и феодальных связей, а большинство русских историков, писавших о феодализме, ориентировались все-таки на классические образцы государств средневековой Европы, между тем как Н. П. Павлов-Сильванский отрицал «сословную организацию общества». «Первичный» вассалитет как основа русского феодализма по-прежнему остается камнем преткновения для историков.

Складывается впечатление, что каким-то иммунитетом обладало население волостей, не подвергавшееся грабежу и насилию со стороны «чужого» князя. Не исключено, что здесь как-то сказывались зависимые отношения смердов от князей — те их не грабили, и не случайно еще И. Н. Болтин выводил иммунитет из особого положения вотчинника, С. М. Соловьев писал о «старшей»

вотчине как наследстве родового права старших же дружинников и бояр, а Н. П. Павлов-Сильванский и вообще связывал воедино «иммунитет-суверенитет», на что М. Ф. Владимирский-Буданов возражал: «Иммунитет, как бы широко он ни применялся на Руси, <...> не превращался в суверенитет» (Владимирский-Буданов 2005: 341). Да и взятие и разорение Киева войсками Андрея Боголюбского выглядит как вопиющий произвол на фоне эпохи — и уж не предвосхищает ли его самовластие единодержавия московских князей? Нельзя не отметить и странные (иммунитетные?) условия, выговаривавшиеся «людьми» в крестоцеловальных записях, составлявшихся при вокняжении. Судя по всему, они показывают все еще существовавшие ограничения княжеской власти и необходимость точного соблюдения не всегда ясных прав и обязанностей. И здесь, вероятно, произошло обратное движение от практически неограниченной власти князя согласно Русской правде к существенным властным потерям в ходе «феодальной раздробленности».

Наконец, с точки зрения историографии, советские историки с подачи Б. Д. Грекова успешно доказали казавшуюся им очевидной истину: если, несмотря на постоянные междоусобицы, продолжался экономический рост в княжествах, то, следовательно, феодализм был именно социально-экономической формой, продуктивной в то время, а не только хронологическим периодом истории. По остроумному наблюдению С. М. Соловьева, формулировка в крестоцеловальной записи «на

всей твоей воле» подразумевает уже исключенные условия, а само наличие таких клятв является в конечном итоге существенным ограничением княжеской власти (другое дело, что в действительности подавляющее большинство крестоцеловальных записей — около ста — было нарушено, пока они со временем не превратились в простой символ).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Блок 1986 — Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

Блок 2003 — Блок М. Феодальное общество. М., 2003.

Владимирский-Буданов 2005 — Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.

Карамзин 1989 — Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. М., 1989.

Муравьев 2017 — Муравьев В. А. Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX в. М., 2017.

Соловьев 1988 — Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1–2. Т. 3–4. М., 1988.

Тарановский 1902 — Тарановский Ф. В. Феодализм в России // Варшавские университетские известия. 1902. № 4.

Фроянов 1995 — Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. СПб., 1995.

NOTES ON A NEW BOOK ON THE THEORY OF FEUDALISM IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Maksakov Vladimir V. — senior lecturer of the Department of Russian language and its teaching methods in the elementary school, Institute of Childhood of Moscow State Pedagogical University (Moscow)

Key words: historiography, historical science, history of ideas, Russian feudalism, feudal society, votchina, udel, immunity, V. A. Muravyev, N. M. Karamzin, S. M. Solovyov.

These notes are dedicated to the historiography of theories of feudalism in Russian and Soviet history science, their existence in the context of the historical schools and of the relations of historians and their professional identification examines. From the standpoint of the history of ideas the author attempts to show the complexity of the Russian feudalism, which was one of the pivotal topics for the historical studies of the 20th century, about which historians have determined the path of historical development of Russia.

REFERENCES

Blok M. *Apologiia istorii ili remeslo istorika*. Moscow, 1986.

Blok M. *Feodal'noe obshchestvo*. Moscow, 2003.

Froianov I. Ia. *Drevniaia Rus'. Opyt issledovaniia istorii sotsial'noi i politicheskoi bor'by*. St. Petersburg, 1995.

Karamzin N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*, vol. I. Moscow, 1989.

Murav'ev V. A. *Teorii feodalizma v Rossii v russkoi istoriografii kontsa XIX – nachala XX v.* Moscow, 2017.

Solov'ev S. M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*, vol. 1–2, vol. 3–4. Moscow, 1988.

Taranovskii F. V. Feodalizm v Rossii, *Varshavskie universitetskie izvestiia*, 1902, no. 4.

Vladimirkii-Budanov M. F. *Obzor istorii russkogo prava*. Moscow, 2005.

Т. В. Медведева

ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ

Рец.: *Батшев М. В.* Рейнские земли глазами русских путешественников в конце XVIII — первой половине XIX века. Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2016. 132 с.

Ключевые слова: Германия, долина Рейна, источниковедение, травелог, переписка.

В рецензии анализируется книга М. В. Батшева «Рейнские земли глазами русских путешественников в конце XVIII — первой половине XIX века» (2016), ее научная новизна и методологический подход, а также дается краткий обзор отечественной историографии данной темы.

«Путешествия развивают ум, если, конечно, он у вас есть» — этот известный афоризм Честертона вполне применим к «путешествописаниям». Возможно, именно поэтому историография травелогов в последнее десятилетие все более разрастается, захватывая новые регионы и эпохи.

Прорыв в этой области историографии в России можно связать с выходом в начале 2000-х сразу двух заметных исследований: диссертации П. С. Куприянова о русских заграничных путешествиях начала XIX в. (*Куприянов* 2002) и перевода на русский язык книги Андреаса Шенле «Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840» (*Шенле* 2004). Через несколь-

ко лет была защищена диссертация М. С. Стефко «Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX веков» (*Стефко* 2010), окончательно определившая травелог как самостоятельный феномен культуры и историографии. Следом выходили работы, посвященные путешествиям по определенному региону, и наиболее близкой к теме данной рецензии (как географически, так и историографически) можно считать диссертацию В. В. Смекалиной по Швейцарии, переросшую в монографию (*Смекалина* 2015).

Параллельно в пространстве «исторического страноведения» вышла книга С. В. Оболенской «Германия и немцы глазами русских (XIX век)» (*Оболенская* 2000), ставшая итогом ее многолетних трудов по изучению этой темы и вобравшая в себя множество предыдущих более частных работ. Ею же назван «настоящим

© Медведева Т. В., 2018

Медведева Татьяна Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва); tmedvedeva1@yandex.ru

событием в историографии проблемы» сборник, вышедший в Германии при участии Л. З. Копелева «Немцы и Германия глазами русских. XIX век: от начала столетия до реформ Александра II» (Deutsche und Deutschland 1998).

Все это подводит осведомленного читателя к более камерной теме рецензируемого издания, также обращенного к периоду расцвета русского травелога. Название: «Рейнские земли глазами русских путешественников» — сразу выделяет небольшой регион Европы, которому посвящена книга, и обрисовывает тот круг источников, которые являются ядром повествования.

Привязка к региону, где книга была издана, становится достоинством, выигрышной стороной издания, не позволяющей повествованию растекаться по просторам Европы, неминуемо вторгаясь в чужие пределы.

Популярное издание остроумно решено в структуре ретропутеводителя, где типичные разделы современных путеводителей (транспорт, деньги, основные достопримечательности) представлены сведениями из русских травелогов XVIII–XIX вв.

М. В. Батшев считает своей «исследовательской задачей» «не только показать читателю то, каким видели русские путешественники один из регионов Германии, но описать сам процесс поездки, а также то, как передвигались по Германии, и какой предстала перед ними местная кухня» (с. 13).

Автор последовательно прослеживает по мемуарам: как собирались в дорогу русские путешественники, какие документы оформляли, что везли с собой, какими путями попадали они в германские земли, в каких городах бывали, что осматривали в каждом из этих городов и, разумеется, что обо всем этом думали. Этой схеме путеводителя автор иногда следует, на наш взгляд, чрезмерно скрупулезно. Например, в разделе о Франкфурте подробно цитируются размышления путешественников о местах *откуда* они следовали в упомянутый Франкфурт (с. 50).

Три главы книги структурированы по предметному принципу: одна посвящена подготовке к путешествию и первым впечатлениям, другая — дорогам и средствам транспорта и третья — развлечениям путешественников. Другие две главы посвящены отдельным хронологическим периодам: концу XVIII в. и времени наполеоновских войн. Еще три главы решены по географическому принципу, знакомя читателей с Франкфуртом-на-Майне, Эмсом и рекой Рейном с «близлежащими городами».

Легкий для чтения популярный текст основан на многочисленных свидетельствах. Рейнские земли предстают в зарисовках: братьев А. И. и Н. И. Тургеневых, Ф. П. Лубяновского, А. П. Мещерского, Н. П. Голицына, Ф. Н. Глинки, С. П. Шевырева, П. А. Вяземского, Н. И. Греча, Е. А. и Д. Н. Свербеевых, княжны В. И. Туркестановой, многих других и, разумеется, Н. М. Карамзина.

Вводная часть книги представляет читателю тех путешественников,

чи тексты наполняют издание. Эта, безусловно, важнейшая часть работы, на наш взгляд, до обидного коротка. Более двух десятков имен охарактеризованы на трех страницах, «через запятую» двумя-тремя предложениями. Думается, подробное описание путешественников позволило бы читателю глубже понимать и воспринимать их тексты. К тому же далеко не все авторы травелогов, процитированных в книге, представлены читателю во вступлении (так, без внимания оставлены С.П. Шевырев, И.И. Лажечников, братья А.И. и Н.И. Тургеневы, Н.И. Греч, П.А. Вяземский, вел. кн. Александр Николаевич).

Не говоря уже о том, что часть авторов-мемуаристов, а также их путевые записки удостаивались внимания отечественных (а иногда и зарубежных) исследователей, разбора и анализа в трудах последних десятилетий, и полное игнорирование этого научного багажа идет явно не на пользу книге. Она парит в некоем историографическом вакууме, без всякой привязки к другим исследованиям, ни от чего не отталкиваясь, ничего не развивая и не продолжая. Не удостаиваются упоминания даже труды С.В. Оболенской, классические для избранной темы.

В целом издание отчетливо тяготеет к жанру хрестоматии, поскольку на 70 % состоит из прямых цитат первоисточников, систематизированных по тематике, или пересказов воспоминаний близко к тексту (местами с искажением оценок первоисточника). Оставляя за автором право выбора жанра и признавая подобный подход по-своему продук-

тивным, все же выразим сожаление по поводу отсутствия в издании аналитики и источниковедческой критики.

Минимальный анализ материала в издании представлен попыткой классификации авторов путевых записок, однако исследователь сам оказывается в некоторой степени запутанным своим же разделением. Так, например, выделяя две группы источников: «тексты профессиональных литераторов и тексты путешественников, не считавших писательство своей профессией», М.В. Батшев цитирует следом А.(М.) Зилова как характерный пример «не профессионального литератора» (с. 8), а затем, в кратком описании персонажей книги, называет его же «литератором консервативного направления» (с. 12), а Ф.П. Лубяновского представляет читателю одновременно как «крупного государственного чиновника и литератора» (с. 12). В таком случае полезно было бы отдельно назвать в книге имена писателей-«профессионалов», чтобы внести ясность.

Рядом предлагается следующая типология путешественников: «путешествующие с целью лечения», «для того, чтобы чем-то себя занять»; «путешествующие с целью проверить сведения о Германии, полученные из книг» и путешествующие по служебной необходимости (с. 7) — типология, также неоднозначная, и к тому же в тексте книги далее никак не использованная.

Нужно отметить, что в большинстве случаев М.В. Батшев относится

к источникам чересчур прямолинейно, без критики и аналитического разбора. Например, в отношении «Писем русского путешественника» Карамзина полностью игнорируются те характеристики, которые были даны Ю. М. Лотманом, писавшим о литературности и художественных сверхзадачах текста. Неправоммерно ставится знак равенства между мнением автора (Карамзина) об увиденном и эмоциями лирического героя карамзинских «Писем» (с. 40, 41). А описание восторженного приема в Майнце императрицы Марии Федоровны, сделанное ее фрейлиной, преподносится читателю как реальное безмерное радушие городских властей и жителей города (с. 74).

Впрочем, это становится несущественным в избранном автором популярном жанре.

К сожалению, для издания характерно немалое количество погрешностей в научно-справочном аппарате. Невнимательность к сноскам при общем обилии цитат дает значительную путаницу (так, на с. 50–52 к цитатам Н. И. Греча относятся ссылки на Н. И. Тургенева, а к цитатам А. И. Тургенева — ссылки на С. П. Шевырева; на с. 73 цитата из кнж. В. И. Туркестановой оказывается в тексте приписанной проф. И. М. Симонову; на с. 91 слова кн. А. П. Мещерского подкреплены сноской, отсылающей к письмам П. А. Вяземского).

К числу таких досадных оплошностей можно отнести и отсутствие в списке использованных источников нескольких текстов, при-

сутствующих в издании. Например, писем Д. А. Валуева (он есть на с. 23) и «Рассказа о путешествии» С. А. Корсакова (на с. 98), писем П. А. Вяземского (с. 26, 108 и др.).

Тем не менее книга передает общий «вкус и аромат» эпохи, свойственный источникам личного происхождения, подробно знакомит читателей с одним из интереснейших регионов Европы и может быть полезна всем, интересующимся историей и достопримечательностями Германии, студентам и преподавателям вузов, изучающим источники этой эпохи — каждый может черпнуть в ней нечто полезное для себя.

Внимание к многочисленным туристическим объектам на карте Западной Германии позволяет отнести издание к новой дисциплине «зарубежного краеведения».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Куприянов 2002 — *Куприянов П. С.* Русские заграничные путешествия начала XIX в.: национальные представления и проблема национальной самобытности: дис. ... к.и.н. М., 2002.

Оболенская 2000 — *Оболенская С. В.* Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000.

Смекалина 2015 — *Смекалина В. В.* Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII — первой половине XIX в. М., 2015.

Стефко 2010 — *Стефко М. С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX веков: дис. ... к.и.н. М., 2010.

Шенле 2004 — Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840 / пер. с англ. яз. Д. Соловьева. СПб., 2004.

Deutsche und Deutschland 1998 — Deutsche und Deutschland aus russischer

Sicht. Reihe B. Bd. 3. 19. Jahrhundert. Von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexanders II (Немцы и Германия глазами русских. XIX век: от начала столетия до реформ Александра II) / hrsg. von D. Herrmann und A. L. Ospovat. München, 1998.

NOTES ABOUT TRAVELERS

Rev.: Batshev M. V. Reinskie zemli glazami russkikh puteshestvennikov v konce XVIII — pervoi polovine XIX veka. Frankfurt-na-Maine: Literaturnyi evropeec, 2016. — 132 p.

Medvedeva Tatyana V. — candidate of historical sciences, senior researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: Germany, Rhine Valley, source-study, travelogue, correspondence.

This review is analyzing the book of M. V. Batshev "The Rhine Lands in the Eyes of Russian Travelers at the End of the 18th and the First Half of the 19th Century" (2016), its scientific novelty and methodological approach, and contains a brief summary of the Russian historiography of this topic.

REFERENCES

Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Reihe B. Bd. 3. 19. Jahrhundert. Von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexanders II (Nemtsy i Germaniia glazami russkikh. XIX vek: ot nachala stolietii do reform Aleksandra II), hrsg. von D. Herrmann und A. L. Ospovat. München, 1998.

Kupriianov P. S. *Russkie zagranichnye puteshestviia nachala XIX v.: natsional'nye predstavleniia i problema natsional'noi samobytnosti: dis. ... k. i. n.* Moscow, 2002.

Obolenskaia S. V. *Germaniia i nemtsy glazami russkikh (XIX vek)*. Moscow, 2000.

Shenle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoi literatury puteshestvii. 1790–1840*, per. s angl. iaz. D. Solov'eva. St. Petersburg, 2004.

Smekalina V. V. *Russkie puteshestvenniki v Shveitsarii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX v.* Moscow, 2015.

Stefko M. S. *Evropeiskoe puteshestvie kak fenomen russkoi dvorijskoi kul'tury kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX vekov: dis. ... k. i. n.* Moscow, 2010.

А. С. Гладышева

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1944–1957 гг.*

Рец: А. М. Орехов. Очерки истории экономических отношений СССР и ПНР (1944–1957 гг.). М.: Индрик, 2017

Ключевые слова: Польша, СССР, экономические отношения, СЭВ, плановая экономика.

В рецензии представлен обзор монографии А. М. Орехова, посвященной некоторым аспектам экономических отношений СССР и Польской Народной Республики в 1944–1957 гг.

В 2017 г. в издательстве «Индрик» вышла в свет монография известного историка-полониста А. М. Орехова (1933–2013), которая, к глубокому прискорбию, стала последней исследовательской работой автора, ушедшего из жизни в 2013 г. Совместными усилиями коллег Александра

© Гладышева А. С., 2018

Гладышева Анна Сергеевна – младший научный сотрудник Отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН (Москва); annikigladyшева@gmail.com

* Рецензия подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 17-18-01728 «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР».

Михайловича, специалистов по истории Польши (д.и.н. Б. В. Носов, д.и.н. А. Ф. Носкова, д.и.н. Г. Ф. Матвеев, к.и.н. О. С. Каштанова) его рукопись была доработана и доведена до публикации. С появлением этой работы у исследователей появилась уникальная возможность обогатить свои знания по экономической истории «социалистического лагеря», а также услышать некоторые новые суждения и умозаключения по ряду сложных вопросов в послевоенных советско-польских отношениях.

Монография «Очерки истории экономических отношений СССР и ПНР (1944–1957 гг.)» является

логическим продолжением работы А. М. Орехова «Советский Союз и Польша в годы “оттепели”: из истории советско-польских отношений», охватывающей период с 1953 по 1957 г. (Орехов 2005). В данном труде автором впервые были затронуты и некоторые аспекты экономических взаимоотношений двух стран, в частности в разгар польского кризиса 1956 г. Позднее исследователь вновь обращался к этой стороне советско-польского сотрудничества и прежде всего к «угольной проблеме» в двусторонних отношениях (Орехов 2009: 336–348). Итогом его изысканий стала анализируемая в данной рецензии работа.

Источниковой базой монографии послужили как уже известные исследователям, так и впервые введенные в научный оборот документы из российских (АВП РФ, АП РФ, РГАНИ, РГАЭ) и польских (Архив новых актов, Архив исторической документации и Архив МИД Польши) архивов. Автором изначально было оговорено, что он рассматривает лишь некоторые аспекты двусторонних экономических отношений, такие как внешняя торговля, финансы, железнодорожный транспорт, промышленное строительство и научно-технические кадры (с. 16). Это ключевые стороны сотрудничества СССР и ПНР, и их изучение позволило комплексно отразить общую картину состояния экономических связей между странами. Более того, исследование формирует у читателя представление о модели выстраивания Советским Союзом экономических отношений с социалистическими странами Европы на двусторонней и на

многосторонней основе (по линии СЭВ), помогает выявить как общие черты, так и специфику этой модели на примере Польши.

Изучению экономических отношений стран «социалистического лагеря» до последнего времени не уделялось достаточного внимания. В вышедших за рубежом работах, посвященных этой проблематике, давалась, как правило, односторонняя, зачастую негативная оценка послевоенного экономического развития восточноевропейских государств и их взаимоотношений в реалиях социалистической экономики. Это вполне объяснимо спецификой политического курса стран региона Центральной и Юго-Восточной Европы в наши дни, стремящихся переосмыслить свое историческое прошлое, делая акцент на ошибках и просчетах политики Кремля и закрывая глаза на те положительные результаты, которые принесло экономическое сотрудничество с СССР. В этой связи рецензируемый нами труд представляется попыткой дать максимально объективную оценку состояния двусторонних экономических отношений Польши и Советского Союза в первое послевоенное десятилетие и опирается на конструктивный анализ существующей историографии по данному вопросу¹, базирующийся на широком круге новых источников. Работа дополняет документальные публикации и комплекс исследований по экономической истории, осуществленных

¹ К сожалению, в работе не отражена историография последних лет, в силу того, что автор работал над исследованием только до 2013 г.

российскими историками и экономистами в последние годы (см., например: Президиум ЦК КПСС 2004–2008, 2005; Советско-венгерские экономические отношения 2012; Широков 2013; Липкин 2009, 2011, 2016, 2017).

Хронологические рамки исследования, 1944–1957 гг., вполне обоснованы. Они охватывают почти полтора десятилетия истории послевоенных экономических отношений двух стран: от начала освобождения Польши от немецкой оккупации и установления советской стороной хозяйственных связей с Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) до польского кризиса 1956 г. и начального периода преодоления его последствий. На эти годы пришлось восстановление польской экономики после Второй мировой войны на базе социалистического опыта Советского Союза и выстраивание новой экономической модели хозяйствования в стране.

В изложении материала автор применил как хронологический, так и проблемный подходы. Монография состоит из трех глав, соответствующих условным этапам, на которые автор разделил историю экономических отношений СССР и ПНР в рассматриваемый период. Главы разделены на тематические параграфы, отражающие отдельные стороны экономического сотрудничества двух стран. Стоит отметить тот факт, что в первой главе представлен практически весь изучаемый автором период. В свою очередь, вторая и третья главы содержат скрупулезный анализ эко-

номического положения в Польше и состояния двусторонних отношений в 1956–1957 гг. В этой связи первая часть монографии перегружена событийным рядом и комплексом представленных проблем, часть которых требует более детального изучения. Автором проанализирован в исторической ретроспективе ряд вопросов, которые являлись предметом острых дискуссий между СССР и ПНР: вопрос о германских репарациях, взаимные претензии, «угольная проблема», позиция ПНР в СЭВ. Они являются сквозной темой исследования, и состояние этих проблем рассматривается автором на протяжении всей работы. Отметим, что работа представляет собой в большей степени не экономическое исследование, а анализ механизмов принятия ключевых политических решений руководством СССР и ПНР по вопросам двустороннего экономического сотрудничества.

В первой главе сквозь призму политической обстановки в Польше и факторов, обусловивших послевоенное развитие страны, А. М. Орехов исследует не только особенности ее экономических отношений с СССР, но и их влияние на восстановление народнохозяйственного комплекса страны в 1944–1955 гг. в процессе ее перехода к плановой экономике. Автором детально рассматриваются все виды помощи, которую Советский Союз оказывал Польше как в период военных действий, так и в последующие годы: продовольственная помощь и помощь товарами первой необходимости, передача в управление ПКНО транспортной системы,

заключение первых соглашений о предоставлении сырья и оборудования для польской промышленности, кредитование польской экономики (с. 23–24, 37). Эти меры, как отмечает исследователь, имели политическое значение и должны были послужить базой для выстраивания союзнических отношений и укрепления в сознании населения образа СССР как защитника и помощника. По аналогичной модели Кремль формировал базу для будущих тесных экономических связей и с другими странами Центральной и Юго-Восточной Европы, закладывая фундамент для создания единой экономической структуры.

А. М. Орехов детально характеризует торговые отношения двух стран в 1944–1957 гг. Читатель получает представление о специфике экспортно-импортных операций между СССР и ПНР. Польша становится после войны для Советского Союза главным поставщиком кокса и угля, а сама проявляет интерес к закупкам сырья для восстановления и развития промышленности. Именно в первые послевоенные годы возникает так называемая «угольная проблема» в двусторонних отношениях. С 1946 г. Польша должна была поставлять СССР уголь по «специальной договорной цене» в течение всего периода оккупации Советским Союзом части германской территории. Данная цена была ниже мировых цен на уголь, но это, по мнению автора, «компенсировалось аналогичными встречными поставками сырья и оборудования, которые также осуществлялись по “специальным ценам” и приносили Польше немалый

доход» (с. 61). Тем самым А. М. Орехов опровергает точку зрения польских исследователей по этому вопросу, базирующуюся на том, что «специальная договорная цена» являлась способом компенсации потерь Красной армии на польской территории в годы войны.

К сожалению, в работе не отражены количественные и качественные показатели торговых операций. Автор заявляет, что данные о внешнеторговом балансе по-прежнему остаются засекреченными, поэтому польские исследователи прибегают к западным цифрам, основанным на разведанных (с. 84). Это утверждение верно лишь косвенно, т. к. в открытом для исследователей доступе в РГАЭ находятся статистические сборники «Внешняя торговля стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи» и «Народное хозяйство стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи», издававшиеся для служебного пользования под грифом «Секретно». Несомненно, что и эта статистика нуждается в верификации, но ее привлечение обогатило бы работу и позволило бы представить более детально специфику внешнеторгового оборота ПНР с СССР.

В исследовании проанализированы основные аспекты многостороннего экономического сотрудничества стран «социалистического лагеря» по линии СЭВ, а также динамика развития связей внутри организации в первой половине – середине 1950-х гг. В этот период она была сопряжена с углублением сотрудничества в рамках отдельных отраслей промышленности и транспорта,

а также с началом координации перспективных планов развития народного хозяйства стран-членов СЭВ. Польше А. М. Орехов отводит ведущее место среди экономических партнеров СССР, отмечая, что «ей принадлежала и ключевая роль в системе экономических связей между СССР, ГДР и Чехословакией, ставших в будущем локомотивами тогда еще только намечавшейся экономической интеграции» (с. 72). И в этом качестве Польша также становится главным поставщиком угля и кокса, обеспечивая сырьем металлургическую промышленность стран-членов СЭВ. При этом техническое состояние угольной промышленности и ее технологический уровень в 1950-е гг. привели к сокращению производительности труда в угледобыче, а также к усилению недовольства условиями труда среди польских шахтеров. В середине 1950-х гг. этот факт послужил не только одной из причин внутриполитического кризиса в Польше, но и поставил в затруднительное положение производство в ряде промышленных отраслей тех стран советского блока, которые напрямую зависели от польского сырья. Данная проблема побудила советскую сторону активнее привлекать другие виды энергоресурсов для функционирования и развития энергетического комплекса СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы (с. 210).

Не менее важным аспектом двусторонних экономических отношений после войны являлся вопрос о возмещении Польше ущерба, нанесенного войной с Германией. Советский Союз должен был компен-

сировать польской стороне потери из советской доли германских репараций в размере 15%. Полностью военные потери Польше не были компенсированы, т.к., после снижения советской стороной в 1950 г. военных компенсаций ГДР на 50%, Польша с 1 января 1954 г. также отказалась от дальнейшей уплаты Советским Союзом компенсаций в свою пользу (с. 64). Однако проблема распределения репараций, как и расчеты по передаче трофейного железнодорожного подвижного состава (его, по мнению польской стороны, необходимо было вернуть Польше в порядке реституции, а не в счет репараций), были урегулированы только к лету 1957 г.

Во второй главе экономические отношения двух стран представлены на фоне начавшейся в СССР оттепели, которая повлекла за собой дестабилизацию политической ситуации в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в т.ч. и в Польше. Решающую роль в преодолении этого кризиса сыграл Советский Союз, оказавший серьезную экономическую помощь Варшаве летом — осенью 1956 г., в т.ч. путем активного кредитования ее экономики и списания почти всех задолженностей по ранее предоставленным кредитам (с. 121, 127, 135, 143). Автор делает вывод о том, что новое политическое руководство страны во главе с В. Гомулкой смогло выстроить в 1956 г. новую систему отношений с СССР как по вопросам внутренней политики, так и по ряду вопросов внешней политики страны. Это позволило полякам добиться некоторых сдвигов в решении ряда экономических проблем

в двусторонних отношениях: угольной и транспортной проблемы, а также в вопросе распределения германских репараций. Угольная проблема приобрела политическую окраску, когда польское руководство обвинило советскую сторону в экономической эксплуатации путем установления слишком низких цен на уголь в предшествовавший период. Тем самым, по мнению А.М. Орехова, Польша стремилась укрепить свои позиции в социалистическом лагере, параллельно выискивая новые возможности развития своей угольной промышленности путем выхода на мировой рынок и налаживания сотрудничества в этой области с капиталистическими странами (с. 154).

В третьей главе исследования представлены особенности экономических связей ПНР и СССР в период стабилизации кризисной ситуации в Польше в конце 1956 – 1957 г. Восстановление дееспособности государственных органов сочеталось с проведением важных политических и экономических реформ (с. 156–157). В ходе ряда двусторонних переговоров было достигнуто соглашение о ликвидации советской стороной прежней системы контроля и приемки товаров, изготовляемых на промышленных предприятиях Польши и поставляемых в СССР (с. 172); был подписан протокол о расчетах по торговым перевозкам из ГДР в СССР по польской железной дороге (с. 191–192); окончательно урегулирован вопрос о распределении германских репараций для ПНР, в счет которых был включен и железнодорожный подвижной состав, располагавшийся

на территории, отошедшей к Польше (с. 193). Решение последних двух проблем на время сняло груз противоречий в отношениях государств и способствовало углублению экономического сотрудничества ПНР и СССР в последующие годы как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

На примере советско-польского экономического сотрудничества автором представлена общая модель выстраивания Советским Союзом экономических отношений со странами Центральной и Юго-Восточной Европы, вошедшими в сферу его влияния после окончания Второй мировой войны. Восстановление и развитие народного хозяйства этих государств стало базироваться на советских командно-административных методах планирования. В условиях внутриблокового противостояния для всех стран региона приоритетным направлением развития экономики становится тяжелая промышленность с акцентом на укрепление позиций военно-промышленного комплекса. Сотрудничество не только на двусторонней, но и на многосторонней основе расширялось и углублялось на протяжении всего представленного в исследовании периода. Однотипная экономическая модель хозяйствования при этом породила и схожие проблемы, с которыми страны региона впервые столкнулись особенно остро к середине 1950-х гг. Проблема сохранения большой диспропорции между группами отраслей промышленности и назревшая необходимость в обновлении материально-технической базы производства становятся в этот период

предметом межгосударственных дискуссий с целью поиска оптимальных путей их решения.

Рецензируемая монография снабжена постраничными комментариями и именованным указателем с краткими биографическими данными. Работу дополняет содержательное документальное приложение (с. 231–235), в которое вошли ранее неизвестные исследователям документы из фондов АП РФ и РГАНИ, датируемые 1956–1957 гг. Они отражают ряд аспектов двустороннего сотрудничества (экономическая помощь Польше, сотрудничество в области оборонной промышленности, расчеты по торговым и неторговым операциям), а также дискуссии по вопросу подписания заключительного протокола о репарационных поставках Польше. Справочный материал представлен также таблицами, характеризующими ситуацию в польской промышленности и сельском хозяйстве (производство важнейших видов продукции, землепользование, планы экспортных поставок, состояние внешнеторгового баланса ПНР) в сравнении с положением дел в СССР, Чехословакии и ГДР. К сожалению, отсутствуют сводные таблицы и графики о структуре и объемах внешней торговли ПНР с СССР в рассматриваемый период. Эти данные, на наш взгляд, крайне необходимы для анализа торговых отношений двух стран. Также отметим, что ряд статистических данных, которые автор приводит в тексте исследования, не сопровождается указанием на первоисточник и, соответственно, не может быть верифицирован при более деталь-

ном изучении некоторых аспектов советско-польских экономических связей. Эти замечания не умаляют достоинств работы и вклада, который внес А. М. Орехов в изучение данной проблематики.

Выход в свет рецензируемой монографии позволил ввести в научный оборот целый комплекс новых документов не только по вопросам советско-польских отношений, но и по экономической истории «социалистического лагеря» в целом. Исследование углубляет наши знания об особенностях выстраивания Советским Союзом внутриблоковых отношений в сфере экономического сотрудничества. Эта работа вызовет интерес широкого круга читателей и послужит основой для более детального изучения экономических отношений СССР с социалистическими странами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Липкин 2009 — *Липкин М. А.* Европейская интеграция и советские экономические инициативы (1950-е — первая половина 1970-х годов). По новым материалам российских и зарубежных архивов // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 47–64.

Липкин 2011 — *Липкин М. А.* Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х — середина 1960-х годов. М., 2011/

Липкин 2016 — *Липкин М. А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М., 2016.

Липкин 2017. — *Липкин М. А.* «Мировой кооператив народов»: Совет Экономической Взаимопомощи, который пытался построить Н. С. Хрущев // Новый

исторический вестник. 2017. №4 (54). С. 121–144.

Орехов 2005 – Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений / отв. ред. Б. В. Носов. М., 2005.

Орехов 2009 – Орехов А. М. Из истории экономических отношений СССР и ПНР («Угольная проблема» 1946–1957 гг.) // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре / сост. Б. В. Носов. М., 2009. С. 336–348.

Президиум ЦК КПСС 2004–2008, 2005 – Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Чер-

новые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / под ред. А. А. Фурсенко. М., 2004–2008. Т. 1–3; 2015. Т. 1–3 (2-е изд.).

Советско-венгерские экономические отношения 2012 – Советско-венгерские экономические отношения 1948–1973: Сборник документов / отв. ред. А. Н. Артизов. М., 2012.

Широков 2013 – Широков О. Н. Международная экономическая интеграция республик Волго-Вятского экономического региона в 1949–1991 гг.: исторический опыт. Чебоксары, 2013.

A NEW VIEWPOINT AT THE SOVIET-POLISH ECONOMIC COOPERATION IN 1944–1957

Rev.: Orekhov A. M. Ocherki istorii ekonomicheskikh otnoshenii SSSR i PNR (1944–1957 gg.). Moscow: Indrik, 2017.

Gladysheva Anna S. – junior researcher of the Department of Eastern Europe history after the Second World War, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: Poland, USSR, economic relations, COMECON, planned economy.

The review provides an overview of A. M. Orekhov's monograph, devoted to certain aspects of economic relations between the USSR and the Polish People's Republic between 1944–1957.

REFERENCES

Lipkin M. A. Evropeiskaia integratsiia i sovetskie ekonomicheskie initsiativy (1950-e – pervaiia polovina 1970-kh godov). Po novym materialam rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivov. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2009, no. 3, p. 47–64.

Lipkin M. A. "Mirovoi kooperativ narodov": Sovet Ekonomicheskoi Vzaimopomoshchi, kotoryi pytalsia postroit' N. S. Khrushchev. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2017, no. 4 (54). p. 121–144.

Lipkin M. A. *Sovetskii Soiuz i evropeiskaia integratsiia: seredina 1940-kh – seredina 1960-kh godov*. Moscow, 2011.

Lipkin M. A. *Sovetskii Soiuz i integratsionnye protsessy v Evrope: seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov*. Moscow, 2016.

Orekhov A. M. Iz istorii ekonomicheskikh otnoshenii SSSR i PNR ("Ugol'naiia problema" 1946–1957 gg.). *Rossiiia, Pol'sha, Germaniia: istoriia i sovremennost' evropeiskogo edinstva v ideologii, politike i kul'ture*, sost. B. V. Nosov. Moscow, 2009, p. 336–348.

Orekhov A. M. *Sovetskii Soiuz i Pol'sha v gody "otpelei": iz istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii*, otv. red. B. V. Nosov. Moscow, 2005.

Prezidium TsK KPSS. 1954–1964. Chernovye protokoly i zapisi zasedanii. Stenogrammy. Postanovleniia / pod red. A. A. Fursenko. Moscow, 2004–2008. Vol. 1–3; 2015. Vol. 1–3 (2-e izd.).

Shirokov O. N. *Mezhdunarodnaia ekonomicheskaia integratsiia respublik Volgo-Viatskogo ekonomicheskogo regiona v 1949–1991 gg.: istoricheskii opyt*. Cheboksary, 2013.

Sovetsko-venverskie ekonomicheskie otnosheniia 2012 – Sovetsko-venverskie ekonomicheskie otnosheniia 1948–1973: Sbornik dokumentov, otv. red. A. N. Artizov. Moscow, 2012.

Д. И. Иванов

Рец.: Политические репрессии и сопротивление тоталитарному режиму в Петрограде-Ленинграде. 1917–1991: Справочник / авт.-сост. А. Д. Марголис. СПб.: Серебряный век, 2016. 475 с.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Ленинград, Петроград, краеведение, политические репрессии, сопротивление советскому режиму, история Советской России / СССР, культура памяти.

Рецензия на краеведческий справочник, посвященный политическим репрессиям и сопротивлению в советский период истории Санкт-Петербурга. Точность и ясность текста не вызывают сомнений, но концепция проекта и его место в историографии нуждаются в уточнении.

Петербургские краеведы продолжают искать — и находят — новые подходы к своему материалу. Приуроченный к трехсотлетию города фундаментальный труд «Санкт-Петербург: энциклопедия» стал крупной вехой в развитии петербурговедения, вместе с тем показав, что советский период истории города до сих пор остается недостаточно исследованной темой (Санкт-Петербург: энциклопедия 2004). Еще в процессе подготовки издания участники авторского коллектива отмечали, что «в условиях идеологизации науки многие разделы исследований были “закрыты”» (*Славина* 1995: 13). Цикл из 25 статей «о терроре и сопротивлении режиму в Петрограде-Ленинграде» (с. 3) нашел свое место в энциклопедии, однако не вполне отразил столь масштабный исторический сюжет. Председатель редакционного совета энциклопедии «Санкт-Петербург» А. Д. Марголис, чьи исследова-

тельские интересы включают краеведение и историю политических репрессий в России, счел необходимым развить тему. Данный справочник является почти полностью результатом его индивидуальной работы. Прочим авторам (И. А. Флиге, Т. В. Моргачевой, А. М. Кулегину и др.) принадлежат лишь около 50 из 700 словарных статей.

Структурно книга состоит из двух разделов. Большая часть — биографические справки по отдельным персоналиям. Менее многочисленны, но, пожалуй, более значительны предметно-событийные статьи. Среди их тем — структура и деятельность карательных учреждений в советском Петрограде-Ленинграде, осуществлявшиеся советскими властями репрессии — от отдельных дел до Большого террора, места заключения (в том числе в границах современной Ленинградской области). С другой стороны, отражено сопротивление большевистскому режиму — от массовых забастовок петроградских рабочих и вооруженных выступлений до диссидентского

© Иванов Д. И., 2018

Иванов Дмитрий Игоревич — лаборант Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург); divanov@eu.spb.ru

движения и ленинградского сам-издата. Отдельный тематический блок посвящен памяти о репрессиях — кладбищам и иным некрополям, памятникам и прочим формам мемориализации. Все энциклопедические статьи снабжены библиографическими справками, кроме того, приведена краткая библиография тематических публикаций на русском языке (с. 459–468).

Статьи в обоих разделах справочника написаны с подобающей жанру краткостью и ясностью. Объем биографических статей различается от трех-четырех предложений (таким образом, фактически дублируя справки в «Ленинградском мартирологе») до страницы, тогда как в предметно-событийной части словника размещены более обширные тексты, занимающие до трех-четырех страниц (например, «Жертвы политических репрессий», с. 49–52, «Красный террор», с. 67–69, или «Тюрьмы», с. 121–125).

Фактическая точность приводимых сведений не вызывает сомнений. Один из немногих, представляющих спорными, моментов — количество бежавших в Финляндию участников Кронштадтского восстания 1921 г. В соответствии с принятой в отечественной историографии оценкой А. Д. Марголис указывает его как «около 8 тысяч человек» (с. 73, 352) (ср.: Мусаев 2007: 159; Крестьянинов 2016: 213). Вместе с тем некоторые опирающиеся на финские документы современные исследования называют в качестве более точной цифру в 6000–6500 беженцев (Невалайнен 2003: 20; Мусаев 2007: 160). Также спорной

(но отнюдь не неверной) является данная И. А. Флиге характеристика Роберта Конквеста как «американского историка» (с. 13) — писатель был гражданином и Великобритании, где он родился, и США. Чуть более настораживающим может показаться замечание (с. 318) о том, что историк С. П. Мельгунов был освобожден из заключения 15 февраля 1921 г. «благодаря заступничеству ветеранов революционного движения», в том числе П. А. Кропоткина, который, как известно, скончался 8 февраля 1921 г.; т. е. советская бюрократия какое-то время просто не давала ход ходатайствам. Очевидно, что законы жанра энциклопедической статьи диктуют необходимость однозначности, ведущей к некоторому упрощению.

В ряде случаев в библиографических справках не указываются новейшие издания использованных трудов (например, сборник очерков «Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и Гражданской войны», упомянутый на с. 67, вышел вторым дополненным изданием в 2013 г.; доработан и исправлен ко второму изданию в 2011 г. был также справочник А. В. Кобака и Ю. М. Пирютко «Исторические кладбища Санкт-Петербурга», первое издание которого упомянуто на с. 11–12; книга Л. М. Алексеевой «История инакомыслия в СССР. Новейший период» (с. 45) переиздавалась по крайней мере дважды после 1992 г., впрочем, без изменений в тексте). Эти критические замечания не являются принципиальными.

Одна из самых серьезных для любого энциклопедического издания

проблем — опечатки. В справочнике «Политические репрессии и сопротивление тоталитарному режиму в Петрограде-Ленинграде» их минимальное количество. Например, постановление Президиума ПетроЧК о расстреле обвиняемых по делу «Петроградской боевой организации» на с. 35 датировано 24 августа 1931 г. (вместо 1921); открытие Дома предварительного заключения на с. 123 отнесено к 1975 г. (вместо 1875); даже в этих случаях опечатки вполне корректируются контекстом.

Значимость поднятой темы несомненна. Политические репрессии советского периода по-прежнему недостаточно описаны в научной литературе, что во многом связано с ограниченной доступностью архивных материалов. Одна из характерных источниковедческих проблем обрисована И.А. Флиге в статье о Большом терроре: «Факты расстрелов и места захоронений казненных содержались в строгой тайне (использовалась формулировка “10 лет без права переписки”), в ходе реабилитации 1950–1960-х родственникам расстрелянных выдавали фальсифицированные свидетельства о смерти их близких в местах заключения, справки о реабилитации 1990-х содержат дату приговора и дату расстрела» (с. 14). Существует также проблема отпугивающей исследователей политизированности темы.

Однако при всей важности темы справочника, при скрупулезности работы составителя и авторов, при богатстве собранных данных приходится признать наличие трудно-

стей на методологическом уровне. Представляется, что некоторые базовые определения помогли бы прояснить концептуальную рамку проекта. Например, что понимается под политическими репрессиями? Когда, по мнению составителя, советский режим стал тоталитарным? Какие формы сопротивления этому режиму было решено осветить в справочнике, а какие — нет?

Вследствие того, что границы исследования не вполне определены, отдельные сюжеты необъяснимо отсутствуют. При достаточно полном освещении выбранных автором-составителем тематических направлений, смежные секторы подчас оказываются вне рассмотрения. Возможно, они не соответствуют каким-то не артикулированным принципам. Если состав биографической части справочника обусловлен наличием упоминаний людей «в предметно-событийных статьях» (с. 4), то первая часть словника сформирована несколько *ad hoc*.

В справочнике лишь фрагментарно отражена деятельность противников или критиков раннего большевистского режима с крайних или умеренных левых позиций, таких как анархисты (о репрессиях против них, в том числе в Петрограде-Ленинграде, см. (*Maximoff* 1940)) или меньшевики. В биографической справке о Л.К. Чуковской (с. 442), например, упомянуто лишь то, что в 1926 г. она была арестована «по обвинению в составлении анти-советской листовки» и сослана. Ее участие в деятельности подпольной анархо-синдикалистской группы, которое и привело к двум арестам

и ссылке (Разумов 1999), остается, таким образом, за кадром.

Трудно сказать, стоило ли в составлении справочника особо останавливаться на борьбе внутри коммунистической партии. Оппозиционеры-большевики оказываются в числе персонажей книги преимущественно потому, что либо сами подвергались репрессиям, либо были работниками карательных органов города. Возможно, здесь сказалось существовавшее в 1920-х гг. выделение политзаключенных-революционеров (но не большевиков) в качестве особой категории узников советских тюрем и лагерей (Росси 1991: 294; В борьбе 1991: 239–240). Но пусть даже коммунисты-оппозиционеры являлись искренними сторонниками однопартийной диктатуры и политического насилия (о подобных взглядах среди троцкистов конца 1920-х гг. см.: (Shlapentokh 2003)), демонстрация «объединенной оппозиции» 7 ноября 1927 г. стала последним на много десятилетий массовым уличным протестом в Ленинграде. Ни в обзоре деятельности «Новой оппозиции» (с. 90–91), ни в биографической справке о Г.Е. Зиновьеве (с. 255–256) она не упомянута.

Множество информативных текстов в справочнике посвящено самиздату, роль которого в распространении антисоветских и антиоталитарных идей в последние годы советской власти несомненна. Частично сравнима с ней также роль «магнитиздата», одним из важнейших центров которого в 1970–1980-х гг. был Ленинград. Одно из немногих замеченных в справочнике

упоминаний о «кассетной культуре» — сборник «Песни русских бардов», составленный в эмиграции В.Е. Аллоем (с. 142). Видных деятелей подпольной музыкальной сцены Ленинграда С.А. Курехина и Б.Б. Гребенщикова тоже можно найти — но лишь в связи с их участием в литературном «Клубе-81» (с. 65). Можно спорить о том, насколько весом вклад ленинградской баптистской рок-группы «Трубный Зов» в культуру города, однако суровость обрушившихся в 1983 г. на ее участников репрессий служит как минимум свидетельством того, насколько серьезно их воспринимал КГБ (Кушниц 1999: 156–160).

Справочник «Политические репрессии и сопротивление тоталитарному режиму в Петрограде-Ленинграде» — большое достижение в краеведческой литературе, авторы которой и сейчас предпочитают обращаться к досоветскому периоду и менее мрачным сюжетам. Работы о политических репрессиях советского периода в региональном масштабе обычно выходили либо в формате «книг памяти», либо в форме очерков. Используемый А.Д. Марголисом подход — двойная структура словника — обладает определенной новизной. Собранный материал может быть ценен для психогеографии — направления социальной психологии, изучающей влияние городской среды на индивидуальную и массовую психологию. Рассмотрение различных аспектов политических репрессий советского периода, выделение участников движения против коммунистической диктатуры и работников карательных органов как

особых общественных групп может обогатить петербурговедение как специальную отрасль локальных исследований. Травма политических репрессий сказалась на общественном поведении горожан, повлияв в том числе на разнообразие и эволюцию форм сопротивления. Эти данные могут оказаться полезными для историков, занимающихся советским периодом.

Справочник ставит по крайней мере столько же задач для будущих исследователей, сколько и раскрывает. Сама по себе книга больше сообщает о памяти репрессий и сопротивления, о представляющихся петербуржцам важными сюжетах и персонажах, чем о политической и социальной истории Советской России в целом. Для работы, сообразной масштабу политического насилия, необходимы исследования другого уровня, требующие институциональной деятельности, а не самоотверженных индивидуальных усилий.

Хочется верить, что чаяния авторов энциклопедии «Санкт-Петербург» «выявить лакуны в петербурговедении и, соответственно, инициировать новые исследования» (Славина 1995: 13) найдут отклик в профессиональной среде. Сообщается, что работа над справочником «Политические репрессии и сопротивление тоталитарному режиму в Петрограде-Ленинграде» продолжится — уже в формате электронного ресурса (Алексеев 2016). Задел для работы, во всяком случае, создан значительный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев 2016 — Алексеев А. Научный и гражданский подвиг историка и просветителя. URL: www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/nauchnyi-i-grazhdanski-podvig-istorika-i-prosvetitelja (дата обращения: 22.12.2016).

В борьбе 1991 — [Охотин Н.Б., Рогинский А.Б.]. В борьбе за политрежим: предисловие к разделу // Звенья. Исторический альманах. Выпуск 1. М., 1991.

Крестьянинов 2016 — Крестьянинов В.Я. Кронштадтский мятеж. Хроника событий. СПб., 2016.

Кушниц 1999 — Кушниц А. 100 магнитоальбомов советского рока. Избранные страницы истории отечественного рока. 1977–1991: 15 лет подпольной звукозаписи. М., 1999.

Мусаев 2007 — Мусаев В.И. Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-х гг.). СПб., 2007.

Невалайнен 2003 — Невалайнен П. Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939) / пер. М. Леппя. СПб., 2003.

Разумов 1999 — Разумов А. Памяти юности Лидии Чуковской // Звезда. 1999. № 9.

Росси 1991 — Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Ч. 2. М., 1991.

Санкт-Петербург: энциклопедия 2004 — Санкт-Петербург: энциклопедия. М.; СПб., 2004; 2-е изд., 2006; с 2007 г. функционирует как электронный ресурс: URL: www.encyspb.ru/object/2803920605?dv=2853931022&lc=ru (дата обращения: 22.12.2016).

Славина 1995 — Славина Т.А. Энциклопедия «Санкт-Петербург». Программа исследовательской и издательской деятельности // Петербургские чтения — 95. Материалы научной конференции 22–26 мая 1995 г. СПб., 1995.

Maximoff 1940 — Maximoff G.P. *The Guillotine at Work. Twenty Years of Terror in Russia (Data and Documents)*. Chicago, 1940.

Shlapentokh 2003 — Shlapentokh D. *Trotskyists' Approach to Violence in the Late*

1920s and Its Implications on the Great Terror // Советская власть — народная власть? Очерки народного восприятия советской власти в СССР (The Soviet Union — a Popular State? Studies on Popular Opinion in the USSR) / под ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2003.

Rev.: Politicheskie repressii i soprotivlenie totalitarnomu rezhimu v Petrograde-Leningrade. 1917–1991: Spravochnik. Avtor-sostavitel' A. D. Margolis (Political Repressions and Resistance to the Totalitarian Regime in Petrograd — Leningrad. 1917–1991: Reference Book. Compiled by A. D. Margolis). St. Petersburg: Serebrianyi Vek, 2016.

Ivanov Dmitry I. — research assistant, European University at St. Petersburg University (St. Petersburg)

Key words: St Petersburg, Leningrad, Petrograd, local studies, political repressions, anti-Soviet resistance, history of Soviet Russia / USSR, memorial culture

A review of a reference book dedicated to political repressions and resistance during the Soviet period of the history of St. Petersburg. The accuracy and readability are beyond doubt but the project's conceptual framework and its place in historiography require some explicitation.

REFERENCES

Alekseev A. *Nauchnyi i grazhdanskii podvig istorika i prosvetitel'ia*. URL: www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/nauchnyi-i-grazhdanskii-podvig-istorika-i-prosvetitel'ia (data obrashcheniia: 22.12.2016).

Krest'ianinov V.Ia. *Kronshtadtskii miatezh. Khronika sobytii*. St. Petersburg, 2016.

Kushnir A. *100 magnitoal'bomov sovetskogo roka. Izbrannye stranitsy istorii otechestvennogo roka. 1977–1991: 15 let podpol'noi zvukozapisi*. Moscow, 1999.

Maximoff G.P. *The Guillotine at Work. Twenty Years of Terror in Russia (Data and Documents)*. Chicago, 1940.

Musaev V.I. *Rossiiia i Finliandiia: Migratsionnye kontakty i polozhenie diaspor (konets XIX v – 1930-kh gg.)*. St. Petersburg, 2007.

[Okhotin N. B., Roginskii A.B.]. V bor'be za politrezhim: predislovie k razdelu. *Zve-*

n'ia. Istoricheskii al'manakh. Vyp. 1. Moscow, 1991.

Nevalainen P. *Izgoi. Rossiiskie bezhentsy v Finliandii (1917–1939)*, per. M. Leppia. St. Petersburg, 2003.

Razumov A. Pamiati iunosti Lidii Chukovskoi. *Zvezda*, 1999, no. 9.

Rossi Zh. *Spravochnik po GULAGu*. Ch. 2. Moscow, 1991.

Sankt-Peterburg: entsiklopediia. Moscow; St. Petersburg, 2004; 2-e izd., 2006.

Shlapentokh D. *Trotskyists' Approach to Violence in the Late 1920s and Its Implications on the Great Terror. The Soviet Union — a Popular State? Studies on Popular Opinion in the USSR*. T. Vihavainen, editor. St. Petersburg, 2003.

Slavina T.A. *Entsiklopediia "Sankt-Peterburg"*. Programma issledovatel'skoi i izdatel'skoi deiatel'nosti. *Peterburgskie chteniia — 95. Materialy nauchnoi konferentsii 22–26 maia 1995 g.* St. Petersburg, 1995.

И. А. Пронина

Рец.: Дронов И. Е. Александр III и его эпоха. М.: Академический проект, 2016.

Ключевые слова: национализм, консерватизм, либерализм, русско-французский союз, либеральные реформы, железнодорожное строительство.

Перед нами — «научная» монография, которая не содержит ни историографического обзора темы, ни характеристики источников, ни обозначения применяемой методологии. Представленная монография — великолепный образчик применения разнообразных методов пропаганды. Эффективная пропаганда включает, как правило, наличие главного тезиса, относительно легка для аудитории-реципиента и сложна для критики. Главный тезис книги — это противопоставление Святой Руси тлетворному Западу (олицетворяет первую у автора Александр III, второй — Александр II). Легкость восприятия для читателя обеспечивает беллетристический стиль изложения, где есть все — и стиль любовного романа, и романа-катастрофы, и детективные расследования происков «докторов-убийц». Третья составляющая пропаганды — текст сложен для критики, особенно если читатель не имеет соответствующего образования и навыков критического мышления.

В свое время А.Ю. Полунов, анализируя причины и возможные последствия т.н. «романовского бума» в девяностые годы, указывал, что в отличие от академической историографии в историко-публицистической литературе делаются попытки искусственно сконструировать картину монархического благополучия (Полунов 1996: 96–97). Происходит это, писал он, с целью использовать идеализированную историю самодержавия для обоснования разрыва

с Западом и свертывания демократических начал в обществе, отреагировав таким образом на изменения в современной общественной атмосфере. Само общество, по его мнению, не выдерживает «испытания историей» и стремится «вернуться в уютный, хотя и искусственный, мир идеологии, дабы избавиться от тяжелой необходимости самостоятельно вырабатывать подходы к прошлому» (Там же). А.Ю. Полунов писал тогда, что тема романовской монархии, открывшаяся для объективного изучения, грозит вновь погрузиться в волны идеологии.

Всего десять лет понадобилось для того, чтобы прогнозу историка

© Пронина И. А., 2018

Пронина Ирина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, ГОБУК ВО «Волгоградский государственный институт искусств и культуры» (Волгоград); irinakad2011@mail.ru

суждено было сбыться. В 2016 г. в издательстве «Академический проект» вышла фундаментальная монография И. Е. Дронова «Александр III и его эпоха». Книга большого объема — более шестисот страниц, прекрасно изданная, с большим количеством источникового, в т. ч. архивного, материала. Автор стремится дать целостную характеристику эпохи предпоследнего императора, а также убедить читателя в том, что на фоне едва ли не всей русской истории Александр III являет собой исключительную фигуру, настоящий национальный тип, «Великого Царя», сделавшего из России социально умиротворенное, экономически эффективное и национально самобытное государство.

Исследование включает в себя девять глав, периоду правления Александра III посвящены последние три. Седьмая глава под названием «Империя правды» описывает внутреннюю политику Александра III, восьмая посвящена решению национального вопроса, суть которого уже отражена в названии «Россия для русских», последняя, под названием «Удерживающий», посвящена тогдашним русско-французским и русско-германским отношениям. Остальные главы описывают детство, юность и период до момента вступления на престол цесаревича Александра Александровича, в т. ч. его участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Содержание работы выстраивается автором как противопоставление либеральных реформ Александра II, с точки зрения автора, беспочвенных и антинародных, истинно национальному, сословно-демокра-

тическому и патриотическому курсу Александра III. Все привлекаемые автором источники и его аргументация лишь обслуживают заявленную антитезу. Приведем несколько примеров: «...многие реформы оказывались чуть ли не худшим злом, чем то, которое они были призваны поправить» (с. 44); они «...едва не привели к вырубке под корень цветущего сада русской жизни» (Там же); «...суетная бегодня, натужное изображение бурной деятельности якобы на благо народа, стремление переделать все подряд, чтобы только наследить в истории» (с. 420). О политике Александра III: «...народ видел, что государь честен и правдив, что он делает то, что обещает, что авгиевы конюшни коррупции чистятся, что принимаемые им законы справедливы и всегда имеют в виду общее благо» (с. 453); утвердил «русское духовно-историческое наследие вместо буржуазных “общечеловеческих ценностей”» (с. 467). В итоге, убеждает нас автор, он оставил наследнику «процветающую страну» (с. 652).

То же противопоставление применяется И. Е. Дроновым и на личностном уровне. Репутации реформаторов автор «развенчивает» и «свергает с пьедесталов», с удовольствием приводя грубые отзывы Александра III о министрах своего отца: «поганый Шувалов», «г-н Вилляев» о П. А. Валуеве, «болван Рейтерн», А. С. Грейг, «мать которого была семитского происхождения». Собственные характеристики автора идут еще дальше.

Например, уже упоминавшийся министр народного просвещения

А. В. Головнин, благодаря которому были реформированы высшее и среднее образование, дал толчок широкому развитию земской школы, основал Новороссийский университет, удостаивается следующих характеристик: «инфернальной наружности горбун с голосом кастрата» (с. 191). С другой стороны, В. П. Мещерский, консервативный публицист и близкий друг цесаревича, известный современникам как «князь Точка» за призыв остановить реформы, подается автором едва ли не как идеал русского патриота. Внук Карамзина, выходец из аристократического рода, человек с «умственными и литературными интересами», обладавший, как уверяет нас автор, «исключительно живым, ясным умом, творческим и нестандартным» (с. 174), В. П. Мещерский «был настоящим генератором новых идей, иногда вздорных, иногда остроумных, но всегда свежих и неожиданных» (с. 175).

Правда, у современников нравственный и интеллектуальный облик В. П. Мещерского вызывал прямо противоположные оценки. Е. М. Феоктистов, начальник Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел как раз в годы правления Александра III, причину охлаждения к нему наследника престола в 1866 г. объяснял тем, что Мещерский, которому его августейший друг доверил устройство ремесленного училища в Петербурге в память покойного цесаревича Николая Александровича, проворовался самым скандальным образом. «Негодяй, наглец, человек без совести и убеждений, он прикидывался ревностным патриотом — хлесткие фра-

зы о преданности церкви и престолу не сходили у него с языка. Но всех порядочных людей тошнило от его разглагольствований, искренности которых никто не хотел и не мог верить» (Феоктистов 1991: 236). Вообще современники не скрывали к нему своей неприязни, судя по тому ледяному молчанию, которое «озвучило» отмечаемые Мещерским в 1897 и в 1902 гг. юбилеи публицистической и беллетристической деятельности.

Также резко противопоставляются первый министр финансов Александра III Н. Х. Бунге и его преемник И. А. Вышнеградский. Если Н. Х. Бунге обвиняется автором в том, что являлся сторонником либеральной монетаристской политики и выступал за рыночные механизмы регулирования экономики, т. е. «страдал низкопоклонством перед Западом», и вообще был из «немцев», то И. А. Вышнеградский предстает как «талантливый самородок <...> из народных низов», истинно «русский» министр, понимавший особенности России и сделавший ставку на протекционизм.

Действительно, Н. Х. Бунге обладал более широким, теоретическим подходом к решению экономических проблем, однако не смог преодолеть бюджетный дефицит и выступал против поддержки помещичьего землевладения. Поэтому если И. А. Вышнеградский и не страдал «низкопоклонством» перед Западом, то Н. Х. Бунге явно не страдал низкопоклонством перед дворянством, снижая налоги для бедных и одновременно повышая их для богатых слоев. Именно

Н. Х. Бунге начал активно выкупать в казну частные железные дороги и широко финансировать государством машиностроение и металлургию, но все это И. Е. Дронов ставит в заслугу именно И. А. Вышнеградскому.

Именно министерство И. А. Вышнеградского индустриализацию и финансовую стабилизацию проводит за счет сельского хозяйства, в результате чего серьезно подрывается внутренний рынок и разоряется крестьянство. Поэтому именно И. А. Вышнеградский ответственен за складывание условий, вызвавших обострение социально-экономических проблем начала века.

Что касается национального вопроса (восьмая глава), то главным и самым острым, с точки зрения автора, являлся для тогдашней России еврейский вопрос. В главе это две трети от всего ее объема. Причиной неприязни консерваторов к евреям был страх перед угрозой оказаться в кабале еврейского международного капитала, который контролировал частные банки и кредит. Что автор инкриминирует евреям помимо этого? Он констатирует «полный крах» многолетних усилий по «обрусению» еврейского народа; используя образ «зловещей фигуры еврея-шинкаря», отстаивает тезис о спаивании евреями русского народа, захват ими «командных высот» не только в финансово-промышленной сфере, но и в печати и адвокатуре.

То, как автор описывает погромы 1881–1882 гг. («столкновения», — предлагает он термин, свободный

от «либеральной ангажированности». — И. П.), обсуждение правительственными комиссиями еврейской эмансипации, формирование взглядов Александра III на еврейский вопрос, напоминает лучшие образцы черносотенной литературы. Странно только, что, переключаясь на еврейские плечи все смертные грехи и трудности, переживаемые русским государством и русской экономикой, он ссылается только на антисемитскую литературу вроде «Книги Кагала» небезызвестного Якова Брахмана, или приводит антисемитские реплики известных консервативных фигур, таких, например, как Ф. М. Достоевский или И. С. Аксаков, из их неопубликованных дневников. Однако в свое время даже М. Н. Катков указывал, что «евреи везде, где только признают их права, действуют в интересах политического единства страны» (цит. по: (Миллер 2006)).

Мещерский вообще заявлял, что нет еврейской проблемы, а есть проблема беспочвенного лжелиберализма, которым больно русское общество: «вы отреклись от своего бога — сейчас же являются еврей и либерал и занимают ваше место; вы отреклись от самодержавия — то же самое; вы отреклись от вековых ваших преданий — то же самое» (Гражданин 1886). Кстати, он не одобрял идею высылки евреев из крупных городов, считая, что «еврейский капитал мог бы принести большую пользу экономическому развитию страны» (Гражданин 1884). У таких известных консервативных публицистов 1880–1890-х гг., как Лев Тихомиров и Сергей Шаропов, также были оригинальные под-

ходы к еврейской проблеме, однако автор предусмотрительно не берет их во внимание.

Основным сюжетом последней главы служит противоборство России и Германии, на фоне которого раскрывается автором «зловещая» фигура Бисмарка, который едва ли не прямо обвиняется И. Е. Дроновым в сотрудничестве с русским народофильским подпольем, и заключение русско-французского союза, который, по мнению автора, стоил Александру III собственной жизни.

Трудно оценить в представленной монографии те новации, которые наработаны собственно самим исследователем. Не оставляет сомнений тот факт, что главная задача автора — не разобраться в хитросплетениях того сложного времени, не представить собственную — консервативную, либеральную или любую другую — концепцию политики Александра III. Новым, а скорее порядком уже подзабытым старым, представляется другое. Откровенно, незамысловато, в лоб — проводится нехитрая, можно сказать, давно знакомая по советской историографии сороковых годов схема — «правильное», «истинно-русское» начало в борьбе с «злыми» врагами-«космополитами», либералами-западниками.

Как известно, в начале научной работы добросовестный исследователь помещает историографический обзор темы, характеристику источников и обозначение применяемой методологии. Перед нами — «научная» монография, которая

не содержит ни первого, ни второго, ни третьего.

Возможно ли, не используя последние достижения историографии и игнорируя научные методы исследования, добиться новых оригинальных выводов? Ответ очевиден. Обращают на себя внимание еще два важных момента. Во-первых, это характер использованных источников. В основном автор использует дневники и мемуары цесаревича, И. И. Воронцова-Дашкова, А. В. Головина, А. В. Никитенко, Ф. И. Тютчева, С. Ю. Витте, А. В. Богданович; выдержки из статей и писем В. П. Мещерского, К. П. Победоносцева, М. Н. Каткова, Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова, других консервативных деятелей; большое количество различных отчетов и записок правительственных чиновников, много антисемитской литературы. Из более-менее современной научной литературы подбираются только те цитаты, которые могут быть использованы автором для подтверждения его собственных суждений.

Во-вторых, это стиль изложения, весьма далекий от научных стандартов. Приведем несколько примеров: «...нельзя принимать случайные мутации — монстров и вырожденков (речь шла о Иване Грозном и Петре Первом. — И. П.) — <...> за нормальный национальный тип» (с. 6), «русский мужик <...> не ловит кайфа от возможности покуролесить на троне» (с. 7), «все лисы, скорпионы и гиены европейской политики поджали хвосты и потупили глазки» (с. 9), «полакомиться его европейскими ценностями» (с. 62), «не выскочит ли <...> на Невский проспект какая-

нибудь «свобода на баррикадах» топ-лес?» (с. 42), «в Европе подобные побрехушки принимали за чистую монету» (с. 454), «в Европу устремлялись целые табуны состоятельных россиян, чтобы <...> предаться шопингу в парижских и лондонских бутиках» (с. 482). Текст перенасыщен разговорной, оценочной и эмоционально окрашенной лексикой, что присуще как художественной литературе, так и желтой прессе. Подобный стиль выдает целевую аудиторию, для которой подобная литература предназначена. Это люди, которые очень интересуются историей, однако поиски «врагов» России в лице «масонов» и «жидов», критика и обесценивание «мнимых» достижений западной цивилизации, все, чем так активно занят автор, находит в них и отзвук, и понимание, и чаще всего полное принятие. Лелеющие душу чувства национальной исключительности и державного величия, духовного превосходства, национальное чванство — соблазн взаимный.

И последнее. Представленная монография — великолепный образец применения разнообразных манипулятивных методов «промывки мозгов», проще говоря, методов пропаганды. Это и *метод фрагментации*, и *подмена тезиса*, и *концентрация на частностях*, и *переход от обсуждения предмета спора к обсуждению личности (аргумент к личности)*, и *апелляция к очевидности (ложная авторитетность)* и *ложная альтернатива (ложная дилемма)*, метод под названием «*нужны трупы*».

Наиболее часто автор применяет так называемый метод фрагмента-

ции, который сводится к замалчиванию одних фактов и выпячиванию других, таких «фигур умолчания» можно встретить в большом количестве в каждой главе книги. Приведем примеры. Описывая любовную драму цесаревича, автор перекладывает вину за скандал в императорском семействе на Марию Мещерскую, которая, уверяет автор, стремилась подчинить себе наследника престола, но, потерпев неудачу, «выдала» его родителям. Однако спровоцировал скандал в императорской семье и раскрыл тайну их отношений В. П. Мещерский, выкрывший любовные письма цесаревича и передавший их императрице (Жерихина 2013: 210).

Еще один пример связан с земскими учреждениями. Какие только уничижительные характеристики по отношению к земствам не использует автор, в каких только грехах он их не обвиняет — и смешение законодательных и исполнительных функций он ставит им в вину, и непрофессиональный статус гласных, и смешение полномочий органов земского самоуправления и коронной администрации. Хорошо известно, что принципы независимости и самоуправления земств вызывали у бюрократии острое недовольство. Уже с начала реформы правительство начало ограничивать деятельность им же самим введенного земства. Но серьезнейшая работа, которую провела т. н. комиссия М. С. Каханова для улучшения всей системы местных, в т. ч. земских и крестьянских учреждений, именно Александром III была выброшена на ветер, объединить и завершить реформы своего отца

он не захотел. Автор же этот единственный серьезный шаг к улучшению системы местного управления в стране не только не рассматривает, он вообще о нем не упоминает!

Еще один сюжет — коррупция. То, как автор описывает это явление при Александре II, приводит к мысли, что до него — в т. ч. и при Николае I — казнокрадства, мздоимства, злоупотреблений служебным положением чиновников в Российской империи вообще не существовало. Отдадим должное художественным способностям автора: «...государственные институты в эпоху великих реформ быстро вырождались в едва ли не публичные дома, где готовы были торговать чем угодно» (с. 201), «коррупционные схемы в столице были отработаны до мелочей и соблюдались строже, чем воинские уставы» (с. 202). Однако автор, считающий эпоху Николая I одной из лучших в русской истории, а Крымскую войну — принесшей «неувядаемую» славу русскому оружию, мог бы не менее серьезный труд посвятить коррупционной предприимчивости и «твердости» нравственных устоев чиновных патриотов «блестящего» николаевского времени.

Не менее интересно автор описывает две «голодные» истории пореформенного времени — голод в северных губерниях 1868 г. и более масштабный голод 1891–1892 гг., охвативший основную часть Черноземья и среднего Поволжья. Если в первом случае в крестьянских невзгодах автор обвиняет либеральных реформаторов и земства, то во втором случае либералы обви-

няются автором в злорадстве по поводу неэффективности власти. Особые упреки автор почему-то адресует «так называемой свободе печати», от наличия или отсутствия которой, иронизирует он, российское земледелие и его погодно-природные сложные условия не меняются. В ликвидации последствий голода 1868 г. действительно большую роль оказал специально созданный комитет под председательством цесаревича, для того, чтобы справиться со вторым, казна действительно потратила большие суммы денег. Но фигур умолчания и тут предостаточно. Голод 1868 г. получил широкую огласку будучи первым и благодаря которому в деревню были возвращены хлебные магазины и общественные запашки. Однако утверждать, что он был преодолен едва ли не личным героическим усилием цесаревича по крайней мере неблагодарно по отношению к известному земскому деятелю Н. А. Качалову, который сыграл большую роль в координации действий северных земств и особенно по отношению к тогдашней, гораздо более свободной прессе, чем во времена Александра III. Именно печать сыграла ключевую роль, подняла шум и не позволила местным властям замолчать эту историю, что последние очень активно старались сделать (Кочукова 2017: 167–171).

В случае с голодом начала 1890-х гг. автор деликатно не упоминает о том, что для исправления ситуации было упущено несколько месяцев именно благодаря позиции лично императора Александра III. Не доверяя ни земцам, ни журналистам, правительство долго

не хотело официально признавать голод. Более того, местные власти, боявшиеся любых форм общественной активности, нередко закрывали бесплатные столовые и высылали из пострадавших губерний добровольцев-горожан. Именно «злорадствующие» либералы-земцы первыми подняли тревогу, забрасывали правительство просьбами о помощи, пользовались любой возможностью для организации помощи терпящим бедствие крестьянам. К слову сказать, большую финансовую помощь, и благотворительную, и в форме кредитов, предоставили тогда США, хотя об этом автор своим читателям, естественно, не расскажет.

Далее. Александр III подается автором как создатель Добровольного флота. Но душою дела был С. О. Макаров. Александр III — спаситель от голода 1868 г., но главную роль сыграл Н. А. Качалов. Описывая коронацию, автор пишет: «...Александр III стал первым поистине *все-российским* императором, поскольку ему впервые присягнула *вся* Россия, включая и 30 миллионов бывших крепостных крестьян, за которых раньше присягали их помещики-душевноладельцы (выделено автором. — И. П.)» (с. 389). Так и хочется поверить в то, что само дело освобождения крепостных — это тоже историческая заслуга Царя-Миротворца. Манера автора приписывать своему герою чужие достижения — это известная тактика нарциссов: неспособные к серьезным успехам, они заимствуют их в ближайшем окружении. Автор уверяет, что никаких контрреформ не было, все это голословные выдумки

либеральной историографии, однако университетская автономия отменена была, был ликвидирован мировой суд, сведены на нет избирательные земские законы. Прекращение при Александре III студенческих беспорядков, которые раньше были «головной болью для властей» (с. 451), объясняется «чудом <...> нравственного преобразования верховной власти» (Там же). Однако причина «чуда» была вполне прозаической — ужесточение репрессий и введение в качестве наказания такой меры, как отдача протестующих студентов в солдаты. Про дяляновский циркуляр «о кухаркиных детях» — в книге даже упоминания нет.

Второй часто используемый пропагандистский прием — искусственное затемнение картинки реальности, или подмена понятий. Так, подавление русской армией венгерского восстания 1849 г. автор преподносит как «боевые действия» (с. 25). После 1861 г. крестьяне, вполне соглашается автор с тезисом А. Д. Пазухина, осиротели без своих защитников-дворян, которые защищали, оказывается, несчастных от притеснений кулаков и мироедов (с. 428). То есть как минимум два столетия крестьяне барщину, оброк, отработки и арендную плату за пользование землей отработывали и выплачивали вовсе не своим дворянам-помещикам. В доказательство того, что крестьянство «восприняло весьма и весьма благожелательно появление *личного*, конкретного представителя авторитарной власти» (с. 441), автор приводит воспоминание В. П. Мещерского о «характерном отзыве одного помещика»

о мнении крестьян. Как говорится, нет слов. Личное мнение бывшего помещика, наделенного после принятия закона правом «творить скорый суд и расправу “по совести, а не по закону”», автор не краснея выдает за оценку и мнение крестьян.

Еще один пропагандистский прием — перенос частного факта на общую ситуацию. Описывая скандал в Петербургском университете 8 февраля 1881 г., когда один из студентов дал пощечину тогдашнему министру А. А. Сабурову, выступавшему за узаконивание студенческих сходок, автор восклицает: «безобразная <...> история, происшедшая после введения в университетской “республике” “студенческой конституции” Сабурова, показала в миниатюре, каковы были бы последствия даже минимальной дозы “парламентаризма” в России» (с. 343). Для автора неуважение к министру, по всей видимости, — катастрофа поистине вселенского масштаба, представители исполнительной власти — небожители. Вот выпороть политического студента или «не по закону, а по совести» пороть годами крестьян — это в порядке вещей, а ударить министра — это, конечно, опаснейшее потрясение основ.

История со «Священной дружиной» также конструируется в нужном для автора направлении. Целью этой «провокации», с точки зрения автора, было введение в стране конституционного правления. По версии автора, разоблачил ее К. П. Победоносцев, а Александр III, вообще ничего не знавший об организации, приказал всем государственным слу-

жащим, входившим в нее, немедленно покинуть ее ряды. Однако при том, что деятельность «Священной дружины» была хорошо засекречена, исследователи не сомневаются, что и император, и обер-прокурор Синода прекрасно знали о ее деятельности, а Александр III на ее содержание из личных средств выделял миллионы рублей. Первые лица государства искренне полагали, что полиция перед народовольцами бессильна и необходимо создать специальную организацию для защиты государя от покушений. Само создание «Дружины» говорит о многолетнем страхе и неуверенности правительства после убийства Александра II, ведь в тех условиях меры власти по самосохранению были вполне естественны, власти, которая на страницах книги предстает как неколебимая, исторически укорененная и божьим промыслом охраняемая (Черемин 2006; Сенчакова 1967).

Также через всю книгу проходит использование приема «ссылка на авторитеты». Было бы ошибкой утверждать, что автор использует только имена признанных консервативных деятелей — чиновников, писателей, журналистов. Нередко цитируются высказывания, которые поддерживают или отвергают определенную политику и личность, при этом эксплуатируется репутация человека, являющегося источником цитаты. Целью этого является идентификация читателя с авторитетом и принятие предлагаемого мнения. Частный вид этого приема — «ложные цитаты». В этом случае нужная автору мысль преподносится в виде мнения известной

личности, которая не озвучивалась публично и нигде не публиковалась. Так, например, в главе о национальной политике автор пишет: «Было еще одно важное соображение, которое побуждало Аксакова выступать против уравнивания прав евреев в России, но которого он избегал касаться в публичной печати. Уже после смерти Аксакова об этой заветной мысли его поведал на страницах “Гражданина” К. Н. Леонтьев <...> “Покойный Аксаков, — писал Леонтьев, — тоже находил, что тот, кто способствует равноправности евреев в России, уготовляет путь антихристу. Я сам слышал от него эти слова...”» (с. 515).

Описывая поворот внешнеполитического курса Александра III от Германии к Франции, автор сопровождает это таким нагнетанием «страшных историй», что дипломатия начинает казаться самой небезопасной профессией в мире. Известен этот пропагандистский прием как метод под названием «нужны трупы». Именно Германию автор обвиняет в целом ряде смертей русских политиков и общественных деятелей, которые выступали за заключение русско-французского союза. Генерал Скобелев в 1882 г. скоропостижно умирает в Москве, будучи отравлен немкой-агентом Бисмарка (с. 617); в том же году французский политик Леон Гамбетта, ярый противник Германии, погибает от рук международного масонства (Там же); в июле 1887 г. при загадочных обстоятельствах погибает молодой австрийский наследник Рудольф, также сторонник сближения с Россией, а в январе 1887 г. погибает генерал Буланже, стремившийся к рус-

ско-французскому альянсу. «Травля, интриги и инсинуации, направляемые из Берлина, — утверждает автор, — свели в могилу в июле 1887 г. и М. Н. Каткова» (с. 617). Более того, «известный борец с немецким засильем в русской Прибалтике» Юрий Самарин умирает от «пустяшной операции, сделанной ему в Берлине *немецким хирургом*» (выделено автором. — *И. П.*) (с. 618). Более того, продолжает автор, «это кажется невероятным, но именно в 1894 г. (год вступления русско-французского союза в силу. — *И. П.*) смерть выкосила и Александра III, а заодно и президента Франции Карно, поставившего свою подпись под русско-французским пактом!» (с. 622). Вывод автора очевиден: «путь к русско-французскому союзу усеян трупами» (с. 617).

Далее И. Е. Дронов переходит к описанию преждевременной смерти Александра III, в котором вышеописанный метод разворачивается еще и на фоне любимой темы автора о «еврейском заговоре» против России. Автор прямо не пишет, что знаменитый терапевт Г. А. Захарьин «залечил» царя до смерти, но вся приводимая автором информация не оставляет сомнений на счет его мнения. Злонамеренность Г. А. Захарьина, обусловленная еврейскими корнями в его происхождении, сводится к «мести евреев русскому царю», а в качестве доказательства приводятся мнения немецких (!) докторов об ошибках в диагнозе (которые, оказывается, могут быть не только «убийцами», но и вполне компетентными экспертами) и воспоминания второго врача Н. А. Вельяминова. Но интересно

другое. Видимо, понимая, что человеческий организм, его болезни и возможности медицины — дело неоднозначное, автор подкрепляет свое мнение дополнительным «поиском трупов».

Лечил Г. А. Захарьин Александра III дигиталисом — растительным алкалоидом и, по мнению И. Е. Дронова, «крайне удобным средством для случайной передозировки» (с. 639). Это же лекарство, пишет автор, фигурировало в деле «врачей-убийц» на процессе троцкистов, которых обвиняли в преждевременной смерти А. М. Горького и В. В. Куйбышева. «По странному совпадению» возглавлял «банду врачей-убийц» Л. Г. Левин, ученик профессора Г. А. Захарьина (с. 641). В другом процессе — «врачей-евреев» на излете сталинской эпохи — подследственным инкриминировали смерть А. А. Жданова посредством дигиталиса (Там же).

Не менее часто автор использует т. н. «ложную дилемму» (или «ложную альтернативу»). Это логическое рассуждение, в котором исключаются какие-либо возможности, кроме двух рассматриваемых. Иначе говоря, утверждается, что существуют только две возможности, третья не доказывается, большее число возможностей вообще не ищется. Приведем несколько примеров таких «альтернатив» из монографии: либо «подрыв русской государственности», либо «независимость» Польши (с. 169); человек, отвергнувший Христа, мог поклониться только антихристу (с. 296); или естественные права личности — или «все позволено» (с. 299); или

свобода слова и парламент — или «разрушение <...> общества <...>, основанного на главенстве духа, смиренности ума и самоограничении плоти» (выделено автором. — И. П.) (с. 301); либо «общество потребления» — либо Святая Русь (с. 302); либо «ощечеловеческие ценности» — либо традиционное жизнеустройство русского народа, его вера, государственность, моральные устои (с. 310); «если власть царя, помазанника Божия, — от Бога, то власть оспаривающего его суверенитет “парламента” — от кого? Очевидно, от князя тьмы, несущего разделение в царстве» (с. 383). Очевидно, что очень немногие из политических или социальных проблем имеют простые решения, которые можно было бы найти путем простого выбора из нескольких вариантов. Тем не менее использование таких лозунгов является одним из самых распространенных и типичных методов убеждения.

Итак, если эффективная пропаганда включает, как правило, наличие главного тезиса, относительно легка для аудитории-реципиента и сложна для критики, то признаем, автор блестяще справился со своей задачей. Главный тезис — это противопоставление Святой Руси тлетворному Западу (олицетворяет первую у автора Александр III, второй — Александр II). Легкость восприятия для читателя обеспечивает беллетристический стиль изложения, где есть все — и стиль любовного романа, и романа-катастрофы, и детективные расследования происков «докторов-убийц» и внутренней «пятой колонны». Третья составляющая пропаган-

ды — текст действительно сложен для критики, особенно если читатель не имеет соответствующего образования и навыков критического мышления.

Правда, принципиально отвергая западные «рыночные» ценности, автор вовсе не чурается денежного интереса — текст представленной монографии, только под другим названием — «Сильный, державный. Жизнь и царствование Александра III» (Дронов 2017)¹, автор выпускает уже не впервые, достаточно большими тиражами и по вполне коммерческим ценам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гражданин 1884 — Гражданин. 1884. 23 декабря. № 52.

Гражданин 1886 — Гражданин. 1886. 16 июня. № 45.

Дронов 2017 — Дронов И. Е. Сильный, державный. Жизнь и царствование Алек-

¹ До этого книга публиковалась в 2006 и 2012 гг. в других издательствах. Совпадает все — и содержание, и название глав.

сандра III. М.: Русский издательский центр. 2017.

Жерихина 2013 — Жерихина Е. И. Частные дворцы Петербурга. СПб., 2013.

Кочукова 2017 — Кочукова О. В. Голод 1868 года в северных губерниях России и общественная критика либеральных реформ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 167–171.

Миллер 2006 — Миллер А. Империя Романовых и евреи. 6 июня 2006. URL: polit.ru/article/2006/06/06/miller3/.

Полунов 1996 — Полунов А. Ю. Романовы: между историей и идеологией // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 1996.

Сенчакова 1967 — Сенчакова Л. Т. «Священная дружина» и ее состав // Вестник МГУ. Сер. 9. История. 1967. № 2.

Феоктистов 1991 — Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Воспоминания. М., 1991.

Черемин 2006 — Черемин А. М. Священная дружина. Российский опыт борьбы с терроризмом на общественных началах // XXI век: вызовы и угрозы. 2006. № 3, 4.

Rev.: Dronov I. E. Aleksandr III i ego epoha. Moscow: Akademicheskii proekt, 2016.

Pronina Irina A. — candidate of historical sciences, associate professor, “Volgograd state Institute of arts and culture” (Volgograd)

Key words: nationalism, conservatism, liberalism, the Russian-French union, liberal reforms, railway construction.

We see an “academic” monograph paper in history, which does not contain a historiographical review of the topic, nor the characteristics of sources, nor the designation of the methodology used. The presented monograph is an excellent example of the application of various methods of propaganda. Effective propaganda includes, as a rule, the presence of a main thesis, relatively easy for the recipient audience and difficult for criticism. The main

thesis of the book is the opposition of Holy Russia to the pernicious West (the author personifies the first with Alexander III, the second – with Alexander II). Easiness of perception for reader is provided by a fictional style of presentation, where everything is presented – the style of a love story, and a novel-catastrophe, and detective investigation of the machinations of “killer doctors”. The third component of propaganda – the text is difficult for criticism, especially if the reader does not have the appropriate education and critical thinking skills.

REFERENCES

Cheremin A. M. Sviashchennaia družhina. Rossiiskii opyt bor'by s terrorizmom na obshchestvennykh nachalakh. *XXI vek: vyzovy i ugrozy*, 2006, no. 3, 4.

Dronov I. E. *Sil'nyi, derzhavnyi. Zhizn' i tsarstvovanie Aleksandra III*. Moscow: Russkii izdatel'skii tsentr. 2017.

Feoktistov E. *Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896. Vospominaniia*. Moscow, 1991.

Grazhdanin, 1884, 23 dekabria, no. 52.

Grazhdanin, 1886, 16 iyunia, no. 45.

Kochukova O. V. Golod 1868 goda v severnykh guberniiakh Rossii i obshchestvennaia kritika liberal'nykh reform. *Izvestiia*

Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia, 2017, vol. 17, vyp. 2, p. 167–171.

Miller A. *Imperiia Romanovykh i evrei*. 6 iyunia 2006. URL: polit.ru/article/2006/06/06/miller3/.

Polunov A. Iu. Romanovy: mezhdue istoriei i ideologii. *Istoricheskie issledovaniia v Rossii. Tendentsii poslednikh let*, pod red. G. A. Bordiugova. Moscow, 1996.

Senchakova L. T. "Sviashchennaia družhina" i ee sostav. *Vestnik MGU*, ser. 9, Istorii, 1967, no. 2.

Zherikhina E. I. *Chastnye dvortsy Peterburga*. St. Petersburg, 2013.

П. Ю. Уваров

КОНЕЦ «СТРАНЫ СОВЕТОВ», ИЛИ О РЕПУТАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМАХ И НЕТЕРПИМОСТИ К ХАЛТУРЕ

Ключевые слова: Высшая аттестационная комиссия (ВАК), историческое сообщество, диссертация В. Р. Мединского, халтура, репутация.

Крупный российский историк-медиевист, в течение ряда лет возглавлявший экспертный совет ВАКа по истории, на основании собственного богатого опыта делится с читателями размышлениями о существующих в России механизмах научной аттестации.

НЕОЖИДАННЫЕ ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ, А ТАКЖЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Первая часть заголовка отсылает к рубрике, в которой я пытался организовать в «Исторической экспертизе» (далее ИЭ) регулярные рассказы членов экспертного совета ВАК по истории о своей работе. Теперь я ушел из экспертного совета, да и сам он будет в скором времени почти полностью подвергнут ротации.

© Уваров П. Ю., 2018

Уваров Павел Юрьевич — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой Социальной истории Факультета истории Высшей школы экономики, профессор РГГУ (Москва); ouprav@mail.ru

Так что проект «Новости Страны Советов» закрывается. Вторая часть заголовка заимствована из названия, придуманного редакцией для моего первого интервью ИЭ: «Важно, чтобы заработали репутационные механизмы, чтобы сформировалась научная среда, непримиримая к плагиату и к халтуре» (см. № 2 от 2016 г., с. 106–112). Сегодня, когда от «казуса Мединского» у всех осталось терпкое послевкусие и когда «передовая общественность» только и делает, что клянёт ВАК, не звучит ли такое высказывание издевательски?

Как ни странно — нет. Грянувший скандал как раз и вызван тем, что шестеренки репутационных механизмов, хоть нехотя и со скри-

пом, но все-таки начинают приходить в движение, а нетерпимости к халтуре и плагиату теперь явно больше, чем пять-шесть лет назад. Значит, ВАК движется в правильном направлении. И кажущая университетской практикой полная видеозаписи защит, и требования вывешивать полный текст диссертации при строгом соблюдении сроков, и, главное, обидное для оппонентов требование предоставлять список последних работ, имеющих отношение к теме диссертации, — соблюдение всех этих требований, вроде бы столь нелепых — делают повторение «казуса Мединского» невозможным. Сегодня не может быть защиты с оппонентами, чуждыми данной теме, не говоря уже о всех прочих странностях этой работы.

Поэтому надо помнить о том, что перед нами — «дела давно минувших дней», времени, когда председателем ВАК был не В.М. Филиппов и еще даже не Ф.И. Шамхалов, да и сама эта организация еще не подчинялась Министерству образования и науки.

Поэтому я не подписываю петиций, призывающих отменить ВАК или срочно сместить все его руководство. Лучше вряд ли будет.

Что же касается самой диссертации В.Р. Мединского, то я высказал свое мнение на страницах «Независимой газеты» ([URL: www.ng.ru/kartblansh/2017-10-23/3_7100_kartblansh.html](http://www.ng.ru/kartblansh/2017-10-23/3_7100_kartblansh.html)), конечно, готов продолжить разговор об этом и, наверное, еще продолжу, но не сегодня, сегодня — о другом. О ВАКовской судьбе всей этой истории.

Но перед этим надо сделать три замечания, чтобы потом к этому не возвращаться:

1. Лишение ученой степени и отказ в утверждении диссертации — принципиально разные вещи. Утвердить или не утвердить диссертацию, защищенную в диссертационном совете, — в этом, собственно, и состоит рутинная работа экспертного совета ВАК. Лишение степени — мера исключительная. До сих пор она применялась в тех случаях, когда были доказаны массивные «некорректные заимствования» (эвфемизм плагиата), фальсификация приводимых данных (наличие «липовых» публикаций), грубое нарушение правил защиты, определенных на тот момент «Порядком присуждения ученых степеней».

2. В «Положении о защите» не говорится о том, что лишать степени можно только по формальным соображениям. Перечислены требования к диссертационному исследованию, которые можно трактовать так, что несоответствие одному из требований (например, научности) служит достаточным поводом, чтобы возбудить дело о лишении ученой степени. Ссылки на отсутствие прецедентов или на чье-то мнение не являются основанием отклонять такое заявление о лишении ученой степени (ЗОЛУС).

3. Часто приходится слышать: «Почему так называемое научное сообщество вовремя не обратило внимания на диссертацию В.Р. Мединского?» А как это было возможно при прежнем порядке защит и отсутствии текста самой диссертации

в Интернете? Тем более что не было среди оппонентов специалистов по XV–XVII вв., не было какого-либо публичного обсуждения работы с участием профессионалов — все это окружало происходящее в РГСУ завесой тайны. А как только радостное событие защиты стало явью — появились отзывы, начиная с «пещерного источниковедения» А. Н. Лобина, а затем и многие другие. Когда же появилась достаточно массовая практика «заявлений о лишении ученой степени» за плагиат и прочие нарушения, дошла очередь и до ЗОЛУСа, подписанного филологом-классиком И. Ф. Бабицким и докторами исторических наук К. Ю. Ерусалимским и В. Н. Козляковым. Напомню, их заявление содержало претензии не столько по части плагиата, сколько к содержанию работы, изобиловавшей ошибками, заставляющими усомниться в научной квалификации автора.

ОХОТА НА МИНИСТРОВ ДОЛЖНА БЫТЬ ЗАПРЕЩЕНА

О том, как я в принципе отношусь к перспективе лишения степени по причинам, связанным с научным содержанием диссертации, мы еще поговорим. Но в данном случае героем заявления становится министр. И одно это, мягко говоря, сильно затрудняет объективную оценку его творчества. Во всяком случае — в нашей стране. Это естественно. Это в Германии министр расстался со своим постом из-за обвинения в плагиате, но мы живем не в Германии. У нас все иначе, к тому же немецкого министра

обвинили в плагиате, а не в том, что он написал плохую диссертацию. В последнем случае требуется не просто подсчет заимствований, а объективная научная экспертиза, а вот она-то и встречает ряд препятствий.

Во-первых, в нашей политической культуре или, скажу даже больше — в нашей дискурсивной практике, — министр всегда неправ. Хороших министров культуры и министров просвещения не бывает. Таковыми они могут стать в памяти современников, лишь после того, как оставят свой пост. Таков наш менталитет, достаточно почитать великолепный дневник А. Н. Савина «Университетские дела», чтобы понять, как обстояли дела более ста лет назад, когда, кстати, историческая наука в Российской империи переживала свой золотой век. В общественном мнении российский министр не может рассчитывать на презумпцию невиновности.

Зато с точки зрения государства любой министр «свой», и под давлением общественного мнения у нас министров не снимают. Таковы правила игры. Потом, может быть, и снимут. Но не по «мнению народному» и уж точно не по решению ВАК.

Министр обладает несравнимо большими информационными и властными ресурсами, чем его критики. С другой стороны, у министра очень плотный график работы, и если ему одновременно с этой своей деятельностью надо будет сидеть в библиотеках и архивах, готовя ответы оппонентам, и присутствовать

на заседаниях диссертационных советов и иных инстанций, где слушается его дело, то на исполнение прямых обязанностей времени точно не будет. А действовать через каких-то доверенных лиц получается еще хуже.

Отделена ли наука от государства и в какой степени она обладает автономией — вопрос особый. Однако вспомним, что год назад президент России освободил чиновников, избранных в члены РАН, от занимаемых ими ответственных должностей, коль скоро им пришлось выбирать между служением науке и исполнением своих прямых обязанностей.

А в том случае, когда речь идет о «выстреле из прошлого», я бы вообще предложил объявить мораторий: пока человек занимает важную государственную должность, например в ранге министра, то заявление о лишении его ученой степени принимается, регистрируется, но, если речь не идет об обвинении в плагиате, рассматриваться оно будет лишь после того, как данный чиновник перестанет занимать свою должность. Пожизненных министров, кажется, у нас пока нет. В качестве компромисса можно предписать министру временно убрать со своих визитных карточек указание на обладание ученой степенью.

Главное же в том, что ЗОЛУС в данном случае предполагает научную экспертизу. И ученые, призванные эту экспертизу проводить, заранее оказываются под прессом соображений, далеких от идеалов чистой науки.

Если ты согласен с заявителями, то тебя обвинят в том, что ты занимаешь антигосударственную позицию. Со всеми вытекающими последствиями: от публичных оскорблений со стороны телевизионных монстров до методов мягкой силы — твой родной НИИ могут ранжировать по низшей категории, твой университет может не попасть в очередной список «топ-100», а самому тебе напомнят, что скоро истекает срок твоего контракта. Способов подтвердить наблюдение поэта о том, что «власть омерзительна, как руки брадобрея», в нашей стране немало.

Но если ты с заявителями не согласен по тем или иным причинам, то тогда не сильно лучше — ты безнадежно подрываешь свою репутацию, тебя назовут подхалимом и лизоблюдом и дальше ты будешь идти по жизни, как сказал другой поэт, «сквозь револьверный лай» фейсбука.

Так ученый помимо своей воли оказывается вовлечен в ситуацию не научного, а нравственного выбора. И к этому экзистенциальному решению, в любом случае чреватому неизбежными потерями того или иного свойства, эксперт, как правило, не очень готов.

И потому «дело Мединского» и перебрасывалось из совета в совет, как горячая картофелина.

Ну ладно, заявление взяли и зарегистрировали, меня не спросили. А зарегистрированному заявлению надлежало двигаться в соответствии с установленной процедурой. Через некоторое время оно появилось в нашем экспертном совете.

ТРУДНОСТИ ВЫБОРА

Экспертный совет не имеет права решать дело сам. Действовать надо в соответствии со строгими правилами. Если поступает заявление о лишении ученой степени, диссертацию нужно направить прежде всего в тот совет, где она защищалась, чтобы с ним там ознакомились и дали ответ. Неудивительно, что почти в 80 % случаев диссертационный совет отвечает, что заявление очень плохое, а диссертация, наоборот, очень хорошая. А затем экспертный совет решает, что делать дальше: соглашаться или отправлять в какой-то другой совет, для того чтобы иметь независимое суждение.

Однако часто бывает так, что диссертационного совета уже не существует. Вот тогда диссертацию сразу направляют в какой-то иной совет данного профиля. Точнее, экспертный совет предлагает президиуму ВАК это сделать, а президиум соглашается или предлагает какое-то иное решение. Как показывает практика, решение «стороннего» совета для диссертации чаще бывает неблагоприятно.

В данном случае совет РГСУ, где защищался министр, был распущен в связи с накопившимися замечаниями. Предстояло решить, куда направить заявление и диссертацию и представить свой выбор на рассмотрение президиума.

Мы решили, что отправлять дело надо в совет, пользующийся безусловным научным авторитетом, в состав которого входят хорошие специалисты по российской ис-

тории XV–XVII вв. Первой была мысль об СПбГУ, благо там работают А. И. Филюшкин, А. В. Сиренов, да и другие известные историки. Этой мыслью я поделился с руководством ВАК, но мне возразили, что поскольку СПбГУ уже встал на путь реформирования советов по новым правилам и выходит из подчинения ВАК, то ректор непременно откажется от такого предложения. Такие же опасения высказывались и в отношении МГУ, также начавшего процесс расставания с ВАК.

В Санкт-Петербурге еще есть сильный совет в Институте истории РАН, однако он еще не оправился от «дела Александра», и вновь обречь его на испытания, вовлекая в игры с властью, было бы уж совсем несправедливо.

Наилучшим выходом было бы отправить дело в Институт российской истории РАН. Но на автореферате, имевшемся в деле, значилась фамилия оппонента — заместителя директора этого института В. А. Лаврова. С тех пор он ушел из института, но все же формальные основания для отказа у руководства имелись, и было ясно, что оно этим поводом воспользуется. Это было обидно, поскольку исход разбирательства был там отнюдь не предрешен — в диссертационном совете были как вероятные противники, так и заведомые сторонники В. Р. Мединского. Дискуссия носила бы принципиальный характер.

Вариант с моим родным советом в ИВИ РАН был менее интересен.

По российской истории у нас специалистов не так много, и к тому же я-то знал, что, независимо от позиции председателя совета, исход голосования был слишком уж предсказуем и малопривлекателен для автора диссертации.

А начальство торопило, делу обязательно надо было дать ход до того, как президиум разойдется на каникулы в середине июля. И выбор пал на диссертационный совет по истории Уральского федерального университета.

УРАЛЬСКАЯ РАПСОДИЯ

В состав совета УРФУ входят хорошие специалисты по русской истории XVI–XVII вв., а также медиевисты-«западники» и византинисты, способные читать оригиналы источников, на которые ссылался автор диссертации. Немаловажным было и то, что совет располагал учеными, занимающимися проблемами исторической памяти, изучением «образа другого», что также имело прямое отношение к теме диссертации. Но для меня главным было то, что этот диссертационный совет всегда отличала высокая исполнительская дисциплина. Они уже несколько раз выполняли задания ВАК по экспертизе работ, причем делали это качественно и в срок. К сожалению, этого нельзя сказать про большинство других советов: порой диссертацию просто не забирали на почте, теряли, сроки экспертизы безбожно затягивались. И еще один аргумент был для меня очень важным. Ученые из этого совета, во всяком случае те, кого

я знаю, — люди крепкие, самобытные. Они удалены от столичных тусовок, у них на все есть свое собственное мнение, и давить на них — контрпродуктивно.

Коллеги из УРФУ, конечно, не были в восторге от оказанной им чести. «Что мы сделали Уварову плохого, за что ВАК нас так наказал?» — сетовали уральцы. Однако за дело взялись, предупредив, что работу могут начать не раньше сентября, после отпусков. Можно было бы попытаться остановить весь запущенный механизм и отложить отсылку документов на сентябрь, но ведь руководство нас торопило, вероятно, реагируя на позицию Минобрнауки.

Напомню, что заявление поступило и ушло в работу в ту пору, когда министерство возглавлял Д. В. Ливанов, при котором ЗОЛУСы в отношении высокопоставленных плагиаторов стали явлением частым. А с 19 августа министром стала О. Ю. Васильева, подобную практику не поощряющая. «Казус Мединского» стал если не первым, то одним из первых ребусов, которые ей предстояло решить.

Тем временем проект заключения Екатеринбургского совета был подготовлен к концу сентября, и заседание 4 октября 2016 г. было посвящено этому вопросу. Сам В. Р. Мединский на него не приехал по причине важного мероприятия в Казахстане, отправив на Урал своих представителей (по-моему, ими были К. А. Аверьянов, М. Ю. Мягков, С. Ф. Черняховский). К разочарованию собравшихся журналистов,

председатель диссертационного совета зачитал письмо, в котором диссертант попросил перенести заседание на месяц, поскольку ему хотелось бы лично присутствовать на заседании столь уважаемого собрания. Совет, имевший право рассматривать вопрос и в отсутствие одной из сторон, все же согласился отложить решение этого вопроса, проявив тем самым свою добрую волю.

Я не видел уральского проекта заключения. Наверное, если бы очень захотел, то смог бы с ним ознакомиться, но не стал этого делать, желая сохранить непредвзятое мнение. А вот К. А. Аверьянов его прочитал и ужаснулся. Подозреваю, что оно выставляло диссертацию и ее автора в весьма неприглядном виде. Думается, что тревога была ложной. Во-первых, проект и итоговое заключение — вещи разные. Я знаю, что значительная часть совета была настроена значительно менее воинственно, и резкую формулировку, скорее всего, не утвердили бы. Но если бы она и прошла, то наш экспертный совет вряд ли бы с ней согласился, выработав более компромиссный вариант. В конце концов — диссертацию, наконец, обсудили профессионалы (чего остро не хватало на всех предыдущих этапах), недостатки выявили, а уж достаточно ли их для лишения степени — это решать будет президиум. Скандал бы все равно был, но, конечно, не такой сильный, каким он получился в итоге.

Вот тогда и произошло что-то очень важное. Насколько я представляю, события развивались

следующим образом. Представители В. Р. Мединского убедили его в том, что проект заключения нельзя предавать огласке и что дело любой ценой надо забрать из Екатеринбурга. Судя по всему, либо сам министр, либо кто-то из его окружения обратился к О. Ю. Васильевой с просьбой о содействии. Из Минобрнауки поступило распоряжение в ВАК сделать все возможное, чтобы дезавуировать решение диссертационного совета УРФУ. Руководство ВАК вспомнило, что совет аж на четыре дня превысил отведенный «положением о защите» двухмесячный срок рассмотрения и под этим предлогом забрало дело. Решение столь же элегантное, сколь и надуманное, коль скоро двухмесячный срок прочими советами обычно не соблюдался. Да и дело, направленное в Екатеринбург в период каникул, заведомо не могло быть рассмотрено в двухмесячный срок, о чем уральцы сразу же предупредили.

Конечно, они могли бы протестовать, но не стали. Для них ситуация разрешилась наилучшим образом — и научную репутацию сохранили, и в открытую конфронтацию с Министерством образования и науки не вступили. Видимо, в этот момент было заключено некое джентльменское соглашение — дело забирают из совета, никаких замечаний и репрессий в отношении его и УРФУ в целом не будет, но убийственный для репутации В. Р. Мединского проект заключения останется для всех тайной. Его как бы не существует. Уральцы свое слово сдержали. Проект так и не появился в Сети.

ХОЖДЕНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО МУКАМ

Видимо, в отношении меня у начальства уже возникли обоснованные подозрения если не в недостатке лояльности, то в недостатке сообразительности, поэтому руководство ВАК, координируя свои действия с двумя министрами, начало на сей раз без меня искать новый совет, куда можно направить диссертацию. Поиски «вменяемого» совета велись и в регионах, и в столице. Но председатели диссертационных советов как могли отбивались от токсичной диссертации. Самым надежным аргументом был намек на то, что раз голосование тайное, то совет может и не проголосовать за нужное начальству решение. Наконец, вновь вспомнили об МГУ.

Да, ректор имел формальные основания отказаться от этого заманчивого предложения. Но, насколько я понимаю, в ноябре состоялось какое-то совещание на очень высоком уровне, ректора настоятельно попросили проявить любезность. Министры могли быть довольны — авторитет МГУ не мог вызвать сомнений, и вместе с тем централизованная система управления при В.А. Садовничем обычно сбоя не дает, и потому бунт против предписаний ректора казался маловероятным.

Когда же мне предложили согласиться с выбором в пользу диссертационного совета МГУ (№ Д501.001.72), я, конечно, не стал возражать. Уж в этом-то совете недостатка в хороших специалистах по русскому средневековью не было. Диссертацию обсудят профессионалы, а именно

этого я и добивался. К тому же это окончательно убирало дамоклов меч, подвешенный над советом УРФУ по моей вине.

24 ноября 2016 г. на заседании президиума ВАК я от нашего экспертного совета предложил направить дело в МГУ. Предложение вызвало протесты «новичков», недавно введенных в состав президиума на инерционной волне ливановских реформ по «демократизации» работы ВАК. Они хотели вернуть диссертацию на Урал. Но большинство проголосовало за МГУ.

Все были довольны. В.М. Филиппов объяснял журналистам, что дело В.Р. Мединского передано лучшим специалистам по данной проблеме. О.Ю. Васильева радовалась, обещая «яркий научный спор» на защите в МГУ.

Но ни два министра, ни председатель ВАК (ни даже председатель ЭС по истории) в университете не обучались и потому явно не были готовы к тому, что произошло дальше. Диссертация просто потерялась (то ли не тот шифр совета был указан в сопровождающих документах, то ли не тот адрес, то ли забыли из канцелярии ректора отправить ее на факультет). Во всяком случае, в диссертационный совет дело не попало, сознательно это произошло или нет — решайте сами. И только когда двухмесячный срок практически закончился, диссертация появилась, наконец, на историческом факультете.

Чтобы оценить всю красоту комбинации, разыгранной на приснопятом заседании 7 февраля

2017 г., лучше будет взять интервью у кого-нибудь из присутствовавших там историков. Итог всем известен: диссертацию рассматривать не стали, пролистали ЗОЛУС и, не найдя обвинений в плагиате, вернули дело в ВАК. Моментально после этого совет был закрыт якобы в связи с реформой (на самом деле его собирались закрывать лишь осенью). Университетское руководство, как оно считало, сохранило лицо (с чем, однако, согласны были не все), уважило просьбу министров. И теперь могло быть довольно.

В. Р. Мединский и его штаб решили, что могут праздновать победу, однако было ясно, что дело не закрыто. «Яркого обсуждения» не получилось.

Несмотря на возмущение авторов ЗОЛУСА, активистов «Диссернета» и «оппозиционных» членов президиума, наступило затишье. И я начал было готовиться к тому, что теперь-то диссертация прямо попадет в наш экспертный совет. Но, видимо, двусмысленное решение, обеспеченное дриблингом МГУ, не показалось Минобрнауки достойным основанием для того, чтобы победу счесть убедительной.

Я, наконец, был приглашен ВАКовским начальством и услышал фразу, изрядно подзабытую мной с советских времен: «Есть мнение...» На сей раз авторитетное мнение указывало на Белгородский университет как на оптимальный выбор. Я мало что знал об этом совете и запросил список его членов с росписью их специализации. Моему упрямству подивились, но список вскоре принесли.

Взглянув на него и не обнаружив ни одного специалиста по российской истории, предшествовавшей XIX в., я заявил, что экспертный совет не поддержит этот выбор. Начали думать сами о других кандидатурах. Мы предложили советы Воронежского и Нижегородского университетов, раз уж решено перенести дело подальше от Москвы. Но тут выяснилось, что В. В. Пенской, который значился в списке членов Белгородского совета как специалист по битве на Курской дуге, является еще автором ряда работ по русской истории XVI–XVII вв. и, что особенно интересно, участником полемики по поводу диссертации Мединского. Сомнений в том, что Белгородский университет проголосует в пользу министра, у меня, конечно, не было, иначе фразу «есть мнение» произносить не стали бы. Но научное, квалифицированное обсуждение диссертации, «яркий научный спор» был, как я полагал, все же вероятен, и тогда хоть какие-то научные приличия были бы соблюдены. Поэтому экспертный совет включил в список своих предложений президиуму, помимо Воронежского и Нижегородского советов, еще и совет при БелГУ. Моим коллегам из Воронежа и Нижнего советую пойти в церковь и поставить свечки своим святым патронам за то, что их минула чаша сия. А еще лучше — поблагодарить В. В. Пенского за самый факт его существования, поскольку иначе я бы никогда не согласился отправить диссертацию в Белгород.

Министры не ошиблись в выборе — 07.07.2017 диссертационный совет проголосовал против ЗОЛУСа девятнадцатью голосами «за» при

трех воздержавшихся. Диссертант был назван «великим человеком».

Самое главное, что диссертацию вновь обсуждать по существу не стали, острое критики было направлено против наглых заявителей. Позже я не без удивления узнал, что В. В. Пенского так и не включили в состав рабочей группы, назначенной советом для подготовки заключения. Подозреваю, что сам он не особенно огорчился по этому поводу. Хотя, участвуя он в подготовке проекта заключения, его критические замечания не переубедили бы коллег, зато хотя бы видимость научной дискуссии была бы создана. Однако Белгородский совет предпочел не играть в «объективность» и не рисковать, сочтя, что лояльность выше приличий. И не прогадал. Белгородский университет теперь открывает список девятнадцати вузов, которым, согласно августовскому постановлению Правительства России, с 1 сентября 2017 г. дано право самостоятельно присуждать ученые степени кандидата и доктора наук. А российская фразеология пополнилась теперь идиоматическим выражением — «белгородские историки», наподобие «басманного правосудия». С чем их можно поздравить.

Однако, забегаю вперед, скажу, что и с ЗОЛУСом они, равно как и их коллеги из МГУ, толком не ознакомились, упустив некие важные детали, как то: сомнения в реальности указанных диссертантом печатных работ. Не случайно ведь праздник благолепия в Белгороде был слегка подпорчен пылким представителем «Диссернета» А. В. Заякиным, кото-

рый прорвался к трибуне и, вырвав из рук представителя диссертанта монографию, стал доказывать, что она вышла в свет после защиты и потому данные, приведенные в автореферате, являются заведомой ложью. Но, понятное дело, слушать его никто не стал.

После этого опять наступило затишье, и я уж стал думать, что начальство изобретет что-нибудь, чтобы обойти ЭС ВАК стороной. Но нет, к началу сентября дело все-таки поступило к нам.

НА ПУТИ К РАЗВЯЗКЕ

4 сентября на заседании экспертного совета был определен состав рабочей группы для подготовки проекта заключения. В нее вошли пять историков, занимающихся русской историей XV–XVII вв., специалист по западному средневековью, специалист по изучению «образа другого». Я в комиссию себя не включил, хотя к теме диссертации имел непосредственное отношение как переводчик записок капитана Маржерета.

Наш совет настраивался на торжественный лад. Хотели мы этого или нет, но нам не оставили выбора — раз диссертацию не обсуждали по существу ни разу, то это придется делать нам. При этом я загодя разослал текст диссертации и заявления всем членам совета. Раз им предстоит голосовать по вопросу, имеющему принципиальное значение для исторической науки и, скорее всего, для будущих судеб членов экспертного совета, никого

использовать вслепую не хотелось. С диссертацией и заявлением имели возможность ознакомиться все, а если кто-то этого не сделал — таков был его личный выбор.

19 сентября проект заключения на 12 страницах был подготовлен. На совещании рабочей группы присутствовал и я. То, что в этом тексте диссертация была подвергнута весьма квалифицированному и взвешенному анализу, сомнений не было. Споры вызывала итоговая формулировка. Большинство членов рабочей группы настаивало на том, чтобы рекомендовать президиуму лишить автора ученой степени, но с этим были согласны не все, и я в том числе.

В течение сентября со мной интенсивно общалось начальство. По мере того, как настрой рабочей группы обретал свои очертания, мои собеседники становились все более грустными. Будучи умными людьми, они прекрасно знали цену диссертации, но почему-то верили в меня, полагая, что голосование экспертного совета будет определяться моей позицией. К тому же они знали, что я вообще противник лишения степеней и готов к поиску компромисса. Я попросил подсказать юридически грамотную формулировку, из которой следовало бы, что диссертация плохая и ВАК сегодня нипочем не утвердил бы ее, если бы речь шла о защите, но все же лишать за нее степени мы не рекомендуем. Такой формулировки мне никто так и не предложил. А от экспертного совета требовался однозначный ответ, никаких «да, но». И компромиссы были абсолютно

не нужны ни заявителям, ни диссертанту.

Я мог лишь обещать, что, в силу личных убеждений, сам не буду голосовать за лишение степени и что на президиуме ВАК выскажу свое частное мнение по данному вопросу, а на экспертном совете дам возможность выдвинуть также альтернативный, положительный для диссертанта вариант постановления. Надо обеспечить свободный обмен мнениями, а там уж — как получится. На том и порешили. В конце концов, последнее слово все равно будет за президиумом.

Незадолго перед заседанием стало ясно, что В.Р. Мединского на нем не будет (он справедливо рассчитал, что ему выгоднее эффективно появиться на заключительном этапе — на заседании президиума). За несколько дней до назначенной даты ко мне обратился М.Ю. Мягков с просьбой допустить на заседание четверых представителей диссертанта. Я не стал возражать, вызвав недовольство коллег по совету, поскольку мы вовсе не обязаны были допускать зрителей и болельщиков на наше заседание. Но я считал, что им можно будет задать некоторые важные вопросы.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Заседание состоялось 2 октября 2017 г. Вопрос о диссертации В.Р. Мединского был далеко не единственным в повестке дня — нам предстояло разрешить еще множество важных дел, но начали, разумеется, именно с этого пункта.

Я попросил разложить по столам экземпляры проекта заключения, с которым нам предстояло работать.

Сторону авторов ЗОЛУС, как всегда, представлял И. Ф. Бабицкий. В этом месте позволю себе небольшое отступление. На всех этапах от тройки заявителей всегда выступал именно Бабицкий, в одном и том же свитере, и с рюкзачком, перекинутым через плечо подобно праще Давида. Один раз филологического Давида против чиновно-исторического Голиафа выпустить можно, но, право же, его соавторы — доктора исторических наук, люди более академического вида, подороднее, в пиджаках и галстуках, смотрелись бы более органично. В особенности — на последнем, решающем заседании президиума.

От министра пришли пятеро — М. Ю. Мягков, С. Ф. Черняховский и К. А. Аверьянов, а также представитель от Белгородского совета и представитель от давно распущенного совета РГСУ.

Я понимал, что результаты нашего голосования, скорее всего, будут не в пользу министра. Но все же считал, что перевес будет небольшим, например — 11 человек за лишение степени, 9 — против, а я — воздержусь, о чем заранее всех предупредил. Руководство ВАК было не в восторге от моего прогноза, но в целом, кажется, уже смирилось с таким итогом. Проблемное голосование облегчило бы президиуму задачу не согласиться с нашим решением. Но получилось иначе — рекомендация о лишении степени прошла практически с «туркмен-

ским счетом»: 17 «за», 3 «против» при одном воздержавшемся.

Почему так произошло? Понятно, что медиевисты изначально были против — любой нормальный историк, работающий со средневековыми памятниками, столкнувшись с «пещерным источниковедением» диссертанта, неизменно хватался за сердце. Но остальные члены совета вроде бы удалены от этой проблематики и уж точно мало кого можно отнести к «либеральной тусовке» — люди все больше серьезные, при чинах, при должностях. Конечно, знакомство с этим текстом у коллег, уже привыкших анализировать диссертации, вызывало, мягко говоря, недоумение. И все же, я уверен, что на выбор повлиял сам ход обсуждения.

Сперва эlegantный М. Ю. Мягков зачитал письмо министра, излагавшего свое видение проблемы. Оно было вполне ожидаемым и относительно корректным. Вот после этого и уйти бы всем приглашенным. Но нет.

Представитель РГСУ на мой вопрос о странном выборе оппонентов, не имеющих прямого отношения к теме диссертации, откровенно ответил, что на тот момент подобная практика не противоречила закону. Что не запрещено, то, как известно, разрешено. Представитель БелГУ на вопрос о том, почему В. В. Пенского не включили в состав рабочей группы по подготовке заключения, не менее честно заявил, что в их совете он числится как представитель иной специализации, чем та, по которой была защищена диссертация.

Ну-ну. Как будто остальные члены комиссии имели хоть какое-то отношение к этой теме.

Затем К. А. Аверьянов вдруг начал яростно ругать проект заключения, вынесенного советом УРФУ год назад. По его словам, они принялись искать черную кошку в темной комнате, в которой ее нет, и экспертному совету ни в коем случае нельзя идти этим путем. Тем самым он первым нарушил джентльменское соглашение, согласно которому все произошедшее год назад предполагалось забыть. Нам-то зачем эта информация? Но гвоздем программы было выступление С. Ф. Черняховского, академика Академии политической науки, который хорошо поставленным голосом заявил, что сомнений в качестве диссертации быть не может, поскольку лучшие ученые МГУ в течение трех месяцев досконально изучали ее и пришли к выводу о высочайшем качестве этой работы.

В состав экспертного совета по истории входят люди, бывшие на том памятном заседании совета МГУ, когда диссертация внезапно появилась на столе и было официально принято решение не рассматривать ее по существу. Мы все прекрасно знали реальное положение дел в МГУ. Трудно представить, что академик этого не понимал. Зачем ему было лгать столь вызывающе? Загадка.

Вот все эти красноречивые выступления и были соломинкой, переломившей спину верблюда. Расклад получился кристально чист: не либералы против патриотов, не хип-

стеры против государственников, а специалисты-историки против воинствующего непрофессионализма и халтуры. Так что министр может благодарить за исход голосования свою команду. И это не сарказм.

Оставшись без посторонних, мы долго спорили о формулировках заключения. Что-то смягчили, что-то усилили в тексте. Но важна была итоговая часть. Как после всего услышанного сказать, что экспертный совет рекомендует сохранить степень? По мнению большинства членов совета, это значило не уважать самих себя, свой труд и, главное, навсегда похоронить репутацию профессионального сообщества российских историков.

Мои аргументы и, главное, красноречивые доводы уважаемого коллегами заместителя председателя экспертного совета П. П. Шкаренкова о том, что само по себе лишение степени по причине качества работы создает опасный прецедент, чреватый разрушением всего здания гуманитарной науки, на сей раз мало кого убедили. Предложение оставить заключение как есть и просто не давать итоговой фразы (пусть, мол, будет юридически безграмотно, но искренне) не прошло. Такой документ вообще никто не воспримет всерьез. От него просто отмахнутся.

В итоге на голосование было выдвинуто два предложения — рекомендовать лишить степени или же рекомендовать степень оставить. Трое проголосовали против лишения. Но уверяю, что ни один из них не считал диссертацию хорошей, речь лишь шла о самом принципе.

Мы огласили решение через два часа после начала работы. И сразу же принялись решать другие вопросы, не терпящие отлагательств: речь шла о судьбе журналов, которым грозило исключение из списка ВАК, затем рассматривались накопившиеся диссертационные дела. За всем этим я совершил серьезную ошибку. Надо было сразу же собрать все экземпляры проекта заключения и попросить коллег воздержаться от интервью и комментариев до решения президиума. Я же это элементарно забыл сделать, подавленный величием исторического момента и лавиной текущих дел. А когда вспомнил, было уже поздно. Некоторые члены совета отпросились, досрочно покинув наше безбожно затянувшееся заседание. Когда же оно, наконец, закончилось, наш текст уже гулял по Сети, а телефоны захлебывались от звонков представителей СМИ. Положение усугублялось тем, что наш итоговый вариант заключения все-таки отличался от проекта.

Ну, что вышло, то вышло.

И все-таки хороший у нас совет. Мы в целом все сделали правильно, я уверен в этом.

НАУЧНАЯ СТЕПЕНЬ НЕОТЧУЖДАЕМА

Теперь нужно поставить точку с запятой и поговорить, наконец, о моей позиции относительно неотчуждаемости ученой степени. Эту позицию, несмотря ни на что, я продолжаю отстаивать с упорством, достойным Лютера на Вормском сейме. Как историк средневековых

университетов, я знаю, как формировалась вся система присуждения ученых степеней («ученых градусов», как говорил Ломоносов). Она сродни церковным таинствам. Если священник правильно свершил все обряды, то таинство затем отменить нельзя, даже если выяснится, что священник негодяй. Присвоение степени — древнейший из академических ритуалов, гарантировавший принятие ученой корпорацией нового члена, обладающего отныне особым социальным качеством. И это — стержень существования всей университетской системы от XIII в. и до сего времени. Среди обладателей степени были те еще «фрукты», некоторых даже сожгли или отлучили от Церкви, но степени их при этом не лишали, академическое таинство обратной силы не имело.

Прецеденты лишения академических степеней были, но относились в основном к эпохе Третьего рейха. Этот пример, кстати, удерживал советских начальников от соблазна лишить докторской степени А. М. Некрича или академического звания — А. Д. Сахарова.

Не хотите аргументов от истории? Пожалуйста, вот аргументы прагматические. Вы сегодня хотите лишить степени неуча за то, что он неуч. Завтра партия неучей побеждает на выборах, и тогда уже вас будут лишать степени за то, что вы — не неуч. А послезавтра обладание степенью будет поставлено в зависимость от особенностей ДНК соискателя, благо генетика шагает вперед семимильными шагами. И уже не только соискателей, но и обладателей

степеней проверяют на процент генома, унаследованного от неандертальцев. Если выше 4% — то степеней надо лишать.

Это кажется невероятным? Мы считаем обладание нашими степенями чем-то закономерным и нерушимым, поскольку мы получили их честным путем, нас признает профессиональное сообщество и государство. Но это лишь потому, что существуют некоторые общепринятые правила игры. И стоит их нарушить — все посыплется как карточный домик.

Утверждая, что история не наука, в трогательном единении сливаются В. Т. Третьяков и Д. Л. Быков, по сути на эту немудреную идею работают и высказывания обоих министров, сопровождавшие всю нашу диссертационную историю, не говоря уже о мнении многих представителей естественнонаучного знания. Возражать на это можно главным образом тем, что если бы история совсем не была наукой, то в ней было бы все дозволено, как в художественном творчестве. Но в истории дозволено пока не все. Нельзя, например, не соблюдать общепринятые правила критики источников, не обращать внимания на общеизвестные работы коллег, пишущих на ту же тему, не учитывать контраргументы, выдвигая какое-либо положение, подменять правила формальной логики метафорами и т. д. Но обратите внимание, что все это не более чем конвенции. Если о них забыть, то наступает хаос, где прав тот, у кого крепче глотка.

Историк высказывает какую-то мысль, но только когда это будет сделано публично, когда пройдет научное обсуждение среди специалистов, когда выводы автора будут откорректированы им с учетом критики, только тогда изреченная мысль становится историографическим фактом. Она не получает статус истинного высказывания, но ее уже нельзя игнорировать. Историографическим фактом становится серия статей в научном журнале, монография, прошедшая обсуждение, рецензирование и научное редактирование, и, конечно же, диссертация, в особенности — докторская. Потому-то и важно соблюдать при защите все установленные правила, и проявлять требовательность. Но если защита состоялась и диссертация прошла все необходимые инстанции — она становится частью историографического знания, ее можно опровергать, но нельзя уже игнорировать. Отсюда — необходимость закрывать плохие диссертационные советы, карать нерадивых оппонентов и строго контролировать советы оставшиеся — они важнейшие элементы системы гуманитарных наук.

Но если мы начинаем задним числом аннулировать защиты по причине низкого качества работ, то кто скажет, где следует остановиться? Если эта диссертация настолько плоха, что ее автора надо лишить степени, то справедливость требует, чтобы и у других авторов плохих диссертаций тоже отобрали степень, пусть даже и посмертно. Как далеко вглубь истории науки может дотянуться реверсивный меч Не-

мезиды? Есть предположение, что Паскаль, ставя свои барометрические эксперименты на башне Сен-Жак в Париже, допустил некоторые нарушения — не перестать ли наконец измерять давление в паскалях?

Подобные соображения вынуждают меня выступать против идеи лишения ученой степени из-за содержания диссертации. Надо признать, что «казус Мединского» стал испытанием на прочность для этой системы взглядов.

«Ну да, мы все понимаем, у тебя сложное положение, но неужели ты сам считаешь, что степени нельзя лишиться?» — спрашивали меня друзья и коллеги. А некоторые разорвали со мной общение после того, как по новостным каналам прошла информация, что глава экспертного совета ВАК взял Мединского под свою защиту. Основанием для этого утверждения стал сам факт того, что я воздержался при голосовании.

СМИ продемонстрировали в те дни редкую изобретательность в очернении решения нашего совета и в игнорировании любых возражений с нашей стороны. Реакция «друзей Мединского», которым щедро предоставляли эфирное время и газетные полосы, была ожидаемо бурной. Мне она напомнила повеление известного персонажа после того, как его осенил крестным знаменем кузнец Вакула. Но если абстрагироваться от информационного шума журналистов и блогеров, то из моей позиции действительно вытекает категорический силлогизм:

1. Большая посылка. Степени лишать нельзя, если соблюдены все формальные правила защиты.

2. Малая посылка. При защите диссертации В. Р. Мединского формальные требования были соблюдены, а то, что диссертация не обсуждалась специалистами по проблеме, и то, что оппоненты не имели отношения к теме, — так все это, как ни смешно, не считалось в 2011 г. формальным нарушением «Положения о защите».

3. Заключение. Следовательно, В. Р. Мединского нельзя лишать ученой степени, какого бы качества ни была его работа.

Но вот в «Новой газете» незадолго перед заседанием президиума ВАК, назначенного на 20 октября, появляется материал, после которого малая посылка силлогизма была поставлена под вопрос.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК? ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Опросив оппонентов, указанных в том автореферате, который лег в основу ЗОЛУС, газета выяснила, что они не участвовали в защите.

Тогда-то и всплыл второй автореферат, в котором были указаны совсем другие оппоненты: А. А. Королев, В. П. Семин и В. И. Тымчик. Различались издания и списками публикаций автора, и тем, что во втором варианте отсутствовало указание на научного консультанта В. И. Жукова.

Таким образом, в наличии оказались два автореферата. Первый

(назовем его «белым» по цвету обложки), с которым работали авторы ЗОЛУС, возникал при обсуждениях диссертации в УРФУ, МГУ и БелГУ, и он же был в нашем диссертационном деле. Второй, в бежевой обложке, с правильно указанными оппонентами, существовал в какой-то параллельной реальности. По словам авторов заявления, именно «белый» вариант хранился в Российской государственной библиотеке («Ленинке»), и уже одно это делало его нормативным. После публикации в «Новой газете», по словам журналистов и участников социальных сетей, началось нечто странное — в библиотеках, имеющих право обязательного экземпляра, «белый» автореферат спешно заменяли на «бежевый». Не знаю, насколько это правда, но в принципе, учитывая, что библиотеки подведомственны Министерству культуры и сколь высокие ставки оказались на кону, исключить этой вероятности я бы не стал. Во всяком случае, технически это было возможно. Да и стилистически, увы, тоже.

Министерство культуры, связавшись с членами распущенного совета РГСУ, выдвинуло версию, что это — ошибка технического секретаря, разместившего на сайте черновой вариант автореферата. Не очень понятно, почему черновой вариант попал в библиотеки, но в целом эта версия вполне правдоподобна. Сперва подготовили и напечатали «белый» автореферат, указав оппонентов, с которыми, как считали, достигнута принципиальная договоренность. Затем выяснилось, что это не так. В. М. Лавров, по его словам, отказался, что для

академического работника вполне естественно, коль скоро его научные интересы не совпадают с темой диссертации «Проблемы объективности российской истории во второй половине XV — XVII в.». Он занимается темой русских революций. Тогда диссертационный совет назначил Мединскому других экспертов, по словам министерства — «более узких по этой теме» (URL: www.rbc.ru/society/17/10/2017/59e611759a7947bddcfad496).

Что верно, то верно — научные интересы новых оппонентов были поуже, чем у предыдущих, и не выходили за рамки истории КПСС. Но они страстно хотели поддержать борца с русофобией и потому были более сговорчивы.

Тогда же, вероятно, сообразили, что нельзя указывать в автореферате научного консультанта, который является при этом председателем диссертационного совета, где защищается диссертация. Вероятно, поработали и со списком публикаций, либо что-то убрав, либо, наоборот, что-то приписав. Но точно не знаю, ведь «бежевый» экземпляр автореферата я не открывал.

А мог бы. Он неожиданно всплыл у нас на заседании 19 сентября, когда мы остались, чтобы обсудить проект заключения экспертного совета. Тогда И. В. Курукин неожиданно достал из портфеля «бежевый» экземпляр и поинтересовался, какому же варианту следует доверять?

Дело в том, что он был одним из многих членов нашего экспертного совета, кто работал еще в предыду-

щем составе. Он рассказал, что тогда, в 2011 г., среди множества прочих дел, на декабрьское заседание принесли диссертацию В. Р. Мединского. Она вызвала ряд вопросов, но дело решили отложить на следующий раз, чтобы с ним разобраться и, возможно, пригласить автора на свое заседание. Тогда И. В. Курукин забрал домой один из тех нескольких экземпляров автореферата, которые лежали в деле. Он мог его более внимательно посмотреть, готовясь к следующему заседанию. Но когда совет вновь собрался уже в январе, среди дел, вынесенных на заседание, диссертация про «Проблемы объективности» уже не числилась. Как потом выяснилось, эта работа каким-то образом уже прошла утверждение на президиуме ВАК. «Бежевый» автореферат Игорь Владимирович оставил себе на память. А теперь — принес.

Наличие двух авторефератов для одной диссертации не является чем-то невероятным. Вот, кстати, и в деле К. А. Александрова тоже были два автореферата. В этом нет криминала. Бывает, что напечатали один автореферат, а, например, кто-нибудь из оппонентов отказался или вышли новые печатные работы, которые обязательно надо отразить в списке публикаций. Тогда издают новый автореферат, вывешивают его на сайте диссертационного совета и сдвигают дату защиты. Старый вариант с сайта убирают, но раз в ВАК он уже ранее был послан, то он там и останется в деле, соседствуя с новым авторефератом. Главное разобраться, какой из них аутентичный. Обычно

это несложно, достаточно взглянуть на дату защиты, но с «казусом Мединского» все иначе. Оба экземпляра не датированы. Как правило, пробел, оставленный для даты защиты, заполняется затем от руки, но здесь этого не сделали, забыли.

Я решил, что если бы «белый» автореферат был недействительным и авторы ЗОЛУС упомянули его по ошибке, то эту ошибку должны были бы выявить службы ВАК, принявшие заявление, или юристы, которые затем вникали во все тонкости этого дела. Несоответствие всплыло бы на каком-либо из трех этапов рассмотрения дела — в Екатеринбурге, Москве или в Белгороде. И уж представители Мединского точно должны были заметить, что ЗОЛУС опирается на недействительный автореферат. Это же для них такой выгодный аргумент, чтобы отклонить заявление! Но оказалось, что у них все силы ушли на гневное обличение врагов министра и до работы с документами просто руки не дошли.

Поэтому я положил «бежевый» экземпляр в папку, «до кучи», решив, что мы имеем дело с предварительным вариантом.

Надо пояснить, что никто нам долго диссертационного дела не давал. Эту папку, мало-помалу становящуюся все более пухлой, можно было листать лишь во время заседания, когда у нас было полно других забот. Вот с текстом ЗОЛУС и текстом диссертации мы и работали. А заниматься детективными расследованиями не входило в наши обязанности. Дали бы документы

домой, может, и разобрались бы на досуге.

Хорошо хоть, что решение предыдущего экспертного совета о положительной рекомендации работы мне удалось посмотреть. Выяснилось, что оно датировано 30 декабря 2011 г. Это была пятница, а экспертный совет по истории всегда заседал только по понедельникам. Под документом стоят подписи заместителя председателя экспертного совета А. А. Данилова, секретаря И. В. Белоусова и докладчика — эксперта К. А. Аверьянова, ныне — столь рьяного защитника министра-медиевиста, напомним, единственного из специалистов по русскому средневековью, кого не возмущает «пещерное источниковедение» диссертанта.

Скорее всего, к концу года накопилось много незавершенных дел, и начальство постановило не перетаскивать их на следующий год. А для этого быстренько принять положительные решения по всем работам. Может быть, для этого особо надежные члены совета и приезжали специально в ВАК под Новый год, а может, поставили свою подпись задним числом. Но к этим делам добавили и диссертацию В. Р. Мединского, с которой иначе возникли бы проблемы и задержки в силу повышенного внимания отдельных членов экспертного совета. А задержка не нужна была ни диссертанту — в ту пору еще не министру, но уже влиятельному парламентария, ни той невидимой руке, которая способствовала продвижению его дела в ВАК. Куда-то надо было спешить.

Был ли в жонглировании рефератами злой умысел? Не думаю, скорее всего, и сам министр не обратил внимания на то, какой именно из его авторефератов заново всплыл в его диссертационном деле.

Но знай мы раньше, что данные об оппонентах, указанных в «белом» экземпляре, неверны и что В. М. Лавров не оппонировал диссертацию, мы бы непременно отправили работу на экспертизу в ИРИ РАН. Дело решилось бы уже год назад, вовсе не обязательно фатальным для диссертанта образом, и, главное, не было бы всех этих постыдных заячьих петель, накручиваемых диссертацией по стране. Получается, что экспертный совет был введен в заблуждение.

20 октября на заседании президиума ВАК с вопросами по содержанию работы от нашего совета выступил А. В. Чернецов. Я же высказал свою точку зрения на то, стоит ли лишать степени автора диссертации, если формальная процедура была соблюдена. Но заметил, что в данном случае возникли претензии именно к формальной стороне дела.

Таким образом, если президиум ВАК не желал соглашаться с мнением экспертного совета по поводу научного качества диссертации, то поводы усомниться в легитимности действий диссертационного совета у него теперь имелись. Стоило все-таки разобраться с авторефератами, снять вопросы по срокам размещения данных о защите, уточнить, когда именно были опубликованы научные статьи и монографии, ука-

занные в одном варианте, но отсутствующие в другом. А заодно уже и провести внутреннее расследование по поводу прохождения диссертационного дела в самом ВАК. Да, диссертант в нарушениях может и не быть виноватым. Но уже есть много прецедентов, когда ВАК аннулировал защиты по куда менее серьезным поводам.

Если бы все эти сомнения возникли, скажем, дней на десять раньше, то какое-то дополнительное разбирательство и было возможно. Но теперь решение уже было принято. На столе у начальства лежал правильный «бежевый» автореферат, к тому же накануне они раздобыли аудиозапись защиты в РГСУ и установили, что она все-таки была и все «узкие по теме» оппоненты действительно выступали. В чем, впрочем, никто и не сомневался. Президиум в итоге предпочел завершить дело благоприятным для министра образом.

О ходе заседания 20 октября уже всем известно.

Скандал все-таки разразился. У многих членов нашего экспертного совета появилось сильное желание выйти из его состава. Это желание подогревалось вопросами и вниманием к этой теме журналистов. Хуже всего было то, что на некоторых из нас начали давить, прямо или косвенно указывая на неминуемую расплату за строптивость. В последние недели нам уже слишком явно давали понять, что совет подвергнут полной ротации в самом скором времени.

В этих условиях 23 октября я подал заявление с просьбой освободить

меня от обязанностей председателя экспертного совета ВАК по истории с 1 ноября 2017 г. (мне нужна была неделя, чтобы провести еще одно заседание нашего совета и по возможности завершить незаконченные дела).

Я написал моим коллегам письмо, разъясняющее мое решение. Оно приложено ниже.

Последнее заседание прошло, по-моему, очень хорошо и как-то душевно. Все-таки нам не было стыдно за нашу работу, а это многого стоит.

Все. Пора заканчивать, и так текст уже безбожно затянут, да и время уходит. Если будут вопросы, то после Нового года готов на них ответить. Я продвигу вопросы про диссертацию К.М. Александрова или про общие выводы, которые можно сделать из «казуса Мединского», или про то, как соотносятся между собой профессионализм, патриотизм и халтура. Но об этом как-нибудь в другой раз.

ПИСЬМО П. Ю. УВАРОВА ЧЛЕНАМ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА ВАК ПО ИСТОРИИ

Дорогие коллеги!

Сегодня я в последний раз присутствую на заседании экспертного совета ВАК по истории. Искренне благодарю вас за проделанную работу и за атмосферу подлинно научного общения, которая была свойственна нашим заседаниям на протяжении четырех лет.

ВАК принято ругать. К сожалению, сейчас в пылу споров почти никто не обращает внимания, что сам скандал, унаследованный нами из далекого уже 2011 г., свидетельствует о том, что ВАК двигался в правильном направлении. Ужесточение контроля над деятельностью диссертационных советов, серьезные требования, предъявляемые теперь оппонентам, обеспечение доступа всех желающих не только к автореферату, но и к самому тексту диссертации — все это делает технически невозможным повторение ситуации, когда ни на одном этапе работа не обсуждалась специалистами по данной проблеме.

Поэтому я надеюсь, что наш ЭС столь же добросовестно, как и прежде, доработает до того момента, когда будет утвержден новый состав, обеспечив бесперебойную и качественную экспертизу всех защищенных диссертаций. Я же написал заявление об отставке, не дожидаясь плановой ротации, с тем чтобы в дальнейшем не связывать своими действиями или заявлениями наш уникальный научный коллектив, работоспособность и единство которого непременно надо сохранить.

Теперь, уже как бывший председатель, я благодарю членов президиума ВАК, поддержавших принципиальное решение нашего экспертного совета и поверивших в наш профессионализм и беспристрастность.

Есть, однако, и еще одно обстоятельство. Как вы помните, я был

и остаюсь принципиальным противником возможности лишения степени по содержательным критериям. Я уже объяснял, чем вызвано мое убеждение, думаю, еще не раз мне придется излагать свои доводы. Но это при условии легитимности всей процедуры получения степени. На нашем памятном заседании 2 октября 2017 г. у меня не было в этом особых сомнений применительно к обсуждаемой диссертации. Однако незадолго перед заседанием президиума они появились — прежде всего из-за истории с двумя авторефератами. Помимо всех прочих соображений, ВАК вольно или невольно ввели в заблуждение — мы были уверены, что одним из оппонентов рассматриваемой диссертации являлся В. М. Лавров, в ту пору заместитель директора Института российской истории РАН. Именно это обстоятельство помешало нам пойти по самому простому пути: отправить диссертацию на экспертное заключение в диссертационный совет этого авторитетного научного учреждения. Каким бы ни было вынесенное ими решение, вряд ли бы с ним не согласились. Это избавило бы всех от почти полугодового марафона с четырьмя экспертизами, что не способствовало укреплению престижа ВАК и всей российской исторической науки.

И все же я не думаю, что случившееся можно уподобить «игре с нулевой суммой». В итоге удалось привлечь внимание научной общест-венности к важнейшим вопросам отечественной истории, связанным как с критикой исторических источников, так и с критериями про-

фессионализма в работе историков. Я уверен, что заинтересованное и конструктивное обсуждение этих проблем будет продолжено.

С надеждой на дальнейшее сотрудничество и с искренними уважением,

П. Ю. Уваров,
чл.-корр. РАН
30 октября 2017 г.

THE END OF THE "SOVIET COUNTRY", OR ABOUT THE REPUTATIONAL MECHANISMS AND INTOLERANCE TO THE HACK-WORK

Uvarov Pavel Yu. — doctor of historical sciences, corresponding member of RAS, head of the Department of Western European Middle Ages and early Modern Times of the Institute of General History, RAS, head of the Department of Social History, Faculty of History, HSE, professor of the Russian State Humanitarian University (Moscow)

Key words: The Higher Attestation Commission (VAK), The historical community, V. Medinskiy's dissertation thesis, hack-work, reputation.

A major Russian medieval historian, who for several years headed the VAK's expert council on history, reflects on the mechanisms of academic attestation in Russia appealing to his own rich experience.

«ТАКОГО ИСТОРИКА, КАК ВЛАДИМИР МЕДИНСКИЙ, НЕТ».

Интервью с К. Ю. Ерусалимским

Ключевые слова: Высшая аттестационная комиссия (ВАК), историческое сообщество, средневековая история России, диссертация В.Р. Мединского, халтура, Диссернет.

Известный специалист по средневековой русской истории и культуре размышляет над скандальной диссертацией министра культуры В. Мединского, ставя ее в контекст общей неблагоприятной ситуации в России с аттестацией научных кадров.

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Давайте поговорим о вопросах не столько истории, сколько идеологии, я имею в виду тему Мединского. Вы человек смелый, что в нашей среде, к сожалению, очень редко случается, и Вы скрупулезно относитесь к работе историка — я думаю, это еще одна из причин, что Вы возмутились его «диссертацией». Расскажите, пожалуйста, почему Вы решили участвовать в подаче заявления в ВАК о лишении Мединского докторской степени?»¹

К.Е. Дело не в том, что я скрупулезно отношусь к истории. Просто я считаю себя частью сообщества. Я участник этой большой игры и стараюсь следовать ее правилам. И если я что-то в этих правилах вижу ошибочным, то стараюсь обсуждать это

с коллегами. Уже с этой точки зрения все происходящее с диссертацией Владимира Ростиславовича Мединского вызывает недоумение. Потому что эта диссертация диссертацией, строго говоря, не является. Это не академический продукт вообще.

Чтобы ответить, какой это продукт, нужно вспомнить предысторию. У Мединского были причины для срочного получения докторской степени по историческим наукам. Этот человек, о чем обычно не говорят, даже когда защищают Мединского или его диссертацию, вообще никак сообществу не известен. До момента защиты диссертации о таком специалисте по зарубежным источникам, характеризующим Россию, как Мединский, не знал никто. Никто не видел его работающим в архиве. На выдаче в Российском государственном архиве древних актов никто не знает, как и когда работал Мединский с документами. Работал ли он там вообще? Карточ-

© Историческая Экспертиза, 2018
Ерусалимский Константин Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра научного проектирования РГГУ, профессор кафедры истории и теории культуры РГГУ (Москва); kjerusalimski@gmail.com

ка читателя на него отсутствует, и ее в архиве не было, хотя ссылки на источники из РГАДА в диссертации есть. В одном из интервью Владимир Мединский сказал, что в работе с источниками ему помогали друзья. Кто эти друзья и как именно помогали? Он обязан был сказать в диссертации о такой помощи, иначе возникает ряд новых вопросов.

Мне кажется, выстраивая прагматику, в которой защищалась диссертация Мединского, нужно учитывать два полюса: с одной стороны, что нет вообще такого специалиста-историка, как Мединский, и с другой стороны, как прозвучало в высказываниях самого Мединского, ему помогали какие-то его друзья-историки. В чем именно они ему помогали, это уже второй вопрос.

Кроме того, то, что написано в качестве этой диссертации, уже с самого начала, в 2011–2012 годах, вызывало бурю негодования. То есть ошибкой является распространенное в СМИ мнение, что сейчас «неожиданно», «вдруг» стали нападать на министра. Это несправедливо в первую очередь по отношению к специалистам, которых никто не читает и не слушает. Несправедливо и досадно. Потому что люди, которые знают, сколько раз была замужем Алла Пугачева или как в носу поковырялся президент, не могут ответить на вопросы, которые легко можно снять, обратившись к источникам. Почему же нельзя проверить, что говорилось по поводу диссертации Мединского еще в момент ее научного обсуждения и защиты? Если бы это сделали, то можно было бы увидеть, что про-

тив этой диссертации выступали ведущие специалисты по запискам иностранцев о России XV–XVII веков, которые якобы Владимир Мединский изучал. Выступали против Владислав Дмитриевич Назаров, Анна Леонидовна Хорошкевич, Алексей Николаевич Лобин, Виталий Викторович Пенской. На первые критические отзывы мы ссылаемся в своем заявлении. Это были статьи и выступления еще того времени, когда диссертация проходила обсуждение, когда она выдвигалась на защиту, когда она была защищена и неожиданно утверждена в ВАКе.

Правда, неожиданным это было лишь для людей, не знающих, что такое ВАК в 2011–2012 годах. Здесь возникает третий аспект, связанный как раз с ВАК. Высшая аттестационная комиссия в то время была, по сути дела, одним из учреждений, которое на тот момент было захвачено и контролировалось в своей гуманитарной части людьми очень сомнительного плана. Которые, конечно, сейчас уже вызывают совсем другие эмоции.

Расследования, выявившие целый ряд преступлений в диссертационных советах, при утверждении диссертаций, на всем пути от создания диссертаций до утверждения в ВАКе, привели после этого к проверкам и даже закрытиям части диссертационных советов.

Но почему-то эти истории не вспоминаются как часть эпопеи с диссертацией Мединского. А их надо вспомнить. Потому что есть прямая связь между тем, что творилось в руководстве ВАК, частично отстраненном тогда, частично прямо

накануне заседания президиума ВАК 20 октября 2017 года. Эти люди как раз и контролировали процесс обсуждения. По большому счету они дискредитировали и дискредитируют академическую науку.

Диссертация Мединского была защищена в РГСУ, по сути дела, на совершенно незаконных основаниях, потому что и оппоненты были назначены, все критические отзывы были проигнорированы и формальные нарушения процедуры были грубейшие. Недавно, уже перед обсуждением в президиуме ВАК, у экспертов возникли даже обоснованные подозрения, что сама церемония защиты была каким-то образом форсирована, а диссертация была утверждена в ВАКе «задним числом».

В качестве примера нарушений можно рассмотреть автореферат. Сейчас часто люди, не понимающие, в чем функция автореферата, обсуждают его как малозначительное дополнение к тексту диссертации. И проявляют при этом непонимание неспроста, поскольку опять же отношение к академической работе с советских времен перенеслось уже на постсоветское академическое сообщество. Кому-то, может быть, до сих пор кажется, что автореферат, т.е. формальная часть диссертации — это только общие слова. В советское время эти слова действительно были или могли быть чистой формальностью. Их нужно было, эти формальности, исполнить, и после этого можно было говорить все, что угодно. Надо было процитировать классиков, сослаться на постановления партии и прави-

тельства, сделать какие-то общие ссылки, покритиковать каких-то буржуазных фальсификаторов и сказать еще целый ряд дежурных фраз, их нужно было в правильном порядке расставить и переходить к делу. Сейчас все это не так. И те люди, которые говорят о формальной части диссертации Мединского как о пустой формальности, свидетельствуют просто о своей некомпетентности.

Если человек говорит, что «автореферат может быть списан, но главное, что у него там есть своя работа», то это пример того, как человек не понимает, что такое академическая наука, что значит правильно сформулировать гипотезу, правильно понять, в чем цель и задача диссертации, что сделали предшественники, а что предстоит сделать. Объяснить все это, а также в чем актуальность работы, каким образом гипотеза может быть подтверждена или не подтверждена в источниках, на которые ссылается диссертант, — это ключевая задача, которая отображается в автореферате. Не случайно по нему диссертационный совет судит об общей компетентности, о кругозоре, о близости человека к академическому сообществу. И если этот человек не входит в академическое сообщество, то какая разница, что он написал в основном тексте диссертации?

Можно вспомнить огромное количество полезных книжек, написанных хорошим, иногда и историческим языком, иногда даже и с аппаратом ссылок. Но эти книжки никто и никогда не будет рассматривать как научные, как академи-

ческие. Никто и никогда их не будет рассматривать как серьезные работы, потому что графоманов вокруг огромное количество и каждому хочется что-то выразить. Это не значит, что Аттестационная комиссия должна дарить каждому степень, да еще и докторскую степень, да еще и с таким — точнее никаким — задумом, какой был у г-на Мединского.

И вот здесь я делаю акцент на всем известной вещи: автореферат Мединского частично просто списан, т.е. факт плагиата в автореферате несомненен, в том числе и в постановках и формулировках. А формулировки, которые звучат в самом тексте диссертации, написаны при помощи каких-то его друзей.

Еще один момент, на который не обращают внимания. Академическое сообщество состоит отчасти из экспертов, отчасти из людей, которые умеют проводить экспертизу, но экспертами по каким-то причинам быть не могут. Но все-таки эксперты есть всегда. И эти эксперты задолго, заблаговременно видят, что исследователь уже подготовлен. Для этого в автореферате есть такие вещи, как апробация, как список литературы. В этой диссертации фальсифицирован целый ряд событий как раз в этих областях.

Прочитывал ли кто-то из российских специалистов или зарубежных ученых хоть одну работу г-на Мединского по теме докторской? Прошла ли она хотя бы минимальную апробацию среди специалистов? Задумайтесь, как может пройти защита и утверждение диссертации,

когда диссертант неизвестен никому из экспертов как специалист в защищаемой области? Причем даже не кандидатской, а именно докторской диссертации, где человек должен открыть новые горизонты, сказать новое слово, разработать принципиально новую гипотезу, сделать новый шаг в изучении своего предмета? Каков этот шаг в диссертации Владимира Ростиславовича?

Человек неизвестен вообще. И он за один год якобы создает монографии, которых никто не видел. Причем теперь, уже после нашего заявления, выясняется, что в разных версиях автореферата количество этих монографий указано им по-разному. Накануне обсуждения в ВАК возник вопрос: какая из версий автореферата является подлинной? Это не удается выяснить вплоть до проведения заседания президиума ВАК. Это тоже показательно.

Ну и, конечно, что представляет список публикаций диссертанта? Это вопрос неотъемлемый для понимания, состоявшийся это ученый или несостоявшийся.

Я вот уже несколько лет состою членом диссертационного совета, вижу, как проходят заседания. Защиты диссертаций всегда сопряжены с очень тяжелыми испытаниями для диссертанта и совета.

Для любого диссертационного совета важно, насколько соответствует публикации апробация, т.е. выступления в тех или иных научных конференциях, семинарах и т.д. тому, что подлежит защите. Мне пришлось быть и свидетелем того, как

диссертация отклоняется, причем как раз за то, что недостает рейтинговых публикаций. Тем более был один случай на моей памяти, когда в автореферате были указаны неточно две публикации, которые рейтинговыми не являлись. Это послужило одним из принципиальных оснований для того, чтобы прямо во время церемонии по защите докторской диссертации проголосовать против — и защита была забаллотирована.

Коллега выполняет, представим себе, не один год и старательно свою работу, но не в силах набрать достаточное количество рейтинговых публикаций, форсирует этот момент и неверно указывает ряд публикаций, которые на самом деле рейтинговыми на момент публикации не являлись. Этого достаточно, чтобы возник очень важный аргумент в пользу того, чтобы отклонить диссертацию. И опротестовать изысканную степень с такими недочетами можно даже после успешной защиты и утверждения в ВАКе! Тревоги Мединского из-за состояния автореферата уже после заседания Экспертного совета, думаю, говорят о том, что г-н министр стремился окольными путями перенаправить внимание президиума ВАК и лишит оснований ряд необратимых для диссертации замечаний, сделанных год назад нами в заявлении и дополненных экспертами — коллегами из Высшей аттестационной комиссии.

По результатам скандала хотелось бы сказать еще раз о статусе экспертов. Коллеги и журналисты, и даже широкая общественность не доверяют почему-то экспертам. У меня это вызывает странное чувство.

Дело в том, что собственно диссертация — это технически не очень значимый для широкой общественности продукт интеллектуального творчества, который может быть оспорен, может быть опровергнут и отвергнут сообществом. Но, видимо, по какой-то традиции российского правосудия или правового сознания, или, может быть, в силу сложившихся политических особенностей этого дела, к диссертации Мединского относятся не так, как к любой другой диссертации. Что в ней такого? Я не понимаю по-человечески, почему диссертация, написанная некачественно, не отвечающая никаким требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, несомненно, вызвавшая отторжение, недовольство, несогласие и просто резкие отповеди, даже не критику, а отповеди со стороны специалистов, — почему эта диссертация должна обсуждаться как некий неприступный бастион? Что это за линия фронта, и кто и что именно защищает? Есть ли у кого-то статистика, сколько диссертаций не принимается на стадии предзащиты, на самих защитах, сколько диссертаций вызывают критику и отклоняются в Высшей аттестационной комиссии?

Часто работы бывают чем-то интересны. И если кому-то чем-то интересна диссертация Владимира Мединского... я не понимаю эту позицию сразу с двух точек зрения. Во-первых, почему бы не довериться экспертам, даже если и признать при этом свою ошибку? Это было бы красиво и для диссертанта, к нему не осталось бы претензий этического плана. Опять же, срывы

случаются у всех, бывают ошибки и размером с диссертацию, и больше. А во-вторых, а что здесь такого, что же здесь, условно говоря, будет страшного, если эта диссертация будет отклонена и если она не пройдет по формальным критериям или по каким-то еще?

Почему я это говорю? Здесь нет никакого подвоха. Дело в том, что часто случается, что диссертация, не прошедшая по каким-то, особенно формальным, причинам на защиту, забаллотированная на самой церемонии защиты, но представляющая научную ценность, может быть переделана и направлена на защиту заново. Таких случаев немало. Я не вижу причин в этой ситуации не рассматривать такой сценарий.

Никто не помешает Владимиру Мединскому прийти в профессиональное сообщество, выступить со своими докладами, выступить со статьями в рейтинговых изданиях (правда, их сейчас нужно, конечно, побольше, чем в 2011 году). Написать действительно монографии, которых он не написал, а притворился. Или написал, но никому не показывает. И выступить дальше с тезисами, которые будут звучать новаторски и будут выдвинуты на защиту как докторские. Это абсолютно реальная перспектива для любого исследователя: если даже человек не защитился, был забаллотирован и был не утвержден Высшей аттестационной комиссией, здесь нет трагедии ни для кого, кроме — почему-то — Владимира Ростиславовича Мединского. Мы все в равных условиях, трудно всем.

Здесь я перехожу к своему последнему, сугубо эмоциональному пласту рассуждений, который будет выражением гражданской позиции. Я считаю, что то, что произошло во время обсуждения — с весны 2016 года и до наших дней, — это свидетельство глубокой политизированности и нездоровья академической науки. Это свидетельство болезни и зависимости, но это не значит, что кто-то знает рецепты излечения.

Я не знаю рецептов. Просто вижу, что происходит безумие, бессмысленная жесточенность. И противостояние, которое возникло, с академическими проблемами не связано вообще никак. Я напомню, что до нашего заявления против присуждения докторской степени Владимиру Мединскому выступали ведущие специалисты в области изучения иностранных источников. Это были специалисты по восточноевропейской истории, истории российско-европейских культурных связей, истории внешней политики, военного дела XV–XVII веков, источниковеды. Критические разборы были написаны еще до проверки этой диссертации на плагиат. До скандала, который выявил наличие просто-таки незаконных заимствований.

То есть для профессионального сообщества изначально было ясно, что Владимир Мединский неакадемичен в своем обращении с источниками и чужими научными текстами. Предметом дискуссии является только объем, масштаб этой проблемы.

Затем, уже после нашего заявления, высказался ряд исследователей по

истории XV–XVII веков. Высказывания эти были практически не замечены. Они остались без комментариев, часто это были, условно говоря, только неслышные голоса «за» и «против».

Валентин Лаврентьевич Янин, безусловный специалист в этой области, академик, профессиональный историк, подписался под обращением, в котором он в числе других академиков «Клуба 1 июля» призвал к серьезному новому рассмотрению этой диссертации на предмет ее соответствия требованиям, предъявляемым к докторской диссертации. Фамилию Валентина Янина несложно обнаружить в русскоязычных научных изданиях записок иностранцев о России XV–XVII веков. Ученый редактировал, например, «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна 1988 года и «Записки о России» Джерома Горсея в издании 1990 года.

И дело не только в том, что один за другим выступили с резким отрицанием научной значимости диссертации Владимира Мединского едва ли уже не все российские специалисты, работавшие над переводом и комментированием источников, с которыми диссертанту помогали работать его «друзья». Дело в том, что и на обсуждении нашего заявления о лишении ученой степени все специалисты выразили свое негативное отношение к диссертации г-на Мединского.

В Уральском федеральном университете был подготовлен проект резолюции, который не стали рассматривать по чрезвычайным об-

стоятельствам, обсуждать которые в УрФУ отказались. Надо было бы сказать честно и прямо, хотя в блогах эта информация звучала, и любой внимательный журналист мог бы ее увидеть и разгадать, что диссертационный совет, получивший на пересмотр дело от Высшей аттестационной комиссии, успел подготовить проект резолюции, в котором есть постановление по вопросу о соответствии диссертации квалификационным требованиям. Это постановление неизвестно по причинам, не оглашенным до сих пор. Как мы помним, уважаемые коллеги, члены диссертационного совета были нелепым образом, при явном подключении административного ресурса и по выдуманному на ходу основаниям лишены права утвердить свою резолюцию.

Вот здесь уже болезненная точка. Давайте мы выясним, что там произошло? Журналисты выяснить не захотели. Это не беда журналистики, но это все-таки уже слабое звено в цепи.

Еще одно слабое звено проявилось в МГУ. Ведущие специалисты в диссертационном совете МГУ голосуют за рассмотрение материалов дела ВАК по существу. Ведущие специалисты по периоду, источникам и вопросам, обсуждаемым в диссертации Владимира Мединского! Среди них — Борис Николаевич Флоря и Антон Анатольевич Горский. Эти специалисты остаются в меньшинстве, но известно, что и передача диссертации в совет МГУ из ВАКа, и ее предварительное обсуждение в университете сопровождалось таинственным исчезновением всего

портфеля документов, а решение было принято в конечном счете не по диссертации, а только по вопросу о приеме ее к рассмотрению. Это была уловка, причем еще раз повторю, специалисты голосовали за предметное рассмотрение, но не были услышаны. Почему? Это уже мой вопрос к коллегам из диссертационного совета МГУ. Как же можно не прислушаться к основным экспертам по теме диссертации? Конечно, эксперты часто обсуждают то, в чем являются специалистами лишь косвенным образом, обсуждать приходится то, что нам приносят, говорить о том, чем мы занимались мало или даже научно вообще не занимались, — тем не менее мы можем оценить по каким-то критериям, научная это работа или не научная.

По большому счету в МГУ диссертация Мединского не обсуждалась. Поэтому все слова г-на Мединского о том, что он «доверяет» решению диссовета МГУ, говорят сами за себя. Обсуждения не было. Не было принято заявление о приеме диссертации на рассмотрение. Из чего не следует, что диссертация не вызвала никаких сомнений! Наоборот, ведущие специалисты диссертационного совета МГУ высказались как раз за то, чтобы эту диссертацию обсуждать! Я не знаю, что происходило на драматичном обсуждении в МГУ. На месте журналистов я бы попытался выяснить или по крайней мере не превращать это заседание в новостную строчку с сообщением о проведении обсуждения. Но это, опять же, только еще одно слабое звено в цепи.

Есть и последнее звено. В Белгородском совете, где как раз было

принято окончательное решение, но вновь решение принималось не по самой диссертации, а по нашему заявлению. Белгородский совет, по сути, принимал резолюцию не по диссертации Мединского, а по тому, правильно или неправильно Иван Бабицкий, Вячеслав Козляков и Константин Ерусалимский написали свое заявление с требованием лишить министра культуры ученой степени.

Я так и не знаю, был ли на том заседании Виталий Пенской, написавший одним из первых отрицательную рецензию на диссертацию Мединского под говорящим названием «Без навыков историка» в 2012 году. Говорили, что был и воздержался на заключительном голосовании. Когда я узнал о результатах голосования, то испытал растерянность — это было почти единогласное голосование за отклонение нашего заявления. Основания звучали позднее в эфире — они были абсурдны. Очевидно, что ведущим экспертом в том совете был именно Пенской, он проголосовал вполне недвусмысленно в 2012 году своей статьей и с тех пор в неформальных ситуациях, насколько я знаю, своего мнения о Мединском и его диссертации не менял.

После этого принимается решение в экспертном совете в Высшей аттестационной комиссии. Это решение не безусловно, но, опять же, ведущие специалисты при самой ВАК поддерживают заявление о лишении докторской степени. Это совершенно логичное решение. Те дополнительные наблюдения, которые сделали коллеги, у меня лично не вызывают сомнений. Качество

диссертации ничтожное, ее методологические основы, умение автора оперировать источниками, владение историографией, знание простейших фактов, которые могут свидетельствовать о компетентности и эрудиции человека, весьма далеки от докторской работы. Мы в своем заявлении тоже обратили на это внимание. Все это подвело исследователей экспертного совета Высшей аттестационной комиссии к решению рекомендовать президиуму ВАК лишить Мединского его ученой степени.

И я вот не понимаю теперь: что в публичном восприятии заставляет говорить кого-то, и из наших коллег в том числе, о политизированности наших намерений, о том, что мы псевдолибералы, либералы, враги России, не патриоты и т. д., о том, что мы фанатики. Я про себя уже слышал вот такое. Что мы стремимся затравить бедного министра. У нас одна цель в жизни, и мы вот просто не спим ночами, не едим, не пьем. Мы только мечтаем о том, чтобы Мединского лишить его докторской степени. Ничего другого в жизни больше нет. Только Мединский. Я еще раз повторяю. Те замечания, которые были сделаны в заявлении, — они открыты, каждый может к ним обратиться, каждый может прочитать наше заявление.

Ни о политической роли Владимира Мединского, ни о его идеологических взглядах там ничего не сказано. О том, что это за личность, о том, что этот человек важен или не важен для современного политического истеблишмента, там ничего не сказано. Главным моим высказы-

ванием по вопросу о научной компетентности Владимира Ростиславовича Мединского я продолжаю считать свое заявление о лишении его ученой степени.

Моя гражданская позиция, подчеркну, именно моя личная гражданская позиция от этого, конечно, не ослабевает. Я считаю, что человек, создавший такую масштабную махинаторскую схему и участвовавший в ней в качестве исполнителя и бенефициара, не может занимать не то что высоких государственных постов, но и вообще каких-либо публичных должностей. Это неприлично. Мое личное мнение: г-н Мединский — фигура, порочащая и дискредитирующая вообще всю российскую власть. Хотя российская власть умеет себя и другими способами дискредитировать.

Личность Мединского удивительным образом сочетает в себе то, против чего я борюсь. Этот человек, какие бы взгляды он ни выражал, говорит от лица сообщества. Говорит, будучи остепененным историком, публикует массу халтуры. Там миллионные тиражи уже насчитаны. Это, конечно, вызывает возмущение, негодование. И оно распространяется не только на Мединского, но и на издательства, которые его поддерживают, и на рекламу, которая раскручивает его разными способами, и на власть, которая прикрывает его и держит до последнего.

Во всех сценах, через которые прошел этот скандал с апреля 2016 года по наши дни, эксперты всегда выступали против Мединского, а власть всегда вмешивалась и пыта-

лась голос экспертов заглушить. Это следует напрямую из всех тех событий, о которых я только что рассказывал в своем понимании.

Для меня схема прозрачна: Владимир Мединский должен остаться со степенью доктора наук, чего бы это ни стоило. И это означает, что экспертам и самой академической экспертизе в России нанесен удар. Причем, удивительным образом, удар абсолютно немотивированный. Он нанесен экспертам за их экспертизу, за то, что они честно выполняют свою работу. То есть это значит, что не нужно честно выполнять свою работу! Нужно говорить то, что требуют власти.

С.Э. Мединский сформулировал это четко: истина равна национальным интересам России...

К.Е. Да, т.е. то, как кто-то понимает национальные интересы России, должно быть беспрекословно исполнено. И теперь возникает следующий вопрос: как после этого должна работать экспертиза? Я понимаю, конечно, что история — не строительство самолетов, не медицина, не космическая сфера, не атомная бомба. То есть это не та область, где от экспертизы зависят судьбы людей или судьбы страны. Хотя это кому-то только кажется, что слова о прошлом безжизненны, а людей прошлого нет. Кажется, что историю можно «безболезненно» под себя подмять, можно упразднить. Когда я говорю, что я могу не быть историком, я исхожу из того, что у каждого человека есть право заниматься профессией или не заниматься, оставаться в ней или

нет. Здесь же профессию, по сути, отменяют исходя из национальных интересов. Но надо понимать, что «национальные интересы» — это в данном случае уловка, это субститут для гораздо более простого заказа: сохранить Мединского на его посту.

С.Э. А национальные интересы будет определять Мединский...

К.Е. Да. Задача этой истории не в том, чтобы утвердить одно строгое понимание национальных интересов. Вся эта конструкция, которая берет начало в автореферате Мединского, нужна только для того, чтобы заткнуть рот экспертам, заставить их подчиниться этому государственному интересу, который заключается в том, что Мединский должен остаться с докторской степенью. Видимо, от этого зависит, останется ли он на своем посту. После диссертационных скандалов в Германии, Венгрии и в других странах, да и у нас в стране, подлог аттестационной работы, нарушение академической этики и целый ряд доказанных процедурных нарушений на защите министра культуры России не может не вызывать соответствующих эмоций. Эксперт ВАКа Алексей Владимирович Чернецов высказался в том духе, что после такого скандала профессиональный историк должен был бы застрелиться. Но мы говорим не об офицерах, которые выполняют свой служебный долг. Не знаю, какой служебный долг должен быть у министра культуры, но человек, который так себя ведет во время скандала, который инициирует его, является его триггером и его мишенью даже после того, как

экспертов задвинули, — такой человек, на мой взгляд, это не министр, это пугало.

То, что происходит в СМИ — тоже показательно. Пост министра культуры — это лакомый кусок. Министр культуры — человек, который отвечает за целый ряд значимых для государственной идеологии направлений. Здесь должен быть контроль, должна быть строгая иерархия, понимание того, как распределять средства.

Проблема в том, что те люди, которые контролируют Мединского, нуждаются именно в этой фигуре: фигуре человека, вокруг которого есть бессмысленный экспертный скандал, академически не мотивированный. Здесь на кону не академическая наука, не то, что содержится в диссертации Мединского. Возникает вопрос: кто этого человека привел на высокий пост? Может быть, этим людям как раз нужен был такой нечистоплотный ученый, человек, который в нужный момент может быть осмеян? Я не исключаю такой возможности. Если честно, я вообще не знаю, кто будет иметь больше бонусов от того скандала, который разгорелся. Когда мы с коллегами начинали готовить заявление, собрав все необходимые материалы, мы, конечно, исходили из того, что диссертация явно ненаучная. Она грубо, вероломно нарушает все академические требования, даже по состоянию на 2011 год. Мы исходили из тех оценок и претензий, которые можно предъявить к этой диссертации на момент ее защиты. Но сейчас понятно, что Мединский кому-то нужен именно в качестве мишени.

Он должен просто подольше оставаться под прицелом, оттягивать на себя огонь уже давно надоевшей всем критики. Все уже многократно доказано.

И дело даже не в том, как поступят с нами, с заявителями, как расправятся с экспертами, хотя мониторинг высказываний, несомненно, ведется, и у скандала есть сугубо интегративное значение для тех, кто проходит сейчас проверку на лояльность. Конечно, в нужный момент, не сегодня, все входы и выходы будут еще раз проверены, продуманы, и все, кто сейчас замечает следы, — заметут их незаметно. Хочется верить только, что никто больше не пострадает, не скончается, вернувшись домой, как наш коллега, пришедший с заседания диссертационного совета МГУ в день обсуждения диссертации г-на Мединского. Причем известно, что коллега голосовал за полновесное рассмотрение диссертации, т. е. в тех условиях по сути голосовал за возможность лишения докторской степени. Думаю, ничего страшного и криминального происходить не будет. Но, судя по реакции высокопоставленных чиновников от науки, есть ощущение, что фамилия Мединского вызывает еще какие-то страхи.

Я могу на интуитивном уровне сделать предположение: фигура министра культуры прикрывает целый класс российских чиновников, в свое время неловко получивших высокие ученые степени и теперь не знающих, как от этих степеней отделаться. Всем понятно, что степень, полученная за плагиат, — это фейк. У Мединского есть уже два та-

ких текста, которые не обсуждаются в связи с истечением срока давности. Есть ряд чиновников, которые ускользнули от такого обсуждения. Ряд дел, начавшихся в 2012–2013 годах, были со скандалом закрыты по причинам неакадемического порядка. Сейчас тоже будут давить на академическое сообщество, запрещать говорить, запрещать переоценивать, пересматривать. Страх, который проявился в «деле» Мединского, остается на устах у чиновников. Главный страх в том, что если сейчас «отнять» степень у Мединского, то возникнет желание отнимать степени и дальше. Подчеркну слово «отнять», так как оно является абсурдным. Что значит «отнять»? Мы, причем не я или мои ближайшие коллеги, а все эксперты нашего сообщества, мы не *отнимаем* степень, а *лишаем* степени за грубое несоответствие диссертации необходимому уровню.

Этот аргумент в подобных случаях часто наталкивается на срок давности, который по большому счету навязан. Он сам по себе незаконный и не имеет академического смысла. То есть если человек списал диссертацию двадцать лет назад, то он почему-то остается доктором, а если десять — то начинается долгая и муторная процедура, а после случая с Мединским еще неизвестно, посильная ли для независимых экспертов. Было бы, наверно, честно, если бы каждому автору в подобном случае уделяли столько внимания и давали бы столько защитников, как Владимиру Ростиславовичу. Но вернусь к своей мысли. Можно усомниться в самой правомочности «срока давности».

Кроме того, возникает вопрос, насколько ВАК как институция способен конструировать внятную научную политику, если его положения меняют условия защиты до неузнаваемости? Подзащитный, который выходил на защиту семнадцать лет назад, семь лет назад и который выходит сейчас — это три разных подзащитных и три разных степени. Правила игры устанавливает только Высшая аттестационная комиссия и министерство, которому она подчиняется. Структуры научности существуют в параллельных мирах. Доктор в 2001, в 2011 и 2017 годах — это, по сути дела, разные степени, как и степени различных институтов в мировой науке. Мы уже отчасти в ситуации несходных научных степеней, как и в странах, где степени имеют институциональную привязку, будучи степенью не вообще, а именно Гарварда, Сорбонны или Гумбольдтовского университета...

Мы и так уже живем в эпоху, когда на научном рынке конкурируют носители степеней разных «выпусков». Система является условной, привнесенной, хаотичной. Все эти годы она работала только на сокращение количества защит и усложнение процедуры защиты, при этом совершенно незаконно распоряжаясь правами академических агентов — академических ученых. Я считаю незаконным (и дело Мединского здесь показательно!) сам принцип смены процедуры защиты для тех ученых, которые уже являются активными академическими агентами. Если человек начал по теме своей докторской диссертации публиковать работы, то грубым нарушением его прав

является изменение процедуры защиты на том этапе, когда результаты уже достигаются, становятся известными и приближают ученого к искомой степени. А Высшая аттестационная комиссия делала это уже неоднократно! Это значит, что для Высшей аттестационной комиссии как раз академическая составляющая не столь значима, а значимы какие-то свои собственные статистические показатели, которых комиссия добивалась все эти годы.

Если человек, публикующий работы по теме своей будущей диссертации, в середине пути, уже опубликовал семь или восемь, а тем более все десять статей из десяти, узнает, что теперь нужно не десять работ, а пятнадцать — это, как я считаю, грубо нарушает права академического ученого. Многие сходят с дистанции просто из-за того, как ведет себя Высшая аттестационная комиссия. Я не говорю сейчас, как было устроено голосование по «делу Мединского» в президиуме, не так это сейчас важно. Но считаю, что и предыдущая деятельность ВАК, и политика руководства ВАК в деле Владимира Мединского показывала уже неоднократно, что наука в России скорее испытывает затруднения из-за комиссии с ее бюрократическими препонами и скорее страдает от нее, чем прирастает при ее поддержке. Может быть, в других дисциплинах это выглядит иначе, но для них можно разрабатывать иные концепции аттестации. А для наук социального и гуманитарного профиля требуется освобождение от ВАК, которая все эти годы — начиная с 2000-х — усложняет прави-

ла, нарушая и ограничивая права своих подопечных.

С.Э. Еще в связи с этим делом я хотел бы, чтобы Вы затронули вопрос поведения представителей академического сообщества в этой ситуации. Допустим, Чубарьяну, может быть, Мединский просто позвонил. Но, например, академик Пивоваров, которому уж точно Мединский не звонил, вдруг заявляет, что у него нет оснований сомневаться, что ВАК принял верное решение, сохранив степень за Мединским...

К.Е. Мы здесь находимся в конфигурации властных отношений. Поскольку эти отношения строятся на взаимных договоренностях и балансе, то сложно обсуждать, как и почему этот баланс меняется в данный момент. По этой же причине я отказывался обсуждать публичные заявления коллег из Экспертной комиссии ВАК. Зачем спрашивать экспертов об их мнении, если мы ждем решения руководства ВАК? Зачем провоцировать дополнительные скандалы, эмоции, которые могут повлиять на объективное строгое решение, если бы о таком решении шла речь?

Публичная политика с одной стороны и академическая составляющая — с другой все это время были в разбалансированном состоянии. У меня не было желания составлять какие-то мнения о конкретных людях, судить о том, что они говорят. Прошу прощения перед коллегами журналистами, но сегодня, когда к кому-то подходит человек с микрофоном, чтобы спросить мнение, — это в первую оче-

редь знак некоей конвенции между властью и ее клиентами. При этом я уже назвал много случаев по прохождению нашего заявления, когда журналисты не потрудились залезть в доступные одним нажатием кнопки сведения, чтобы не писать чушь в своей «новостной строке». Журналистика «просела», она, как видно по всему ходу освещения скандала, давала, как правило, неадекватные и крайне невразумительные общие факты, которые свидетельствовали просто о нежелании посмотреть досье, нежелании узнать, кто что говорит и думает.

Я могу привести бесконечное количество грубых ошибок в сообщениях о ходе скандала. Меня, например, постоянно приписывали к «Диссернету», хотя я не имею к нему никакого отношения. Даже Иван Бабицкий выступал с заявлением по делу Мединского не как представитель «Диссернета», а как независимый эксперт. Но СМИ очень разной направленности, разного уровня упорно говорят одну и ту же глупость: якобы мы поддерживаем какую-то структуру или чьи-то интересы. Неправильно освещается содержание нашего заявления: почему-то делается акцент на плагиате. Никто не берет на себя труд просто открыть «Заявление» и почитать, что там говорится о плагиате. Вопрос, почему СМИ раздули вопрос о плагиате — это вопрос к самим СМИ, причем от желтого «Взгляда» до «Эха Москвы» или РБК. Постоянно в медиа звучат слова о том, что мы оспариваем точки зрения, концепции или «видение истории» министра культуры. Коллеги, обратитесь к тек-

сту нашего заявления, мы ничего подобного не делали. Речь не идет о противостоянии различных экспертных суждений, речь только о том, что обсуждаемая диссертация вообще не является работой профессионала-историка.

Перед нами глубокая общественная «яма», в которой одними из заключенных оказались мы с коллегами. Но нынешние результаты обсуждения и постановление президиума ВАК свидетельствуют о том, что в эту «яму» отправляется еще очень много людей, совсем не желавших того. Я считаю, что выступления чиновников от науки — свидетельство их страха. Часто этот страх ничего не говорит об их мнении, но говорит о том, что это мнение здорово мониторится и что «монитор» направлен определенным образом. Глядя на эти выступления, можно иногда без труда догадаться, чем руководствуется человек, когда он говорит очевидные глупости в эфире.

С.Э. То есть Вы считаете, что страхи академиков обоснованы?

К.Е. Да, но обоснования здесь могут быть очень разными. В чем именно там идейная составляющая, материальная, должностная подоплека — для меня неважно. Я и должностей этих людей часто не знаю. Это вопрос скорее к специалистам по придворной политике в современной академической сфере. Если кто-то относится к корпорации ученых и говорит при этом, что диссертация Мединского чего-то заслуживает, он или она не может это делать из внятных академических соображений.

Я могу, конечно, допустить, что у человека есть свое мнение о том, за что надо давать степени, а за что нет. Ну, так никто не мешает раздавать налево и направо степени своего собственного образца и считать своего героя супергеро-ем. Допускаю, что добрые слова раздаются из лучших побуждений. Но со свойственной мне, наверное, нетерпимостью, я не признаю за этой позицией никакого значимого для сообщества мнения. Есть такие мнения, которых нет.

Академическое сообщество может существовать только благодаря тому, что оно само отсеивает на экспертизе те продукты, которые не соответствуют «знаку качества». Этот знак качества может быть подвижен, конвенционален, но в случае диссертации Мединского на сегодня нет никакой возможности говорить о необходимости ее признания. Никто из историков,

которые будут в рамках корпорации профессионально заниматься даже точно такой же темой, которая значится на титульном листе диссертации Владимира Ростиславовича, не обязан ссылаться на его научные достижения. Таких достижений нет. Такого историка, как Владимир Мединский, нет. Такого профессионала, как историк Мединский, — нет. Все профессионалы, которые высказались по этому поводу, высказались однозначно. Поэтому когда появляется чиновник, пусть даже с академическим настоящим или прошлым, говорящий иначе, — у меня складывается впечатление, что он вынужден так говорить. Или его кто-то заставил, или он чего-то боится, или он просчитал риски и подумал, что надо говорить именно это. В случае Пивоварова — не знаю, почему именно так сказал.

С. Э. Спасибо за Ваше интервью!

“THERE IS NO HISTORIAN VLADIMIR MEDINSKY”.

Interview with K. Yu. Erusalimsky

Erusalimsky Konstantin Yu. — doctor of historical sciences, leading researcher of the Center for scientific design, professor of the Department of history and theory of culture, Russian State University for Humanities (Moscow)

Key words: The Higher Attestation Commission (VAK), The historical community, Russian medieval history, V. Medinskiy’s dissertation thesis, hack-work, Dissernet.

A well-known specialist in medieval Russian history and culture reflects on the scandalous thesis of the Minister of Culture V. Medinskiy, placing it in the context of the general unfavorable situation in Russia with the certification of academic personnel

«ПЛЕВАЛИ ВЛАСТИ НА МНЕНИЕ ОБЩЕСТВА. ВСЕ ЧТО МЫ ГОВОРИМ — ЕРУНДА ДЛЯ НИХ»

Интервью с А. Л. Юргановым

Ключевые слова: Высшая аттестационная комиссия (ВАК), историческое сообщество, средневековая история России, диссертация В. Р. Мединского, халтура, пропаганда, мифотворчество.

Известный специалист по средневековой русской истории и культуре размышляет над скандальной диссертацией министра культуры В. Мединского, ставя ее в контекст потребностей власти в историческом мифотворчестве.

Беседовал С.Е. Эрлих

С.Э. Сегодня у Мединского есть уже дважды утвержденная ВАКом докторская диссертация, и мы хотели бы, чтобы Вы как специалист по той эпохе оценили, насколько она соответствует требованиям, предъявляемым к научному исследованию. Также важно, чтобы Вы высказались по поводу того, каким образом наличие таких докторов наук влияет на историческую корпорацию в целом и что мы должны сделать для выправления ситуации.

А.Ю. Во-первых я не уверен, что сама защита Мединского состоялась в том законном виде, как это оговаривается во всех документах ВАКа и в свете указаний Минобра. Я вот в этом не уверен. Ведь когда ты от-

правляешь документы после защиты, то только один раз можешь отправить их в соответствующие органы (в рассылке). Если же ты после этого меняешь реферат, который ты рассылал, на другой реферат, с другим составом оппонентов, то это означает, что что-то не так в самой защите или в процедуре прохождения диссертации в сферах более высоких, чем диссертационный совет. Вот что именно не так у г-на Мединского — это пока вопрос, причем это вопрос не только для меня, но и для Минобра. Сегодня стало известно, что научный совет Минобра как раз заинтересовался процедурными вопросами. Наличие двух авторефератов настолько уникально (а может быть, и трех, — кажется, какой-то там еще и третий нашли!), что приходится говорить о больших нарушениях, что ставит под сомнение всю систему защиты диссертаций. Однако понятно, что

© Историческая Экспертиза, 2018

Юрганов Андрей Львович — доктор исторических наук, профессор, РГГУ (Москва); iurganov@yandex.ru

в 2011 году защищался человек, который имел большой вес в Госдуме, хотя не был еще министром культуры; вероятно, он был уже очень весомый и влиятельный представитель истеблишмента, поскольку такие события, как замена и даже сокрытие авторефератов, а потом уже и сокрытие диссертационного дела, простой человек никогда бы не сделал, ибо не допущен во властные структуры. Ситуация с процедурой защиты Мединского такова, что можно уверенно сказать: он ее прозрачно не прошел! И поэтому нельзя сказать, что он защитился. Остается открытым и вопрос, было ли экспертное заседание по поводу его диссертации 30 декабря 2011 года? Это первый, самый очевидный слой нарушений, который мы видим при защите докторской диссертации Мединского. Будет ли Минобр разрешать эту ситуацию по инструкции? Увидим: ведь для этого президиуму ВАКа надо было создать согласительную комиссию с участием экспертов ВАКа, принимавших свое решение, — и только тогда утверждать свое положительное заключение по диссертации. Так — по инструкции... но станут ли ее выполнять? Посмотрим... Если Минобр признает окончательно докторскую степень Мединского, то тогда надо брать на себя ответственность за все эти грехи т.н. защиты, которой, судя по всему, в полномасштабном виде и не было. Я бы сказал, что история Мединского — это история авантюры и авантюриста, который пытается воспользоваться своим служебным положением, чтобы приобрести соответствующую степень и, как ему кажется, соответствующее уважение, хотя все уже

давно знают, что эта степень ничего, кроме хлопот, не дает. Для меня загадочно только то, что Мединский взялся за медиевистику, это последнее, за что можно браться, когда хочешь стать доктором наук «по умолчанию». Потому что это очень сложная область, в ней надо хоть немножко разбираться. И вот естественно возникает вопрос, писал ли этот диссертационный текст он сам, или он воспользовался чьими-то услугами? Я ничего не утверждаю, но я не исключаю, что в ходе всех этих расследований, текстологических сопоставлений выяснится, что и текст диссертации, возможно, такой, что в нем найдутся следы, указывающие на то, что при его написании был какой-то соучастник. Впрочем, диссертация Мединского написана таким суконным языком, что трудно поверить, что писал этот текст настоящий медиевист. Казус Мединского — это старая проблема, она заключается в том, что чиновники не довольствуются своим статусом, чиновным положением, им все время чего-то не хватает, это какая-то болезнь, может быть, русская болезнь, что если ты министр, то этого всегда мало: нужна и степень ученого...

С.Э. Кроме престижа обладания ученой степенью, тут ведь есть и практические соображения. После государственной службы многие люди, подобные Мединскому, идут работать в университеты на руководящие должности. Так что научные регалии для них — это «запасной аэродром».

А.Ю. Да, какого-то почета, может быть, и не хватает им, но они по-

падают в ловушку, потому что на самом деле в реальной науке отношения довольно жесткие, и удерживаться достойно в науке, не будучи в ней кем-то, трудно: тебя коллеги заключают и съедают. Если серьезно говорить о научном контексте, как о жизненном мире, то это все не так просто. Для чиновников научная степень — это какая-то бутафория, которой они обзаводятся как неким элементом хозяйства: вот и такое у меня есть.

С.Э. Для Мединского важно не просто руководство исторической пропагандой, которое он взял на себя по своей инициативе, когда выпустил серию «Мифы о России». Видимо, он стремится включить всю историческую корпорацию в состав своей пропагандистской машины. Поэтому докторская степень ему нужна, чтобы иметь формальные основания подмять под себя историческую науку.

А.Ю. Вот это и есть тот момент, который я хотел осветить. Итак, мы видим, что первая проблема состоит просто в авантюристности всей этой защиты, тут надо разобраться во всем, этот вопрос не касается напрямую исторической науки: мало ли, какие бывают авантюристы! Это вопрос, требующий пристального внимания, изучения со стороны следственных органов: как могло случиться, что у человека два или даже три автореферата? Это нарушает все мыслимые правила, такого быть не должно в принципе, а раз такое случилось, надо разбираться. Ведь есть статья за подлог, это серьезно; это статья, которая лишает

любого чиновника права занимать административную должность; тем более если ты министр, если через тебя идут деньги в культуру, если ты распределяешь огромные средства! Что касается его специфической научной деятельности, то я не перестаю удивляться — это одна сплошная пропаганда. К науке она не имеет ни малейшего отношения. Это попытка переделать историческое знание на новый лад, соединить пропагандистскую риторику с якобы научным дискурсом: задача такого вот «нового историка», каким себя позиционирует Мединский. Задача эта заключается в том, чтобы соединить «гражданственность», как он ее понимает, с историческим прошлым, дабы наука перестала быть самостоятельной, независимой областью познания, где существуют свои правила, и в конечном счете подчинить науку актуальностям современного идеологического сознания. Ему помогает одна идея, которую он извращает совершенно безбожно: он берет лосевскую модель, что все есть миф, и превращает ее в какую-то противоположность. А.Ф. Лосев говорил, что все есть миф, и имел в виду, что любое объяснение как факт сознания связывает нас с актуальностями нашего жизненного мира; объясняя что-либо, мы используем смыслы, которые само собойразумеются. Но это не значит, что наука должна быть мифологична. Она потому и наука, что способна к рефлексии. Это жульничество полубразованного человека, который решил, что он может превратить формулу Лосева в некую идеальную формулу историка-идеолога: и тогда панфиловцы были — хотя их не было, потому что все есть миф...

С.Э. Мединский говорил: немецкие танки же остановили. На Москву они не прошли. Какая разница, кто их остановил? Ведь советские люди много лет верили в 28 панфиловцев. Зачем сейчас эту веру менять? Пусть дальше воспитываются в патриотическом духе на этом примере.

А.Ю. В основе своей это ложная постановка вопроса, потому что получается, что никакой фактической основы истории не существует, все превращается в актуальность современного мифа.

С.Э. Мединский ведь и в диссертации открыто написал, что историческая истина — это национальный интерес. Т. е., по сути, историческая истина — это пропаганда.

А.Ю. Он откровенно договорил до конца, сказал, что самостоятельная наука не нужна, а нужна такая, которая готова служить современной пропаганде, исходя из национально-патриотических интересов России. И все! Поэтому нельзя сказать, что диссертация Мединского имеет отношение к науке. Это что-то, что он хотел бы авантюрным способом внести в научное русло и переделать изнутри науку на свой лад... Наивный!

С.Э. Мединский не пытался даже мимикрировать под научный дискурс, а навязывал историкам: вот смотрите, идиоты, я вам показываю, как правильно науку учить.

А.Ю. Он вообще человек очень упертый, упрямый, настойчивый.

Сам даже сказал, что можно было отказаться от докторской степени, но он идет до конца... хотя ясно, что спектр публичной порки министра в таком хождении только расширяется. Я специально зашел в книжный магазин, чтобы посмотреть на книги Мединского. Те тексты, которые я успел посмотреть на книжной полке, абсолютно графоманские, там нет никакой мысли, нет тяжелой кропотливой работы, это все одна сплошная пропагандистская риторика. Что касается докторской диссертации, то возникает вопрос: когда у него было время читать Герберштейнов, Олеариев? Вряд ли сам копался, невозможно заниматься историей XVI в. и одновременно решать дела в Думе: просто нереально. Мне кажется, что вся эта история с диссертацией Мединского находится не в сфере науки, а около науки, но поскольку человек с министерским портфелем вторгается в область науки, то здесь неизбежно возникает внутренняя конфликтность, напряженность. Потому что сама наука тоже неоднородна. В ней есть обычные работники, они каждый день ходят в библиотеки, архивы, делают свое дело. Но есть слой совсем другой, состоящий в основном из академиков-управленцев. Они перестали заниматься ежедневной наукой (хождением в библиотеки, архивы), зато вовлечены во все чиновные игры... В среде этих управленцев «от науки» идет каждодневная борьба за близость к власти, за сферы влияния, за контроль над ресурсами и т. д. Научных проблем тут нет и быть не может. Когда кто-то говорит: наука «упала», то надо понять, а что это за «наука»,

какая наука? Надо раскрыть это понятие, ведь научная среда неоднородна. Казус Мединского — это вхождение высшего ответственного чиновника в высший слой академических управленцев — и на этом пути никакого сопротивления быть не может! Они говорят на одном языке, они думают об одном и том же! Когда же дело доходит до реальных диссоветов, до реальных людей науки, которые занимаются своим делом, то возникает напряжение, возникает конфликт. Я знаю со слов одного члена экспертного совета ВАКа, что они рассматривали диссертацию Мединского вполне рутинно, понимая, что это ерунда полная. Были, конечно, высказывания и осторожные, дескать, может не стоит давать такое заключение, а оставить вопрос на рассмотрение президиума ВАКа, но опять же — всем было понятно, что это не мир науки, а что-то упавшее «сверху» в науку, так сказать, инородное тело. Тут и сталкиваются два мира: мир реальной науки, который всего этого вообще не принимает на дух, не видит тут ничего, что родственно науке, и мир чиновный со своими титулами, статусами, званиями. Эта высшая управленческая сфера академической науки давно зависит от указаний сверху: чего надо, чего изволите, то мы и подпишем. Эта вот околонучная сфера и является основной проблемой в истории с диссертацией Мединского, потому что именно она позволила проходимцу совершать какие-то шаги, чтобы получить степень. Если бы эта диссертация сразу попала в какой-то нормальный научный совет, то она провалилась бы.

С.Э. Вы хорошо обрисовали ситуацию: то, что мы считаем единой научной корпорацией, на самом деле не является одним целым. Есть люди, не занимающие постов, но занимающиеся наукой, а люди, занимающие посты, в большинстве своем наукой уже не занимаются. Но это все наше внутреннее ощущение. А если смотреть извне, по телевизору, люди видят академика Чубарьяна и, исходя из этого, считают, что с диссертацией Мединского ВАК решил 20 октября справедливо. Раз академики говорят: надо оставить ему степень, значит все правильно. Я предполагаю, что Чубарьяну Мединский звонил с просьбой поддержать. Но я не уверен, что Мединский звонил Пивоварову с той же просьбой.

А.Ю. Сам Юрий Сергеевич Пивоваров как-то остроумно говорил мне, что превращаясь в академика, уже не занимаешься собственно наукой, занимаешься какой-то академической деятельностью, это совсем другое. Слово «академик» для публики — слово магическое, вот академик сказал...

С.Э. Люди так и понимают, раз академики сказали, значит Мединский серьезный ученый, заслужил докторскую степень и т.д. Возникает вопрос: почему рядовые ученые терпят, чтобы их представляли такие люди.

А.Ю. Они не терпят! Например, экспертный совет ВАКа проголосовал против. Хотя призывали: давайте не будем делать резких шагов, поступим осторожно. Ну так ведь

не поступили же осторожно, хотя я знаю, такие сигналы были. Большинство обычных историков твердо решили: надо лишить Мединского степени. Есть определенная закономерность: чем человек более привязан к чиновной деятельности, тем он более осторожен, и наоборот. И я горжусь своими коллегами, товарищами, которые спокойно сказали: это не наука.

С.Э. В пятницу многие коллеги и я в их числе были удручены. Но в понедельник появились какие-то обнадеживающие сигналы. Мне кажется, что давно уже не было таких жестов, которые демонстрируют, что есть какая-то гордость корпоративная.

А.Ю. Олег Будницкий и Павел Уваров, вышедшие из состава экспертного совета в знак протеста, — высокие профессионалы. Они ценят себя и не желают унижаться из-за всех этих чиновных игр.

С.Э. А может ли это стать каким-то первым сигналом, что историческая корпорация начнет как-то преобразовываться? В том плане, что будет открыто объявлено: мы профессионалы и не будем играть в ваши игры.

А.Ю. Процесс идет... Во-первых, есть Вольное историческое общество. Когда случилось судебное дело историка Дмитриева, историческая общественность отреагировала! Другое дело, что власть не обращает на это никакого внимания. Проблема не в том, чтобы заявить что-то, сказать о чем-то важном, проблема в том, что сама позиция государ-

ственной власти такова, что тебя для нее нет: власть рассматривает себя как инструмент, с которым нельзя ни в коем случае спорить, доказывать, что государство ошибается; делается попытка сакрализовать государство до такой степени, чтобы ты всегда молчал и принимал любое решение властей безропотно. Это такая архаизация идеи государства, попытка превратить его в нечто средневековое. Идея подобного государства в том и заключается — у таких пропагандистов, как Сурков или Мединский, — что бы общество ни делало, правы чиновники, выражающие волю государства. Человек — это дрянь, ничего доброго в человеке нет, он доброго слова не стоит, все в народе «около нуля». Демократия никому не нужна... Глубочайшее неверие ни в права человека, ни в права личности. Ни в права народа...

С.Э. Мединский и Путин нас не слышат, это понятно, Но есть наши исторические боссы, которые стали прослойкой между властью и нами. Может быть, историки должны как-то организоваться, чтобы заставить академиков не делать таких заявлений, которые они сделали в ходе дела Мединского.

А.Ю. В конечном счете именно историки добиваются того, что дело Мединского пока еще не закрыто.

С.Э. Было бы здорово, чтобы по результатам этой истории академики начали хорошо думать, стоит ли им дружно подписываться, как они подписались за Мединского, или больше этого не делать.

А. Ю. Любое государство стремится хоть к каким-то общим правилам. Иначе вообще невозможно управлять людьми. Это вопрос устройства государства, а не научной общестственности, пусть и разной.

С. Э. Если бы Бабицкий, Ерусалимский и Козляков не подали бы заявление в ВАК о лишении Мединского докторской степени и т. д.

А. Ю. Да, они, конечно! Но не только они, многие выступали; докопались наконец до двух авторефератов, до того, что, возможно, вообще и защиты самой не было, и так далее. Бабицкий в эфире сказал вещь вообще поразительную, там вообще возможна какая-то и уголовная история...

С. Э. Меня больше всего потрясло в этой истории, что эти оппоненты за два дня отказались от того, что они были оппонентами. Мне кажется, что на них все-таки кто-то давил с помощью административного ресурса. Т. е. это бы-

ла внутривластная интрига против Мединского. Шесть лет молчали и вдруг заговорили.

А. Ю. Историки это все и вытащили, и подняли на свет. Докопались до этих вещей, до этой грязи. В любой более-менее нормальной стране такие вещи уже давно бы... И сам министр давно бы ушел с поста. А у нас все почему так? Да потому что плевали власти на мнение общества. Все, что мы говорим — ерунда для них. Полная девальвация наших слов.

С. Э. Не спорю. Но задачи надо ставить постепенно. Было бы здорово, если бы после этой истории Чубарьян, Пивоваров и им подобные сто раз подумали бы прежде, чем подписываться под такой историей. В позднее советское время боялись, что с работы снимут. Сейчас не снимут. Но бонус не дадут. Не получишь конфетку. Люди в возрасте. Зачем они на это идут?

А. Ю. Люди живут в своем космосе. В разных жизненных мирах.

“THE AUTHORITIES SPAT ON THE OPINION OF SOCIETY.

ALL WE SAY IS NONSENSE FOR THEM”.

Interview with A. L. Yurganov

Yurganov Andrey I. — doctor of historical sciences, professor, Russian State University for Humanities (Moscow)

Keywords: The Higher Attestation Commission (VAK), The historical community, Russian medieval history, V. Medinskiy’s dissertation thesis, hack-work, propaganda, myth-making

A well-known specialist in medieval Russian history and culture reflects on the scandalous thesis of the Minister of Culture V. Medinskiy, placing it in the context of the needs of the authorities in historical myth-making.

В. В. Ведерников

НЕДОРИСОВАННЫЙ ПОРТРЕТ (Круглый стол в Европейском университете 24 ноября 2016 года)

Ключевые слова: Высшая аттестационная комиссия (ВАК), Диссернет, лженаука, халтура, репутация.

В публикуемом материале находит отражение содержание круглого стола, состоявшегося 24 ноября 2016 г. в Европейском университете Санкт-Петербурга и посвященного актуальному для российского научного сообщества кругу проблем, связанных со снижением качества диссертаций.

Проблема некачественных диссертаций возникла давно, еще в позднесоветские времена, когда корпоративная этика требовала поддержать «своего» или, что, впрочем, было гораздо реже, утопить «чужого». В 90-е гг., когда ученое сообщество с трудом выживало, число диссертационных советов резко возросло, а уровень работ резко понизился. Ученая степень одним нужна была по соображениям административной карьеры, другим — в качестве модного аксессуара. В условиях рыночной экономики спрос порождал предложение. Диссертацию можно было купить, заказать, договориться о защите. Процедура защиты могла принимать не вполне традици-

онный характер: В МГУ, к примеру, был защищен «диссертационный доклад», основой которого стали 11 томов размышлений соискателя В. В. Жириновского «о прошлом, настоящем и будущем русской нации». Новые доктора и новые академики довольно быстро от ремесла, минуя стадию мануфактурного производства, перешли к производству фабрично-заводскому. Один и тот же текст после небольшой перелицовки мог защищаться дважды. Так поступил, как известно, И. Н. Игошин, превративший «шоколад» и кондитерское производство в говядину и «мясоперерабатывающее производство» соответственно (*Гирин*). Среди тех, кто руководил некачественными работами, были и экономисты, и педагоги, и, к большому сожалению, историки. Примером может служить «научная школа» академика РАН И. Х. Урилова (*Волинхамов* 2014).

© Ведерников В. В., 2018

Ведерников Владимир Викторович — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского технологического института (Технического университета) (Санкт-Петербург); vedvlvik@mail.ru

Обилие фальшивых работ грозило подорвать престиж отечественной науки, после ряда скандалов приказом министра Д. В. Ливанова в феврале 2013 г. был распущен диссертационный («даниловский») совет Московского педагогического государственного университета, а ряд диссертантов лишены ученых степеней. Тогда же премьер Д. А. Медведев, признав проблему плагиата диссертаций «резонансной», предложил ряд практических мер, которые, по его мнению, должны были повысить качество научной работы и прозрачность процедуры защиты (Медведев 2013). Возникшее в начале 2013 г. путем самоорганизации сообщество Диссернет привлекло внимание к вопиющим случаям недобросовестных работ и плагиату. С 2013 г. наметилась положительная динамика в работе реформированных диссертационных советов. Но продолжительная «сага», связанная с экспертизой докторской диссертации В. Р. Мединского, вновь привлекла общественное внимание к непростым вопросам взаимоотношения науки и власти, возможности самоорганизации сообщества, методам, с помощью которых можно было бы защитить науку от халтуры. Именно этим вопросам был посвящен круглый стол, который прошел 24 ноября в Европейском университете. Мероприятие носило открытый характер, и, помимо историков, на нем присутствовали социологи, математики, филологи, педагоги, студенты.

Ведущий *М. М. Кром (д.и.н., профессор Европейского университет в Санкт-Петербурге)* предложил обсудить следующие темы:

1. Ученые и бюрократы. Суть проблемы в том, чтобы понять, осталась ли еще наука, или все, в том числе и получение ученой степени, сводится к прохождению некоего формального набора процедур, после чего соискатель получает статус ученого.

2. В этой связи актуальным становится и вопрос, нужна ли Высшая аттестационная комиссия, или же присуждение ученой степени — дело самого научного сообщества. Но отсюда вытекает и вторая не менее важная проблема: есть ли научное сообщество? Ежегодно процедуру защиты проходят многие сотни работ разного качества. Может ли такое сообщество выработать профессиональные требования к их содержанию?

3. Если государство активно влияет на научное сообщество, то необходимо проанализировать и содержание государственной исторической политики, которая нынче сводится к тому, что история превращается в идеологию, что грозит негативными последствиями. Соотношение науки, политики и идеологии стало третьей большой темой круглого стола. Как видно, «сага» Мединского¹ стала только поводом, чтобы обсудить актуальные и болезненные вопросы.

Выступавшие согласились с тем, что к 2013 г. сложилась критическая ситуация. По мнению *С. Н. Зенкина (д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ)*, из 3 тыс. авторов

¹ Об обстоятельствах, связанных с защитой диссертации Мединского, подробнее см.: (Лобин; Пенской; Уваров 2017).

докторских и 16 тыс. кандидатских диссертаций, защищенных с 1993 по 2013 г., примерно половина получили степень незаслуженно, и, хотя бы морально, носители незаслуженных званий должны быть отделены от настоящих ученых. В то же время ряд выступающих констатировали заметное улучшение в работе ВАК. По мнению одного из инициаторов заявления в ВАК о лишении В.Р. Мединского звания доктора исторических наук *И.Ф. Бабицкого (PhD Флорентийского университета Диссернет)*, после скандала 2013 г., связанного с «даниловским» советом, ВАК был реорганизован, в экспертный совет набрали людей с хорошей репутацией, все это привело к тому, что требования к исследованиям ужесточились и защит стало гораздо меньше, число диссертационных советов сократилось на треть. В целом между Диссернетом и ВАК налаживается плодотворное сотрудничество. Тем не менее ситуация продолжает оставаться тяжелой.

Член Президиума ВАК *С.В. Мироненко (д.и.н., научный руководитель Государственного архива РФ)* обратил внимание на то, что уровень работ, особенно педагогических и юридических, остается чрезвычайно низким, и это при том, что примерно 10 работ на каждом заседании ВАК не утверждается. В новых, реорганизованных после 2013 г. советах примерно одна третья часть членов имеет аспирантов, которые просто списали работу, или того хуже, сами члены совета защитили сомнительный текст, но закрыть эти советы нельзя, потому что тогда целые регионы останутся без диссертационных советов.

Вопрос о том, как реорганизовать работу Высшей аттестационной комиссии и нужна ли она вообще, вызвал оживленный обмен мнениями. Участников дискуссии я бы условно разделил на «оптимистов», «пессимистов» и «скептиков». «Оптимисты» (*Бабицкий, Мироненко*), отрицая необходимости реформ, считают, что при всех недостатках только ВАК является плотной, сдерживающей мутный поток халтуры, крайний скепсис по отношению к ВАК прозвучал в выступлении *В.В. Ланина (д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН)*. По его мнению, резкий спад защит связан вовсе не с ужесточением требований к диссертациям, а с тем, что «мода» на ученые степени среде элит миновала. Определив ситуацию как «тупиковую», выступающий выразил крайний скепсис по поводу возможных результатов реформ.

В сущности, с ним солидаризировался и *И.В. Курукин (д.и.н., профессор Российского государственного гуманитарного университета)*. Он считает, что, несмотря на очевидные перемены к лучшему, все же ВАК сохраняет родовые признаки бюрократической структуры, и иным он быть не может. Есть другой путь реформирования – дать право присуждать ученую степень самим советам. Но при разнообразии регионов и традиций РФ нельзя поручиться за то, что отдельные советы, в полном соответствии с давно сложившимися особенностями (непотизм, клановость), не поставят производство докторов N-ских наук на конвейер. Третий путь – формирование независимой общественной

организации, хорошо организованной и оснащенной, но трудно сказать, сможет ли она эффективно работать исключительно на общественных началах.

В этой связи *М. М. Кром* напомнил, что в настоящее время создается смешанная система. 20 советов, в том числе и Белгородский, доктором наук которого окрестили Мединского, имеют право присуждать степени без ВАК, и число таких советов будет расти. *М. М. Кром* обратил внимание, что профессиональные организации российских историков – Русское историческое общество, Военно-историческое общество и Вольное историческое общество – существуют только благодаря спонсорским пожертвованиям, поэтому вряд ли смогут организовать институт независимой экспертизы. Докладчик указал на привлекательный опыт Американской исторической ассоциации, которая существует благодаря сбору членских взносов, устройству конференций и т. д. По его мнению, возможно, такая форма самоорганизации могла бы быть укоренена и в России.

А. А. Селин (д.и.н., профессор Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге) обратил внимание на то, что оценки профессионального сообщества и общественного мнения базируются на различных основаниях. Для профессионалов важна репутация диссертационного совета, в котором проходила защита, для общественного мнения существенным является само прохождение процедуры. Именно поэтому история с защитой министра в глазах

широкой общественности бросила тень на все научное сообщество.

Попытку найти компромисс принял *И. И. Курилла* (д.и.н., профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге). По его мнению, присуждение степени без участия ВАК было бы возможным, если бы в вузах действительно царил академическая свобода, но, задавленные бюрократическим прессом, ощущая постоянную угрозу увольнения, ученые не могут принимать решение свободно и ответственно, вернее, для этого необходима изрядная доля мужества. Вместе с тем многие уже прекрасно осознают, что безупречная репутация – это своеобразный нематериальный капитал. И. И. Курилла привел пример, когда на обсуждении диссертации выяснилось, что в списке публикаций автора в тринадцати случаях фигурирует под разными названиями один и тот же текст. И совет, заботясь о своей репутации, эту работу отклонил. «Казус Мединского», по мнению выступающего, продемонстрировал, что существует профессиональная солидарность, когда в борьбе за научную добросовестность объединились историки различных общественных взглядов и идейных позиций. Именно такую солидарность продемонстрировал экспертный совет ВАКа, большинством голосов принявший отрицательное заключение по диссертации министра. Противоречия между экспертным советом по истории и президиумом ВАК в конечном счете – столкновение между максимально близкой к государству, но в то же время авторитетной корпорацией профессионалов

и корпорацией бюрократов. И было бы очень важным за экспертным советом закрепить право окончательного решения, надо подумать, как это технически сделать.

Важно, чтобы профессионалы продолжали открытую борьбу с фальсификациями и злоупотреблениями. По мнению выступавшего, существует «молчаливое большинство», которое занимает пассивную позицию. Несомненно, что в рядах этого большинства есть достойные ученые и с ними надо как-то выстраивать отношения.

Тему профессиональной солидарности развил **В. В. Шишкин** (к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета). По его мнению, в последнее время происходит фальсификация профессионализма. За специалистов, знатоков прошлого, выдают себя и социологи, и философы, и подводники, и пожарные. У чиновников это вызывает иллюзию простоты и доступности знания о прошлом. Ничтоже сумняшеся, бюрократия готова дать оценку и Сталину, и Ивану Грозному. При этом, по мнению выступающего, едва ли один из 20 чиновников сможет ответить на простой вопрос: в каком веке жил Иван Грозный. В то же время его французский коллега без труда скажет, что сделал какой-нибудь Людовик VIII, когда он жил. Дело в том, что в образовательную программу подготовки служащих госаппарата Франции входит история, а специалисты-профессионалы пользуются уважением. У нас все происходит с точностью до наоборот. И попытки бюрократии оказываются

успешными из-за разобщенности исторического сообщества. У нас нет единой исторической хартии. **В. В. Шишкин** призвал к более тесному сотрудничеству между коллегами из СПбГУ и Европейского университета. Это предложение горячо поддержал **М. М. Кром**.

Важные, детально продуманные предложения, направленные на санацию ученого сообщества, развил в своем выступлении **С. Н. Зенкин**. Его статья будет опубликована в ближайших номерах нашего журнала.

Вопрос о необходимости кодекса (хартии) историка поднял и **М. М. Кром**.

Б. Е. Винер (к.с.н., с.н.с. Института социологии РАН), ссылаясь на опыт Социологической ассоциации, которая разрабатывала кодекс, взяв за основу зарубежные образцы, указал, что документ реально не работал. Уволить человека за нарушение кодекса нельзя. Остается моральный метод воздействия, а он крайне неэффективен.

С. Е. Эрлих (д.и.н., журнал *Историческая экспертиза*) считает, что, помимо высоких профессиональных качеств, историк должен обладать умением принимать правильные решения, следуя голосу собственной совести. Если сообщество историков-профессионалов хочет оказать влияние на общественное мнение, то нужно зафиксировать наше отношение к тем, кто выступил в поддержку заведомо непрофессиональной диссертации. Понятно, что среди них есть довольно много влиятельных людей, и принципиальная

позиция потребует определенного мужества.

В. В. Ведерников (к.и.н., журнал *Историческая экспертиза*) считает хартию или декларацию о научной и профессиональной этике крайне необходимым документом. Конечно, сама по себе такая хартия вряд ли сразу же изменит ситуацию. Но значение документа в том, что он определяет требования к тому, что, безусловно, не может допускать историк-профессионал, что немедленно исключает его из профессионального сообщества. Выступающий обратил внимание на то, существуют не только заказчики «липовых» диссертаций, но и исполнители: те, кто писал заказные работы, кто продвигал их в диссертационных советах, кто голосовал за явную халтуру. Их имена должны быть известны.

По мнению **Н. Л. Корсаковой** (к.и.н., с.н.с. Санкт-Петербургского института истории РАН), в последнее время идеология одерживает верх над наукой. Выступавшая напомнила о неоднозначной реакции на текст докторской диссертации Кирилла Александрова «Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.». Она была защищена в диссертационном совете Санкт-Петербургского института истории РАН, прошла при максимальной гласности, в присутствии большого числа заинтересованных сторон, заседание совета затянулось до 23 часов, все получили возможность высказаться. Совет большинством голосов (17:1) выступил за присуждение степени, но экспертный совет ВАК, под-

давшись политическому давлению (прежде всего со стороны КПРФ), отклонил решение о защите.

М. М. Кром согласился с тем, что идеологизация очень вредит науке и подрывает принципы научного знания. Он напомнил о статье В. Р. Мединского (*Мединский* 2017), где министр открыто заявил, что история всегда защищает национальные интересы, а объективного Нестора не бывает, что историк всегда заложник своих убеждений. Отсюда выводится принцип партийности. Партийность в известном смысле противоположна субъективности, т. к. призывает историков идти вместе стройными рядами, совершая колебания вместе с линией партии. Стоит ли напоминать, сколько вреда нанесла такая политика исторической науке, как пострадали от нее многие известные советские историки? По мнению выступавшего, в последнее время ряд проблем из области научной переключаются в область идеологическую. И ряд исторических проблем (Великая Отечественная война в первую очередь) становятся для исследователей зонами риска.

Оппонируя **М. М. Крому**, **И. Ф. Бабицкий** выступил в непривычной для себя роли защитника Мединского. Защищаясь от нападок, министр указывал на партийность и идеологичность своих оппонентов и сравнивал себя с Н. И. Вавиловым, которого травил приверженцы Т. Д. Лысенко. Таким образом, министр выступил против привнесения идеологии в науку. Мединский и его сторонники вряд ли хотят преследовать ученых и установить полное единомыслие.

Их задача — добиться признания министра в качестве полноправного члена научного сообщества. Другая цель — сохранить монополию на финансирование работ по увековечиванию памяти героев войны. Никакого желания преследовать оппонентов у них нет.

С мнением *И. Ф. Бабицкого* не согласился *И. И. Курилла*. По его словам, Мединский неоднократно с удовольствием вспоминал, что он выступил цензором исторических учебников, неоднократно говорил и о том, что мифы важнее истории. У министра существует не только банальное желание сохранить монополию на проведение политики исторической памяти о Великой Отечественной войне, он стремится ввести исследования в определенные рамки. Если относительно будущего у власти нет никакой определенности, то управление прошлым она считает возможным. По словам И. И. Куриллы, мы являемся свидетелями того, как история, прежде всего история Второй мировой войны, становится инструментом для легитимации режима. Для противодействия критикам была внесена в УК статья о реабилитации нацизма. Она сформулирована очень широко и неопределенно, так что почти любой историк, выступающий с неортодоксальных позиций, может попасть под ее действие. На практике статья еще не применялась, но «казус Александра» показывает, что есть горячие темы, которых не рекомендуется касаться.

По мнению выступавшего, все же в целом ряде драматических столкновений между бюрократией

и профессионалами историки либо победили, либо по меньшей мере отстояли свои позиции. И. И. Курилла напомнил, что деятельность известной комиссии, направленной против фальсификации истории, закончилась ничем или почти ничем, проект создания единого учебника не был реализован еще и потому, что союзником ученых выступил издательский бизнес, незаинтересованный в монополии. Таким образом, историческое сообщество показало, что оно может не только бороться, но способно и побеждать.

Но в последнее время министерство ищет способы обойти те структуры, где у профессиональных историков есть прочные позиции. Для легитимации исторической политики министр использует культурную сферу. На экраны страны выходят фильмы, спонсируемые государством, которые призваны закрепить в сознании официальную версию истории страны. В последние месяцы создается сеть интерактивных музеев «Россия — моя история», которая должна представить консервативно-православную версию отечественной истории. Версия эта базируется на откровенном фальсификате. Диссиденты, к примеру, показаны по книге Н. Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», Иван Грозный — по сочинениям Мединского, а развал СССР прокомментирован фальшивыми цитатами из З. Бжезинского и Билла Клинтона. Это все — попытка обойти с фланга профессиональное историческое сообщество. Но к нашей чести, профессиональные историки не приняли участие в реализации этого проекта.

Разумеется, вопросы, поднятые на круглом столе, заслуживают общественного внимания, а сама дискуссия – продолжения.

На дискуссию я пришел из газетного читального зала РНБ, что на Фонтанке. Его вестибюль украшают портреты видных современных ученых, в основном представителей естественных наук, которые мне, гуманитарии, по большей части почти неизвестны. Но одно лицо показалось до боли знакомым. Ба! Да это же В.И. Петрик, академик РАЕН, Петровской академии наук и искусств и еще то ли пяти, то ли шести академий, доктор технических наук по версии Высшей межакадемической аттестационной комиссии РАЕН (Экономов 2009), тот самый выдающийся ученый, который вместе с другим не менее крупным специалистом кандидатом политических наук Б.В. Грызловым запатентовал открытие фильтров, превращавших радиоактивную воду в питьевую. Открытия Петрика встретили поддержку у части научного сообщества, в частности вице-президент АН С.М. Алдошин заявил, что изобретатель «открыл явления, которые действительно могут работать, действительно могут создавать энергию» (Алдошин). И только сопротивление Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, которую возглавлял академик Э.П. Кругляков, поставило под сомнение эффективность научной деятельности Петрика (Кругляков 2009). Правда, такое решение вызвало мощнейшее сопротивление

одного из главных изобретателей и лоббистов проекта. Ученых РАН он обвинил в травле изобретателя, сравнимой с травлей академика Н.И. Вавилова, термин «лженаука» – ярлыком, который консерваторы навешивают на передовых ученых, а те, кто сомневается в эффективности изобретения, по мнению Грызлова, связаны с силами, «которые не хотят видеть нашу страну среди первых мировых держав» Широкое распространение получила яркая характеристика, данная Б. Грызловым: «Термин “лженаука” уходит в древние века, мы можем вспомнить Коперника, которого сожгли за то, что он говорил: “А земля все-таки вертится!”» (Грызлов 2010). Проект, на широкое внедрение которого требовались астрономические суммы (в печати сообщалось о 15 триллионах рублей) был поддержан партией «Единая Россия» (Бурская 2010), но эффективность фильтров, равно как и обоснованность открытий Петрика экспертиза РАН поставила под сомнение, и к 2017 г. проект тихо угас, однако портрет академика РАЕН тем не менее украшает стены крупнейшей национальной библиотеки. Но оформление стенда не кончено. Галерея постоянно пополняется. Свободные места есть. Быть может, на одном из них, рядом с академиком, будет помещен портрет и доктора Мединского?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алдошин – Вице-президент РАН С. М. Алдошин о В.И. Петрике // URL: www.youtube.com/watch?v=aLybmIGwt0s.

Бурская 2010 – Бурская З. Им патенты // Новая газета. 2010. 15 февраля.

Грызлов 2010 – Борис Грызлов умнее академиком // URL: www.youtube.com/watch?v=82R4AFPozUM.

Волихамов 2014 – Волихамов М. РАН и Диссергейт. Часть вторая. Школа академика Урилова // Троицкий вариант. 2014. 6 мая.

Гирич – Гирич Н. Блогеры подозревают в плагиате кандидата экономических наук единоросса Игошина: списал десятки страниц, заменив «белый шоколад» на «отечественную говядину» // URL: www.novayagazeta.ru/news/2013/03/08/62889-blogery-podozrevayut-v-plagiate-kandidata-ekonomicheskikh-nauk-edinorossa-igoshina-spisal-desyatki-stran.

Кругляков 2009 – Кругляков Э. П. Вместо предисловия // В защиту науки. Бюллетень № 6. М., 2009. С. 3–20.

Лобин – Лобин А. Н. Пещерное источниковедение // URL: polit.ru/article/2012/03/13/medinsky.

Медведев 2013 – Д. А. Медведев: «Диплом кандидата или доктора наук должен обеспечиваться научным авторитетом организации, а авторитет университета, научной организации напрямую должен зависеть от качества защищаемых там диссертаций» // Высшее образование сегодня. 2013. № 4. С. 3–4.

Мединский 2017 – Мединский В. Р. Интересная история // Российская газета. 2017. 4 июля.

Пенской – Пенской В. Без навыков историка // URL: polit.ru/article/2012/03/13/medinsky.

Уваров 2017 – Уваров П. Ю. Конец «Страны Советов», или о репутационных механизмах и нетерпимости к халтуре // URL: istorex.ru/page/uvarov_p_yu_konets_strani_sovetov_ili_o_reputatsionnikh_mekhanizmax_i_neterpimosti_k_khulture.

Экономов 2009 – Экономов И. Чистой воды инновации // Троицкий вариант. 2009. 12 мая.

UNDERSIZED PORTRAIT

(Round Table at the European University on November 24, 2016)

Vedernikov Vladimir V. – candidate of historical sciences, associate professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg)

Key words: The Higher Attestation Commission (VAK), Dissernet, pseudoscience, hack-work, reputation.

The material published below reflects the content of the round table, held on November 24, 2016 at the European University of St. Petersburg. The problems actual for Russian academic community which concern the decline in the quality of dissertations were discussed.

REFERENCES

Boris Gryzlov umnee akademikov. URL: www.youtube.com/watch?v=82R4AFPozUM.

Burskaia Z. Im patenty. *Novaia gazeta*, 2010, 15 fevralia.

D.A. Medvedev: "Diplom kandidata ili doktora nauk dolzhen obespechivat'sia nauchnym avtoritetom organizatsii, a avtoritet universiteta, nauchnoi organizatsii napriamuiu dolzhen zaviset' ot kachestva zashchishchaemykh tam dissertatsii". *Vyshee obrazovanie segodnia*, 2013, no. 4, p. 3–4.

Ekonomov I. Chistoi vody innovatsii. *Troitskii variant*, 2009, 12 maia.

Girin N. *Blogery podozrevaiut v pligate kandidata ekonomicheskikh nauk edinorossa Igoshina: spisal desiatki stranits, zameniv "belyi shokolad" na "otechestvennuiu goviodinu"*. URL: www.novayagazeta.ru/news/2013/03/08/62889-blogery-podozrevayut-v-pligate-kandidata-ekonomicheskikh-nauk-edinorossa-igoshina-spisal-desyatki-stran.

Krugliakov E. P. Vmesto predisloviia. *V zashchitu nauki*. Biulleten' № 6. M., 2009, p. 3–20.

Lobin A. N. *Peshchernoie istochnikovedenie*. URL: polit.ru/article/2012/03/13/medinsky.

Medinskii V. R. Interesnaia istoriia. *Rossiiskaia gazeta*, 2017, 4 iulia.

Penskoi V. *Bez navykov istorika*. URL: polit.ru/article/2012/03/13/medinsky.

Uvarov P. Iu. *Konets "Strany Sovetov", ili o reputatsionnykh mekhanizmax i neterpimosti k khalture*. URL: istorex.ru/page/uvarov_p_yu_konets_strani_sovetov_ili_o_reputatsionnykh_mekhanizmax_i_neterpimosti_k_khalture.

Vitse-prezident RAN S. M. Aldoshin o V. I. Petrike. URL: www.youtube.com/watch?v=aLybmIGwt0s.

Volikhamov M. RAN i Dissergeit. Chast' vtoraiia. Shkola akademika Urilova. *Troitskii variant*, 2014, 6 maia.

КАЗУС МЕДИНСКОГО В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

Ключевые слова: отечественная историческая наука, казус Мединского, пресса.

В настоящее время отечественная историческая наука переживает последствия масштабного скандала, связанного с обстоятельствами присуждения ученой степени доктора исторических наук действующему министру культуры РФ В. Р. Мединскому. В статье анализируется отражение казуса Мединского – этой беспрецедентной даже для современной России истории в зеркале российской прессы (СМИ) на всех его этапах, начиная от появления первых критических отзывов профессиональных историков на текст «диссертации» в 2011–2012 гг. до настоящего времени.

Когда я пишу эти строки, скандал вокруг т. н. «докторской диссертации по историческим наукам» действующего на данный момент министра культуры РФ В. Р. Мединского несколько поутих. Медиапространство уже не похоже на штормящее море, на его поверхности не вздымаются гребни волн. То, что было вынесено на поверхность, как и положено при шторме такой силы, со дна моря-океана практик отечественной (около)науки, кажется, опять благополучно ушло на дно. Но это кажущееся спокойствие. Периодически происходят вбросы новой информации. Европейский университет в Санкт-Петербурге анонсировал ноябрьский круглый стол на тему: «Казус Мединского: что происходит

с исторической наукой в современной России?»¹ А буквально на днях появился долгожданный развернутый текст о судьбе «токсичной диссертации» в коридорах Высшей аттестационной комиссии (ВАК) РФ, принадлежащий перу теперь уже экс-председателя экспертного совета (ЭС) по истории, известного российского медиевиста, специалиста по истории средневековых университетов и истории Франции XVI в., чл.-корр. РАН П. Ю. Уварова². Так что скорее это затишье перед

¹ Круглый стол: «Казус Мединского: что происходит с исторической наукой в современной России?» URL: eu.spb.ru/forthcoming-events/18262-kruglyj-stol-kazus-medinskogo-cto-proiskhodit-s-istoricheskoi-naukoj-v-sovremennoj-rossii (дата обращения: 18.11.2017).

² Уваров П. Ю. Конец «Страны Советов», или о Репутационных механизмах и нетерпимости к халтуре. URL: istorex.ru/page/uvarov_p_yu_konets_strani_sovetov_ili_o_reputatsionnikh_mekhanizmax_i_neterpimosti_k_khalture (дата обращения: 18.11.2017).

© Хут Л. Р., 2018

Хут Людмила Рашидовна – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет (Республика Адыгея, г. Майкоп); e-mail: ludmila1302@mail.ru

чем-то другим. Ибо слишком много всего поднялось со дна и вернуться на место и лечь в прежнем порядке по определению уже не сможет.

В данной статье речь пойдет о том, как эта беспрецедентная даже для новейшей истории России story с присуждением ученой степени отразилась в зеркале российской прессы, насколько правдивым или, напротив, лживым это зеркало оказалось. Предваряя дальнейшее изложение, хочу сделать существенное замечание. Имеющаяся на сегодняшний день информация из открытых источников об обстоятельствах подготовки и защиты текста «Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв.», выдаваемого за «докторскую диссертацию В. Р. Мединского по истории», не позволяет мне использовать слово «диссертация» в применении к указанному тексту без кавычек.

«Дело Мединского», «Мединский гейт», «Мединада», «историографический казус начала XXI века»... Как только не именуют эту историю пишущие о ней, а ее фигуранта — «доктором исторических фантазий», «волшебных», «белгородских», «патриотических», «шарлатанских», «антиисторических наук» и даже «мединским доктором». По Сети разошелся интернет-мем «была любительская, стала докторская». Но, пожалуй, чаще всего говорят о «казусе Мединского»³. Ог-

ромное количество народа втянуто в какой-то бесконечный сериал, у которого появляются все новые и новые режиссеры, а круг зрителей только расширяется.

Мне уже приходилось высказываться на тему казуса Мединского и на академических площадках, и в социальных сетях. Работая с различными материалами, в том числе прессой, я не могла не обратить внимания на то, что неудовлетворенность его освещением демонстрировали и критики фигуранта, и он сам. Так, в одном из самых внятных, на мой взгляд, на сегодняшний день текстов «по поводу» — недавнем интервью журналу «Историческая экспертиза» соавителя ЗОЛУСа⁴ московского историка К. Ю. Ерусалимского (специалиста по истории Восточной Европы в Средние века и Новое время, источниковедению, истории

тиков: цугцванг дискурсивной игры. URL: gifter.ru/archive/21300 (дата обращения: 18.11.2017); Рубцов А. Казус Мединского. Философ Александр Рубцов о том, нужны ли науке формальности. URL: www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/10/717281-казус-мединского (дата обращения: 18.11.2017); Сычева Е. Казус Мединского. URL: polit.ru/article/2017/10/14/history_medinskij/ (дата обращения: 18.11.2017); Звездина П., Калюков Е., Истомина М. Казус Мединского: чем закончился спор из-за диссертации министра культуры. URL: www.rbc.ru/society/20/10/2017/59e972679a79474f4c4d7a12 (дата обращения: 18.11.2017).

⁴ ЗОЛУС — Заявление в Министерство образования и науки РФ от д-ра ист. наук Вячеслава Николаевича Козлякова, д-ра ист. наук Константина Юрьевича Ерусалимского, Ивана Федоровича Бабицкого, Ph D. (Università degli Studi di Firenze, Italia) о лишении Владимира Ростиславовича Мединского ученой степени доктора исторических наук от 25 апреля 2016 года. URL: wiki.dissnet.org/tools/vsyakosyak/MedinskyVR_ZoLUS.pdf (дата обращения: 18.11.2017).

³ Демина Н. «Антинаучный бред», или Казус Мединского. URL: polit.ru/article/2016/10/09/medinsky/ (дата обращения: 18.11.2017); Усыскин Л. Казус Мединского: на руинах скандала. История историков и история поли-

кириллической рукописной книги и книжного дела, истории восточно-европейских миграций) содержится жесткая оценка роли прессы в истории развития «Мединады». «Журналистика “просела”, — констатирует ученый, — она, как видно по всему ходу освещения скандала, давала, как правило, неадекватные и крайне невразумительные общие факты, которые свидетельствовали просто о нежелании посмотреть досье, нежелании узнать, кто что говорит и думает»⁵. В свою очередь, В.Р. Мединский также упрекает прессу в необъективности. С трибуны заседания президиума ВАК РФ, на котором решался вопрос о возможности или невозможности сохранения за ним докторской степени по истории, он выражает уверенность в том, что «ни один журналист не будет читать стенограмму... В лучшем случае он спросит кого-то из здесь присутствующих и сквозь его собственное, заранее заготовленное субъективное отношение... он получит информацию, пропустит ее сквозь себя и выбросит это в прессу»⁶.

Вопреки имеющему хождение в прессе представлению о том, что предметный интерес к «диссертации» В.Р. Мединского в профессионально-исторической среде возник сравнительно недавно и связан исключительно с деятельностью по-

⁵ Ерусалимский К. Ю. «Такого историка, как Владимир Мединский, нет»: интервью. URL: istorex.ru/page/erusalimskiy_kyu_takogo_istorika_kak_vladimir_medinskiy_net (дата обращения: 18.11.2017).

⁶ Звездина П. Соблазн Мединского: расшифровка закрытой защиты диссертации министра. URL: www.rbc.ru/society/26/10/2017/59ef759e9a79472ef8b8d972 (дата обращения: 18.11.2017).

следнего на министерском посту, первым профессиональным историком, осуществившим анализ автореферата на предмет его соответствия квалификационным признакам, предъявляемым к работам подобного рода, стал еще в 2011 г. американист И.И. Курилла, тогда профессор Волгоградского госуниверситета, ныне — профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. И сделал он это на страницах своего блога «Хроники третьего тысячелетия» в «LiveJournal» («Живом Журнале») 6 августа 2011 г., т.е. спустя совсем немного времени после защиты, которая состоялась 27 июня того же года в Российском государственном социальном университете (РГСУ). И.И. Курилла отдельно остановился на «научно-практических рекомендациях» соискателя, содержащихся в автореферате, в частности, на необходимости формирования у студентов и аспирантов «правильного исторического сознания»⁷. Анализ доступной информации позволяет сделать вывод, что «раскручивать» историю с защитой «докторской диссертации» В.Р. Мединского стали блогеры «Живого Журнала». Что касается федеральных СМИ, то они проявят интерес к заимствованиям в «диссертации» с начала 2012 г. В частности, «Коммерсант.ru» поднимает тему плагиата в автореферате, ссылаясь на разгорающийся в блогосфере скандал⁸.

⁷ Курилла И.И. Мединский — доктор? URL: alliruk.livejournal.com/409537.html (дата обращения: 18.11.2017).

⁸ Батий Д. «Автор должен доказать, что такого рода фразы являются шаблонами». Юрист об обвинении Владимира Мединского в плагиате. URL: www.kommersant.ru/doc/1855586 (дата обращения: 18.11.2017).

После информации об утверждении «диссертации» ВАК, на сайте «Актуальная история» 24 января будет опубликован объемный материал «О плагиате в докторской диссертации В.Р. Мединского»⁹. А дальше пойдет по нарастающей. Обстоятельный профессиональный анализ диссертации 13 марта публикует сайт «Полит.ру». Речь идет о блестящей статье «Пещерное источниковедение» Санкт-Петербургского историка А.Н. Лобина, специалиста по военной истории Русского государства XVI–XVII вв.¹⁰, которую 19 марта разместит на своем сайте и журнала «Скепсис»¹¹. Автор последовательно анализирует применяемую диссертантом методологию, историографическую и источниковую базы работы, отдельно останавливается на «случае Герберштейна», а далее переходит к «неутешительным выводам». Итак, повторюсь: тезис о том, что профессиональные историки «вдруг» заинтересовались «докторской диссертацией» министра культуры через несколько лет после состоявшейся защиты, не соответствует действительности.

Уже на начальном этапе появления в медиапространстве «дела Мединского» началось размежевание в профессионально-исторической среде на «группу поддержки» и «группу критиков» фигуранта.

⁹ О плагиате в докторской диссертации В.Р. Мединского. URL: actualhistory.ru/medinskyi-plagiat (дата обращения: 18.11.2017).

¹⁰ Лобин А.Н. Пещерное источниковедение. URL: polit.ru/article/2012/03/13/medinsky/ (дата обращения: 18.11.2017).

¹¹ Лобин А.Н. Пещерное источниковедение. URL: scepsis.net/library/id_3155.html (дата обращения: 18.11.2017).

Представляется, что консолидация «группы поддержки» началась после упоминавшейся статьи А.Н. Лобина. 16 марта 2012 г. сайт «Полит.ру» предоставил свою площадку для коллективного выступления историкам — сотрудникам Института российской истории (ИРИ) РАН А.Н. Сахарову, член-корр. РАН, экс-директору ИРИ РАН (1993–2010), В.М. Лаврову, в то время руководителю Центра истории религии и церкви в России, Л.Е. Морозовой, специалисту по истории XIV–XVII вв., а также Д.Н. Иванову, директору издательства «ОЛМА Медиа Групп»¹², в котором В.Р. Мединский издавал свои многочисленные тексты, написанные, по его собственному признанию, в жанре «научпоп-поп-поп»¹³. Публикацию отличал уничижительно-пренебрежительный тон, в котором члены «группы поддержки» отзывались о статье «Пещерное источниковедение» и ее авторе, а заодно о легенде отечественной медиевистической русистики А.Л. Хорошкевич (1931–2017) и известном специалисте по российской истории XIV–XVII вв. В.Д. Назарове. С комментариями от имени редакции¹⁴ и незначительными изменениями тот же текст был опубликован несколько позднее на сайте упоминавшегося

¹² По следам публикации. В защиту Мединского. URL: polit.ru/article/2012/03/16/za-medinskogo/ (дата обращения: 18.11.2017).

¹³ Плохая книга «Мифы о России» отрекламирована на миллион долларов. URL: stringer-news.com/publication.mhtml?Part=48&PubID=10830 (дата обращения: 18.11.2017).

¹⁴ Субботин Д. Аргументы к лысому человеку. Комментарий от имени редакции «Скепсиса». URL: scepsis.net/library/id_3157.html (дата обращения: 18.11.2017).

журнала «Скеписис»¹⁵. Уже по следам названной публикации в медиапространстве появился, на мой взгляд, один из сильнейших текстов из стана критиков В.Р. Мединского. Это было «Открытое письмо Л.Е. Морозовой» от 22 марта 2012 г., в котором его автор — А.Л. Хорошкевич последовательно развенчивала претензии сторонников В.Р. Мединского на новое слово в науке. Заканчивалось оно призывом «К барьеру!», т.е. фактически вызовом на научную дуэль, обращенным к Л.Е. Морозовой¹⁶.

Буквально на десятый день после публикации письма А.Л. Хорошкевич на сайте «Полит.ру» появляется фундированная статья белгородского историка, специалиста по истории военного дела, русско-византийским контактам, отношениям Церкви и государства в Византии и России в эпоху Средневековья и раннего Нового времени В.В. Пенского «Без навыков историка», автор которой осуществляет жесткий «разбор полетов» В.Р. Мединского на ниве медиевистической русистики¹⁷. Дискуссия развивается столь стремительно, что к началу апреля сообщество «Вопросы истории» в «Живом Журнале» дает пространную подборку ссылок, освещающую ее ход. В этой подборке хорошо показаны «этапы

большого пути» в науку сначала политтехнолога избирательного блока «Отечество — Вся Россия», затем депутата Госдумы, члена Генсовета партии «Единая Россия», профессора МГИМО(У), члена Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте РФ В.Р. Мединского, которому к 41 году удалось стать обладателем одной кандидатской и двух докторских научных степеней¹⁸. И только после, в мае 2012 г., в прессе появляется информация о назначении фигуранта министром культуры РФ¹⁹.

Из публикаций 2013 г. отметим объемный четырехчастный материал «Комбинатор Мединский: диссертация-я-я» на страницах ЖЖ²⁰. Его автор, подробнейшим образом изложив суть «дела Мединского», последнюю, четвертую, часть публикации завершал эмоциональным вопрошанием: «Как долго будет еще торжествовать диссертационный комбинатор, присвоивший себе право говорить от имени всего

¹⁵ «Пещерная» зависть. URL: scepsis.net/library/id_3156.html (дата обращения: 18.11.2017).

¹⁶ Хорошкевич А.Л. Открытое письмо Л.Е. Морозовой. URL: scepsis.net/library/id_3180.html (дата обращения: 18.11.2017).

¹⁷ Пенской В. Без навыков историка. URL: polit.ru/article/2012/04/01/medinsky/ (дата обращения: 18.11.2017).

¹⁸ URL: ru-history.livejournal.com/3411707.html (дата обращения: 18.11.2017).

¹⁹ Министром культуры стал борец с мифами о России — единорог, которого обвинили в плагиате. URL: www.newsru.com/cinema/21may2012/medinsky.html (дата обращения: 18.11.2017).

²⁰ I. Комбинатор Мединский: диссертация-я-я. URL: kommentator2013.livejournal.com/11620.html#cutid1 (дата обращения: 18.11.2017); II. Комбинатор Мединский: диссертация-я-я. URL: kommentator2013.livejournal.com/11987.html#cutid1 (дата обращения: 18.11.2017); III. Комбинатор Мединский: диссертация-я-я. URL: kommentator2013.livejournal.com/11446.html#cutid1 (дата обращения: 18.11.2017); IV. Комбинатор Мединский: диссертация-я-я. URL: kommentator2013.livejournal.com/11202.html#cutid1 (дата обращения: 18.11.2017).

исторического цеха?»²¹ Тогда же, в 2013 г., как известно, началась активная деятельность Вольного сетевого сообщества «Диссернет», а в феврале того же года открылся сайт dissernet.org. Практически сразу внимание «Диссернета» привлек РГСУ, в руководстве которого оказалось несколько представителей одного семейства во главе с акад. В.И. Жуковым — научным консультантом В.Р. Мединского.

2014 г. памятен двумя текстами в связи с казусом Мединского. Текст «Дело Мединского. Прачечная для чужих слов» шел от имени сообщества «Диссернет» за авторством одного из его основателей журналиста С.Б. Пархоменко и был опубликован в его блоге на сайте радиостанции «Эхо Москвы»²². Автором другого текста, «О вакханалии празднословия», был рязанский историк В.Н. Козляков, специалист по истории России XVI—XVII вв., историографии и источниковедению, автор исследований о Смуте начала XVII в., и его опубликовала газета «Троицкий вариант — Наука»²³. Он представляет собой сокращенную версию обстоятельнейшей авторской рецензии на «диссертацию» В.Р. Мединского, в которой «вклад» соискателя в историческую науку оценивался как «не-

уместное вмешательство дилетанта в разговор профессионалов»²⁴.

Перечитывая сейчас, по прошествии лет, материалы первой волны полемики вокруг «диссертации», не перестаю удивляться тому, что уже тогда во весь голос звучали жесткие аргументы с позиций науки со стороны ее критиков. И того, что было сказано критического в адрес «творения» В.Р. Мединского, было вполне достаточно для повторной экспертизы со стороны ВАК РФ. Да, формально никто туда не обращался, но все слова были произнесены.

Авторы ЗОЛУСа, направленного в Минобрнауки РФ 25 апреля 2016 г., — историки В.Н. Козляков, К.Ю. Ерусалимский и филолог И.Ф. Бабицкий систематизировали ранее высказывавшиеся критические аргументы и дополнили их рядом новых позиций. Заявители высказали следующие претензии к соискателю: во-первых, отсутствие у него необходимых элементарных познаний в избранной им научной области (с конкретными примерами); во-вторых, своеобразный методологический подход, не имеющий отношения к исторической науке, в рамках которого абсолютным стандартом истинности и достоверности признается «взвешивание на весах национальных интересов России», что превращает научное исследование в пропагандистский памфлет;

²¹ IV. Комбинатор Мединский: диссертация-я. URL: kommentator2013.livejournal.com/11202.html#cutid1 (дата обращения: 18.11.2017).

²² Пархоменко С. Дело Мединского. Прачечная для чужих слов. URL: echo.msk.ru/blog/serguei_parkhomenko/1325948-echo/ (дата обращения: 18.11.2017).

²³ Козляков В. О вакханалии празднословия. URL: trv-science.ru/2014/06/03/o-vakkhanalii-prazdnosloviya/ (дата обращения: 18.11.2017).

²⁴ Козляков В. Рецензия на диссертацию В.Р. Мединского «Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV—XVII вв.» (М., 2011), представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности — 07.00.02. URL: wiki.dissernet.org/tools/Medinsky.html (дата обращения: 18.11.2017).

в-третьих, отсутствие представлений о современном состоянии историографии исследуемой проблемы; в-четвертых, имеющиеся в тексте «диссертации» заимствования (механическое копирование фрагментов готовых библиографий из книг других авторов, присвоение чужих выводов); в-пятых, небольшое число использованных сочинений иностранцев о России, их произвольный и недостаточный подбор для достижения цели заявленного «комплексного исследования», неспособность автора читать в оригинале анализируемые тексты; в-шестых, наличие нескольких скандальных ссылок во вводной и заключительной частях работы на ресурс, специализирующийся на торговле рефератами в Интернете; в-седьмых, серьезные нарушения процедурных вопросов, связанных с апробацией «диссертации», представлением правдивых сведений о ней в автореферате, наличие различных версий последнего; в-восьмых, отсутствие в диссоте, принявшем «диссертацию» к защите, специалистов по истории XV–XVII вв. Текст ЗОЛУСа с 25 сентября 2016 г. находится в открытом доступе²⁵, и я подтверждаю, что журналисты, писавшие о казусе Мединского, при желании могли в любой момент его (внимательно) прочитать.

²⁵ Заявление в Министерство образования и науки РФ от д-ра ист. наук Вячеслава Николаевича Козлякова, д-ра ист. наук Константина Юрьевича Ерусалимского, Ивана Федоровича Бабицкого, Ph D. (Università degli Studi di Firenze, Italia) о лишении Владимира Ростиславовича Мединского ученой степени доктора исторических наук от 25 апреля 2016 года. URL: wiki.dissertnet.org/tools/vsyakosyak/MedinskyVR_ZoLUS.pdf (дата обращения: 18.11.2017).

Из знаковых текстов по обсуждаемой теме, появившихся, когда «диссертация» уже «блуждала» от одного диссовета к другому, отметим статью писателя, эссеиста и публициста Л.Б. Усыскина «Казус Мединского: на руинах скандала. История историков и история политиков: цугцванг дискурсивной игры» на «Гептер.ру» от 27 февраля 2017 г. Она, помимо всего прочего, интересна тем, что проясняет обстоятельства появления в медиапространстве первых критических статей, принадлежащих А.Н. Лобину и В.В. Пенскому. Со слов Л.Б. Усыскина, именно он, увидев «довольно эмоциональные обсуждения в социальных сетях», предложил упомянутым авторам «изложить свои претензии к труду Мединского в форме, пригодной для публикации», а потом договорился с редакцией «Полит.ру» опубликовать эти материалы²⁶. Между тем медийный официоз предоставлял слово В.Р. Мединскому и его сторонникам. Показательна в этом смысле публикация в «Российской газете» от 4 июля 2017 г. материала «Интересная история. Владимир Мединский впервые отвечает критикам своей диссертации»²⁷, в которой фигурант продолжающегося скандала просто превзошел себя в стремлении преподать «уроки ремесла» профессиональному сообществу. Условный микро-

²⁶ В тексте статьи Л.Б. Усыскина есть опечатка: дата публикации статьи В. Пенского указана неверно (1 апреля 2011 г. вместо 1 апреля 2012 г.).

²⁷ *Мединский В.* Интересная история. Владимир Мединский впервые отвечает критикам своей диссертации. URL: rg.ru/2017/07/04/vladimir-medinskij-vpervye-otvechaet-kritikam-svoej-dissertacii.html (дата обращения: 18.11.2017).

фон на федеральных каналах также был в их руках, что, естественно, не могло не исказить общую картину. Так, например, когда речь шла об эпопее с «диссертацией» в МГУ, из сообщений СМИ могло сложиться неверное впечатление, что диссовет главного вуза страны одобрил «диссертацию». А между тем он отказался рассматривать ее по существу. История с диссоветом Белгородского университета еще более показательна. Рассматривалась фактически не «диссертация», а ЗОЛУС.

Пожалуй, самым «урожайным» на «вести с полей» был октябрь 2017-го. Он начался с появления информации о рекомендации ЭС ВАК по истории лишить В. Р. Мединского степени доктора исторических наук. Исход голосования удивил обе стороны конфликта. Как сообщалось в прессе со ссылками на участников заседания, за это решение проголосовало 17 чел., против – 3, воздержался – 1²⁸. П. Ю. Уваров скажет потом, что «соломинкой, переломившей спину верблюда», стали «красноречивые выступления» членов команды министра. «Расклад получился кристально чист: не либералы против патриотов, не хипстеры против государственных, а специалисты-историки против

воинствующего непрофессионализма и халтуры»²⁹.

Вначале в Сети распространялся неполный текст заключения ЭС ВАК по истории³⁰. Между тем коллеги В. Р. Мединского из Российского военно-исторического общества (РВИО) М. Ю. Мягков, В. Н. Кононов, Ю. А. Никифоров 5 октября опубликовали своего рода ответ на заключение ЭС, в котором обвиняли экспертов в «предвзятости и тенденциозности», охарактеризовав некоторые замечания как «попросту смешные»³¹. Три специалиста по проблемам отечественной истории и историографии XX в. легким росчерком пера, в лучших традициях теории заговора «дезавуировали» ЭС и завершили свои «разоблачения» глубокомысленным вопросом, «какую задачу они (т. е. члены совета, очевидно, ставленники мировой закулисы. — Л. Х.) решали». Естественно, все ждали заявления П. Ю. Уварова, тем более что он

²⁹ Уваров П. Ю. Конец «Страны Советов», или О репутационных механизмах и нетерпимости к халтуре. URL: istorex.ru/page/uvarov_p_yu_konets_strani_sovetov_ili_o_reputatsionnikh_mekhanizmax_i_neterpimosti_k_khalture (дата обращения: 18.11.2017).

³⁰ 10 выводов экспертов о диссертации министра Мединского. Полный текст (для везделивого читателя). URL: www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/03/74060-10-vyvodov-ekspertnogo-soveta-vak-k-dissertatsii-ministra-medinskogo (дата обращения: 18.11.2017); «Противоречит принципам научности, объективности и историзма». Полный текст решения ВАК о диссертации Мединского. URL: theins.ru/obshestvo/73388 (дата обращения: 18.11.2017).

³¹ Мягков М. Ю., Кононов В. А., Никифоров Ю. А. 10 выводов о заключении экспертного совета. URL: histrf.ru/biblioteka/book/10-vyvodov-o-zakliuchienii-ekspiertnogho-sovieta (дата обращения: 18.11.2017).

²⁸ Экспертный совет ВАК рекомендовал лишить Мединского степени доктора исторических наук. URL: meduza.io/news/2017/10/02/ekspertnyy-sovet-vak-rekomendoval-lishit-medinskogo-stepeni-doktora-istoricheskikh-nauk (дата обращения: 15.11.2017); Черных А. «Автор игнорирует сведения источников, если они противоречат его тезисам». «Ъ» пересказывает заключение экспертов ВАК о диссертации Владимира Мединского. URL: www.kommersant.ru/doc/3428139 (дата обращения: 18.11.2017).

воздержался при голосовании. Оно появилось 4 октября. «Несмотря на формальный пункт положения о защите (предусматривающего лишение степени за низкое качество работы), как историк — а я занимаюсь историей университетов, — я уверен, что степень, полученная при соблюдении формальной процедуры, не подлежит отмене. Это не контракт и не договор. Претензии, и обоснованные, к диссертационному совету, к оппонентам, к ВАК, но не к диссертанту», — цитировали П. Ю. Уварова РИА Новости. Заявление пошло «гулять» в информационной среде под заголовком «Глава экспертного совета ВАК Уваров вступился за Мединского»³².

Между тем полный текст заключения ЭС ВАК был опубликован на сайте «Диссернета» 9 октября. Под ним стояла подпись П. Ю. Уварова и еще двух членов экспертного совета³³. Хотя даже в «усеченном» виде заключение производило большое впечатление своей жесткостью, полный текст, можно сказать, не оставлял камня на камне на притязаниях фигуранта на докторскую степень и, надо признать, весьма диссонировал с заявлением председателя. Началась настоящая борьба компроматов. Вечерне-ночные посиделки граждан нашей страны у экранов телевизоров были трудно представимы без новых изысков

³² Глава экспертного совета ВАК Уваров вступился за Мединского. URL: ria.ru/society/20171004/1506143370.html?shareimg=1486197174 (дата обращения: 18.11.2017).

³³ Заключение экспертного совета ВАК о диссертации В.Р. Мединского. URL: www.dissernet.org/publications/vak_ec_medinsky.htm (дата обращения: 18.11.2017).

федеральных каналов все по тому же поводу. В поддержку фигуранта была брошена «тяжелая артиллерия» отечественной пропагандистской машины во главе с такими ее «зубрами», как В.Р. Соловьев и Д.К. Киселев. Очень показательна в этом смысле по своей тональности передача В.Р. Соловьева «Полный контакт» на радио «Вести.ФМ» 11 октября с приглашенным в качестве эксперта политологом С.Ф. Черняховским, специалистом по коммунистической оппозиции в современной России³⁴. В свою очередь, члены ЭС ВАК по истории, голосовавшие против «диссертации» В.Р. Мединского, на этом не остановились. 13 октября газета «Троицкий вариант — Наука» опубликовала текст заявления, под которым стояли 20 подписей с мотивированным обоснованием принятого решения для широкой публики³⁵. Новый поворот в истории с «диссертацией» В.Р. Мединского случился 16 октября, когда «Новая газета» сообщила, что двое из троих оппонентов, указанных им в автореферате (А.Ю. Борисов, В.М. Лавров, Б.К. Гасанов), рассказали, что не участвовали в защите «диссертации», а третий к настоящему моменту умер³⁶. На следующий

³⁴ Научная инквизиция в худшем виде. Полный контакт с Владимиром Соловьевым (11.10.17). URL: www.youtube.com/watch?v=K0Ucuq608cQ (дата обращения: 18.11.2017).

³⁵ Заявление членов экспертного совета ВАК по истории при Минобрнауки. URL: trv-science.ru/2017/10/13/zayavlenie-chlenov-ekspertnogo-soveta-vak-po-istorii/ (дата обращения: 18.11.2017).

³⁶ *Репринцева Ю.* А была ли вообще защита диссертации Мединского? Оппоненты, указанные в его научной работе, и члены экспертного совета, через который она должна была проходить, заявили, что не имеют

день, 17 октября, коллеги В.Р. Мединского из РВИО опубликовали в твиттере организации скан первой и второй страниц автореферата диссертации министра с другими фамилиями оппонентов (В.П. Семин, В.И. Тымчик, А.А. Королев)³⁷. 18 октября «Литературная газета» представила свою площадку московскому филологу А.В. Кирилиной. В статье «Не пора ли перестать бояться Тараканища?» (под «Тараканищем» подразумевался «Диссернет») миру была явлена авторская версия ура-патриотического сознания, в рамках которой «единственная цель существования гуманитарной интеллигенции – это создание дружественных для своей культуры интерпретаций. И если она эти интерпретации не создает, то не оправдывает свое существование. В противном случае получаем научную власовщину»³⁸. В тот же день защитники В.Р. Мединского – историки К.А. Аверьянов, Г.И. Герасимов, А.А. Королев, Н.В. Старостенков провели пресс-конференцию «Проблемы объективности российской истории: диссертация Владимира Мединского»³⁹.

к ней отношения. URL: www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/16/74225 (дата обращения: 18.11.2017).

³⁷ URL: twitter.com/rvio_ru/status/920185735919144961 (дата обращения: 18.11.2017).

³⁸ Кирилина А. Не пора ли перестать бояться Тараканища? URL: lgz.ru/article/-41-6617-18-10-2017/ne-pora-liperestat-boyuatsya-tarakanishcha/ (дата обращения: 18.11.2017).

³⁹ Заякин А., Репринцева Ю. «Выступил Владимир Ростиславович очень мощно против русофобии». Защитники Мединского привели аргументы в пользу его диссертации на специальной пресс-конференции. URL: www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/18/74248-vystupil-vladimir-rostislavovich-ochen

Заседания президиума ВАК, назначенного на 20 октября 2017 г., ждали все – и сторонники, и критики В.Р. Мединского. Первая информация появилась где-то к середине дня. Вел заседание председатель ВАК В.М. Филиппов. Главной новостью стало выступление в поддержку фигуранта приглашенного на заседание научного руководителя Института всеобщей истории РАН, акад. А.О. Чубарьяна⁴⁰. По сообщениям РБК и «Газета.Ру», из 24 ученых 6 проголосовали за лишение министра степени, 4 – воздержались. Иными словами, президиум ВАК рекомендовал оставить В.Р. Мединскому ученую степень доктора исторических наук⁴¹.

Я не знаю, представляли ли себе министерские чины и историки-чиновники, лоббировавшие «диссертацию» В.Р. Мединского, реакцию на принятое 20 октября решение сохранить за фигурантом степень доктора исторических наук, но она последовала незамедлительно. Пресса этих дней буквально пестрит заявлениями и обращениями в различные инстанции. В то время, как

moschno-protiv-rusofobii (дата обращения: 18.11.2017).

⁴⁰ Звездина П. Соблазн Мединского: расшифровка закрытой защиты диссертации министра. URL: www.rbc.ru/society/26/10/2017/59ef759e9a79472ef8b8d972 (дата обращения: 18.11.2017).

⁴¹ Звездина П., Калюков Е., Истомина М. Казус Мединского: чем закончился спор из-за диссертации министра культуры. URL: www.rbc.ru/society/20/10/2017/59e972679a79474f4c4d7a12 (дата обращения: 18.11.2017); Котляр П. «Не запрещайте творцам творить». «Вопрос снят»: ВАК рекомендовал оставить Мединскому ученую степень. URL: www.gazeta.ru/science/2017/10/20_a_10950920.shtml (дата обращения: 18.11.2017).

сайт РВИО публикует показательный во многих смыслах благодарственный текст «всем патриотам России за поддержку и человеческое сочувствие»⁴² министру культуры РФ и председателю РВИО, в медиапространстве появляется информация о том, что П. Ю. Уваров в ходе заседания президиума ВАК заявил «о необходимости лишить Мединского докторской степени по формальным признакам»⁴³. Что же случилось в промежуток между двумя резонансными заявлениями председателя ЭС ВАК по истории? А случилось неприглядное – открылись новые свидетельства недобросовестности фигуранта и его помощников, в частности то, что, по словам П. Ю. Уварова, в процессе прохождения через различные инстанции «эту работу ни разу не обсуждал коллектив профессионалов»⁴⁴. Между тем 23 октября один из созаявителей ЗОЛУСа, И. Ф. Бабицкий, направил в Минобрнауки РФ заявление, в котором потребовал созвать экспертную комиссию с целью повторного рассмотрения «диссертации»⁴⁵. В тот же день с за-

⁴² Честность и объективность. URL: gviو.histrf.ru/activities/news/item-4153 (дата обращения: 18.11.2017).

⁴³ *Котляр П.* «Не запрещайте творцам творить». «Вопрос снят»: ВАК рекомендовал оставить Мединскому ученую степень. URL: www.gazeta.ru/science/2017/10/20_a_10950920.shtml (дата обращения: 18.11.2017).

⁴⁴ *Уваров П. Ю.* Как совместить патриотизм с научной объективностью. Что бы произошло, если бы специалисты вовремя прочитали диссертацию Владимира Мединского. URL: www.ng.ru/kartblansh/2017-10-23/3_7100_kartblansh.html (дата обращения: 18.11.2017).

⁴⁵ Заявление Ивана Федоровича Бабицкого в Министерство образования и науки РФ от 23 октября 2017 года: скан. URL: wiki.

явлениями выступили клуб членов Российской академии наук (РАН) «1 июля»⁴⁶ и Совет по науке при Министерстве образования и науки РФ⁴⁷. 24 октября аналогичные заявления обнародовали Совет общества научных работников⁴⁸ и ряд членов ВАК и экспертных советов ВАК⁴⁹. Активизировавшаяся «группа поддержки» В. Р. Мединского устали С. Ф. Черняховского высказала предположение, что заявление Совета по науке может быть фальшивкой, и даже назвала имя возможного автора⁵⁰. Однако вскоре под заявлением появился перечень из 17 фамилий подписавших его членов Совета и «особое мнение» тех, кто его не подписал (их оказалось двое). В прессе, со ссылками на зам. мини-

dissernet.org/tools/vsyakosyak/zajavlenie_BabitskyIF.pdf (дата обращения: 18.11.2017); *Звездина П., Демченко Н.* Эксперт «Диссернета» потребовал снова рассмотреть диссертацию Мединского. URL: www.rbc.ru/society/23/10/2017/59ee2b2e9a79476060a815d7 (дата обращения: 18.11.2017).

⁴⁶ Заявление членов Клуба 1 июля и поддержавших их ученых о проблемах научной аттестации в России. URL: www.ljulyclub.org/Node/177 (дата обращения: 18.11.2017).

⁴⁷ Заявление Совета по науке при Минобрнауки в связи с рассмотрением ВАК вопроса о лишении В. Р. Мединского степени доктора исторических наук, 23.10.2017. URL: soveto-nauke.ru/info/23102017-declaration_Medinsky (дата обращения: 18.11.2017).

⁴⁸ Заявление Совета ОНР по поводу решения президиума ВАК об ученой степени В. Р. Мединского от 24.10.2017. URL: www.dissernet.org/publications/onr_medinsky_vak.htm (дата обращения: 18.11.2017).

⁴⁹ Заявление членов ВАК и экспертных советов ВАК от 24.10.2017. URL: onr-russia.ru/content/VAK_Medinsky (дата обращения: 18.11.2017).

⁵⁰ Письмо Совета по науке о Мединском может быть фальшивкой, считает политолог. URL: ria.ru/society/20171023/1507418713.html (дата обращения: 18.11.2017).

стра образования и науки РФ, акад. Г.В. Трубникова и пресс-секретаря министра А.А. Емельянова, стала тиражироваться информация о том, что в министерстве сравнили Мединского с Ломоносовым⁵¹, а реакцию на решение президиума ВАК – «шумихой», организованной теми, кто пытается «поймать хайп»⁵². На волне этих взаимных обвинений сторон 27 октября О.Ю. Васильевой был подписан Приказ № 1041/нк Минобрнауки «Об отказе в лишении ученой степени доктора наук»⁵³. Лаконично по этому поводу высказался Л.М. Шлосберг: «Министр министру диссертацию не выключает»⁵⁴.

Из самых «свежих» и фактологически емких на сегодняшний день публикаций в прессе по казусу Мединского (для интересующихся темой) отмечу статьи и интервью А.Н. Лобина⁵⁵,

⁵¹ В Минобрнауки сравнили Мединского с Ломоносовым. URL: indicator.ru/news/2017/10/24/medinskiy-lomonosov/?utm_source=fbsharing&utm_medium=social (дата обращения: 18.11.2017).

⁵² Гордеев В., Звездина П. В Минобрнауки назвали цель и авторов «шумихи» о диссертации Мединского. URL: www.rbc.ru/society/24/10/2017/59e6c6cc9a79479ea91f0be4 (дата обращения: 18.11.2017).

⁵³ Приказ № 1041/нк Минобрнауки «Об отказе в лишении ученой степени доктора наук» от 27 октября 2017 г. URL: vak.ed.gov.ru/documents/10179/0/prikaz/4ec49b0fa620-4a61-9cb9-389c036dfdaf?version=1.0 (дата обращения: 18.11.2017).

⁵⁴ Шлосберг Л. Мединская докторская. Для того, чтобы спасти антинаучную диссертацию министра культуры, потребовалось насилие над наукой. URL: gubernia.pskovregion.org/columns/medinskaya-doktorskaya/ (дата обращения: 18.11.2017).

⁵⁵ Лобин А. Мединский: пещерное источниковедение. Часть последняя. URL: regnum.ru/news/society/2336831.html (дата обращения: 18.11.2017).

В.Н. Козлякова⁵⁶, А.Л. Юрганова⁵⁷, Л.М. Шлосберга⁵⁸, К.Ю. Ерусалимского⁵⁹, И.Ф. Бабицкого⁶⁰, П.Ю. Уварова⁶¹, а также совместную публикацию основателей сообщества «Диссернет» М.С. Гельфанда, А.А. Ростовцева, А.В. Заякина, С.Б. Пархоменко⁶². Поднимаемые в них вопросы как раз подтверждают

⁵⁶ Козляков В. ВАК: ХАНА ли я? URL: trv-science.ru/2017/10/24/vak-xana-li-ya/ (дата обращения: 18.11.2017).

⁵⁷ Юрганов А.Л. «Плевали власти на мнение общества. Все что мы говорим – ерунда для них»: интервью. URL: istorex.ru/page/yurganov_al_plevali_vlasti_na_mnenie_obschestva_vse_chto_mi_govorim_erunda_dlya_nikh (дата обращения: 18.11.2017).

⁵⁸ Шлосберг Л. Мединская докторская. Для того, чтобы спасти антинаучную диссертацию министра культуры, потребовалось насилие над наукой. URL: gubernia.pskovregion.org/columns/medinskaya-doktorskaya/ (дата обращения: 18.11.2017).

⁵⁹ Ерусалимский К.Ю. «Такого историка, как Владимир Мединский, нет»: интервью. URL: istorex.ru/page/erusalimskiy_kyu_takogo_istorika_kak_vladimir_medinskiy_net (дата обращения: 18.11.2017).

⁶⁰ «Я не припомню другой диссертации, сравнимой по абсурдности с диссертацией Мединского»: Интервью Л. Муравьевой с И. Бабицким. URL: tv2.today/Istorii/Ya-ne-pripomnyu-drugoyu-dissertacii-sravnimoyu-po-absurdnosti-s-dissertaciy-medinskogo (дата обращения: 18.11.2017).

⁶¹ Уваров П.Ю. Конец «Страны Советов», или О репутационных механизмах и нетерпимости к культуре. URL: istorex.ru/page/uvarov_p_yu_konets_strani_sovetov_ili_o_reputatsionnikh_mekhanizmax_i_neterpimosti_k_kulture (дата обращения: 18.11.2017).

⁶² Гельфанд М., Ростовцев А., Заякин А., Пархоменко С. «Ящик Пандоры»: чего боится академик Чубарьян? Как связаны два крупнейших скандала в научном сообществе: диссертация Мединского и разгон «даниловского диссовета». URL: www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/28/74358-yaschik-pandory-chego-boitsya-akademik-chubaryan (дата обращения: 18.11.2017).

высказанное ранее предположение, что вопрос еще далеко не закрыт. В частности, речь идет о печальном знаменитом «даниловском диссовете» при Московском педагогическом государственном университете и проф. А.А. Данилове (подпись которого в качестве тогдашнего заместителя председателя ЭС ВАК по истории, по свидетельству П.Ю. Уварова, стоит, наряду с подписями секретаря И.В. Белоусова и докладчика — эксперта К.А. Аверьянова, под решением совета от 30 декабря 2011 г. о положительной рекомендации «диссертации» В.Р. Мединского) как главном звене, связавшем воедино два самых громких диссертационных скандала в новейшей истории России. Тем более что фоном этих публикаций стала появившаяся в прессе информация о поданных несколькими членами ЭС ВАК по истории во главе с П.Ю. Уваровым заявлениях о выходе из его состава⁶³.

Такой неожиданный для многих наблюдателей резонанс казуса Мединского связан, на мой взгляд, со следующими обстоятельствами: во-первых, свою «диссертацию по истории» чиновник защищал без отрыва от производства, и это была третья «диссертация» в его жизни; во-вторых, она называлась «доктор-

ской», но при этом у заявленного автора не было кандидатской по специальности, равно как и самой специальности в «анамнезе», т.е. базового исторического образования; в-третьих, тема «диссертации» находится в поле медиевистической русистики, что предполагает высокий уровень профессиональной подготовки, фактически недосяжимый в отсутствие как базового образования, так и кандидатской диссертации как «ступени к успеху»; в-четвертых, еще до истории с «докторской» фигурант был известен как автор пропагандистских текстов, издаваемых миллионными тиражами⁶⁴ и не имеющих отношения к профессиональной историографии; в-пятых, автор в свое время был членом небезызвестной Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории, а позднее занял пост председателя РВИО; в-шестых, ничтоже сумняшеся, В.Р. Мединский брал на себя смелость в нравоучительно-поучительном тоне говорить с профессионалами на их поле о том, как надо «правильно» писать историю (налицо было избыточное и агрессивное навязывание себя профессиональному сообществу в качестве профессионала-историка); в-седьмых, личные качества фигуранта, апломб «золотого мальчика», который ни при каких обстоятельствах не пойдут на попятную.

Совершенно неверен тезис о том, что казус Мединского — это дело столичной тусовки, не вышедшее

⁶³ СМИ сообщили об уходе с поста председателя экспертного совета ВАК. URL: www.novayagazeta.ru/news/2017/10/23/136360-smi-soobshchili-ob-uhode-s-posta-predsedatelya-ekspertnogo-soveta-vak (дата обращения: 18.11.2017); Звезда на П., Алтухова Л. Профессор РГГУ покинет экспертный совет ВАК из-за «дела Мединского». URL: www.rbc.ru/society/23/10/2017/59ee06b19a79473c085e6757 (дата обращения: 18.11.2017).

⁶⁴ Издатель: тираж книг Мединского на историческую тематику превысил 1 млн. URL: tass.ru/kultura/2319916 (дата обращения: 18.11.2017).

за пределы Москвы. Во-первых, среди авторов уже первых резонансных критических текстов были историки из Волгограда, Санкт-Петербурга, Белгорода, Рязани. Во-вторых, в числе подписавших заявления и обращения в различные инстанции также огромное количество исследователей из регионов, часто весьма далеких от Москвы. Так, «Заявление членов Клуба 1 июля и поддержавших их ученых о проблемах научной аттестации в России» подписали не только ученые двух российских столиц и многочисленные представители российского научного сообщества, работающие за рубежом, но и их коллеги из Барнаула, Брянска, Владивостока, Волгограда, Вологды, Воронежа, Екатеринбурга, Иркутска, Майкопа, Махачкалы, Нижневартовска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Перми, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Сыктывкара, Тюмени и т. д.⁶⁵

Еще один «крен» прессы в казусе Мединского состоял в том, что вся эта история преподносилась в основном как «дело рук» сообщества «Диссернет». Немало этому «крену» способствовали высказывания представителей «группы поддержки», хотя, как уже было отмечено, «Диссернет» начал свою активную деятельность в 2013 г., уже после того, как первые серьезные критические высказывания профессионалов были опубликованы в прессе. Да, сегодня на сайте «Диссернета» есть специальная рубрика с перечнем наиболее «громких» публика-

ций по казусу Мединского⁶⁶, но это не отменяет сказанного. Кроме того, два из троих авторов ЗОЛУСа, В. Н. Козляков и К. Ю. Ерусалимский, никогда не являлись и не являются участниками «Диссернета».

Читая щедро разбросанные по СМИ и сетевым ресурсам высказывания представителей «группы поддержки» и «группы критиков» В. Р. Мединского, нельзя не заметить, насколько разнятся «способы говорения», используемые оппонентами. Если тексты И. И. Курилы, А. Н. Лобина, В. В. Пенского, К. Ю. Ерусалимского, В. Н. Козлякова, И. Ф. Бабицкого и др. написаны на языке науки, с соблюдением принятых в ней конвенций, то «группа поддержки» явно конвенциями пренебрегает. Тут больше любят переходить на личности, иногда самым безобразным образом, причем если речь идет о критиках В. Р. Мединского, то на них навешиваются самые невероятные ярлыки, а если о «самом», то он фигурирует исключительно в роли «луча света в темном царстве». Конечно, мало что может сравниться по неприемлемой для научной дискуссии тональности с высказываниями защитников В. Р. Мединского из «первого эшелона». А. Н. Сахаров, В. М. Лавров, Л. Е. Морозова, Д. Н. Иванов не стеснялись в выражениях, называя А. Н. Лобина «историческим самозванцем», «нулем без палочки», «недоучкой», намеренно искажая его фамилию, но при этом каким-то чудесным образом не противопоставляя научной аргументации автора ни одного серьезного

⁶⁵ Заявление членов Клуба 1 июля и поддержавших их ученых о проблемах научной аттестации в России. URL: www.1julyclub.org/Node/177 (дата обращения: 18.11.2017).

⁶⁶ URL: [www.dissernet.org/publications/мединский/](http://www.dissernet.org/publications/mედინский/) (дата обращения: 18.11.2017).

контраргумента⁶⁷. Из сегодняшних защитников фигуранта дальше всех смотрит, конечно, специалист по истории Великой Отечественной войны М.Ю. Мяков, сообщая читателям «Российской газеты», что «группа ученых» написала свое заявление как раз в момент обострения отношений России с Западом, когда против нас стали вводить санкции, а действия государства по защите своего суверенитета стали подвергаться массивному информационному давлению. Не отстают от коллеги по части «разоблачений» исполнительный директор РВИО, краевед В.А. Кононов: «Не стал бы диссертант Министром (именно так – Министр с большой буквы. – Л.Х.), всей этой истории с пересмотром результатов решения Высшей аттестационной комиссии не было бы. “Оппоненты” отважно борются не столько со смелыми выводами диссертанта, сколько в его лице – со всем государством и системой»⁶⁸. Странно, если бы в хоре славящих не было голоса научного консультанта В.Р. Мединского акад. В.И. Жукова. Для него ЗОЛУС – «бред, сочиненный тремя мыслителями»⁶⁹.

Иное дело «светлый образ» В.Р. Мединского. Река славословий прорва-

⁶⁷ «Пещерная» зависть. URL: scepsis.net/library/id_3156.html (дата обращения: 18.11.2017).

⁶⁸ Мединский В. Интересная история. Владимир Мединский впервые отвечает критикам своей диссертации. URL: rg.ru/2017/07/04/vladimir-medinskij-vpervye-otvechaet-kritikam-svoej-dissertacii.html (дата обращения: 18.11.2017).

⁶⁹ Цит. по: Демина Н. «Антинаучный бред», или Казус Мединского. URL: polit.ru/article/2016/10/09/medinsky/ (дата обращения: 18.11.2017).

ла плотину особенно после решения, вынесенного диссоветом Белгородского университета. Похоже, СМИ не без удовольствия цитировали самые льстивые высказывания по поводу фигуранта: «Своей диссертацией он находит истоки информационной войны против России» (М.Ю. Мяков)⁷⁰; «не наше дело обсуждать, как он написал свои десять научных работ и диссертацию. Он великий человек!» (П.А. Ольхов); «им внесен большой вклад в популяризацию исторической науки» (Н.В. Старостенков); «диссертация Мединского, безусловно, решает крупную научную проблему. Если положить на весы достоинства и недостатки диссертации, то недостатки улетят в облака, потому что, безусловно, достоинства, которые есть в этой работе, однозначно свидетельствуют о глубокой научной осведомленности автора, его глубокой организации и обоснованности выводов, которые представлены в его диссертации» (В.Н. Фурсов); «это шаг вперед в развитии отечественной науки!» (К.А. Аверьянов)⁷¹.

И еще одна ремарка к сюжету о «способах говорения», использовавшихся «группой поддержки». Обосновывая свое право на авторское видение тех или иных событий русской истории, В.Р. Мединский в «той самой» статье, опубликованной на страницах «Российской газеты», писал: «Мы

⁷⁰ Воскобойникова Е. «Своей диссертацией он находит истоки информационной войны против России»: как Мединский остался доктором наук. URL: tvrain.ru/teleshov/here_and_now/medinsky_zaschitilsya-438991/ (дата обращения: 18.11.2017).

⁷¹ Адамова С. «Он великий человек!». 5 самых льстивых заявлений диссовета о Мединском. URL: theins.ru/obshchestvo/63265 (дата обращения: 18.11.2017).

с вами лично в Куликовской битве не участвовали и свечку при много чем еще не держали»⁷². Не скрою, что мне очень хотелось найти «корневую основу» этой «оригинальной» мысли. Как выяснилось, это тоже «из раннего» в данной истории. Это аллюзия на реплику Л. Е. Морозовой, брошенную в адрес А. Н. Лобина в заочной полемике 2012 г.: «Вот, он приводит пример — какое-то сообщение посла о любовных отношениях Елены Глинской с Овчиной-Телепневым. Странно для историка приводить такие “неопровержимые примеры”. Этот посол что, свечку держал у их постели?»⁷³

Мне крайне неприятно об этом писать, но в стане вольных и невольных сторонников В. Р. Мединского оказались также известные артисты, медийные персоны, академики РАН. «На мой взгляд, он — профессиональный историк»⁷⁴, — цитировали СМИ слова народного артиста СССР О. В. Басилашвили. «У него исторический интерес и генетика ученого»⁷⁵, — вторил ему профессор МГИМО(У), многолетний ведущий популярной

⁷² *Мединский В.* Интересная история. Владимир Мединский впервые отвечает критикам своей диссертации. URL: rg.ru/2017/07/04/vladimir-medinskij-vpervye-otvechaet-kritikam-svoej-dissertacii.html (дата обращения: 18.11.2017).

⁷³ «Пещерная» зависть. URL: scepisis.net/library/id_3156.html (дата обращения: 18.11.2017).

⁷⁴ Басилашвили заступился за диссертацию Мединского. URL: nsn.fm/culture/basilashvili-ya-schitayu-medinskogo-professionalnym-istorikom-.php?sphrase_id=75303(дата обращения: 18.11.2017).

⁷⁵ Вяземский объяснил повышенное внимание к диссертации Мединского. URL: ria.ru/society/20171004/1506199523.html?inj=1 (дата обращения: 18.11.2017).

телепередачи «Умники и умницы» Ю. П. Вяземский. В хоре поддержки особенно весомо звучали, конечно, голоса российских академиков, ибо пиетет перед научным знанием и теми, кто, являясь его носителем, отмечен высшими научными регалиями, по-прежнему вызывает невольное уважение. После заседания президиума РАН в прессе появились их комментарии. Так, акад. А. О. Чубарьян, выступление которого на заседании сыграло далеко не последнюю роль в общем исходе голосования в пользу фигуранта, сказал в интервью «Медузе», что «не нужно создавать прецедент и действовать не в правовом поле. Правовое поле — это плагиат. А если плагиата нет, все остальное — это не основания». Другой участник заседания, филолог Н. Н. Казанский, по его собственным словам, решил воздержаться, как только понял, что В. Р. Мединского не лишат степени, и воспринял результат голосования «как абсолютно нормальный», что, мол, «была дана острастка», и этого, очевидно, оказалось для академика достаточно⁷⁶. Фактически поддержал решение президиума ВАК в интервью «Эху Москвы» акад. Ю. С. Пивоваров⁷⁷.

Завершая обзор прессы, связанной с казусом Мединского, все же рискну

⁷⁶ *Борзенко А., Мерзликин П.* Владимир Мединский останется доктором наук. Как так вышло? Кто голосовал против этого решения? (Называем имена). URL: meduza.io/feature/2017/10/20/vladimir-medinskij-ostanetsya-doktorom-nauk-kak-tak-vyshlo-kto-golosoval-protiv-etogo-resheniya-nazyvaem-imena (дата обращения: 18.11.2017).

⁷⁷ Президиум ВАК отказался лишать Мединского ученой степени. URL: echo.msk.ru/news/2077322-echo.html (дата обращения: 18.11.2017).

перед лицом коллег-историков заступиться за журналистский цех. Думаю, что даже добросовестным журналистам было крайне сложно разобраться в хитросплетениях этой неприглядной истории, ибо для того, чтобы в ней ориентироваться, надо все-таки быть посвященным в «кухню» повседневных будней корпорации. Эта история, действительно, с двойным-тройным дном. «Случай Мединского — сложный, запутанный, устроенный из какого-то нагромождения нелепостей, вранья и мелкого шахер-махерства»⁷⁸. Как гласит народная мудрость, «на зеркало неча пенять, коли рожа крива», ибо ряд представителей профессионального исторического сообщества, в основном тех, кто «под погонами», т. е. обременен некими административными функциями и связанным с ними ресурсом, так активно «запутывал следы», что разо-

⁷⁸ Пархоменко С. Дело Мединского. Прачечная для чужих слов. URL: echo.msk.ru/blog/serguei_parkhomenko/1325948-echo/ (дата обращения: 18.11.2017).

браться в этих «узорах» часто было не под силу самим историкам, не то что журналистам. Убедилась в этом на собственном опыте и я, когда готовила данный материал. Но чем бы ни закончилась история с «диссертацией» фигуранта (а я убеждена, что точка в ней еще не поставлена), похоже, факт «раздиссертачивания»⁷⁹ все же следует считать свершившимся. Мне остается только повторить вслед за коллегой: «Такого историка, как Владимир Мединский, нет»⁸⁰. И сей прискорбный факт в прессе, как одном из массовых источников для будущих исследователей истории отечественной исторической науки начала XXI в., как раз зафиксирован во всей своей неприглядности.

⁷⁹ Заякин А. Запятнашки. Зачем защита министра Мединского предьявила миру его «монографию», сохранившую явные следы фальсификации текста? URL: www.novayagazeta.ru/articles/2017/08/09/73432-zapyatnashki (дата обращения: 18.11.2017).

⁸⁰ Ерусалимский К. Ю. «Такого историка, как Владимир Мединский, нет»: интервью. URL: istorex.ru/page/erusalimskiy_kyu_takogo_istorika_kak_vladimir_medinskiy_net (дата обращения: 18.11.2017).

THE CASE OF MEDINSKY IN THE MIRROR OF THE PRESS

Huth Lyudmila R. — doctor of historical sciences, professor, Adygea State University (Maikop)

Key words: domestic historical science, case of Medinsky, press.

At present, domestic historical science experiences the consequences of a large-scale scandal connected with the circumstances of awarding the academic degree of the doctor of historical sciences to the acting Minister of Culture of the Russian Federation V. R. Medinsky. The article analyzes the reflection of the case of Medinsky — an unprecedented, even for contemporary Russia, story in the mirror of the Russian press (mass media) at all its stages, from the appearance of the first critical reviews of professional historians to the text of the “dissertation” in 2011-2012 to date.

«МОЯ ОСНОВНАЯ ТЕМА — ЭТО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ВО ВСЕЙ ЕГО ПОЛНОТЕ, ОТ УТОПИЙ ДО ФУТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ»

Интервью с А. В. Шубиным

Ключевые слова: перестройка, социализм, анархизм, революция 1917 г. в России, революция в Испании, Советская система.

Известный историк и левый интеллектуал Александр Шубин представляет читателю не только вехи своего пути в науке, но и опыт политической деятельности.

Александр Владленович Шубин (1965 г.р.) — историк, политический мыслитель, публицист и общественный деятель левого направления. Доктор исторических наук. Главный научный сотрудник, зав. центром Института всеобщей истории РАН. Профессор РГГУ и ГАУГНа.

Среди работ:

- Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания. 1917–1939 гг. М., 1998.
- Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20–30-е гг. М., 2004.
- Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне. 1929–1941 гг. М., 2004.
- Анархия — мать порядка. Нестор Махно как зеркало Российской революции. М., 2005.
- Парадоксы Перестройки. Неиспользованный шанс СССР. М., 2005.
- 10 мифов советской страны. М., 2006.

© Историческая Экспертиза, 2018

Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва);
historian905@gmail.com

- Преданная демократия. Неформалы и Перестройка (1986–1989). М., 2006.
- Социализм: «золотой век» теории. М., 2007.
- Золотая осень, или период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2007.
- Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: 2008. 382 с.
- Великая депрессия и будущее России. М., 2009.

- 1937. АнтиТеррор Сталина. М., 2010.
- Великая испанская революция. М., 2011.
- Махно и его время. М., 2013.
- История Новороссии. М., 2014.
- Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014.
- Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. СПб., 2017.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Почему Вы решили стать историком?

А. Ш. Я решил стать историком, когда мне было пять лет. Помню, как мой папа во время одного из заседаний кооператива, чтобы я к нему не приставал, дал мне учебник по истории Древнего мира. Там были очень красивые картинки. Это был первый момент, который толкнул меня к увлечению историей. Хотя и без этого, наверное, я бы пришел к истории или чему-то научно-гуманитарному. Мое сознание имело фэнтезийные формы вначале: мне было интересно создавать свои страны, я любил играть со сверстниками в стратегические игры. В то же время я был рационален, склонен к научности. Тяга в эту сторону постепенно переросла в желание понимать людей. А кто лучше понимает людей, как не историк? Психолог, социолог, экономист берут срезы только последних дней человечества, современности, а мы, историки, смотрим в глубь веков и в будущее. В школе я был отличником, в том числе и по физике. Меня

огорчало, почему история не имеет таких точных законов, как физика. Поэтому я перед собой поставил задачу: разработать законы истории, сделать ее точной наукой и объяснить руководству страны, как этим пользоваться. Если не считать руководства страны, то эти задачи я во многом решил. Сегодня я говорю своим студентам, что история — это точная наука, в чем-то более точная, чем физика, поскольку физики все-таки очень плохо представляют себе первоэлемент своей науки, а именно, что и как устроено, откуда взялось. Им присуждают Нобелевские премии за то, что они хоть что-то «поймали», а мы можем непосредственно осязать наш первоэлемент, общаться с ним, влезая в его шкуру. У нас гораздо шире инструментарий. У нас больше данных, их обработка очень сложна, и заниматься историей тяжело, чтобы она была именно точной наукой. И, соответственно, закономерности наши не формулируются так же жестко, как физические, по той причине, что они имеют дело только с очень большими массами, а мы должны

рассмотреть судьбу каждой молекулы и каждого атома в отдельности.

С этими задачами, целями и мечтами я поступил в Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина в 1982 году, сразу после школы. Есть один любопытный момент в моей научной биографии: последнее, что я лихорадочно учил перед поступлением, — это принятую только что продовольственную программу, которая мне абсолютно была не понятна, но учителя говорили, что это обязательно нужно выучить. Помню, как говорила мой репетитор Ольга Рейнгардтовна: «Не дай Бог помрет! Сколько постановлений сразу примут!» И он (понятно, о ком речь) помер, но я уже был в институте. А продовольственную программу я позднее проанализировал с большим интересом, когда работал над книгой об истоках перестройки. Это действительно очень интересный документ, если понимать его подтексты. Но, естественно, когда мы его учили в 1982 году, нам не объясняли, в чем заключается его суть. А это один из ключевых документов борьбы за продвижение Горбачева к власти. Я тогда еще не знал эту фамилию.

Почему именно МГПИ? Потому что МГУ имел репутацию блатного вуза, а МГПИ давал образование не хуже, но был более разночинным и народным. И давал понятную профессию. Я заканчивал школу, а после института я пришел туда работать. Учитель литературы и руководитель парторганизации сказала мне тогда: «Саша, хорошо, что ты к нам вернулся! Я возложу на тебя комсомольскую организацию». На что я, шокировав старушку, вежливо сказал, что, на-

верное, это не выйдет, так как я не член ВЛКСМ, а член Конфедерации анархо-синдикалистов. Шел уже 1989 год. Но выпускался из школы я вполне лояльным членом общества, с легкой «диссидентщиной», которая досталась мне от родителей. Я уже знал, что Бухарин был расстрелян. И для меня это было как-то странно, а за что? Я читал материалы процесса Бухарина, и все это меня немножко шокировало. Я решил: что-то неверно в «Датском королевстве». Но в целом, как я считал, мне повезло, что я родился в СССР, а не на «гнилом Западе» с его безработицей, ипотекой, расовыми волнениями, мафией и прочими бедами.

Экзамен я сдавал А.Г. Кузьмину, рассказывал ему о Гражданской войне по учебнику. Зная Кузьмина, думаю, он вряд ли был согласен с версией учебника. Но не возражал, отнесся ко мне хорошо, и я получил нужную мне пятерку.

Первые годы учебы я пребывал в совершеннейшей эйфории: прекрасное здание МГПИ, «храм науки», интереснейшие преподаватели. Кузьмин, Кошеленко, Залюбовина, очень раскованная, открытая дискуссия об азиатском способе производства. Между прочим, это были андроповские времена. В.Ф. Антонов в одной лекции изложил азы науки, а Э. Шкляр в курсе истории партии — азы политики. При этом мы довольно смело обсуждали политику того времени. Пока все советологи мира гадали, кто будет преемником Брежнева, первое, что я услышал, узнав о его смерти и придя в институт, это мнение Бори Еременко, что теперь руководить страной станет Андропов.

Я спросил: «Почему?» Боря сказал: «Потому что за ним стоят большие батальоны». Это было прекрасное время, но Андропов вышел нам боком, потому что он призывал студентов в армию прямо с учебы. Это было очень вредно для учебного процесса.

В мое время уже «поснимали» военные кафедры, шла борьба за призыв. Я попал в армию, которая произвела в моем сознании эффект декабристов в том смысле, что оттуда я вернулся настроенным вполне оппозиционно, а армию просто ненавижу. Не люблю я казарму. А поскольку можно было заметить, что армия похожа на саму систему в целом, следующие шаги логически было сделать уже легко, все подмечалось автоматически. В армии я очень продвинул вперед свои теоретические построения. Меня там не окучивали никакие учителя, я сам развивал свои теории, прежде всего о формациях и революциях. Кстати, в армии я впервые прочитал П. Кропоткина, не его анархические работы, а его историю Французской революции, которая была в библиотеке. Я много читал Маркса. Все это было под рукой. Я служил сначала в Тайнинке радистом (ныне территория этой части приватизирована), а потом в Курганском высшем военно-политическом авиационном училище телефонистом.

Вернувшись, я с некоторым трудом встроился в учебный процесс и стал делиться со всеми вокруг своими открытиями. Мы сошлись с Андреем Исаевым, который до этого был связан с распадающимся марксистским подпольным кружком, но с ним мы создали свою собственную

неонародническую организацию, в которую также вошел Володя Гурболиков, а потом она выросла в крупную организацию «Община». Сейчас Исаев и Гурболиков — люди весьма консервативных взглядов. Я же остался верен идеалам юности и считаю себя народником. Я писал подробно об этой стороне моей жизни в книге, которой издательство дало название «Преданная демократия». Авторское название — «Неформалы и перестройка».

С.Э. Расскажите, пожалуйста, о том, как Вы попали в науку?

А.Ш. Плох тот студент, который не хочет стать аспирантом. Наука быстро стала моей страстью, мне было интересно искать истину, а во время перестройки в каждой сфере можно было сделать открытие, так как рушилась марксистско-ленинская схема. Наша революционная активность вызывала симпатии у части преподавателей. Каждый семинар мы использовали для агитации — а значит, и хорошо готовились по каждой теме. Ближе к выпуску я, так же как Андрей Исаев, так же как и учившийся вместе с нами Дима Олейников, надеялись, что нам удастся пойти в науку, а не в школу. В школе я тоже, впрочем, некоторое время преподавал, но наука все же увлекла. Мы сразу поделили некоторые темы, кто и что будет разрабатывать. Я еще на первом курсе начал заниматься современным революционным процессом, а он тогда шел в Латинской Америке. Андрей занялся Бакуниным. Правда, Олейников довольно быстро от нас отпал, поскольку эволюционировал к консерваторам. Сегодня он видный специалист по эпохе Николая I. Мож-

но отдать ему должное за прозорливость и адекватность последующей эпохе. Я же в связи с нашим народничеством и анархизмом перешел от изучения Че Гевары и Ортеги к Махно, занялся практикой анархистского движения. Когда я стал готовиться к защите дипломной работы, у меня возникли сложности. У меня был хороший научный руководитель Е.Ф. Жупикова. Я всячески ее убеждал в том, что коммунисты не правы, а Махно — не бандит. Судя по ее недавней книге, наверно все-таки в конце концов убедил. Она довольно критично относится теперь к практике большевиков. Но миновать мощную фигуру профессора Шагина было нереально, на кафедре коммунисты дали мне понять, что обелить Махно мне не удастся и меня завалят вопросами не про Махно, в котором я разбирался уже лучше маститых коллег, а о Гражданской войне в целом. Я решил не рисковать и вернулся к латиноамериканским повстанцам, перейдя под могучее крыло В.А. Тишкова, которому все это было интересно. Я даже учил испанский язык, который мне очень понадобился, когда я писал книгу о Великой испанской революции. Моя дипломная работа была посвящена Че Геваре. Если в отношении Махно я занимал адвокатскую позицию, то по Че Геваре я занял прокурорскую. Это было чем-то новым для меня. Я доказывал, что он собирался создать тоталитарный режим размером с Южную Америку. И в общем, видимо, был прав. Я защитил дипломную работу. Мой «укол» в Че Гевару был достаточно шокирующим, но на фоне «разгула анархии» это была общая антикоммунистическая точка зрения, которую многие в то время уже разделяли. Это

был 1989 год. Исаев с Олейниковым пошли в Институт истории СССР. Их научным руководителем был В.Ф. Антонов. Но Исаев вскоре стал делать другую, политическую карьеру. Моя судьба была менее понятной, потому что Тишков предложил мне идти в аспирантуру ИВИ. Он дал мою дипломную работу на отзыв Е.А. Ларину. Конечно, моя работа произвела на него тяжелое впечатление. Ведь я ругал Че Гевару, которого он чуть ли не лично знал. Он сказал, что у меня точка зрения академика Сахарова. Для меня это было большим комплиментом. Сахаров тогда еще был жив, и я с ним даже познакомился. Тогда меня перепасовали Якову Самойловичу Драбкину — известному германисту, неортодоксальному марксисту, демократическому «ленинолюбу». Он прочитал мою работу, сказал, что написано сыровато, но согласился быть моим научным руководителем, если я поступлю в аспирантуру. Когда я сдавал вступительные экзамены, в комиссию входил Н.П. Калмыков, крупный специалист по Бразилии и марксист. Он знал о моей позиции со слов Ларина. Но нужно отдать должное Ларину, он был исключительно корректен. Сейчас у нас с ним прекрасные отношения. Помню, как Калмыков на вступительных экзаменах предложил мне рассказать о ситуации в заливе Кочинос. Я не просто дал оценку ситуации, я назвал номер бригады, которая там высаживалась. На всех это произвело сильное впечатление. Калмыков благожелательно отреагировал. Напутствуя меня, он сказал, что это хорошо, что я иду под руководство Драбкина, поскольку он меня научит марксизму. К тому моменту я уже был опытным «марксоедом», так что марксизму меня

Драбкин не научил. Правда, сейчас я к Марксу отношусь лучше, чем тогда. Со временем юношеский задор уходит, мы начинаем ценить противников. С Драбкиным мы потом ссорились из-за Ленина, которого в коммунистические времена я предпочитал ругать, а сейчас от некоторых наветов его приходится защищать.

Так я оказался в аспирантуре. Я долго выбирал тему. У меня был в активе английский язык, а испанский в пассиве. Драбкин был германист. Как ни странно, мы сошлись на Махно. Но он тогда относился к отечественной истории, а у нас был институт всеобщей, зарубежной. Решили заняться анархистской эмиграцией, то есть Махно и другими анархистами за рубежом. Надо было сформулировать главную проблему. В конце концов, я назвал диссертацию «Проблема социальной революции в идеологии российской анархистской эмиграции 20–30-х гг.». Но в работу впихнул и множество других интересовавших меня проблем. Я защитил кандидатскую в 1993 году.

Но вообще Драбкин был учителем дзен-буддийского толка, в том смысле, что это был мудрый учитель, который не отвечает на вопросы и даже не задает их. Мудрый учитель просто перечеркивает то, что ему не нравится. Мне нравится этот подход. Хотя в своей работе с учениками я использую другой, я подробно правлю текст и говорю: «Учись, следующая глава должна быть написана лучше». У меня с Драбкиным была непростая история отношений. Я очень высоко ценю его как исследователя и как педагога, хотя его лю-

бовь к Ленину и моя иногда резкая критика «вождя» портили нам кровь в 90-е гг. В последние годы его жизни наши отношения снова потеплели.

Иногда мои отношения с учителями «кармически» возвращаются в моих отношениях с учениками. Мои споры с Драбкиным напоминали некоторые мои дискуссии с Алексеем Сахниным, который защищался под моим руководством. Яркая личность, видная политическая фигура в период Болотного движения. Сейчас Алексей в эмиграции. Недавно выпустил книгу о большевиках в начале 1917 года по мотивам своей диссертации. У меня много учеников, среди них есть те, кто поярче, есть и те, кто поскромнее.

Занимаясь наукой, одновременно я продолжал участвовать в политической жизни, в работе Конституционного совещания. Моя политическая и научная деятельность очень тесно переплетаются. За свою жизнь я поучаствовал во множестве организаций — социалистических, экологических, педагогических. Все это важные инструменты продвижения идей. Мои общественные идеи усложняются и накапливаются. Как и в юности, я считаю, что власть должна принадлежать преимущественно простым людям, а не чиновникам. Государственные служащие должны быть слугами самоуправления. Первый голос на производстве тоже должен быть за работником, и менеджер должен служить ему, а не какому-нибудь собственнику, который может быть чьим-то сыном и гребет лопатой средства. Я до сих пор верен всем этим идеям, готов их проповедовать, но я понимаю,

что против нас настроены все силы мира, потому что всемогущественные структуры потеряют все, если народ это все получит. К торжеству идей демократического социализма долгий путь, и нужно использовать для пользы дела разные институты. В 1989–1999 годах я называл свои взгляды анархизмом, но потом понял, что до анархии не доживу, и вернулся к самоназванию «социалист».

В 1997–1998 годах я, будучи еще анархистом, поработал в правительстве РФ в должности советника первого заместителя председателя правительства. Попал я в аппарат правительства случайно — первому вице-премьеру Б.Е. Немцову понадобился человек со связями в общественном движении, которых у меня было предостаточно. Я тогда был активным деятелем экологического движения, был связан с профсоюзным движением, публикуясь в газете «Солидарность». У меня на тот момент уже была ученая степень, однако против моего назначения активно выступали руководители аппарата, поскольку у меня не было опыта государственной службы. Но Немцов настоял. Нужно сказать, что я мало взаимодействовал с Немцовым, работая над его заданиями в полуавтономном режиме вместе с другими советниками. У нас была довольно интересная группа политических советников, в которой лидировал друживший с Немцовым В.В. Аксючиц. Мы придерживались разных политических взглядов, но сделали много хороших дел. Своей главной задачей я считал отмену строительства высокоскоростной магистрали Санкт-Петербург — Москва, против которой общественность выступала по при-

чине ее антиэкологичности, неэкономичности и угрозы культурному наследию. Изучив аппаратную механику, я нашел способ отозвать решение о государственной поддержке этого проекта. Немцов меня в этом деле поддержал. Мы похоронили наконец Николая II и его семью, кости которых из-за идеологических споров много лет пролежали без упокоения. Мы организовали переговоры между возмущенными шахтерами и правительством, которое занялось проблемой выплаты зарплат. Это был интересный опыт. Не могу сказать, что я всегда был на стороне режима, находясь даже внутри него. Но моя работа в аппарате помогла лучше понять его механизм, что было полезно для моих исследований по истории советской бюрократии.

С.Э. Есть такая версия, что Немцов просто не вписался в путинский режим, а если бы вписался, его судьба сложилась бы иначе.

А.Ш. Когда я пришел в аппарат, я относился к Немцову так же, как и вся страна, как к выскочке и мажору. Но мне предложили интересную работу, предложили посмотреть на структуру изнутри, и я решил, что это хороший шанс. Я тогда писал книгу о брежневском режиме, о заре перестройки, и выяснилось, что многое осталось как прежде, это было интересно.

При личном общении Немцов произвел на меня впечатление очень благоприятное, и для меня это было неожиданностью. Он быстро схватывал суть дела, держал в голове много данных, которыми быстро оперировал. Кстати, годы спустя

он меня очень разочаровал во время Болотного движения, когда мы снова встретились. Видимо, за годы после отставки он потерял сноровку. Его шаги теперь представлялись мне наивными, а речи неубедительными. Хотя никаких претензий к нему как к человеку у меня не было и нет. В 1997 году все вокруг говорили, что он — наследник. Учитывая, что он был незлобивый и совершенно не мстительный человек, думаю, что он был бы неплохим президентом. Во всяком случае, мне кажется, он бы не держался за власть так, как это принято в России. Он мог бы наделать глупостей, как и другие, но вряд ли таких «брутальных», как мы наблюдаем. И с гражданскими правами было бы лучше. Могу сказать, что на фоне тех дров, которые до него были наломаны, он многое решил. По сути, вернул государству контроль над «Газпромом», который на тот момент фактически был приватизирован менеджерами. Немцов с гордостью об этом рассказывал. Мы даже готовили материалы, которые могли быть использованы во время уголовного процесса против топ-менеджеров. Он показывал Р. И. Вяхиреву, что может быть дальше, и тот согласился уступить. В конце 1997 года были закрыты задолженности по зарплатам бюджетникам, что потребовало напряженной работы.

С другой стороны, идеологически он был индоктринированным, верил в «путь Петра», и его было очень трудно сдвигать влево. Я сдвигал его влево, а Аксючиц — вправо. Но с Аксючицем нам удалось быстро договориться как двум противникам либерализма. Аксючиц был консер-

ватором, а я тогда — анархистом, но весьма конструктивным и умеренным — фактически левым социалистом, как и сейчас.

Помню, я тогда опубликовал статью о том, что Немцов может быть нашим новым Рузвельтом. Она понравилась. Мы предлагали разные идеологические тезисы для Немцова — борьбу с олигархией в том числе. Я упирал на преодоление дикого капитализма. Немцов остановился на двух основных тезисах: мы должны бороться с олигархическим капитализмом за народный капитализм. На мой взгляд, этот идеал был наивным. Но Немцов и потом его отстаивал и поэтому не мог вписаться в систему олигархического капитализма Путина, когда экономика контролируется узким кругом его друзей и выдвиженцев. Начальные шаги Путина были разработаны еще нами, тот же 13-процентный налог. До дела Ходорковского Немцов поддерживал Путина, считая его защитником реформ 90-х. Впрочем, к этому времени наши пути с Немцовым уже давно разошлись. Когда в 1998 году встал вопрос о предстоящих финансовых преобразованиях, я написал записку «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Это известная фраза Ленина. Мы ее обсуждали и подписали, по-моему, тремя фамилиями советников. Но когда Немцов ее отверг, уволился только я. Интересно было бы найти эту записку и посмотреть на нее свежим взглядом. Мы предлагали мягкий вариант выхода из ГКО и развертывание политического движения в поддержку социальных реформ. Я успел уволиться до дефолта и не нес уже за него ответственность.

С.Э. Когда Вы вернулись к научной работе?

А.Ш. Можно сказать, что я из нее не уходил вовсе, поскольку в свободное от «государственных дел» время я продолжал работу над докторской диссертацией. Я тогда вернулся в Институт всеобщей истории. Это по-прежнему мое основное место работы, где сейчас я занимаю должность главного научного сотрудника. К тому же я еще преподаю в РГГУ и ГАУГН.

В 1998 году я выпустил книгу, в которой сравнивался махновский анархический опыт с испанским. На ее основе в 2000 году я защитил докторскую диссертацию по теме «Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания (1917–1939 гг.)». Меня с институтских времен манила перспектива сравнить махновский опыт и опыт массового анархо-синдикалистского движения в период Испанской революции 30-х гг. Некоторые испанские источники я уже тогда нашел в амстердамском Архиве социальной истории. Подтвердилось, что этот эксперимент, достаточно успешный, был во многом оболган. Энтузиазм рабочих, ставших хозяевами предприятий, дает всплеск производительности труда. Очень жаль, что по военно-политическим причинам человечество тогда потеряло такой вариант развития. Возможно, тот опыт еще может пригодиться в новых условиях в XXI веке, а испанские рабочие обогнали свое время.

Потом из моей докторской выросли две отдельные книги — о Махно и о Великой испанской революции.

С.Э. Какие работы еще у Вас выходили? И расскажите о Ваших творческих планах.

А.Ш. Во время перестройки хотелось ковать железо, пока Горбачев, было неясно, как жизнь сложится. Свою первую книгу я написал в 1990 году, в возрасте 25 лет, и она была обо всем — от возникновения цивилизации до ее завершения. Будет ли возможность опубликовать еще одну книгу — я не знал, поэтому впихнул в нее все свои сырые теории. Книга вышла под названием «Гармония истории». В 1996 году я ее переиздал в виде небольшой брошюры под названием «Ритмы истории», где сосредоточился на общих закономерностях исторического развития. В Интернете можно найти ее электронную версию.

Постепенно я стал осваивать сюжеты нашей советской истории 1917–1991 годов. С 1996 года я публикую в среднем по одной книге в год. Сейчас у меня есть работы по всему этому периоду, кроме 1942–1945 годов, где я не нашел проблем, разрешение которых требует моего участия. Моя основная тема — это социалистический проект во всей его полноте, от утопий до футурологической перспективы. Сейчас на моем счету более двадцати книг. Со временем я хочу свести все свои работы в 30-томное собрание сочинений. Пока написана только половина, поэтому у меня еще много работы.

У меня есть и художественные публикации, включая фантастический роман. Быть писателем легче, чем быть историком, поскольку не нужно ставить сноски.

Сейчас я «живу» в апреле 1918 года, анализирую материалы левых эсеров. Работаю над продолжением истории Великой российской революции. Только что вышла моя книга о ее развитии в октябре 1917 – марте 1918 года: «Старт Страны Советов». Период 1919–1941 годов охвачен рядом моих монографий. Недавно вышла книга по международным отношениям межвоенного периода «Мир на пути к войне».

Я намерен также освежить свою историю социалистических идей до 1917 года («Социализм: “золотой век” теории»), подробно разобрать Томаса Мора и другие утопии, увязать их с Реформацией, французской революцией. В этой книге я анонсировал продолжение «Социализм: “железный век” практики». До Второй мировой войны это будет сжатое изложение уже написанных мной книг, но после – я готовлю материал для новых исследований. Кое-что уже подготовлено и опубликовано. Некоторые намет-

ки есть в моем комментарии к фундаментальному труду английского профессора Дэвида Пристланда «Красный флаг», посвященному всей истории «красного» проекта. Объем книги около 500 страниц, а мой комментарий добавил к ней порядка 200 страниц. Мне удалось найти интересный архивный материал о международном коммунистическом движении 50–60-х годов. Если будет время, в этом году хотел бы написать статью «Вызов маоизма» о реакции КПСС и ее союзников на маоистскую агитацию. Также в моих планах продолжение исследований по истории перестройки.

Если мне хватит жизни, то я опубликую полную историю левых идей и левой практики до наших дней, а прогностически – до конца времен.

С.Э. У Вас грандиозные планы. Желаю Вам успехов в их осуществлении.

"MY MAIN THEME IS A SOCIALIST PROJECT IN ITS ENTIRETY,
FROM UTOPIAS TO FUTUROLOGICAL PROSPECTS".

Interview with A. V. Shubin

Shubin Aleksandr V. – doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow)

Key words: Perestroika, Socialism, Anarchism, Revolution of 1917 in Russia, Revolution in Spain, Soviet system.

The well-known historian and leftist intellectual Alexander Shubin presents the reader not only the main steps of his academic biography, but also his experience in politics.

«У МЕНЯ СТОЯЛА ТРОЙКА ПО ИСТОРИИ КПСС. НО В АСПИРАНТУРУ МЕНЯ ВСЕ ЖЕ ВЗЯЛИ»

Интервью с Б. А. Успенским

Ключевые слова: лингвистика, семиотика, история русского языка, Лотман, Бахтин.

Выдающийся лингвист и семиотик Борис Успенский вспоминает основные вехи своего жизненного и интеллектуального пути.

Борис Андреевич Успенский, доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией лингвосемиотических исследований НИУ ВШЭ, филолог, лингвист, семиотик, историк языка и культуры. Автор книг:

- *Успенский Б. А.* Структурная типология языков. М.: Наука, 1965. 286 с.
- *Успенский Б. А.* Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России). М.: Изд-во МГУ, 1968. 156 с.
- *Успенский Б. А.* Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М.: Изд-во МГУ, 1969. 334 с.
- *Успенский Б. А.* Поэтика композиции (Структура художественного текста и типология композицион-

ной формы). М.: Искусство, 1970. 224 с.

- *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке (Доломоновский период отечественной русистики). М.: Наука, 1975. 232 с.
- *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во МГУ, 1982. 245 с.
- *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века (Языковая программа Карамзина и ее исторические корни). М.: Изд-во МГУ, 1985. 215 с.
- *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка. М.: «Гнозис», 1994. 240 с.
- *Успенский Б. А.* Избранные труды. М., 1994–1997. Т. 1–3.
- *Успенский Б. А.* Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. 360 с., 69 илл.
- *Успенский Б. А.* Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. 608 с.
- *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России

© Историческая Экспертиза, 2018

Успенский Борис Андреевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией лингвосемиотических исследований НИУ ВШЭ (Москва)

(Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки русской культуры, 1998. 676 с.

- Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.
- Успенский Б. А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия.)
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII). М.: Аспект-Пресс, 2002. 560 с.
- Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. 475 с. (Academia). Библиогр.: с. 415–474.
- Успенский Б. А. Историко-филологические очерки. М.: Языки русской культуры, 2004. 176 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия.)
- Успенский Б. А. Крестное знамение и сакральное пространство: почему православные крестятся справа налево, а католики — сле-

ва направо. М.: Языки славянских культур, 2004.

- Успенский Б. А. Часть и целое в русской грамматике. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Успенский Б. А. Крест и круг (Из истории христианской символики). М.: Языки славянских культур, 2006. 488 с.
- Успенский Б. А. Ego Loquens. Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2007. 320 с.
- Успенский Б. А. Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М.: Индрик, 2008. 608 с.
- Успенский Б. А. Гентский алтарь Яна ван Эйка. М.: Индрик, 2009.
- Успенский Б. А. Гентский алтарь Яна ван Эйка: композиция произведений. Божественная и человеческая перспектива / 2-е изд., испр. и доп. М.: РИП-Холдинг, 2013.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Расскажите о своей семье, родителях, предках. Ваша фамилия, скорее всего, восходит к священникам.

Б.У. Мой дед Василий Дмитриевич Успенский был сыном дьячка из Рязанской губернии. Принадлежность к духовному сословию давала возможность получить среднее образование. Он хотел поступить в высшее учебное заведение, но осуществить это было очень трудно, поскольку семья была бедной, и он мог рассчитывать только на казен-

ный кошт. Единственной возможностью было поступить в Варшавский ветеринарный институт. Армия, в значительной степени состоящая из кавалерии, нуждалась в ветеринарных врачах. После окончания училища и производства в офицеры его направили в Манчжурию, где в 1902 году родился мой отец (в городе Гирине недалеко от Амура). Манчжурия фактически была русской колонией, и офицеров отправляли туда вместе с семьей. Началась Русско-японская война. Его жену и маленького сына (моего от-

ца), которому на тот момент было два года, эвакуировали, а дед мой остался и воевал с японцами. Он выдержал осаду Порт-Артура, а после сдачи города оказался в японском плену. К сожалению, я его не знал, он скончался до моего рождения. Но по дошедшим до меня воспоминаниям, японский плен был раем для офицеров. От работы они были освобождены, им выплачивали жалованье. После плена дед мой вернулся в Россию — морским путем; по пути заехал в Иерусалим. Он тогда привез с собой очень много разных вещей; некоторые из них до сих пор хранятся у меня — в частности, нос рыбы-пилы, который висит в моем кабинете. Мой дед дослужился до подполковника и вышел в отставку. Он был награжден орденами (кажется, Анны 2-й степени и Станислава), но они не сохранились. В детстве я играл его эполетом; меня удивляло, как он смог дослужиться до такого относительно высокого чина, но потом я понял: в Порт-Артуре каждый месяц шел за год. Он окончил службу в Терском казачьем войске и таким образом оказался в Кисловодске, где вырос мой отец. После выхода в отставку дед мой заведовал ветеринарной больницей в Кисловодске. С установлением на Кавказе советской власти он числился гарнизонным врачом Красной армии. Мой отец фактически рос среди животных. Он прекрасно ездил на лошади, очень любил животных, и те платили ему взаимностью. Отец окончил реальное училище, которое давало право поступать в математический или медицинский институт. Отец хотел стать врачом. Он поехал в Харьков и поступил в медицин-

ский институт. Это было во время Гражданской войны. Будучи студентом, он занимался литературной деятельностью. Вместе со своим товарищем по школе Владимиром Киршоном он написал пьесу «Константин Терехин» («Ржавчина»), которая имела необыкновенный успех. Эту пьесу ставили в разных театрах России и даже за границей. Успех этой пьесы и заставил моего отца отказаться от медицинской карьеры. Так он стал драматургом. Потом его отношения с Киршоном испортились, и он отзывался о нем плохо — как о подлеце и карьеристе. Но во время травли Киршона (на собрании московских драматургов) он говорил о нем подчеркнуто корректно.

Я родился в 1937 году, поступил в школу во время войны, в 1944 году, и окончил ее в 1954 году. Счастливым образом мое окончание школы совпало с большими изменениями в стране. После смерти Сталина они стали происходить очень быстро. Это хорошо чувствовалось.

С.Э. Молодые люди, которым по 20–25 лет, плохо представляют себе атмосферу, которая была при Сталине. Недавно я читал дневник школьника, отец которого был большим начальником. В 1937 году его арестовали, а мальчика вынуждали перед всем классом осуждать своего отца. После чего он пишет в своем дневнике: может быть, это и правильно, что его отца арестовали. Было ли что-нибудь подобное у Вас в школе?

Б.У. К сожалению, нечто подобное бывало. Правда, в мое время

уже не было массовых арестов. Но очень заметной была кампания антисемитизма. Школьников-евреев заставляли каяться в различных преступлениях, на комсомольских собраниях. Прямо их в еврействе не обвиняли, но это подразумевалось. Помню, в нашей школе учился мальчик по фамилии Спектор. Он будто бы сказал, что если будет Третья мировая война, то самое главное — это выжить. Логика в этих словах была, поскольку подразумевалось, что Третья мировая война будет атомной. Но тем не менее его обвинили в трусости, предательстве, исключили из комсомола и из школы.

Антисемитская кампания, обвинения в космополитизме, дело врачей — все это было очень заметно. Тогда даже происходили, в том числе и на моих глазах, вспышки агрессии по отношению к евреям на улице, в городском транспорте (впрочем, дело ограничивалось оскорбительными выкриками и угрозами, физических расправ я не видел). Помню несчастного сапожника во дворе в Столешникове переулке, которого окружила бушующая толпа, грозившая с ним расправиться; помню его, бледного и сжавшегося в комок, среди оголтелого народа. Или молодых людей, очень похожих друг на друга, которые не давали евреям (лицам с еврейской внешностью) пройти к выходу, нагло над ними подшучивая. Совершенно очевидно было, что за этим стояли сотрудники МГБ. После смерти Сталина все это прекратилось, врачей выпустили. Жизнь стала стремительно меняться. В 1954 году, когда я был

еще школьником, появилась книга «Оттепель» Ильи Эренбурга. Независимо от того, как относиться к Эренбургу, само слово «оттепель» много несло в себе; оно оформило происходящее.

С. Э. Ваш брат В. А. Успенский стал математиком, а Вы пошли на романо-германское отделение филофака. Чем обусловлен Ваш выбор?

Б. У. Я выбирал от противного. У меня не было склонности к математике. Заниматься литературой было невозможно. Изучение литературы по идеологическим стандартам еще в школе вызывало оскормину. И я остановил свой выбор на лингвистике. Здесь я исходил из того, что изучать языки — это полезно.

Я поступил в университет. Мне там понравилась атмосфера, окружение. У нас были замечательные преподаватели, например Петр Саввич Кузнецов, Эрнэ Васильевна Померанцева, Вячеслав Всеволодович Иванов. Когда я поступил, он уже преподавал. Помню, когда я учился на первом курсе, он защищал кандидатскую диссертацию (ему хотели присудить докторскую степень, но это не получилось). На лекции Сергея Михайловича Бонди о Пушкине собирался весь университет: не только филологи, но и математики, физики и т.п. Он читал в самой большой аудитории старого здания МГУ (в аудиторном корпусе) — когда-то она называлась «Богословской», а потом — «Коммунистической».

После работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» было покончено с марризмом и началась

работа в области сравнительно-исторического языкознания. Но в годы моего обучения в университете мне особенно запомнилась борьба за структурную лингвистику.

С.Э. Когда Вы учились, Вам уже преподавали структурную лингвистику?

Б.У. Нет, не преподавали: это слово считалось одиозным и фактически было запрещено. Семинар по структурной лингвистике назывался «семинаром по машинному переводу», но машинным переводом как таковым большинство участников не занималось. Вначале этот семинар был в университете, его вели П.С. Кузнецов, Вяч. Вс. Иванов и мой брат. Будучи студентом, я однажды выступил на этом семинаре. Это было мое первое публичное выступление, и я очень волновался. Потом Вячеслава Всеволодовича выгнали из университета. Именно не уволили, а грубо выгнали (как у нас умеют). Причиной явилась дружба с Пастернаком — такова была официальная формулировка. Вяч. Вс. вскоре нашел работу в одном из институтов Академии наук. Материально он не пострадал, но он, прирожденный лектор, нуждался в связи с постоянной аудиторией — и был ее лишен. Для него это, мне кажется, было трагедией, ему нужны были ученики. С его уходом из университета этот семинар переместился в Институт иностранных языков. Там работал Виктор Юльевич Розенцвейг. Он был значительно старше нас и занимал определенное положение: он заведовал кафедрой французского языка на переводческом факультете

института. Он нас и пригласил. Это был чудесный человек, деятельную помощь которого многие помнят. Его старшая сестра, Е. Ю. Зарубина, была знаменитой советской разведчицей (я узнал об этом много позже). Сам же он был одним из самых порядочных людей, с которыми мне приходилось встречаться.

В университете я занимался с увлечением. Но отметки у меня в дипломе были не блестящие: диплом открывался тройкой по истории КПСС. Мне все говорили, что с таким дипломом дверь в аспирантуру для меня навсегда закрыта. Но в аспирантуру меня все же рекомендовали и взяли.

К тому времени, в связи с успехами в кибернетике, структурная лингвистика была уже признана. В Москве были открыты секторы структурной лингвистики — в Институте славяноведения и в Институте русского языка. Меня пригласили в аспирантуру как в эти секторы, так и на филологический факультет МГУ. Я выбрал последнее, поскольку я с особым пиететом относился (и отношусь) к Московскому университету.

С.Э. Какие Вы еще изучали языки кроме английского и французского?

Б.У. Датский. В обязательную программу входили два языка. Третий язык был на выбор, и я выбрал датский. Это сыграло свою роль, потому что когда я поступил в аспирантуру, мне предложили поехать в Копенгаген — в мекку тогдашней структурной лингвистики (там

преподавал Луи Ельмслев, там был знаменитый Копенгагенский лингвистический кружок). Я поехал туда на полгода.

С.Э. В советское время мало кто мог надолго попасть за границу.

Б.У. Принято считать, что за границу направляли только членов партии, но это не так. Другое дело, что после моего возвращения из Дании, когда я отказался сотрудничать с КГБ, меня уже никуда не пускали. Мне предложили поехать по стране с датскими комсомольцами, а потом докладывать, что они говорят. Но я отказался. После этого меня не пускали за границу 27 лет.

В Дании меня поразили условия жизни и условия работы. Полная свобода и доброжелательность. Я был зачислен как студент университета (правда, я его не окончил). Мне дали ключ от старинного двухэтажного домика в университетском квартале, в центре города. Это был Институт лингвистики и фонетики. Там была прекрасная библиотека, куда я мог приходить, когда хотел: днем, ночью. Там читались лекции, велись семинары и можно было самостоятельно заниматься, встречаться с коллегами, с профессорами. Профессора приглашали студентов в кафе, к себе домой. Все это было до студенческой революции 1968 года, которая полностью разрушила европейские университеты.

Я посещал заседания Копенгагенского лингвистического кружка. Самое большое впечатление на меня произвела профессор Эли Фишер-Йоргенсен. Лекции Ельмслева

показались мне слишком абстрактными, хотя сам он мне понравился.

После возвращения из Дании я сдал кандидатские экзамены, написал диссертацию, которую защитил в 1963 году. Это была первая диссертация в Советском Союзе по структурной лингвистике.

Будучи аспирантом, в 1962 году я с моей будущей женой и с моими коллегами из Института славяноведения отправился в Сибирь изучать кетский язык; это уникальный язык, не родственник ни одному другому языку земного шара. Кеты живут на среднем течении Енисея. Тогда бытовало представление, что лингвист должен заниматься экзотическими языками, чтобы расширить свой кругозор.

По окончании университета я полтора года работал в Институте Африки АН СССР. Он располагался тогда в чудесном старинном особняке (Староконюшенный переулок, 16). По преданию, там жила Наталия Дмитриевна Ахросимова, московская барыня, описанная у Толстого в «Войне и мире», и оттуда Анатолий похищал Наташу Ростову. Напротив был шестиэтажный дом, в одной из квартир которого жил Н. С. Хрущев. Условия для молодого сотрудника в Институте Африки были хорошими, присутствовать там почти не требовалось (всего полтора присутственных дня), но мне там не понравилось. И при первой возможности я оттуда ушел. Мы с моим коллегой и другом Владиславом Митрофановичем Андриященко создали в МГУ межфакультетскую лабораторию структурной типологии

и вычислительной лингвистики. Все это было создано на птичьих правах, но потом как-то воплотилось в жизнь. Я там долгое время работал. Эта лаборатория до сих пор существует, но она мало похожа на ту, что мы создавали.

В 1962 году в Москве проходил симпозиум по структурному изучению знаковых систем, в работе которого я принял активное участие. Это был первый в Советском Союзе симпозиум по семиотике. Но слово «семиотика» было запрещено (как некогда выражение «структурная лингвистика»). Вместо него принято было употреблять эвфемизм — «знаковая система».

Тезисы доклада были изданы. Они вышли под грифом Института славяноведения АН СССР. Но во время симпозиума произошел скандал. Партийное начальство осознало, что симпозиум не имеет никакого отношения к марксизму-ленинизму. Симпозиум закрыли на середине работы. Сборник тезисов был у нас отобран (но часть тиража все-таки осталась в руках организаторов симпозиума). Набор другого, более солидного сборника наших работ на ту же тему, готовящегося к изданию в Издательстве Академии наук, был рассыпан.

Казалось, наша деятельность не имела никаких перспектив, но вышло иначе. О симпозиуме узнали высокие сферы (в частности, Идеологическая комиссия при ЦК КПСС), и он был подвергнут осуждению. Появились разносные статьи, где пересказывались наши работы (в частности, мои работы

о языке искусства, о знаковой системе гадания на картах), — естественно, с отрицательной оценкой. Отрицательная оценка была предсказуема, но цитаты из наших тезисов оказались доступными широкой читательской аудитории. Эти цитаты сами по себе призваны были продемонстрировать абсурдность наших занятий, но они привлекали внимание читателей (советский читатель вообще привык ориентироваться в том, что происходит на Западе или у нас, именно по обличающим статьям). Эти негодующие статьи были напечатаны в таких изданиях, как «Коммунист», «Вопросы философии», «Вопросы литературы» и т. п., которые выходили огромными (едва ли не миллионными) тиражами. И вопреки произошедшему скандалу — или, точнее сказать, благодаря ему — мы приобрели очень большую известность.

Сборник тезисов попал в Тарту, в руки Юрия Михайловича Лотмана. Юрий Михайлович к этому времени уже сам интересовался сходными проблемами, независимо от нас; он готовил книгу по структурной поэтике. И он приехал в Москву познакомиться. Это был 1964 год. Он предложил перенести семиотическую деятельность (симпозиумы, издания) в Тарту. В Эстонии была совсем другая ситуация: основной проблемой для партийных идеологов были русско-эстонские отношения. Другие проблемы как-то отходили на второй план. Мы провели несколько летних школ и стали издавать «Труды по знаковым системам».

Так наряду с лингвистикой я стал заниматься семиотикой. Меня

интересовала не абстрактная семиотика, не структура знака, а то, как, экстраполируя лингвистические методы, можно описать нелингвистические объекты. Это семиотика истории, семиотика искусства. Я заинтересовался языком живописи и, в частности, языком иконы (термин «язык» я употребляю в широком семиотическом смысле, понимая под языком знаковую систему). Так я попал в старообрядческую церковь при Преображенском кладбище в Москве (к старообрядцам-беспоповцам). Мне хотелось посмотреть иконы, освещенные свечами, а не электричеством — т.е. освещенные тем светом, для которого они были предназначены. В этой церкви вообще не было электрического освещения, зажигание свечей перед иконами было связано с богослужением — лики оживали и гасли, уходя в темноту. Мое внимание привлекло особое произношение, звучащее в церкви. Вначале я подумал, что они все из одной деревни, носители одного говора. Потом я пришел к выводу, что это литургическое, церковное произношение. Как оказалось, никто об этом не знал, и я решил этим заняться. В результате я стал славистом.

Выяснилось, что это очень архаичская традиция произношения, частично восходящая к XI–XII векам. Позднее я защитил докторскую диссертацию по этой теме. С тех пор я занимаюсь историей русского языка и культуры.

С.Э. Как в советское время воспринималась работа с языком старообрядцев, церковными книгами?

Б.У. В основном с удивлением. Это не поощрялось, но и не запрещалось. Помню, как один раз я пошел в Ленинскую библиотеку, мне нужна была книга по церковному песнопению, меня вызвали и стали спрашивать, зачем мне это нужно. Я должен был это объяснить. Я был уже кандидатом наук, читателем научного зала, и меня милостиво отпустили.

В 1967 году в журнале «Вопросы языкознания» появилась моя первая публикация на эту тему — статья под названием «Одна архаичская система церковнославянского произношения (Литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев)». Много лет спустя я познакомился с Джеймсом Биллингтоном, известным американским славистом, ставшим затем директором Национальной библиотеки в Вашингтоне. Биллингтон в свое время работал в Принстоне, где был тогда и отец Георгий Флоровский. Они регулярно встречались в библиотеке. Однажды в зале новых поступлений о. Георгий взял с полки журнал с моей статьей и показал ее Биллингтону со словами: «Обратите внимание, в России начинается что-то новое». Этот эпизод (о котором я узнал много позже) для меня очень дорог: удивительно, как протягиваются незримые нити между разными концами света, между людьми разных поколений...

После защиты диссертации меня пригласили на филологический факультет Университета преподавать историю русского литературного языка. Я хотел отказаться, но мои старшие товарищи — Рубен

Иванович Аванесов и Самуил Борисович Бернштейн — уговорили меня согласиться. Я обратился к учебникам и обнаружил, что предмет, который мне предстояло читать, был как-то далек от лингвистики. Русская душа, русские березки, что-то в этом роде... В общем, картина передвижников в словесном изложении. Я по-своему выстроил этот предмет и преподавал его в МГУ много лет.

Я написал учебник «История литературного языка» по договору с издательством «Высшая школа». Одновременно я имел неосторожность написать рецензию на книгу А.И. Горшкова «Теория и история русского литературного языка» (М., 1984). Это, по существу, был проект многотомной Истории русского литературного языка, которую собирались издавать в Институте русского языка. Эта книга (по-моему, как раз там и говорилось, что история русского литературного языка нужна для того, чтобы почувствовать очарование русских березок в литературном описании) привела меня в уныние, более того — показалась мне опасной. В иерархической структуре Советского Союза Академия наук была головной организацией. Издание академической истории русского литературного языка означало, что эта дисциплина будет преподаваться студентам именно таким образом. Никита Ильич Толстой, которого тоже возмутила эта книга, предложил мне написать на нее рецензию для «Вопросов языкознания». Я так и сделал. Рецензия, естественно, была отрицательной и очень резкой. Несмотря на поддержку Н.И. Толстого (который ранее много лет фактически

руководил «Вопросами языкознания»), ее отказались печатать: оказалось, что автор книги и руководитель проекта Александр Иванович Горшков был вхож в Отдел науки ЦК КПСС. Меня обвинили, в частности, в том, что я пропагандирую церковь, поскольку я говорил об истории церковнославянского языка на Руси. Тогда я решил опубликовать эту рецензию в своем университетском журнале — в «Вестнике МГУ». Там очень не хотели ее принимать, но кафедра русского языка филологического факультета МГУ, на которой я работал, меня поддержала. Там было два человека, которые сыграли важную роль в моей жизни — Георгий Александрович Хабургаев и Клавдия Васильевна Горшкова (она заведовала кафедрой). Пришла корректура с просьбой из редакции смягчить наиболее резкие выражения в рецензии, и я согласился. Клавдия Васильевна поддержала эту просьбу, и мы с ней вместе отредактировали этот текст, сделав его более академическим. Но и в таком виде «Вестник МГУ» совсем не хотел его публиковать. В один прекрасный день меня вызвали в деканат, и декан (Иван Федорович Волков, специалист по социалистическому реализму в ГДР) на голубом глазу сообщил мне, что случилось непредвиденное: наборщики «Вестника МГУ» отказались набирать мой текст, потому что была внесена слишком большая правка. В итоге эта рецензия так и не вышла.

После этой рецензии Горшков (не путать с Горшковой!) решил мне отомстить и добился через Отдел науки ЦК КПСС, чтобы мой

учебник запретили печатать. Это был 1985 год, уже шла вовсю перестройка, но это как-то не сказалось на судьбе моей книги. Поскольку у меня был заключен договор с издательством и книга считалась одобренной, они должны были заплатить мне за работу. Но они отказались не только печатать, но и платить. Я подал на них в суд. Я проиграл, так ничего и не добившись. Права были на моей стороне, но бесправие — на их (как это обычно и бывает). Книгу свою я опубликовал за границей, а в 2002 году она вышла и в Москве (в дополненном и исправленном виде).

Забавно, что в эпоху перестройки на меня несколько лет не разрешалось ссылаться, а до этого у меня такой проблемы не было. Было даже давление на моих учеников. Их заставляли подписывать письма против меня. К счастью, никто не поддался.

К книге, которую «Высшая школа» отказалась печатать, мои недоброжелатели формально придаться не могли, так как она не была опубликована. Но в 1985 году у меня в издательстве МГУ вышла книга «Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века» — книга о языковых взглядах Тредиаковского и Карамзина, по-моему, самое нейтральное из всего, что я когда-либо написал. Из Отдела науки ЦК КПСС последовал звонок в партком МГУ, и было сказано, что в МГУ вышла книга с идеологическими ошибками. Из парткома поступил сигнал в издательство МГУ, которое сразу же залихорадило. И меня начали топить. Партком

МГУ был могущественной организацией: он действовал на правах райкома. Он потребовал, чтобы партийное бюро филологического факультета меня обличило, но партбюро отказалось: все-таки что-то уже начало меняться. Тогда было решено провести обсуждение на кафедре истории СССР эпохи феодализма. Хотя причем тут эпоха феодализма, когда книга написана о Карамзине?! Да и историей СССР в книге тоже не пахло. Меня на это обсуждение не пригласили, что, в принципе, противоречило университетским нормам. В конце концов, партком МГУ на основании решения кафедры исторического факультета обвинил меня в идеализме (не вызывая меня, т.к. я не был членом партии). Я расценил это как комплимент. Все это происходило в самый разгар перестройки. Дело могло кончиться увольнением, но меня не уволили. Много раз мне приходилось вспоминать эпиграмму Курочкина: «Свежим воздухом дыши / Без особенных претензий. / Если глуп, так не пиши, / А особенно рецензий».

С.Э. Расскажите о Лотмане. У него очень интересная научная биография, он начинал как традиционный филолог, а в итоге стал ведущим специалистом в области семиотики. Он практически переродился, посвятив себя совершенно новой области знания.

Б.У. Юрий Михайлович всегда мыслил очень широко. Занимаясь частными проблемами, он никогда не упускал из виду общих. В отличие от нас (москвичей), где было постоянное общение людей, инте-

ресующихся формализмом, структуриализмом, семиотикой, он пришел к семиотике совершенно самостоятельно, своим путем. Мы, москвичи, были по своему образованию и по основным своим интересам лингвистами: мы пришли к семиотике от лингвистики. Для сравнения: американские ученые пришли к ней от логики, и это совсем другая семиотика. Между тем Юрий Михайлович был литературоведом. Его интересовали структура и организация художественного текста, проблемы формы. И это не удивительно, поскольку он был учеником Гукковского, слушал лекции Томашевского, Проппа. В Ленинградском университете было блестящее литературоведение до тех пор, пока не началась кампания борьбы с космополитизмом. Он был последним представителем этой замечательной традиции. Общение с ним было исключительно плодотворно: наши научные интересы дополняли друг друга, создавая своего рода резонанс. Так выковалось то целое, которое принято понимать теперь под «московско-тартуской школой». На эту тему сейчас пишется много работ, как правило, совершенно беспомощных.

С.Э. Владимир Яковлевич Пропп был известен в Вашей среде, когда Вы учились в университете в аспирантуре?

Б.У. «Морфология волшебной сказки» стояла у меня на книжной полке еще в школьные годы. Об этой книге всегда говорили как о классической. Думаю, что ее в основном знали студенты-филологи, а также математики, у которых всегда были

интересы в гуманитарной области (я говорю о студентах Московского университета; в провинциальных университетах и в технических институтах дело, возможно, обстояло иначе). Когда Леви-Стросс заново открыл эту книгу (кажется, на нее указал ему Р.О. Якобсон), книга Проппа получила большую известность на Западе — много лет спустя после того, как она была опубликована в России. У меня было ощущение американского туземца, страну которого открыл Колумб и которому было невдомек, что страна его вообще нуждалась в открытии.

С.Э. Вам довелось встречаться с Михаилом Михайловичем Бахтиным?

Б.У. Да, мы были хорошо знакомы. Правда, будучи студентом, я о нем ничего не знал. Когда вышла его работа «Проблемы поэтики Достоевского», я ее прочел. Она произвела на меня сильное впечатление.

Когда в 1962 году вышел сборник тезисов симпозиума, о котором я говорил выше, несколько человек, в том числе Бахтин, захотели со мной познакомиться. Я поехал в Малеевку, где он с Еленой Александровной всегда отдыхали летом. Я нашел их на тенистой аллее, он читал Евангелие. После этого мы встречались неоднократно — как в Малеевке, так и в Москве, куда он в конце концов переехал. Я навещал его, когда он лежал в Кремлевской больнице, затем в доме инвалидов (Елена Александровна была еще жива). Потом ему дали возможность купить однокомнатную квартиру в кооперативном

писательском доме на Красноармейской улице, и он оказался моим соседом (я жил на Часовой улице). Говорили, что московскую прописку и возможность купить квартиру он получил благодаря протекции дочери Андропова, которая была студенткой семинара Владимира Николаевича Турбина.

Когда Елена Александровна, жена Михаила Михайловича, была жива, он был более активен. Она с ним постоянно разговаривала, подзуживала его. А без нее он замкнулся. Она была эмоциональна, типичная южанка по виду. Я его спрашивал о Валентине Николаевиче Волошинове. На меня в свое время большое впечатление оказала книга «Марксизм и философия языка», вышедшая под именем Волошинова.

С.Э. Говорят, что вроде бы Бахтин написал эту книгу.

Б.У. Так говорили, и я спросил его об этом. Он уклонился от ответа, ведь на книге значится имя Волошинова, что об этом рассуждать. И вообще, добавил он, я не мог написать книгу под таким названием. «Ну как же, Мишенька, — воскликнула Елена Александровна, — разве ты не помнишь, как диктовал мне главы этой книги?» У меня создалось впечатление, что книга была написана в соавторстве — Волошинов в этом тоже участвовал. Это было коллективное творчество.

С.Э. Расскажите об атмосфере, которая царил в советское время в среде ученых. Были люди, в обязанности которых входило осуществление надзора над теми, кто

всерьез занимался гуманитарной наукой, и они писали доносы?

Б.У. Я на карьеру не претендовал, а они претендовали. Преподавать я мог совершенно свободно. Конечно, надзор был, и доносы писали.

Помню, когда вышла книга «Поэтика композиции (Структура художественного текста и типология композиционной формы)», в ВАК поступили доносы, что я всех обманул: будучи литературоведом, защитил диссертацию по лингвистике, чтобы стать доктором филологических наук.

С.Э. В 1960-х годах многие представители интеллигенции считали, что Сталин — плохой, а Ленин — хороший. А Вы и Ваши друзья, например Лотман, придерживались этой точки зрения? Или уже тогда считали, что в сущности Ленин такой же, как Сталин, палач и убийца?

Б.У. Это навязанное видение. Никакой идеализации Ленина не было. На мой взгляд, Ленин был неудачником. Он еще до революции поставил перед собой задачу мировой революции и с этим не справился. Но Сталин отказался от идеи мировой революции, упразднил Коминтерн и, в сущности, оказался национал-социалистом. В этом смысле Ленин был, может быть, честнее. Но тоже не подарок. Не приведи, Господь, таких теоретиков...

Ленина обвиняют, что он приехал в запломбированном вагоне. А почему бы ему не приехать в запломбированном вагоне, раз он хотел

мировой революции? Я не расцениваю это как измену Родине, поскольку у него и Родины вовсе не было.

С.Э. После 1991 года у Вас, наверное, вышло больше книг, чем до этого.

Б.У. Конечно, поскольку в советское время книги было очень трудно издавать.

С.Э. Каковы Ваши творческие планы?

Творческие планы мои мне самому не вполне ясны, и они связаны с довольно специальными темами. Я хотел бы написать небольшую работу

о книжном произношении фиты на Руси и статью о винительном неодушевленном в русском языке нового времени. Мне бы хотелось также опубликовать мою диссертацию «Книжное произношение в России», но это большая и кропотливая работа. Может быть, я займусь подготовкой собрания своих сочинений. Мои «Избранные труды» (трехтомник) вышли двадцать лет назад, и с тех пор у меня появилось много работ на разные темы, вышедших в разных изданиях, подчас трудно доступных. Было бы хорошо собрать их вместе.

С.Э. Борис Андреевич, благодарю Вас за интересное интервью.

"I HAD A TROIKA ON THE HISTORY OF THE CPSU.
BUT THEY DID TAKE ME TO GRADUATE SCHOOL".
Interview with B. A. Uspensky

Uspensky Boris A. — doctor of philology, professor, head of the laboratory of linguistic and semiotic research, HSE (Moscow)

Key words: linguistics, semiotics, the history of the Russian language, Lotman, Bakhtin

Outstanding linguist and semiotic Boris Uspenskiy remembers the main steps of his life and intellectual career.

«НЕ БЫВАЕТ МИФОВ ПРАВИЛЬНЫХ И НЕПРАВИЛЬНЫХ, НО БЫВАЮТ МИФЫ ПРОДУКТИВНЫЕ, А БЫВАЮТ — ЗЛОВРЕДНЫЕ»

Интервью с А. Л. Зориным

Ключевые слова: миф, публичная история, историческая политика, историческая память.

Историк русской культуры Андрей Зорин размышляет о социальной роли исторических мифов, о публичной истории, исторической политике и исторической памяти.

Среди важнейших работ:

• *Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века.* М.: НЛО, 2001 (2-е изд.: 2004)

• *Где сидит фазан...: очерки последних лет.* — М.: НЛО, 2003.

• *Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX в. М., НЛО, 2016.*

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Давайте поговорим о Вашей научной биографии. Почему Вы не пошли по стопам отца — знаменитого драматурга, а выбрали научную карьеру?

А. З. Моя мать была театроведом, историком театра. И что такое гуманитарная наука, я понимал с ранних лет. Естественно, я оглядывался и на отца — у меня была с детства мысль стать писателем.

Как большая часть интеллигентных молодых людей, я что-то сочинял, писал стихи, рассказы. Но довольно быстро понял, что мои интересы лежат все же в области гуманитарной науки. Филология привлекала меня, потому что была близка моим литературным мечтам и интересам, а главное, потому что она не была заидеологизирована в той же степени, что история. Кроме того, на истфак было сложно поступить, так как требовалась рекомендация райкома комсомола или что-то в этом роде. Тогда всюду плохо брали школьников. Приоритет был у тех, кто пришел после армии. Некоторое время

© Историческая Экспертиза, 2018

Зорин Андрей Леопидович — доктор филологических наук, профессор Оксфордского университета и МВШСЭН (Москва); andrei.zorin@mod-langs.ox.ac.uk

после поступления я еще считал, что буду заниматься литературой. Время было советское. Все увлекались тем, что советская власть не одобряла. Поэтому многие мои молодые приятели и коллеги были увлечены формализмом. Я сразу почувствовал, что это совсем-совсем не мое. Потому что вопросы поэтики меня никогда особенно не увлекали. Меня интересовало, как живет литературное произведение. Первая моя книжка, «Глагол времен», посвященная Державину, вышла в 1987 году. Тогда, в разгар перестройки, она никого не заинтересовала. Потом я обнаружил, что ее не знают даже люди, профессионально занимающиеся Державиным. Со временем меня все больше стало интересовать, а зачем вообще люди читают и какое это занимает место в их жизни. В 90-е годы я увлекся проблемами роли литературы в формировании идеологических метафор. Этому посвящена моя книга «Кормя двуглавого орла». Меня заинтересовало не только производство идеологических метафор, но и их потребление — как они используются и что они значат для людей, почему люди ради них воюют и т.д. и т.п., но когда я начал это делать, метафоры частной жизни и любовных отношений мне стали интереснее идеологических. Недавно вышедшая книга «Появление героя» посвящена проблемам соотношения литературы с историей и исторической психологией. Я старался показать механизм воздействия литературы на стратегии частной жизни человека.

С.Э. Вы окончили филологический факультет, обе Ваши дис-

сертации также филологические. Но Ваши работы выходят за рамки традиционной филологии, которая занимается преимущественно общением текстов между собой. Человек в ней остается за рамками. Вы же сосредоточены на проблемах воздействия литературы на человеческое поведение. Каковы были Ваши научные источники, кто на Вас повлиял в избрании такого подхода, при котором литература является источником для исторических реконструкций?

А.З. Я не скажу ничего оригинального. Когда я был студентом, увлекался Лотманом — как все мы. Я никогда у него прямо не учился. Я ездил несколько раз в Тарту, ходил на его лекции в Москве. И это главное влияние всей моей молодости. В научном плане, может быть, чуть в меньшей степени, но в человеческом плане довольно сильно на меня оказал влияние Натан Эйдельман — я с ним лично был хорошо знаком. В отличие от Лотмана, он был историком, но он тоже занимался связями литературы с историей. Те же Пушкин и Карамзин — герои исследований и его, и Лотмана. Это была среда, в которой формировались мои научные интересы и подходы. Потом уже, в зрелом возрасте, начались какие-то другие увлечения. В середине 90-х годов я познакомился с исследованиями современного американского историка Роберта Дарнтон, специалиста по Великой Французской революции. Его работы и общение с ним вывели меня на труды великого антрополога Клиффорда Гирца. Дарнтон вел с ним совместный

семинар в Принстоне. Мое знакомство с Гирцем было запоздалым, по крайней мере на двадцать лет. Во многом он двигался в том же направлении, что и Лотман, но он не был столь сильно заражен сциентизмом. Лотман ориентировался на жесткие бинарные структуры Леви-Стросса. Гирц же формулировал свою семиотику в полемике с Леви-Строссом, по поводу методологии которого он высказался так: «Леви-Стросса интересует Человек, поэтому люди ему безразличны». Я подумал, что меня тоже интересуют люди, а не Человек.

С.Э. Историческая наука, как и любая наука, занимается поиском истины и безразлична к тому, кто ее изучает — русский или американец, либерал или консерватор. В то же время все большее общественное значение приобретают представления об истории неисториков, получившие название «память». Наивные представления о том, что она передается в устных рассказах из поколения в поколение, не соответствуют реальности современной коллективной памяти. Мы знаем, что массовые представления об истории формируются, прежде всего, государством через школу и СМИ. Это направление пропаганды получило название «историческая политика». А с недавних пор появилось новое направление, называющееся «публичной историей», когда на коллективную память пытаются воздействовать ученые. Этим активно занимаетесь и Вы, ведете в Шанинке спецкурс. Публичная история возникла на Западе. Как Вы считаете, есть ли у наших ис-

ториков шансы воздействовать на общественные представления о прошлом так, как это происходит в других странах?

А.З. Это действительно большая тема. В заключении к книге «Появление героя» я цитирую того же Гирца. Он говорит, что мы смотрим на прошлое исходя из того, где мы находимся в современном мире, кем мы являемся и кем сумели стать. В этом положении вещей, по мнению Гирца, нет ничего фатального ни для истины, ни для справедливости. Просто это так, и нет смысла притворяться, что дело обстоит иначе.

Мы ограничены своими взглядами, и истина никому из нас не дана. Но если нет импульса узнать, по знаменитой формуле Ранке, как это действительно было, если нет желания — при всех этих оговорках — установить истину, я не знаю, зачем вообще изучать историю. Тогда для меня это лишнее занятие всякого внутреннего азарта. В этом смысле историческая память и историческая политика становятся важными областями научного исследования. При этом заметьте: само слово «история» обладает нехарактерной для других наук особенностью. Ни одна другая наука не называется тем же словом, которым называется предмет этой науки. Антропология изучает человека, физика и химия изучают явления неживой природы, филология изучает литературу, язык и т. д. А история изучает историю! Это очень любопытная омонимия, о которой стоит подумать. А в русском языке еще сложнее: «интересную историю

рассказал...». В английском этого нет. «Story» — однокоренное, но все-таки другое слово. Публичная история устроена так же. Эта научная дисциплина изучает, как живет история в публичном пространстве, почему она нужна людям и почему она играет такую огромную роль в их жизни. С другой стороны, и само коллективное воспроизведение исторического события, и его переживание людьми — это тоже публичная история.

Я вспоминаю, когда в Россию приехал Джером де Грут. Говоря об этом направлении в науке, он нам рассказывал, как занимался в Британской библиотеке историей Английской революции, Кромвелем и т. д. Однажды он вышел из библиотеки в теплый майский вечер и обнаружил, что прямо на ступеньках происходит инсценированная битва. Люди в париках и с короткими стрижками, одетые в старинные костюмы, фехтовали, изображая сражение кавалеров и круглоголовых. Он посмотрел на них и подумал: «А чем мой способ узнавать и понимать историю предпочтительнее? Ведь они лучше чувствуют историю, надев на себя костюмы, реконструируя эти битвы». Это продуктивный путь что-нибудь узнать о прошлом. Ты что-то читаешь для участия в этих инсценировках, а потом физически перевоплощаешься. Публичная история всегда живет в этом маятнике между изучением истории и самим этим бытованием в ней и переживанием. Историк-исследователь может не только реализовать свои находки в научной книге, но и сам выйти в пространство публичной истории.

С.Э. Когда зародилась публичная история и когда она получила свое название?

А.З. Название появилось в середине 70-х годов в Америке. Но люди в публичном пространстве всегда говорили про историю, строили памятники, спорили об исторических фактах, устраивали исторические маскарады, делали исторические передачи и т. д. В этом смысле публичная история существует с незапамятных времен. Скорее можно говорить о времени, когда она стала общественным институтом. Это произошло в Америке в годы экономического кризиса. Упал спрос на обучение на исторических факультетах. Университетские историки искали, чем можно занять выпускников помимо традиционных академических направлений. У музеев, экскурсионных и туристических бюро возникла идея активнее привлекать выпускников исторических кафедр. Сегодня это направление хорошо институционализировано. Есть учебные программы, кафедры, специализированные издания, проходят конгрессы. С одной стороны, публичная история понимается как изучение памяти, а с другой стороны — как воздействие на нее. Человек, закончивший исторический факультет, должен быть готов руководить костюмированными боями. В жизни ему это делать, может быть, и не придется, но задача в том, чтобы дать ему такое образование, которое даст возможность составления музейных экспозиций, туристических программ по историческим местам и т. д.

С.Э. А как осуществляется эта программа в Шанинке?

А.З. На мой взгляд, неплохо. Уже было три выпуска. Пока проблема в том, что мало студентов. Москва переполнена историческими магистратурами с бюджетными местами. И хотя программа у нас недорогая, студентов пока немного. С другой стороны, у нас есть возможность очень индивидуально, тщательно подходить к подбору преподаваемых курсов. Программу можно пройти и за год, но у многих работающих людей это занимает два года. Шанинка выдает диплом магистра Манчестерского университета. Выпускники учатся в превосходных аспирантурах по всему миру. Это и Оксфорд, и Свободный университет в Берлине, не только ВШЭ и РАНХиГС. Планируется создание российской магистратуры с выдачей российского магистрантского диплома. Многие устроились журналистами в престижных изданиях. У нас пока нет очереди абитуриентов, но есть результат.

С.Э. А «массовиками-затейниками», т.е. реконструкторами никто из выпускников не работает?

А.З. Я не могу сказать уверенно. Мы не отслеживаем карьеры всех своих выпускников. Кто-то из них в поле моего зрения. Нужно учесть, что у многих уже есть работа, они идут учиться, чтобы повысить свою квалификацию. Некоторые при этом и не собираются расставаться со своей основной профессией. Поступают и совсем немолодые люди, которым это просто интересно.

С.Э. Когда мы говорим об исторической памяти, мы отмечаем, что это миф. Люди живут мифами,

но история эти мифы разрушает. А когда публичная история начинает выходить в массы, не получается ли, что она тоже создает мифы?

А.З. Конечно, это так. Но мне кажется, когда профессиональный историк работает в этой зоне, он, во-первых, может научить аудиторию отличать факты от интерпретации, которая является вещью в значительной степени произвольной. Факт можно интерпретировать по-разному. Но это не отменяет уважение к факту. Например, если человек любит Ивана Грозного, он все равно не может не признать, что тот убил своего сына. Нельзя говорить, что этого никогда не было. Можно обратиться к шахматным правилам, где бессмысленно задаваться вопросом: «Почему конь ходит так?» Он ходит так, потому что таковы правила игры, а если тебе не нравится — придумывай другую игру и играй в нее... Кроме того, есть следующий очень важный момент: не бывает мифов правильных и неправильных, но бывают мифы продуктивные, а бывают — зловерные.

С.Э. Вот миф о 28 панфиловцах. Мединский говорит, что не имеет значения — был этот бой у разъезда Дубосеково, или его не было. Его аргумент — немцы к Москве не прошли, значит какие-то солдаты своими телами остановили вражеские танки. А панфиловцы, по его словам, это просто символ, в котором выражается наш героизм под Москвой. Он и не отрицает, что это миф. Почему мы его считаем непродуктивным?

А.З. Во время войны он был продуктивен и работал. Но сейчас мы видим, что он склеен плохо, потому что за этим стоят реальные люди. Например, на основании мифа о 28 панфиловцах долго не признавали тех из них, кто остался в живых. Потому что эти люди, согласно мифу, погибли. Как живым им не было вообще места в публичном пространстве. Эта мифология вытеснила реальных живых людей. *Проблема возникает не тогда, когда Мединский говорит: «А я пойду и возложу цветы к монументу 28 панфиловцев», а тогда, когда человек, облеченный государственной властью, заявляет, что всякий, кто не разделяет его интерпретацию, является врагом русского народа.* Можно сказать, что этот миф был продуктивен, поскольку возбуждал ненависть к реальному внешнему врагу. Сегодня он становится зловердным, поскольку раскалывает общество и возбуждает ненависть одной части наших сограждан по отношению к другим. Я лично знал В. Кардина, который одним из первых поставил под сомнение миф о 28 панфиловцах. И вот этого фронтовика, человека, раненого на войне, взбесившийся министр объявляет конченной мразью. Кардина уже нет в живых, но именно такова логика тех, кто требует принимать мифы на веру.

С.Э. Продуктивные мифы должны все-таки основываться на фактах, которые можно интерпретировать, но не отменять и не замалчивать, не перевирать. Это так?

А.З. Мне кажется, миф, не видящий факта, в конце концов оказывается

несостоятельным. Мы это видели на примере так называемого Дня народного единства 4 ноября. Что-то такое было в тот день 1612 года в Москве на самом деле...

С.Э. Было, но не 4-го.

А.З. Действительно, было 1-го. Я думаю, людей сознательно ввели в заблуждение, чтобы приблизить дату к 7 ноября. Но это совсем неважно для мифа. Ну неправильно определили дату! Проблема в другом. *Задумывались ли люди, придумавшие этот праздник как замену нежелательной для власти годовщине Октябрьской революции, что они хотят праздновать день, когда самоорганизовавшееся ополчение выбило из Кремля засевишную там власть?* Поскольку само событие обладает собственной символической емкостью, оно было мгновенно схвачено радикальными националистами. И если государство даже захочет отменить этот праздник — это уже невозможно сделать. Поскольку он уже реализован. Государство подарило крайне правому национализму, который находится в оппозиции нынешней власти, замечательный праздник. Думаю, что государственные мужи хотели чего-то другого. Но получилось то, что получилось, именно потому, что существуют факты. Можно изменять интерпретацию, можно перевести акцент с бояр из древних родов, присягнувших Владиславу, на поляков-врагов и т.д. Можно что-то еще «подрихтовать». Но остается фактическая сторона, и мифология лояльности по отношению к власти в данном случае не работает. А работает миф националистической оппозиции власти.

С.Э. Получается, что в мифе, который не основан на фактах, легко разувериться?

А.З. В нем легко разувериться, потому что находится кто-то, кто предложит более сильную интерпретацию. Всегда найдется кто-то, кто сможет миф переработать. Лучше держаться более строгих правил игры с фактами.

С.Э. В связи с этим возникает такой вопрос: а какой исторический миф может быть продуктивным для современной России? И не только для России, а вообще для человечества?

А.З. Трудно сказать... Если бы я знал, какой миф может оказаться продуктивным для человечества, я бы сидел не здесь, а в каком-то другом месте. Кроме того, мне нравится сама формула Фридриха Шлегеля про «пророка, предсказывающего назад». Я о будущем стараюсь говорить с осторожностью, потому что мы ничего о нем не знаем — что будет и что окажется продуктивным. Здесь, скорее, интереснее говорить о том, что соответствует каким-то твоим собственным ценностям. Русские либералы все время ищут какие-то близкие им мифологические прообразы в нашем прошлом. Но с Февральской революцией совсем плохо. Очень трудно отграничить ее от большевистского переворота. Из Новгородской республики, Русского севера мифа тоже не вышло. Мне, например, жалко, что не получилось большого национального мифа из Ельцина на танке. Я не потерял еще надежду! Я бы хотел жить в стране, главным героическим ми-

фом которой является Борис Николаевич Ельцин, стоящий на танке 19 августа. Это был бы исторический факт — мы его видели.

С.Э. Но этот факт пародийный: Ленин на броневике, Ельцин на танке. Это бы сразу все заметили.

А.З. И хорошо! Образ Ленина на броневике был усвоен, это интересное переосмысление. Ленину привезли броневик революционные солдаты. А тут ГКЧП ввел танки в Москву. Ельцин, встав на танк, символически победил ГКЧП. Это была яркая символическая победа стихийно организующихся людей над бесчувственной железкой и идеей грубой силы и принуждения. Это мог бы быть красивый миф и красивый образ.

С.Э. Еще рано. Может быть — не время. Если мы вспомним время, когда Христа распяли — это было рядовое событие, не отмеченное в исторических источниках. И только лет через 30–40 появляются первые евангелия.

А.З. Замечательный современный поэт Алексей Цветков начал писать роман, фрагмент из которого опубликован. Это большая история жизни римского legionera, участвовавшего в казни Христа. И весь фокус состоял в том, что он не обратил на это никакого внимания — мало ли кого казнят!

С.Э. Если говорить о русской мифологии, то влиятельный для русской интеллигенции декабристский миф возник благодаря гению

Герцена. Толстой не случайно считал его лучшим стилистом русской литературы. А вот если бы нашлся такой Герцен после «затейки» верховников? Это же был бы большой шаг вперед. В 1730 году Россия две недели жила при ограниченной монархии. Возникли какие-то основы конституции. Но не нашлось никакого Герцена!

А.З. Декабристские конституции были более серьезными, чем олигархический переворот 1730 года. Верховники провалились, потому что дворянские «массы» их не поддержали. Но, конечно, можно было сотворить что-то в смысле герценовских декабристов. Возможности мифологических интерпретаций широки. Я не помню, кто из историков удивлялся мифологии Французской революции, которая воздвигла памятник ростовщичу и миллионеру Бруту, убитшему вождю демократии Цезаря.

С.Э. То есть либерального образца русской истории, который мог бы работать сегодня, Вы пока не видите?

А.З. Мне трудно сказать, что могло бы выстрелить. Есть интересные для меня фигуры: Сперанский, Карамзин. Интересна история их взаимоотношений начиная с конфликта в 1811 году, когда Карамзиным манипулировали враги Сперанского, и заканчивая очень уважительными и сердечными отношениями в 1820-е годы. Ранний Карамзин, который присваивает Европу не как неофит, а, напротив, готов дружески и на равных рассказывать о Европе самим европейцам, — очень важен для нашей культуры. Но оба они в любом случае были людьми близкими к трону, а либеральный образец истории — это частный человек.

С.Э. Я помню вашу замечательную статью — Вы писали, что когда после 68 года декабристский миф «забуксовал», то Лотман, Вацуро, Эйдельман сотворили карамзинский образец для интеллигенции: не надо выходить на площадь, а надо заниматься наукой.

А.З. Да, с их точки зрения главным подвигом было писать историю.

“THERE ARE NO RIGHT OR WRONG MYTHS, BUT THERE ARE PRODUCTIVE MYTHS, AND THERE ARE EVIL MYTHS”.

Interview with A. L. Zorin

Zorin Andrey L. — doctor of philological sciences, professor of the University of Oxford and MSSS (Moscow)

Key words: myth, public history, historical politics, historical memory.

The historian of Russian culture Andrei Zorin reflects on the social role of historical myths, about public history, historical politics and historical memory.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски – 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту – постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>